

3

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

RUSSKOJE PROSHLOJE **3**

РУССКОЕ
ПРОШЛОЕ

ПАРИЖСКИЙ ВЫПУСК
АРХИВЫ ЭМИГРАЦИИ

1992

1992

Учредитель — трудовой коллектив филиала "Свелен"
совместного предприятия "Свенас"

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В.Г.БОРТНЕВСКИЙ (*главный редактор*)

А.В.СМОЛИН

У.Д.ЧЕЙЗ

В.Ю.ЧЕРНЯЕВ

И.В.КАРАСЕВ (*ответственный секретарь*)

Официальным зарубежным представителем альманаха "Русское прошлое" является Центр русских и восточноевропейских исследований Питсбургского университета: Center for Russian and East European studies University of Pittsburgh, Pittsburgh, PA, 15260, USA.

*Адрес редакции: 194156, Санкт-Петербург,
ул. Сердобольская, д.1, СП "Свелен".
Телефон — (812)-242-27-31,
телефакс — (812)-242-13-85,
телекс — 121340 Medin*

Этот номер полностью состоит из документов, представленных Обществом ревнителей русской истории (Париж) под общей редакцией Н.Рутыча.

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

Книга 3

1992

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
<i>А.А.Столыпин</i> . Записки драгунского офицера. 1917-1920 гг.....	6
<i>Н.В.Савич</i> . Из Красного Петрограда на Белый Юг (воспоминания бывшего депутата Государственной думы)	105
<i>П.С.Махров</i> . В штабе генерала Деникина	140
<i>П.В.Колтышев</i> . На страже русской чести (Париж, 1940-1941 гг.)	167
<i>Яское совещание 1918 г.</i> (журналы заседаний Русской делегации)	225
Аннотированный указатель имен	349
Сведения о публикаторах.....	388
Аннотация содержания на английском и французском языках	389

Обложка художника *И.Д.Висоцука*

© "Русское прошлое". 1992

Издательства и редакции средств массовой информации, желающие полностью или частично перепечатать какие-либо материалы "Русского прошлого", должны предварительно сообщить о своих намерениях редакции альманаха.

От редакции

Этот номер историко-документального альманаха “Русское прошлое” полностью состоит из материалов, предоставленных нам Обществом ревнителей русской истории, которое было образовано в январе 1986 г. в Париже с целью собирания, изучения и публикации разнообразных документов об историческом прошлом нашего Отечества. В Общество входят как эмигранты, так и французские граждане русского происхождения. Оно располагает богатейшим архивом уникальных материалов многочисленных частных эмигрантских собраний, которые могут достойно конкурировать со знаменитыми коллекциями бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге, Бахметьевского архива Колумбийского университета, Архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета.

В апреле — мае 1991 г. в Париже были проведены переговоры между главным редактором Общества ревнителей русской истории Н. Рутычем (Н.Н. Рутченко) и главным редактором “Русского прошлого” В.Г. Бортневским, в ходе которых констатировалось наличие единых принципов выявления исторических источников, их публикации и использования в деле возрождения исторического сознания, восстановления правды о прошлом Отечества. Были приняты решения о взаимном представительстве интересов (соответственно во Франции — Западной Европе и в России — СССР) и о постоянном участии Общества ревнителей русской истории в издании альманаха “Русское прошлое”.

Материалы этого номера могут дать читателям определенное представление о богатстве архива Общества ревнителей русской истории, документальные собрания которого, кстати, постоянно пополняются. При публикации старая орфография была заменена на современную, опiski и грамматические ошибки исправлены. Названия документов принадлежат публикаторам. Слова, выделенные в рукописи, даны вразрядку.

Общая редакция парижского выпуска “Русского прошлого” осуществлена Н. Рутычем (Н.Н. Рутченко), им же написаны предисловия ко всем публикуемым материалам. Подготовка текста проведена В.Г. Бортневским и И.В. Карасевым. Комментарии написаны В.Г. Бортневским (к “Запискам” А.А. Столыпина за 1917 — 1918 гг. — И.Л. Архиповым). Аннотированный указатель имен подготовлен И.Л. Архиповым, В.Г. Бортневским и Н. Рутычем.

А.А.СТОЛЫПИН

Записки драгунского офицера (1917-1920 гг.)

В конце 1983 г., будучи еще редактором журнала "Грани", я получил от Аркадия Петровича Столыпина, сына Петра Аркадьевича, манускрипт его двоюродного брата Аркадия Александровича Столыпина, в прошлом штаб-ротмистра 17-го драгунского Нижегородского Его Императорского Величества полка, входившего в состав прославленной Кавказской кавалерийской дивизии.

Первая, большая, часть манускрипта состоит из дневниковых записей, относящихся ко времени боевых действий Нижегородского драгунского полка на Кавказском фронте с конца 1915-го по начало 1917 г., а затем, после переброски полка на Западный фронт, — к событиям в армии в 1917 г. Особый интерес представляют записи о подавлении бунта Калужского гарнизона в конце октября 1917 г., т.е. тогда, когда московские юнкера, захватив Кремль, ожидали помощи от посланных Ставкой верных Временному правительству частей с фронта.

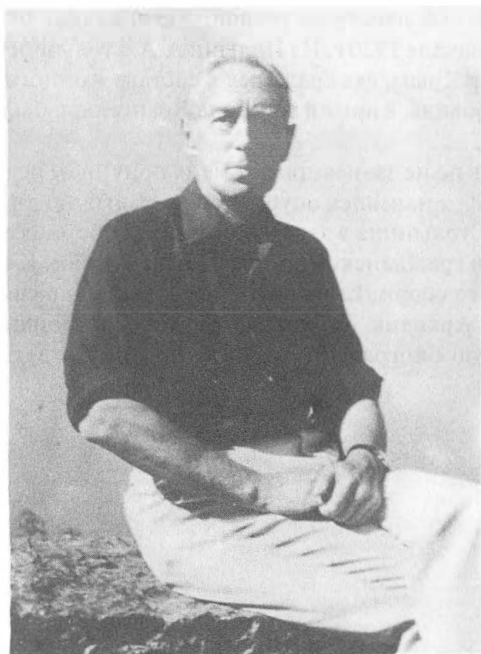
Дневниковые записи заканчиваются периодом турецкой оккупации города Батума, около которого на даче жила семья Аркадия Александровича. Насколько нам известно, об этой оккупации, имевшей место после подписания Брест-Литовского мира, почти ничего до сих пор не опубликовано.

Вторая, меньшая, часть манускрипта, публикуемая нами целиком, состоит из воспоминаний об участии в Добровольческой армии в составе Свободного полка Кавказской кавалерийской дивизии, боевой путь которого начался с Ак-Манайских позиций

на Керченском полуострове весной 1919 г. и закончился отходом в Польшу в начале 1920 г. Из Польши А.А.Столыпин сумел снова пробраться в Крым, где сражался в составе Конного корпуса генерала Барбовича, в армии генерала Врангеля, и был тяжело ранен.

Покинув по не зависящим от меня причинам редакцию журнала "Грани", я надеялся опубликовать частично дневники и записки А.А.Столыпина в задуманном тогда сборнике, посвященном истории гражданской войны на Юге России. К сожалению, издание этого сборника не состоялось. Однако в связи с этим я обратился к Аркадию Александровичу с просьбой прислать мне свою краткую биографию и вскоре получил ответ, который и прилагаю.

Н.Рутыч

А.А.Столыпин. 1962 г.

26 января 84.

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Получил Ваше любезное письмо и, разумеется, согласен на печатание частей моего военного дневника.

Прошу Вас все подробности обсуждать с моим двоюродным братом, который в этом вопросе мой alter ego*

Он мне написал, что Вам нужна моя краткая биография, которую я и прилагаю к этому письму.

Еще раз благодарю Вас за Ваше интересное письмо.

Искренне Ваш

А.Столыпин.

*

"Другое я". — Ред.

АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СТОЛЫПИН

(краткая биография, написанная его рукой)

“Рожден в Москве 7 окт. (нов. стиль) 1894 г. Кончил в С.П.Б. 6-ю гимназию и ускоренные курсы Пажеского корпуса¹. Произведен в прапорщики 1 июня 1915 г. Принят в 17-й драгунский Нижегородский Е.И.В. полк. Запасный полк в г. Армавире. Прибыл в полк на Турецкий фронт осенью 1915 г. Вскоре полк переведен на Австрийский фронт, но снова переброшен на восток (в Экспедиционный корпус ген. Баратова). 1 января 1916 г. двинут на Багдад. В начале 1917 г. полк на отдыхе на Кавказе. После революции двинут на Западный фронт.

Я покинул полк и вернулся в конце 1917 г. в г. Батум. В Добровольческую армию ген. Деникина прибыл весной 1919 г. в г. Керчь. Ранен. Из Керчи Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии двинут в направлении на Киев. Вторично ранен. Полк интернирован (армия ген. Бредова) поляками в Силезии. Бежал из лагеря в Сербию, откуда прибыл в Крым и зачислен в армию ген. Врангеля. В бою против кавалерии Буденного тяжело ранен около Перекопа и эвакуирован в Севастополь и дальше в Константинополь. Кончил службу в чине ротмистра.

В Югославии служил в Белграде в посольстве США. После оккупации арестован и сидел в лагере гестапо полгода. В конце 1944 г. перебрался в Австрию. В 1945 г. переехал в Швейцарию, где возобновил службу в посольстве США. Подал в отставку в 1957 г. и в настоящее время живу в Монтре”.

Аркадий Александрович Столыпин скончался 8 сентября 1990 г. и похоронен на кладбище Глион близ Монтре в Швейцарии. Выполняя волю покойного, мы наконец публикуем его записки.

Н.Рутыч

А.А.Стедьин. Приблизительно 1917–1921 гг

1917 год

[с.] Мариенфельд*. 11 марта 1917 г.

Переворот — уже дело прошлое. Он “бескровный”, и обнаружена измена, теперь “конец влияния темных сил” и победа будет наша. Темные силы — это, вероятно, “мы”.

Трудно теперь быть офицером, толпа возбуждена и легко навальется на неприятности. Чувство, что драгуны постепенно от нас отходят и теряют доверие, а про тыловую сволочь я уже и не говорю — та открыто смотрит в глаза с наглой ненавистью.

Государь отрекся, исчез Пажеский корпус, расформированы Александровский лицей² и Училище правоведения³, уничтожена гвардия, и после 216 лет боевой службы скончался Инжегородский полк⁴.

Завтра снимут с погон царские вензеля на радость длинноволосым хамам с наглыми глазами и заученными фразами. Последний лозунг — “Война до победного конца!”, и, вероятно, для этого — “Долой дисциплину!”.

Да и хотят ли “они” взаправду выиграть войну? Или среди “них” два течения — одно еще как-то поневоле приемлемое, а другое — обещающее усиление развала и хаоса?

[с.] Мариенфельд. 15 марта 1917 г.

12 марта полк снял вензеля Государя со своих погон и присягнул Временному правительству. Говорят, что Государь последние дни перед отречением носил нашу форму. Нет, большие эскадрона Е.В., про который поется: “В нем Шеф Государственный занесен в ряды лихих...”. Мы с грустью сняли красивые погоны эскадрона Его Величества (первый эскадрон) с их д в о й н ы м и вензелями, т.е. шитые золотом, как в других эскадронах, а сверху еще кованые золотые металлические вензеля. Я вензеля не снял — не хватило духа, я буду временно носить защитные погоны, свои же старые буду бережно хранить.

Сколько мы пережили за эти дни! За день до моего отъезда в Тифлис ужинали мы в офицерском собрании. Не забыть этого вечера в огромной, мрачной комнате. В окно глядела темная ночь, по углам стола мерцали красноватые языки свечей, которые не в силах были разогнать тени под

*

По-грузински Саргачалы.

высоким потолком. В этом полумраке лица казались еще мрачнее.

Разговоры взволнованным шепотом на ухо, низко наклонясь друг к другу, чтобы драгуны не подслушали: как себя держать? как быть? Кого слушаться и как с честью выйти из этого положения?

В Тифлисе все и вся в красных флагах и по улицам опасно стало ходить, а в Петрограде убит на улице кн. Абашидзе Северского полка. Был на панихиде по нем в Тифлисе. На улице толпа, звуки "Марсельезы", громовые "ура", все это под яркими лучами весеннего солнца, а рядом, в темном пустом соборе, кучка офицеров и женщины в трауре.

У нас в эскадроне все кипит, ежедневно сходки, разговоры, все это еще терпимо, но кто-то работает против нас — офицеров, подрывает дисциплину, мутит мозги, натравливают молодых драгун против старых — наших усатых, морщинистых ветеранов.

Некоторые сведения дал мне вольноопределяющийся Романовский, тот самый, которому ефрейтор Павлов и я спасли жизнь(!). Он (скотина) выбран делегатом в Комитет Солдатских и Рабочих депутатов в Тифлисе⁵. Так вот, Романовский говорит, что у нас в эскадроне есть человек 4—5 безусловно купленных немцами, которые систематически развращают драгун и настраивают их против офицеров. Конечно, легко все валить на немцев, это теперь в моде, но на самом деле, к т о эти люди? Ищи левее!

Иногда чувствую, что вот-вот по глазам узнаю этих предателей, по манере говорить, но потом два-три слова, улыбка... и снова сомнения.

Перехожу на тяжелое переживание. Были какие-то волнения в Северском полку нашей дивизии. Генерал Копачев — наш старый, коренастый, бородатый "Копач", временно командующий Кавказской кавалерийской дивизией, был внезапно вызван в Северский полк, чтобы выяснить, в чем дело. Почему-то он назначил именно меня своим ординарцем. Его вестовой сказал, чтобы я оделся потеплее: "Ночи теперь холодные, а путь далекий".

Выехали в 6 вечера на огромном 40-сильном мерседесе штаба армии. До Тифлиса все шло гладко, но едва доехали до с. Коды, как отлетело колесо. Дело срочное, и мы немедленно наняли тройку и на ней проехали еще верст 35.

Часа в 3 ночи прибыли мы в расположение нашего 18-го драгунского Северского Короля Христиана IX полка⁶.

Ночь была темная. Вошли мы в комнату командира полка, полковника Эрна, и вид его меня сразу же поразил — словно он постарел.

Пока он и ген. Копачев шепотом говорили в углу, я отошел. Попросил разрешение закурить, сначала ни о чем не думал, а затем рассеянным глазом обошел комнату. Сразу ничего не заметил, а затем стал вглядываться — на стене вроде каких-то выбоин, дырочек... Господи Боже! Да ведь это следы пуль! И не одной, а нескольких... по стенам, по ставням..., под окнами битое стекло...

Дело, значит, было серьезное, но никто точно не мог сказать, как оно началось. Видимо, поручик Дедов, не особо любимый драгунами, что-то сказал, озлобленные солдаты его окружили, грозили. Дедов, припертый к стене, выхватил револьвер и застрелился. Затем пошла стрельба. Не осмелился спросить, почему стреляли в помещении командира полка.

Час был поздний. Штаб-трубач вышел на темное крыльцо и вызвал полк по тревоге.

Долго и убедительно говорил старый Копачев, а я вглядывался при свете фонарей в угрюмые лица солдат, на которых отражалось извечное русское недоверие, непоколебимое, дремучее: "Говори, говори, соколик, правильно говоришь, молодчина ты у нас, а мы все же не тебе станем верить, а любому тифлисскому рабочему, потому что ты сукин сын барин, а он наш, родной, простой, полуграмотный...".

Занялось утро, мы уехали, но все стало как-то по-иному.

[с.] Мариенфельд. 8 апреля 1917 г.

Давно не писал, не пишется и на душе тяжело. Эпизод, вернее трагедия в Северском полку на меня все же подействовала.

Провел короткий отпуск в Батуме на нашей даче в Махинджаури. Узнал, что наши войска в Персии соединились с новой английской армией, которая на этот раз не сдалась позорно туркам, как тогда под Кут-Эль-Амара на Персидском заливе, а одержала победу⁷.

Войска наши и английские соединились около города Ханыкена, который наконец был взят. У меня чувство, что за меня и всех наших отомстили; так обидно было, что мы тогда не забрали Ханыкен. До сих пор стоит перед глазами "Столовая Гора".

В полку перемен особых нет. То, что раньше казалось невозможным, стало теперь привычным; например, обилие красных

знамен в эскадронах с надписями: "Да здравствует свободная Россия!"; "Война до победного конца!". Есть, впрочем, и более ядовитые лозунги, вроде "Земля и воля!". Интересно, что эти знамена сшиты из дорогой материи и надписи иногда вышиты. Кем? На чьи деньги?

В Тифлисе, в гостинице "Ориент", в три часа ночи внезапно был произведен обыск у офицеров. Обыскали и Ягмина, что искали? Может, и этот дневник попадет в чужие руки, вернее лапы. Ну и что же? Пусть читают, мне наплевать.

Наши поляки, например Лозина-Лозинский и Левданский, уже мечтают о будущей Польше с королем, сеймом и своей армией. Насчет короля что-то сомневаюсь.

[с.] Мариенфельд. 15 апреля 1917 г.

Вспоминается пушкинское: "Тиха украинская ночь, прозрачно небо ...чуть трепещут прозрачных тополей листы...". Вспоминается потому, что перед домом ряд тополей, да и ночь вроде украинской, и слышны песни наших украинцев-драгун, все хорошие голоса, и слух безупречный. Но не украинские песни поют они, не старые полковые песни, которые мы слушали среди турецких пустынь, персидских степей и перевалов и среди снегов Западного фронта. Нет — они изволят петь "Марсельезу", да и поют они ее плохо, иногда ошибаются и в словах, и в напеве. Но стараются, как дети, и все стройнее и стройнее звучит нерусский напев.

Поют и какие-то незнакомые мне частушки, а иногда вдруг радостное, знакомое: "Ехал драгун на чужбину далекую...", но звучит виновато, по-воровски.

В собрании пусто, кто в отпуску, кто уехал совсем. Новые лица, много молодых только что произведенных офицеров. Грустно. Где наши бывлые "кейфы?". Шумные, веселые, с трубачами, с молодцами песенниками, когда звучала гитара Пети Дена, пелось грузинское "Мраволжамие"*, в котором мы, русаки, половину грузинских слов не понимали, но которое так легко пелось.

Перебивая друг друга, вспоминали мы разные бои и разведки: "А помнишь?", "А помнишь?".

*

Многолетие.

Молодежь с трепетом сидела на краешке стульев, избегая встречаться робким глазом с грозным взором "старшего корнета!". И время летело весело и незаметно среди споров, песен, смеха и вина. Было пьяно, зелено, молодо. Теперь не то.

Вспоминаются мне еще те времена, когда я был прапорщиком. Командир полка был земным богом и громовержцем. А корнетский староста? Последний, пожалуй, был еще страшнее первого, но притом был справедлив в своем величии.

Где теперь старший корнет Борис Панчулидзе? Где грозный командир полка Ягмин? Старый, затравленный мечется он по штабам, но чувствует, что пришел конец. Не удержаться ему и если мне, молодому, тяжело, то каково ему, прослужившему 32 года!*

Мысли несутся назад со дня производства..., но снова громко прозвучал какой-то революционный напев. Надо закрыть окно, в которое врывается новая, победная, дерзкая песнь. Надо покурить и подумать. А подумать есть над чем.

Кажется, что новые люди сменились теперь еще более новыми, более крикливыми и те, первые "новые люди", сразу стали старыми, отжившими и даже консервативными.

Среди драгун раскол, но ветераны 1914—1916 годов еще держатся, и доверие у меня к ним есть. Главное наше офицерское горе — это прибытие 7-го и 8-го маршевых эскадронов. Это не солдаты — это революционеры! Почти не обучены, плохо одеты. Кто ими занимался?

[с.] Мариенфельд. 2 мая 1917 г.

Недавно приехал новый начальник дивизии, ген. Назаров, казак. На вид моложе своих 42 лет, полон энергии и боевого пыла. Провел у нас два дня, и эти два дня мы "заседали" без прерыва и в разных комбинациях: (1) делегаты отдельно, (2) офицеры отдельно, (3) делегаты с драгунами, (4) делегаты с драгунами и офицерами...

Противно записывать. Единогласно (кроме офицеров) требовали удаления Ягмина за былые "жестокости", полк. Кесарева (пом. комполка по хозяйственной части) за плохое ведение хозяйства, гр. Шамборанта за оскорбление солдатских комитетов и ротм. Омар-Ахмет-Хана Пиралова за грубое обхождение.

*

Примечание 1974 г. Ягмин был убит в Петрограде.

Конечно, без следствия удалить никого нельзя, но Ягмин и Кесарев подали рапорт о болезни и в тот же вечер уехали с начальником дивизии. Шамборант не знает, как быть, — многие драгуны очень к нему привязаны.

Полком будет временно командовать полковник Петр Влад. Ден и лучшего человека, чем наш Петя, трудно найти. Дисциплинарная власть изъята из рук офицеров и передана в особые эскадронные и полковые суды, в состав которых войдут и драгуны, и офицеры, но это пока еще не введено.

Самое большое, что мы, офицеры, можем себе позволить, это выговор в вежливой, конечно, форме, "как между гражданами культурной страны полагается".

Хочется все бросить и уйти, но служить н а д о, ибо что будет, если мы уйдем? Надо оставаться и спасать, что еще можно спасти.

Ден принял полк лишь временно. Кто его заменит? Зураб Натиев? Нико Чавчавадзе? Амашукели?

Зашел в Тифлисе к Ягмину. Жаль старика, хотя особо я его не любил, уж больно он был резок и строг, но я всегда его уважал как хорошего командира полка. Кажется, он был тронут, что я к нему зашел.

Поехал к своим в Батум и взял с собой денщика Ковальчука, которому полезно хоть временно переменить обстановку, т.к. теперь денщиком, т.е. "офицерским холуем", быть нелегко, а драгуны знают, что Ковальчук мне предан.

с. Мариенфельд. 2-е июня 1917 г.

Чудны дела Твои, Господи! Вчера был никем, а сегодня команду эскадроню; правда временно, т.к. Голицын уехал к жене, Ильинский в отпуску, кн. Гагарин в Тифлисе, кн. Макаев переведен во 2-й эскадрон, а Сахновский в командировке. Знаем мы эти командировки — сидит где-нибудь и целуется с невестой.

Пропаганда большевиков в полку пока что успеха особого не имеет, но уже появилось легкое недовольствие Деном, временно командующего полком. Ходят слухи, что в армии предполагается ввести выборное начало для командного состава. Впрочем, в полку еще кое-как отдают честь, т.к. Ден просил сохранить этот "устаревший обычай". "Ведь в полку, — сказал Ден, — мы все-таки немного знакомы между собой?". Здороваемся мы с драгунами тоже по-новому: нет больше

"Здорово, братцы!" или "Здорово, молодцы!", а есть "Здравствуйте, драгуны!".

с. Мариенфельд. 19 июня 1917 г.

Был большой митинг в жаркий, душный день под четырьмя балконами, что опоясывают весь второй этаж офицерского собрания. Митинг был бурный, и речи были резкие и злые.

Зачинщиками были люди 8-го маршевого эскадрона, который был в Армавире под влиянием крайне левых. Программа у них была определенная: долой офицеров и долой Полковой Организационный Комитет. Последний, очевидно, "отстал от событий". Группа их толпилась около большого красного флага, который они привезли с собой из Армавира. Чувствовалась явная оппозиция старым драгунам и офицерам.

Новый "герой дня" писарь Крастилевский (я всегда терпеть не мог писарей) обвинил комитет в незаконных деяниях, а кн. Шалву Вачнадзе, кн. И.Капланова и принца Ибрагима Каджара — в оскорблении красного флага и революции вообще.

Спас положение милейший доктор Лебедев, сумевший перевести дело на хозяйственные вопросы и поставивший Крастилевского, а с ним и весь 8-й маршевый в довольно глупое положение. Когда страсти несколько улеглись, 8-й маршевый решил покинуть полк, который "их не понял". Это совпало с приказом Керенского о формировании "железных батальонов", которые некоторые из более простых драгун путали с железнодорожными батальонами. Создавались и "штурмовые колонны". То, что запись в эти части дает право нашивать на погон (или рукав) Владимирскую ленточку, очень понравилось солдатам, и на эту удочку попался и 8-й маршевый. Гора с плеч свалилась с уходом этих архаровцев⁸. Заодно пришлось составить телеграмму ген. Брусилову и (для саморекламы) в столичные газеты.

"Ставка. Верховному Главнокомандующему генералу Брусилову. Нижегородский драгунский полк, прочитав Приказ Верховного Главнокомандующего о батальонах смерти, заявляет во всеуслышание: 216 лет полк живет и несет боевую службу, исповедуя один принцип — в наступлении залог победы. Ныне в тяжелую минуту приближающейся анархии, когда внешний враг угрожает, справившись сначала с нашими верными союзниками, обрушиться всеми силами на нас, и когда спасение Родины зависит от немедленного мощного наступления на всех фронтах, признавая, что только воля боевого начальника может указать направление каждой части в предстоящем наступлении, и услы-

шав зов Главнокомандующего, обращенный к целым войсковым частям в полном составе, — нижегородцы, как всегда были готовы, так готовы и теперь по первому зову своего Верховного Главнокомандующего всем полком, одушевленные единым духом, выступить туда, куда повелит воля Главнокомандующего, на фронт, на защиту свободы и независимости, чести и достоинства Русской земли и чести родного полка.

Офицеры и драгуны 17-го драгунского Нижегородского полка". Телеграмма составлена полковым комитетом, обработана и отшлифована Исаевым (отцом) и напечатана в нашей ново-рожденной полковой газете "Кавказский драгун" — детище полкового комитета. Печатается она на машинке и притом весьма прилично; статьи принимаются от офицеров и драгун.

Пока вышло пять номеров "Кавказского драгуна", и газета оказалась занимательной, т.к. драгуны пишут откровеннее, чем говорят. Но по-настоящему грамотных у нас в полку мало, а издавать газету — дело хорошее, если только уметь ее читать. Поэтому комитет решил обучать солдат грамоте.

Сказано — сделано. Накупили уйму "литературы", увл, довольно левой, левее эсэров, если это возможно. Записалось народу видимо-невидимо, по-моему, в нашем только эскадроне человек 38—40. В первый день явилось человек 10, на второй — человек 5, на третий — двое, на четвертый — никого. Я хотел было отказаться от давания уроков, но решил сначала их укорять. И помогло! Первое время явилось 8 драгун, затем 2, а сегодня один. Я этому скорее рад, т.к. не меня будут теперь обвинять в саботаже.

с. Мариенфельд [дата не указана. — *Ред.*].

Голицын опять уехал к жене, и я команду эскадрона. Вчера бросали жребий, кому идти в пехотный стрелковый полк нашей дивизии. Идут трое — кн. Макаев, Бек и от нашего эскадрона Януш Ильинский. Это временно, но все же неприятно.

Сегодня первый раз вел эскадронное учение, имея под своей командой Ильинского и кн. Гагарина. Смотрел Ден, был доволен и даже благодарил.

Как быть со штандартом?⁹ Ведь на одной стороне вензель Государя! Решено отправить его с подобающими почестями в Петроград, дабы снять вензеля. Наш полковой делегат, Дмитриенко, элегантно выразился про штандарт: "Это ведь старая тряпка..." — и, видя общее возмущение, поправился, сказав: "Ну, не

тряпка, а шелковое полотнище". Будет по этому поводу дознание. Это как-то не соответствует духу телеграммы, посланной ген. Брусилову. Или времена у ж е успели перемениться?

с. Мариенфельд, 25 июня 1917 г.

Чуть не дошло до дуэли между нашими поляками — ротм. Левданским и корнетом Ильинским*. Были весьма навеселе и говорили о Польше и о том, надо ли оставаться в Русской армии или записываться в польские уланы и т.д. Шереметьев и я должны были быть секундантами Ильинского. На следующее утро Левданский при свидетелях извинился, и на этом все кончилось.

с. Мариенфельд, 2 июля 1917 г.

Сегодня полковник Зураб Натиев принял полк от Дена. Полк был построен в поле. Натиев держал речь, мы его поблагодарили, и делу конец. Боюсь, что наш Зураб не сумеет спасти полк, для этого нужен какой-то сверхчеловек.

Положение тяжелое, и много мне отпустится грехов за то, что безропотно многое переносу из чувства долга. Впрочем, солдаты не относятся ко мне враждебно. Надежда еще не гаснет, офицерство держится крепко: "Один за всех, все за одного". Офицеров "нового кова" среди нас нет.

Был один, корнет запаса Нацвалов, но его быстро удалили, т.к. он вдруг нашел в себе "социальный дух" и стал мутить солдат.

Настроение в полку снова скорее боевое. Пошлют нас, вероятно, на турецкий фронт и уже собираются высылать квартиреров на Александрополь и Эривань. Как поется в опере "Русалка": "Знакомые, печальные места...".

Сегодня прибыли пропагандисты из Краевого Совета и все дело испортили. Упомянули и телеграмму Верховного Главнокомандующего, намекнув, что телеграммы "бывают и провакационные" и что на самом деле могут быть и н е от Главнокоман-

*

Пр и м е ч а н и е 1974 г. Ильинский сделал большую военную карьеру в Польше и скончался в США. В Америке он говорил, что самое ценное, что он сохранил, это погоны Инжгородского полка и лицейское кольцо! Левданский, хотя имел возможность уехать в Польшу, до самого конца оставался в полку, когда все или почти все офицеры разъехались. Когда полк был расформирован, он уехал в Варшаву, где впоследствии и застрелился. В конечном итоге оба доказали свою преданность России и любовь к полку.

дующего! Эти слова наделали немало зла и боюсь, что, когда придет приказ о выступлении, будут сомневаться, надо ли его исполнять без проверки, и найдутся предлоги, чтобы отложить выступление.

Вообще в словах гг. из Краевого Совета сквозит еле скрытая ненависть к особе Главнокомандующего.

с. Мариенфельд. 6 июля 1917 г.

Только что вернулся с митинга. Какой только грязи я не наслушался! Про штандарт говорили, что им благословил нас царь, а нам нужно благословение народа, поэтому надо эту "тряпку, пропитанную народной кровью", бросить. Возражения в том смысле, что раз эта "тряпка" залита народной кровью, ее надо о с о б е н н о беречь, успеха не имели. Добавляли, что не надо нам и отличий на штандарте, т.е. широких георгиевских лент, и что и георгиевских крестов, и вообще никаких отличий больше не надо, и вынесена была резолюция отправить штандарт в Петроград и ходатайствовать о присылке нам нового революционного штандарта.

с. Мариенфельд. 10 июля 1917 г.

8-го был наш эскадронный праздник. Гуляли на славу, и казалось, что отношения между офицерами и драгунами стали лучше. На позиции уходим не то 20, не то 21 июля.

Вчера наш адъютант Миша Эссен расшифровал телеграмму начальника дивизии Назарова, написанную "войсковым шрифтом 5". Вот содержание телеграммы:

"Ввиду возможности выступления дивизии на Западный фронт Главнокомандующий приостановил движение дивизии. Квартирьеров Александрополь и Эривань не высылать. Подготовку выступления на этот или другой фронт продолжать...? [Не разобрано. — Н.Р.] энергии. Ждать приказаний. Назаров".

4 ч. дня. Только что вернулся от Пети Дена. Получена телеграмма Назарова: полк грузится 16 июля в Навтлуге, под Тифлисом. Значит, действительно едем на Западный фронт, и возможно, что в Ставку Верховного Главнокомандующего, т.е. в Могилев. Исаев-младший с 16 драгунами едет в Ставку квартирьером. Уезжает он уже сегодня. А наш эскадрон будет грузиться первым, и 15-го мы выступаем в Навтлуг.

Станция Бахмач, 25 июля 1917 г.

Уже пять дней как мы в пути, выехав 16-го вечером* из Натлуга. Едем по знакомым местам. Все эти залы I и II кл. с запыленными пальмами и все эти огромные самовары узнаю с радостью. Плодородные земли Кубанской области, тысячи десятин наполовину собранного хлеба, безбрежные поля кукурузы и подсолнечников. Статные, крепкие, загорелые казачки и почерневшие от солнца, как жуки, казачата. Казачки веселы и любят позубоскалить, но и наша "драгунская служба" за словом в карман не лезет. Шутки и остроты сыплются без остановки и почти всегда такого сорта, что наш батюшка, который в нашем эшелоне, с деланным ужасом затыкает уши.

Иногда попережку с богатыми казачьими станицами попадают и кабардинские аулы. Это соседство бывших врагов кажется странным: горец для казака — вор, убийца, насильник над женщиной, лентяй и вдобавок басурманин. Для горца казак — собака-гяур, завоеватель и трус, который держит землю в своих руках лишь потому, что лучше вооружен и многочислен. Эта враждебность проявилась в Грозном незадолго до нашего проезда.

В Минеральных Водах стояли долго. Здесь никто не обращает внимания на неуспехи на фронтах, на ужасы революции — кушают, веселятся, ухаживают. Пир во время чумы!

Вечером посетили Армавир. Все по-старому — в парке гуляют парочки. Кроме поручика Глonti, никого из наших здесь нет. Из "барышень" встретили лишь Манечку Твелову**, с которой вспоминали "золотой век", когда я был прапорщиком и мы играли в теннис и веселились. Многие девицы повыходили замуж и несколько завяли.

г. Могилев. 26 июля 1917 г.

Мы отупели за десять суток в вагоне III класса. На станциях встречаем пехоту, которая недоброжелательно поглядывает на наши красно-черные шевроны ударной части. Читаем речи Родзянко, Милюкова, Масленникова, Родичева. Войска на фронте отсут-

*

Так в тексте. Вероятно, ошибка в датировке записи, относящейся, скорее, к 21 июля. (Прим. ред.)

**

Примечание 1974 г. Манечка сестра Елены, матери Анри Труайя (Тарасова или Тарасяна), французского писателя русского происхождения.

пают. Генерала Брусилова отстранили¹⁰. Почему? Потому ли, что он был председателем Союза офицеров при Ставке? А офицеры во всем виноваты, даже в отступлении — по крайней мере так выразился один член партии социал[истов]-революционеров.

На днях был случай, что пехотинцы отказались наступать. Тогда командир полка оди и двинулся вперед, но в последнюю минуту его догнали два солдата, которые с ним и погибли.

г.Орша. 27 июля 1917 г.

В Могилеве узнали, что наши (нижегородские) пешие стрелки проехали за Могилев, а один эшелон остался при Ставке. Нас же (т.е. конные эскадроны) двинули на Минск.

Непрерывный дождь. Снуют озабоченные люди, сестры, доктора, "земгусары", обвешанные картами, биноклями, шашками и револьверами, офицеры из "Ставерха" и "Штаверха" и офицеры с фронта; последние похуже одеты, погрязнее, но лица у них усталые, загорелые и худые, и мне они ближе.

Блестящие от сети дождя на запасных путях стоят санитарные поезда. От них слегка пахнет карболкой и каким-то другим неуловимым запахом болезни и ранений. Легкораненные веселы, их хорошо накормили, они далеко от фронта. Тяжелораненные мрачны и как-то равнодушны.

В Могилеве видел знаменитый батальон Георгиевских кавалеров с оранжевыми погонами с черным просветом. Одеты хорошо, вид бравый, молодцы как на подбор, рослые, загорелые и у каждого крестик на груди, у многих по несколько. Каких здесь только нет людей! В особенности забавны "батальоны смерти". У некоторых не только шевроны на рукавах, но еще нашивки и на погонах, и на груди. Один с целой красной лентой через плечо с надписью: "Драгун смерти" (!), а у одного офицера на рукаве нашита анненская лента (плечевая) в ладонь шириной, обшитая по бокам двумя широкими георгиевскими лентами, и все это небрежно завязано "бантиком".

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ (1917-1918)

д. Семково (Минской губ.). 1 августа 1917 г.

Вечная русская неурядица. Вызвал нас ген. Брусилев. Ушел Брусилев, и его заменил ген. Корнилов, который, разумеется, для охраны Ставки выбрал несколько сотен своих любимых те-

кинцев. Вероятно, среди них Боря Нейгарт. А про нас же ска-
ли пусть стоят где-нибудь поблизости и не мозолят глаза. Мы
еще раз оказались лишними, как это уже при мне было раз зи-
мой 1915 года, только южнее, на Австрийском фронте!

В общем, загнали нас, куда Макар телят не гонял и куда во-
рон костей не заносил, и я понял, что такое “медвежий угол”.
Кругом леса и бесконечные пески — бич тяжелых фургонов и ав-
томобилей. Жители какие-то угрюмые и туповатые. Оно и по-
нятно — за три года у них систематически исчезали гуси, куры,
свиньи, картошка и сено. До нас были казаки, так что коммен-
тарии излишни.

Впрочем, наш медвежий угол живописен. Недалеко пустую-
щее имение, занятое Красным Крестом. За нами синеют леса,
облегающие мягкими, бархатными складками, невысокие хол-
мы. Имение запущено, кругом дома, парк с вековыми липами и
вязами, подернутый тиной спящий пруд, немного дальше сонная
речка, лениво омывающая старую плотину и полуразрушенную
мельницу. Все это охвачено какой-то дремой и дышит неулови-
мой грустью. До поэта мне далеко, но что-то дернуло меня вече-
ром написать эти строки, да простит мне тень Александра Сер-
геевича!

“Когда зеленый вечер догорит
И в темном зеркале задумчивого пруда
Звезда небесная — земной слезы подруга,
Скатившись в воду, робко задрожит,
И тополей весенняя листва
Младую тень свою прозрачной паутиной
Набросит трепетно на ветхую плотину —
В ночном безмолвии к Незримому Порогу
Родной земли смиренный фимиам —
Туман клубится к тихим небесам
Немой молитвою неведомому Богу...”.

Тяжелые кованые ворота. Красно-желтый кирпич, замет-
ный там, где отбита штукатурка высоких столбов. Все заросло
крапивой и лопухом, и мелкий гравий хрустит под копытами,
когда въезжаешь в парадный двор. Старый дом, древний дом с
высокой крышей. Паркет трещит и щелкает, словно выстрелы
из пистолета, зеркала немного страшны, в их мутно-зеленой глу-
бине таится что-то недоброжелательное.

Но тень Пушкина может быть спокойна — другими стихами
тревожить его покой не буду.

Довольно лирических описаний. Сегодня полк. Натиева экстренно вызвали в штаб фронта, в Минск. Мы находимся в резерве фронта и лишь в хозяйственном отношении зависим от 10-й армии генерала Валуева.

Я зарисовал старый дом панов Хохловских и, вернувшись, узнал, что Натиеву приказали завтра выступить в Минск, грузиться (эшелоны по два эскадрона) и двинуться в городок Луинец около города Пинска. Оказывается, взбунтовался какой-то пехотный полк и на его усмирение назначены: 1) Казачья дивизия (оренбуржцы?); 2) наш полк и 3) какой-то гренадерский пехотный полк. У мятежников, не желающих идти на фронт, есть и артиллерия, и, конечно, пулеметы [...]. Часть лошадей и обоза остается в Семкове.

Драгуны идут охотно, они не любят бездействия, когда остаются "вакантные места" в окопах, куда в случае чего могут их загнать. У нас опять новый начальник дивизии — фамилию забыл.

Ст. Жлобин (Либаво-Роменская ж.д.). 3 августа 1917 г.

Погрузились вчера. Уже к двум часам наши гнедые кони замелькали между высокими соснами около Минска. Задымились походные кухни, загрохотали фургоны с сеном, подъехали двуколки, нагруженные деревянными ящиками. Из них вынули цинковые коробки с патронами и раздали их по эскадронам. Выдали карты местности под Лунином: жуткие места — без деревень... одни болотные леса... и болота, болота без конца. Едем обходным путем, т.к. более сокращенное направление обстреливается артиллерией немцев [...].

д. Богдановка (Минской губ.). 8 августа 1917 г.

Выгрузились на станции Луинец. Пулеметная команда, 1-й, 2-й эскадроны и штаб полка разместились в д. Мелеснице, остальная часть полка — в д. Дятловичи. Мы ориентируемся по картам, составленным ровно 50 лет тому назад! Железную дорогу нанесли на нее позднее, но других изменений не делали, и это ведет к разным курьезам. Например, приказывают полку занять деревню "Х". На карте в ней всего три двора — вопрос, насколько она разрослась за 50 лет? Д. Мелесница, та с трех дворов выросла до 24 — есть и более счастливые в этом отношении деревни. Леса, по-видимому, за полвека совсем не вырубались — они в том же виде, как и были.

Правда, леса неважные, болотистые. Тучи комаров реют над стоячей, ржаво-красной, местами подернутой "цветом" водой. Деревья прямо растут среди гнилой воды, только у основания ствола маленькая кочка. Дорог нет, их заменяет "гать" — сложное сооружение из продольных и поперечных брусьев, вбитых кольев, настилки из хвороста и слоя земли сверху. Все это гремит под конскими копытами и пружинит на каждом шагу.

Едва мы разместились, как Натиев получил приказание выступить в 9 утра. Переход был, правда, сравнительно небольшой — всего 24 версты (до д. Богдановки), но прошли мы его переменным аллюром. На назначенном месте по всей долине мелькали казаки; в пыли, как цветки, мелькали их сотенные значки: красные, белые, синне-зеленые — всех цветов радуги.

Как общее правило, уральский казак высок ростом и массивен. Почти все одного типа и до того однородного, что иногда кажется, что все они скроены по одному шаблону. Русская борода лопатой, плечи, руки и ноги как чудовищные клешни-рычаги, глаза хитрые, небольшие, медвежьи, не лишённые, впрочем, известной дозы добродушия и сметки. Мне они сразу же понравились.

Офицеры их тоже того же кроя, разве что почище. Кони совсем несуразные, грива чуть не до полу, хвост тоже, морды какие-то не лошадиные — все в шерсти, как у доброго сенбернара, только маленький, умный глазок, как мышонок, выглядывает из этой заросли.

Под могучим седоком эти лошадки совсем пропадают; кажется, вот-вот надломится, а смотришь — такой рысью дуют, что наши драгунские бегемоты едва поспевают! Признаюсь, что наши ребята проигрывали в сравнении с этими — правда, второочередными казаками. У этих казаков больше спайки, они серьезные, держатся, как члены одной семьи.

Расположились мы в старом сосновом бору. 4-й и 5-й Уральские полки окружили деревню, занятую мятежниками, т.е. пехотным Дубненским полком. Все перекрестки дорог заняла наша пехота, Екатеринославский лейб-гренадерский полк, а мы стали в тылу, у орудий.

Вот, покачиваясь на своем шасси, мягко подкатил запыленный военный автомобиль. Из машины вышел комиссар 2-й армии господин Гродский. Не то "френч", не то спортивный костюм, не то фуражка, не то "каскалка", очки, черная борода, высокие сапоги, звонкий голос — вот вам товарищ Гродский. Несмотря на свою внешность, он удостоился того, что начальник

дивизии скомандовал "смирно". Гродский начал говорить: "товарищи", "родина на краю гибели", "контрреволюция", "долг совести", "равные права", — все это сыпалось, связанное между собой военно-революционным цементом и безусловным ораторским талантом.

Наконец, собрали полковые комитеты и послали их к дубненцам. Вид у этих членов комитета был какой-то смущенно-неуверенный. Думаю, что они попросту слегка струсили.

К вечеру картина выяснилась — все роты дубненцев, кроме 12-й, выдают зачинщиков и несут повинную. Как какие-то неловкие черепахи, загремела артиллерия, неуклюже переваливаясь через корни деревьев. В вечерних сумерках, как мыши, забежали казачьи лошадки, мерно колыхнулись тяжелые эскадроны нижегородских драгун.

Сыро, холодно, над болотом лунный свет, трава вся седая от росы, в темной, как тяжелое масло, болотной воде отражаются звездочки. Кое-где костры; вокруг них спят, опустив головы, понурые казачьи лошади; у телеграфного столба что-то горит вроде лампадки — это для ночной стрельбы из орудий: лампада бога войны. Полк при батареях, а я выслан вперед для связи.

Впереди, совсем близко друг от друга, горят большие костры. На фоне их зарева чернеют силуэты пехотинцев. Некоторые вооружены, это стража, другие нет — это "пленные". Кругом арестованных кольца стражи, сначала гренадеров, а подальше казаков. Арестованные жмутся друг к другу, как стадо перепуганных овец.

Среди моря костров стоит длинный автомобиль поблескивающий никилем своих фонарей. Шофер почему-то держит в руке зажженный электрический фонарик, словно маленький уголек, а на подножке стоит господин комиссар и мечет грома красноречия на бунтовщиков. Слова, слова и еще слова!

Но дело все же серьезное, и на лицах арестованных пехотинцев такой животный страх, что тяжело смотреть. Это лица людей не уверенных, что они доживут до следующей ночи. Лица казаков суровы и непроницаемы.

Вот и только что сдавшаяся 12-я рота. Сплошная цепь казаков окружает ее непроницаемым кольцом.

"Командир роты, поручик Логинов, пожалуйста сюда". Так вот он, главный зачинщик, и он знает, что его ждет расстрел. Глаза его окружены тенью, лицо, впрочем, совершенно простое и неинтересное. Вот солдат татарин, проколовший штыком исте-

кавшего кровью, избитого ружейными прикладами генерала Пургасова, командира Дубненского полка. Почти не говорит по-русски, объясняет, что "добил генерала из жалости, потому мол...". — "Уведите его".¹¹

28 главных зачинщиков медленно идут по дороге, кругом них Нижегородский полуэскадрон с Афако Кусовым во главе. На пиках драгун два фонаря. Спереди и сзади по взводу гренадер; боятся нападения на конвой.

Итак, обошлось без боя. После ночевки среди клопов и блох приходим опять в Мелесницу. Едва отдохнул, как мне приказано с полуэскадром опять следовать в Богдановку, стеречь все тех же дубненцев..., и я попал в распоряжение командира Екатиринославского гренадерского полка. Рядом, в роще, 12-я рота Дубненского полка, окруженная стражей, и вечером в 8 часов суд. Посмотрим, как судят революционные суды.

д. Богдановка. 9 августа 1917 г.

Суда еще не было. Следствие затягивается, но некоторым уже вынесен отдельный приговор. Это группа четырех пехотинцев, вокруг которых отдельное кольцо из 12 часовых. Трое осуждены на каторгу, а один (татарин) — к расстрелу. Поймал себя на том, что внимательно смотрел на лица этих людей. Нездоровое любопытство? Старался, впрочем, не смотреть. Осужденный на расстрел смотрел на пылающий закат, затем встал, взял сеledку и долго и спокойно стал ее чистить. Делал он это аккуратно и внимательно.

Поевши, встал, потянулся и стал ходить вокруг дерева. Вдруг он вскрикнул от боли и присел на землю. Острый шип уколол его босую ногу. Стал ковырять ногу и вдруг попросил "тряпочку". У всех, вероятно, мелькнула та же мысль: "На черта тебе возиться с ногой, когда завтра...". Часовые как-то неодобрительно на него смотрели, и самое ужасное, что осужденный как будто угадал эти мысли и бросил тряпку.

д. Мелесница. 12 августа 1917 г.

Новый начальник дивизии, генерал Карницкий, имеет целых два георгиевских креста. У нас в полку мало офицеров: Натиев, Боря Шереметьев, кн. Никита Трубецкой, Давид Иедигаров, за адъютанта — молодой Хлебников, остальные все в разъезде, отпуску, больны и т.д. Молодежи, правда, много.

Станция Замирие. 15 августа 1917 г.

Под Ригой неблагополучно.¹² Нам приказано грузиться и двигаться опять под Минск. Станция маленькая, но есть столовая Земского Союза и вагон Экономического общества [...].

Вчера вечером немецкий аэроплан сбросил семь бомб на станцию Замирие. Из них три взорвались, одна упала среди путей, и рельса сломалась ровным серебристым изломом. Стоявший рядом поезд несколько пострадал. Пока я все это рассматривал, снова появился неприятельский аэроплан, и по нему открыли орудийный и пулеметный огонь.

Продавцы бубликов, соленых огурцов, разносчики газет — все сразу исчезли. Аэроплан удалился, батареи умолкли, замолчали и пулеметы, окутавшись паром вскипевшей воды.

Какую роль будет играть авиация в будущих войнах? Мне кажется, что немалую, как и артиллерия, а вот насчет конницы... меня берет сомнение. До сих пор пять раз был свидетелем разведочной роли авиации, и мне кажется, что аэропланы слишком медлительны и бомбы слишком малого калибра.

д. Семково. 16 августа 1917 г.

Выгрузились на станции Изяславль. Вскоре прискакал ординарец и уже по тому, как он, проезжая среди денщиков и вестовых, толпившихся во дворе, шепнул им: "Новости, да еще какие!", — я понял что пахнет выступлением. Приказано к завтрашнему дню быть во всеоружии, выбрать конных ординарцев в штаб полка, назначить квартирьеров и расторопных и грамотных драгун в новую команду — команду "противогазовую", сдать старые двуколки, и еще много других хозяйственных распоряжений. Командирам противогазовой команды назначен наш корнет Сергей Петрович Кишинский.

д. Семково. 20 августа 1917 г.

Собрание эскадронных командиров предъявило Натиеву ряд требований. Это неслыханный прием, и есть над чем задуматься. Ведь это же как раз то, с чем мы, офицеры, боремся!

Предложили:

(1) Немедленно внести журнал постановлений.

(2) В походе убрать красные флаги из эскадронов как неподобающие для строя.

(3) Очистить штаб полка от некоторых укрывшихся туда офицеров и вернуть их в строй.

(4) Выгнать из полка некоторых неподходящих офицеров из прикомандированных.

(5) Прекратить в полку всякие политические разговоры.

Впрочем, все это изменил уход Зураба Натиева, назначенного командиром Павлоградского гусарского полка, нами же будет командовать некий полковник Генерального штаба Филиппов, про которого никто ничего не знает.

Кроме того, я произведен в поручики. Меня это теперь даже не радует.

д. Семково. 23 августа 1917 г.

Мы остаемся в резерве 10-й армии. Пошли дожди, березы местами желтеют, мухи прячутся в темные места, где и сидят в созерцательном покое.

Прибыл новый начальник дивизии ген. Карницкий, немолодой, представительный, с 2-мя Георгиями.

Устроил полковые и эскадронные учения. Во время полкового учения, в самый разгар перестроений, многие услышали глухие звуки, вроде отдаленных взрывов. Среди топота и шума мало кто понял, что нас посыпает бомбами немецкий аэроплан.

д. Семково. 31 августа 1917 г.

Напряжения становится нестерпимым. Временное правительство выпускает воззвание за воззванием, приказ за приказом. Армейские, фронтовые и иные комитеты, как пишут газеты, "заседают непрерывно". Все мечут громы и молнии против ген. Корнилова. Наши полковые и эскадронные комитеты всецело на стороне Керенского. Впечатление, что план Корнилова, увы, пропал!

д. Семково. 3 сентября 1917 г.

Офицеры полка недавно все записались в Союз офицеров армии и флота, центральный комитет которого при ставке Верховного Главнокомандующего. Много развелось разных объединений: Военная лига, Общество личного примера, Союз Георгиевских Кавалеров, "Казачество" и пр.¹³ [...].

Военным министром назначен генерал Верховский, бывший командующий Московским округом (?)¹⁴, Морским минист-

ром — адмирал Вердеревский. “Контрреволюции” нанесен, судя по газетам, смертельный удар. Революция торжествует.

Описать что происходит в полку, трудно. Оно в полном смысле этого слова неопишимо. Ненависть к офицерству, большевистская вакханалия, радость после краткого испуга (Корнилов!), словно гора у них спала с плеч. На бедного Афако Кусова, который имел несчастье быть выбранным делегатом полкового комитета, сыплются всякие нарекания. Обвиняли и корнета Емельянова, и Лозина-Лозинского, но последние два, да и Кусов, отбивались с редким хладнокровием.

Наконец дошло до того, что кто-то уже почти определенно назвал нас сторонниками Корнилова и намекнул, что недурно было бы нас повесить.

Тогда Лозинский не выдержал, встал во весь свой богатырский рост и среди полного молчания заявил, что при таких условиях и при таких обвинениях о дальнейшей совместной работе не может быть и речи и потому он требует немедленного приезда особой комиссии из членов фронтового съезда для определения нашей причастности к “корниловскому заговору”.

После этих слов настало гробовое молчание и лица стали озадаченными.

В ожидании приезда этой комиссии и возможного обыска я уже начал совместно с бароном Фирксом и другими, выискивать наиболее подходящее и скрытое место для этого дневника, при чтении которого всем станет ясно, что я не совсем подхожу к типу революционного офицера. Дневник действительно сильно пахнет крамолой. Поневоле привыкнешь держать язык за зубами — кстати, употребление зубной щетки уже начало считаться явным признаком контрреволюции.

Впрочем, приезд комиссии отклонили, а приказ того же Керенского, ограждающий командный состав армии от чрезмерной ярости и подозрительности товарищей, внес известное успокоение. Наступила короткая передышка. И на том спасибо, товарищ Керенский.

д. Семково, 13 сентября 1917 г.

Офицеров и солдат будут отныне награждать одним и тем же орденом — георгиевским крестом солдатского образца. Крест (солдатский), который офицер получил, будучи еще солдатом, будет украшен лавровой веточкой. Выходит, что ордена Станислава, Св. Анны, Владимира и т.д. отменяются. Решения о буду-

щих награждениях орденом Св. Георгия будут выносятся специальной "Думой".

Сегодня полк был целиком подвергнут обкуриванию газами. Узнав об этом из вечернего приказа, сразу же начали осматривать маски, проверять, нет ли царапин, щелей, плотно ли резина охватывает лицо и т.д. Проверяли, можно ли долго дышать в маске, но это нелегко и быстро устаешь.

В поле, в специальной палатке, офицер-специалист по газовой обороне обдал нас облаками газа, который белой струей со свистом и шипением выходил из баллона. Под маской сразу же чувствуется сладковатый запах хлора. Рождается мысль: может быть маска неисправна? Но дышать легко и нормально, значит все, как следует. Когда струя касается руки, кожа сразу холодеет и чувствуешь покалывание.

Драгуны с облегчением снимают маски, их напугал вздорный слух, что в Северском полку во время газовой проверки погибло 6 человек. Кто пустил эти слухи? С какой целью?

Но аварии все же есть: у меня почернели погоны и крест, вся одежда пропитана запахом газа, а папиросы пришлось выбросить [...].

Многие офицеры покидают свои полки даже такой полк, как Кавалергардский. Наш гр. Алексей Мусин-Пушкин получил от Васьки, своего брата* (что был со мной в гимназии), телеграмму с просьбой устроить его в наш полк.

Самое страшное — это слухи о мире, вернее о мирных условиях. Не хочу записывать, т.к. лишь слухи. Живем слухами — один другого нелепее, и мне кажется, что готовится гражданская война или под начальством ген. Корнилова, или другого генерала. С Государем пока что Керенский ведет себя прилично. Надолго ли? А в армии Государя уже иногда называют "Николка". Мерзавцы!

г.Ржев. 3 октября 1917 г.

Прибыло два новых офицера-пажа, Дейша и Дурасов. Первый назначен в 3-й эскадрон, а Дурасов к нам в 1-й. Чуть не написал в "Эскадрон Его Величества!.." Дурасов высок, строен и производит приятное впечатление.

*

Примечание 1975 г. Васька умер как о. Василий в США.

Легли спать рано, но в 3 часа нас разбудил шум и свет. Звонят из штаба полка. К телефону подошел Измаил Гашимбеков. Оказалось, что в 5 утра первый дивизион и пулеметный взвод должны выступить по направлению на Смоленск. Мы сначала подумали, что Гашимбеков шутит, но он клянется, что все правда.

Телефон жужжит, как комар, денщики носятся по комнате, собирая вещи. Слухи, что солдатня где-то разбила винные и водочные склады и пошла громить город Смоленск (а может, Ржев?), что ожидают еврейский погром, что вызванные войска помогают плохо и их солдаты сами напиваются...

В утреннем тумане темнеет построенный эскадрон, лошадиные копыта хлюпают в густой, черной грязи. Предсветный ветерок пробирает до мозга костей — а в комнате было так тепло и так сладко было спать!

На фоне еще темного неба, более светлого на северо-востоке, чернеют силуэты изб с взъерошенной соломой крыш и старыми коньками, а над ними у самого горизонта медно-красный зловещий серп. Петухи приветствуют алый восток и наше выступление. Утро.

Около штаба полка к нам присоединяются 2-й и 3-й эскадроны. Пулеметы мерно позвякивают на тяжелых двуколках и немного запаздывают. Лица не выбриты и заспаны.

В Минске грузят нас быстро и умело, видно кто-то "сильно ждет" нашего прибытия.

Прицепили сильный паровоз, и мы двинулись. В главном эшелоне с нами кн. Никита Трубецкой и пулеметы. Двигаемся мы быстрее обычного и останавливаемся лишь, чтобы набрать воды и фуража и напоить коней.

Вот и Смоленск, где мы узнаем, что двигаемся дальше через Вязьму на г. Ржев. В Смоленске все затихло и безобразия прекратились, но новый взрыв хулиганства вспыхнул в Ржеве, где толпы разнузданных солдат разгромили водочный завод, вернее "фабрику", ибо правильно следует говорить: "Спиртной завод" и "Водочная фабрика". В последней спирт очищается, бутылки наполняются и отправляются дальше для продажи. На нашей фабрике чуть ли не 60 000 ведер спирта и очищенной водки!

В Ржеве все пьяно, все дерутся и безобразят. Части, выпитые для усмирения, присоединяются к гарнизону и сами напиваются. Чудесная старая водка 1911 года льется рекой. "На Руси веселие есть птие". Пьют все: мужчины и женщины, солдаты и штатские, молодые и старые.

Вызвали было юнкеров Тверского кавалерийского училища и пулеметную роту, но что могут они против 30 000 пьяной и озлобленной пехоты? Открыли они огонь поверх голов. "Сначала солдатики испужались", — говорили свидетели, — "страшно-вато им, видно, стало, а потом ничего, попривыкли, видно, и под свист пуль пьют себе на здоровье водочку и спиртик". Правда "спиртик" не для всех прошел благополучно. Умерло семь человек, иные упали в чаны со спиртом, другие были убиты во время драк осколками бутылок. И это в городе, где бутылка денатурата продавалась на черной бирже за 10 рублей! Черпают спирт из чанов, где на дне лежат покойники и добавляют: "Это ничего, когда дойдем до дна, тогда и вытащим их".

При подъезде к Ржеву нас уже на станции обдал резкий запах спирта. Всюду осколки стекла и разбитые бутылки. Среди луж спирта — трудно глазам своим поверить — но видел стаю пьяных уток, которые, конечно, спирт не пили, но ошалели от испарений. Они едва двигались, шлепали по мокрой мостовой зигзагами, падали и были невероятно смешны.

У стен завода горы битых бутылок, горы поломанных ящиков, бутылки всех размеров, начиная с небольшого "мерзавчика" и кончая внушительной "четвертью". Нет буквально квадратной сажени земли, не пропитанной водкой и не устланной сверкающими на солнце осколками стекла! Днем сравнительно спокойно. Завод охраняется кубанскими казаками. Носится обалделое и испуганное начальство — разные комиссары, военные и другие.

На вокзале ждали долго. Наконец прибыл генерал, тип "генерала с решительным лицом" — сорт, присылаемый туда, где надо усмирить.

Драгуны уже где-то достали водки, но им было обещано достать вдоволь лучшей водки, а не спирта, чтобы устроить празднество после "усмирения".

Потом нас передвинули на Виндавский вокзал и мы высадились, причем меня выслали квартирьером, а со мной "комиссара города", который испуганными глазами взглянул на высокую драгунскую лошадь, неуклюже взобрался на нее не с той стороны и судорожно вцепился в повод и гриву. Надо было только видеть рожи драгун!

Город невелик, дома деревянные и чистенькие. Высыпали барышни и дамы, полные любопытства и желания познакомиться. Из окон епархиального училища нас разглядывал целый цветник свежих, молодых и веселых лиц, среди которых много

хорошеньких. Словом, все как полагается при въезде кавалерийского полка в уездный город, переполненный пехотой; и в таких случаях я всегда чувствую себя немного смешным и чуть-чуть героем, что, впрочем, и невинно, и забавно.

Дом офицеров моего эскадрона один из лучших в городе, недаром я был квартирмейстером. Хозяйка, милейшая вдова, Екатерина Ивановна Колесникова, купеческого сословия, но скорее похожая на монашенку, старается во всем нам угодить.

г.Ржев. 7 октября 1917 г.

Наш дом на Большой Спасской. В окнах нашей комнаты кисейные занавески, много растений, филодендроны, фикусы, араукарии, бегонии, жаль только, что нет почти обязательного “кенаря” в клетке у окна. Пожалуй, эта лучшая квартира, которую я до сих пор видел на Западном фронте.

Город делится на две части Волгой, которая здесь совсем узенькая среди крутых берегов. Та часть города, в которой мы живем, называется “Князь-Дмитриевская”, а противоположная “Князь-Федоровская”. Это остаток старины, когда городом владели два князя, Федор и Дмитрий, которые постоянно враждовали между собой, и Волга была границей их владений. Но в городе, кажется, исторических памятников нет.

Жители почти все старообрядцы, в том числе и наша хозяйка, почтенная Екатерина Ивановна. Ходит она в черном, на голове платочек, грамоте не училась, но зато службу церковную знает назубок. По углам повесили много старинных образов. От прадедов еще они, и темные лики сурово глядят из тяжелых, пудовых риз.

В комнатах у печей лежанки. Войны как будто и не было: дом — полная чаша: варения, печения, меда всех сортов — и липовый, и из акаций, сушеные и маринованные грибки и огурчики, сухарики, блинчики... словом, полное вам удовольствие.

Наряд у нас, увы, тяжелый: полуэскадрон у водочной фабрики, посты на Виндаво-Рыбинском вокзале, у казначейства, телеграфа и т.д. Водочная фабрика — это мрачное сборище домов разных размеров и стройки, разбросанные вдоль Александровской дороги и обнесенные высоким, деревянным тыном. Темно-красный кирпич зданий от сырости кажется почти черным, словно запекшаяся кровь.

Кое-где забор разломан, и в эти бреши недавно с криком и пальбой валил пьяный народ и пехотинцы. Всюду сор, стружки,

опилки, кирпичи, битое стекло и бутылки. Все загажено. Весь день и всю ночь вокруг фабрики, где я находился, как в осажденной крепости, было беспокойно.

Бродили какие-то штатские и толпы мрачно настроенных пехотинцев; между заборами и вдоль канав мелькали подозрительные тени, слышались пьяные окрики и раздавались отдельные выстрелы. Иногда мелкие группы объединялись и начинали напирать на наши посты и караулы. Тогда, тихо крадучись, неприметно для толпы за наружной стеной, в темноте, подходил резерв драгун, перебирался через горы ящиков, проскальзывал по темным лестницам, задевая сырые стены прикладами карабинов, и вдруг появлялся перед толпой, которая нехотя отходила.

После полуночи стало тише, но лишь с рассветом мы окончательно успокоились¹⁵. Домой вернулся усталый и продрогший, перекрестился на громадного, темного св.Николая Мирликийского и пошел в баню. После, обессиленный жарой, растянулся в глубоком кожаном кресле и блаженно заснул.

Хорошо живет купеческая вдова Колесникова в городе Ржеве, на Князь-Дмитриевской стороне, на Спасской улице, в тепле, среди фикусов, запаха лампадного масла, под ликами темных икон. Хорошо живет. Весь вопрос в том, долго ли продлится ее мирная и спокойная жизнь.

г.Ржев. 9 октября 1917 г.

Беспорядки были постепенно подавлены. Насмерть перепуганные обыватели стали выползать на свет Божий, лавки стали открываться, тяжелые ставни пропустили свет в темные склады, засовы отодвинулись.

Генерал с "решительным лицом" стал еще храбрее и решительнее. Приказано расформировать 50-й и 70-й пехотные полки. Это Белостокский пехотный полк (стоянка — Севастополь) и Ряжский пехотный полк (стоянка — Седлец). Часть солдат будет послана на фронт как пополнение. При этом начальство опирается на три наших эскадрона, на эскадрон 15-го Уланского татарского полка (стоянка — Полоцк), на сотню кубанцев, сотню сибирских казаков, пулеметную роту и два броневых автомобиля. Не маловато ли?

Часть пехоты, а именно Белостокский полк, с ропотом, но все же покорился и отправил пополнения на фронт, а вот делегаты Ряжского полка решительно заявили, что "без боя воевать не пойдут". Надо находиться осенью 1917 года на Северо-Запад-

ном фронте, чтобы оценить такую формулировку: "Без боя воевать не пойдем!" (sic!).

Утром получили приказ построиться к 9 часам и быть готовыми к "отправлению пехоты на фронт". С нами рядом живет командир 70-го полка, старый армейский офицер. Значит, просыпаемся мы утром и говорим ему, что вот, мол, господин полковник, мы сейчас на вас пойдем войной... "Милости просим, милости просим, только давайте сначала чайку выпьем, а уж потом, с Богом, отправим моих негодяев как-нибудь...". Вот мы и выпили чайку, а затем построились перед штабом полка. Прибыли и уланы, и казаки, с грохотом подкатили броневики. Из-под нависших башенок пулеметы выглядывают, словно из нор. Появляется комиссар в капитанском чине и говорит подходящую к данному случаю речь. У меня иногда впечатление, что скорее "случаи подгоняют к речам". Теперь самое простое событие не может обойтись без речей и ненужных подробностей. Так и с нами.

Ночью было "совещание", затем были переговоры комиссаров и делегатов по "прямому проводу", затем были доклады и речи. Наконец упорство пехоты было сломлено. Комиссар, вероятно, до сих пор считает, что победа одержана благодаря речам, совещаниям и болтовне по прямому проводу, но я думаю, что одно наше присутствие и решительный "ультиматум" привел бы к тому же, и быстрее.

Когда мы с музыкой прошли по улицам города и броневики подкатили к вокзалу, погрузка пехоты пошла ускоренным темпом. Мелкие затруднения сразу были устранены, и все пошло на лад. Отправили несколько эшелонов, остальные пойдут завтра и в ближайшие дни.

Жители чуть не со слезами радости благодарят нас за "избавление от пехоты".

г.Ржев. 16 октября 1917 г.

Все еще сидим здесь, ждем отправки. Приехал Сахновский, грустный после разлуки с молодой женой. Два слова о новом командире нашего полка — полковнике Генерального штаба Брандте. Брандт одет хорошо, выправка у него прекрасная, что-то в нем не русское — похож на английского офицера что ли? Особенно офицерам он не понравился, уж больно не похож он на командира Нижегородского полка — лицо сухое, усов почти нет — все выбрито, кроме щеточки-полосочки под носом. Голос тягучий, высокомерный, медлительный, с ударением на отдель-

ных местах, долженствующих быть запомненными младшими офицерами. Как я уже упомянул, одет нарядно, на груди "почетный легион". Служил в артиллерии в японскую кампанию.

Мелочен до крайности, придирается к плохо выбритому подбородку, неровно пришитой пуговице, слишком узкому поясу, не того цвета перчаткам и т.д. Все это отчасти хорошо, т.к. благодаря вечным блужданиям по Турции и Персии и хроническому отсутствию денег наши офицеры стали обращать слишком мало внимания на свою внешность. Но, с другой стороны, посылать офицера в Москву заказывать погоны, потому что не у всех серебряные золоченные, а "попадаются" и никелевые, в то время как полк едва не разлезается по швам благодаря разным пропагандам, по меньшей мере странно!

Хуже еще то, что он покушается на самый "дух" полка, на тот налет дикости кавказских обычаев, которые давали полку определенную окраску, отличая его от чисто "рассейских" полков. У нас кавказские традиции, песни, тулумбаши, пестрые башлыки, чудесные старинные шашки, малиновые фуражки — все это красочно, весело и ярко. Все это не нравится новому командиру полка — ни удалая лезгинка, ни чудесное грузинское "мраволжамие" за стаканом кахетинского вина. Что ему надо? Превратить нас в англазированных офицеров?

В общем, в полку настроение немного лучше. Столкновение с пехотой немного отрезвило веру драгун в качестве республиканского воинства, и драгуны увидели, во что превращаются войска без дисциплины. Я вырезал из газеты "Постановление офицеров Гвардии Петроградского полка". Сколько правды и горечи в этих страшных строках!

Московское Совещание общественных деятелей со своей стороны старается настоять перед Временным правительством на проведении в жизнь армии некоторых начал.

Боюсь, что все эти последние попытки что-то спасти уговорами, доказательствами и мольбами успехом не увенчаются. Дело дошло до того, что одна сила может что-либо изменить; не уговоры, а пулеметный огонь; не просьба, а удар штыка... и последним доказательством является шашка!

Прочел эти строки и ужаснулся — неужели это я написал?

г.Калуга. 21 октября 1917 г.

17-го рано утром неожиданно-негаданно пришел приказ грузиться и двигаться на Калугу, где тоже какие-то беспорядки.

Но двинулись мы лишь 18 октября. Меня послали к коменданту города и его помощнику, и я спорил, ругался, грозил и угрожал ровно 3 часа, после чего получил паровоз, платформы, вагоны и прочее. Выехали лишь вечером. В Калуге узнали, что туда уже прибыл 6-й эскадрон из г. Смоленска и штаб полка.

В вагоне командира полка Брандта, назначенного, кстати, командиром местных войск, узнали положение. Последнее довольно серьезное. Усмирять придется не только пьяную пехоту, но и Совет солдатских и рабочих депутатов, у которых есть подручные силы, винтовки и пулеметы в изобилии, а засели они в губернаторском доме, как в крепости.

Вызвали наших эскадронных делегатов, и Измаил Гашимбеков пустил в ход все свое красноречие и татарскую хитрость. К счастью, все обошлось гладко, т.к. Совет Калужского гарнизона без всяких прав и причин нелегально сверг предыдущий Совет, отказался высылать на фронт очередные пополнения, избил (sic!) врачей, неохотно пускавших солдат в отпуск, и даже (трудно поверить!) накладывал денежную дань на жителей¹⁶. Совсем как в средних веках.

Едва успели найти квартиры и присели в ожидании чая, как по телефону приказали выезжать по тревоге. По дороге встречались с казаками и броневиками. Это были те же, что в Ржеве. "Мы, по-видимому, вместе гастролируем, вроде провинциальной труппы", — острит худенький, бритый командир броневого взвода.

Меня вызывают к казачьему войсковому старшине: "Поручик, Вы будете высланы парламентом. Вам придется подъехать к "их" штабу и через кого-нибудь вызвать трех председателей комитетов — Солдатского, Крестьянского и Рабочего. Вы им передайте, что им дается 5 минут на размышление и что если через 5 минут они не согласятся положить оружие и сдаться, то после трехкратного сигнала по ним будет открыт огонь и против них будет произведено совместное наступление казаков, драгун и броневиков. Советую Вам, поручик, не заезжайте к ним глубоко, смотрите в оба, чтобы вас не захватили заложником и, если по Вам будут стрелять — то поворачивайте обратно". Про последнее войсковой старшина мог не упоминать.

Поручение в своем роде интересное. Постепенно силы наши приближаются к месту действия. 1-й полуэскадрон с кн. Гагариным занимает шоссе вдоль реки Оки, чтобы перехватить товарищей с тыла, вздумай они бежать.

2-й полуженский отряд охраняет площадь. Казачья сотня высыла-ет разъезды. Броневики притаились за углом зданий, как темные и хитрые зверюги.

Вся площадь полна драгунами и казаками, под сводом массивных ворот еще войска, а за ними боязливый, но любопытный народ. Впереди, контрастом, пустынная улица, освещенная вы-сокими фонарями, бросающими круглое, дрожащее сияние. С левой стороны огромное здание железнодорожного Управления и еще какие-то постройки, дальше губернаторский дом — кре-пость большевиков, а с противоположной стороны ряд высоких деревьев и далее — сад. Губернаторского дома не видно, он за по-воротом в глубокой тени. Конец улицы-бульвара теряется в сум-раке, но можно различить фигуры нескольких часовых.

“Поручик Столыпин, Вам пора ехать!”

Отделяюсь от массы конницы на площади и рысью выезжаю на пустынную улицу. Гулко отдается звук конских копыт моей кобылы среди внезапно наступившей гробовой тишины. Вот и цель “неприятельских” часовых: “Стой, дальше нельзя!”. Совсем как на войне... “Дальше мне и не надо. Прошу вызвать трех пред-ставителей Комитета”. Толпа растет, из переулка, из-за темных углов, выползают серые фигуры в пехотных папахах, кто с вин-товкой, кто без.

Томительное ожидание. Одного из представителей никак не могут найти; наконец, появляется его заместитель, “некто в штатском”, видно представитель рабочих.

Совсем темно, освещение плохое, лиц разобрать не могу. У одного, кажется, офицерские погоны прапорщика. Почему у “них” погоны?

Среди напряженной тишины передаю полученное мною приказание командующего войсками. Кобыла моя почему-то стала дрожать. Едва произнес я последние слова, как поднялась буря, крики, посыпались угрозы: “Пять минут, это не по-социа-листически!”, “Вас послал Корнилов! Так говорят корниловцы и контрреволюционеры...”.

Кольцо вокруг меня сужалось, толпа напирала, солдатская рука потянулась к моему поводу, нервная кобыла не выдержала, вздыбилась, солдат отшатнулся, поскользнулся и упал. Я этим воспользовался и осадил кобылу; положение делалось опас-ным — я вдруг повернул лошадь и, стараясь казаться спокойным, медленно, а затем рысью вернулся обратно на площадь.

За минуту до окончания 5-минутного ультиматума один из пехотных офицеров бросился к "осажденным" и заклинал их со слезами на глазах сложить оружие. Но напрасно.

Пять минут прошли. Раздался три сигнала, и цепь казаков двинулась между деревьями, а Гашимбеков повел цепь драгун 1-го эскадрона... Грянуло несколько выстрелов, и вдруг, раздирая ночную тишину, почти одновременно грянули все пулеметы броневиков, сливаясь в один непрерывный гром.

Словно колосья, срезанные серпом, повалились на землю прямо лицом в пыль барышни, старушки, пожилые чиновники, гимназисты и все те, которые за спинами наших драгун прятались в темноте. Я не мог не улыбнуться, когда, видя, что опасности нет, они с виноватым видом встали и стали стряхивать пыль.

Вслед за пулеметным огнем, который разбил все окна губернаторского дома, казаки и драгуны бросились и стали вламываться в здание. Затрещали и пали тяжелые двери, и наши ворвались внутрь. Там творилось нечто неопишное: среди груды поломанной мебели, осколков стекол, гор "литературы", кучи обвалившейся от выстрелов штукатурки, там, среди этого хаоса, толпились бледные и дрожащие большевики, бросившие свои пулеметы и винтовки. Казаки и драгуны били их прямо наотмашь, одного солдата прокололи штыком. Все смешалось в пыли падающей штукатурки, хрустящего под ногами стекла, среди грома выстрелов и криков.

Постепенно стрельба утихла, и наши начали приводить "пленных" на площадь. Набралось их человек 75—80, среди них три прапорщика. Окруженные казаками, драгунами и пулеметчиками, они казались перепуганным стадом баранов. Те же растерянные лица, дрожащие губы и бегающие глаза, как недавно у солдат 12-й роты Дубненского полка. А $1/4$ часа тому назад эти же самые люди орали на меня — "корниловца"¹⁷.

Броневики куда-то исчезли, мы же остались еще на всякий случай. Вернулся и кн. Гагарин, приведя еще пленных. Но нам не суждено было долго почить на лаврах. Прискакал ординарец к полк. Брандту и доложил, что против нас выступает 301-й полк. Во все стороны выслали разъезды казаков и драгун для наблюдения.

В тылу снова стрельба. В 6-м эскадроне скверно ранен в руку драгун, убиты драгунская и казачья лошади. Меня с разъездом выслали против "вооруженной толпы", которую я, впрочем, не нашел — очередное вранье.

Докладывают, что пулеметчики действительной службы (среди воставших) согласны выдать пулеметы, но боятся своих и просят кавалерии для защиты. Поэтому меня посылают к ним со взводом.

Приняли два "максима" и один "кольт". Ко мне присоединяются пехотинцы учебной команды, что перешли на нашу сторону. Молодцы как на подбор: идут в ногу и отдают честь, что как-то неожиданно в 1917 году. Под утро пехота успокаивается.

Холод делается невыносимым, греемся в железнодорожном Управлении, коридоры заняты спящими драгунами и казаками. Сон их тяжелый и нездоровый, тела скрючены, как трупы, рты открыты и слышен храп и хрип.

Под утро пехоте дают время на размышление до 4 часов дня. Удивительно, что нас так мало, а их так много и что это мы, а не они, ставим условия!

В 4 часа узнаем, что пехота сдалась, и мы расходимся, чувствуя себя героями. Оружие свое пехота стала сама свозить под стражей броневиков. Винтовки привозят на возах. Назначена следственная комиссия¹⁸.

Мы почти ничего не ели и почти не спали двое суток, щеки обросли щетиной и ввалились, глаза болят от усталости. Все же вечером ужинали с хозяевами. Мы живем в большом и богатом доме купцов Раковых. Трое дочерей, совсем еще молоденьких и довольно хорошеньких, которые просят нас рассказать, "как мы стреляли". Среди зала большой аквариум с внутренним освещением в гротах из туфа. После всей этой суматохи и усталости приятно отдохнуть.

г.Калуга. 24 октября 1917 г.

Настроение драгун, так ревностно усмирявших большевиков, портится под влиянием агитации. Настолько, что когда полк вызвали по тревоге, то первым явился наш "славный первый", а затем, постепенно, и остальные эскадроны.

Печальным исключением явилась пулеметная команда. Сначала драгуны этой команды наотрез отказались выступить, мотивируя свой отказ тем, что их, мол, ведут против своих же братьев, что натравливают "шинель на шинель" и т.д. После долгих пререканий 1-й взвод поручика Тургиева пошел, 2-й же взвод барона Фиркса отказался, требуя подробного разъяснения обстановки.

Прибыл комиссар Галин, эскадронные делегаты и пристыдили их. Они согласились идти. Тогда Брандт поступил весьма умно, сказав, что теперь поздно, и запретил команде выступить. Пристыженные пулеметчики не знали, куда деваться.

Но этим дело не кончилось. Калужские события передали в Москву в совершенно искаженном виде, и в Москве нас считают контрреволюционерами. Во главе травли Совет солдатских и рабочих депутатов — совершенно большевистский¹⁹.

На драгун это произвело сильнейшее впечатление. Думается, что еще одно-два "усмирения" — и нас самих придется усмирять. Мне кажется, зная человеческую природу, что драгуны все же предпочтут роль усмирителей со стоянкой в городе, чем в зимнюю стужу садиться в окопы!

Прибыло несколько молодых офицеров: Василий Гоппер и граф Борис Шамборант-младший из Николаевского училища и Кульгачев — паж выпуска недавно прибывших Дейши и Дурасова.

Меня только что пригласили в эскадронную канцелярию [для переговоров. — *Н.Р.*]. Впрочем, все обошлось гладко, пустил в ход дипломатию, удалось смягчить настроение, сгладить разногласия и добиться того, что эскадрон без колебаний выполнит приказы Гашимбекова и не подведет нас, как пулеметная команда подвела Фиркса.

На завтра назначено заседание комитетов в присутствии командного состава. Афако Кусов должен выступить с докладом.

г.Калуга. 26 октября 1917 г.

Вчера вечером было общее собрание офицеров полка у Брандта; что-то подходящее для военного фильма времен "Войны и мира". Помещение Брандта в доме предводителя дворянства, много больших картин в золоченых рамах, тяжелые занавеси, канделябры, огромная люстра...

Вошел командир полка, все вытянулись со звоном шпор, затем сели обсуждать положение и наше к нему отношение. По-видимому, Петроград уже в руках большевиков, и сообщение с ним прервано. Днем было пленарное заседание полкового комитета и офицеров полка. Была вынесена резолюция — во всем поддерживать Временное правительство, "идущее в контакте с Центральным Комитетом Советов солдатских и рабочих депутатов". С трудом удалось избежать родной солдатскому сердцу (благодаря своей непонятности?) редакции "всецело поддерживать Временное правительство постольку, поскольку оно идет в контакте и т.д.". Драгунам нашим невдомек, что выражение "постольку — поскольку" уместно в наши времена разве что на страницах юмористических журналов, а уж никак не рядом с выражением "всецело поддерживать!". Затем разобрался вопрос о взаимоотношениях

драгун и офицеров. Выяснилось, что соглашение возможно. Разногласия могут, правда, быть в области "классовой борьбы", но в полковой жизни будем друзьями. Проводилась мысль о необходимости борьбы с растущей анархией [...], могущей лишь затянуть войну и сорвать Учредительное Собрание, которому мы все подчинимся. Говорилось и о необходимости победы над врагом "внешним", или по крайней мере о почетном мире "при условии активной обороны". Выходит, что победа над врагом, о которой только что говорилось, уже оставлена? Словом, сплошная керенщина.

Во время заседания пришли представители 2-го Кубанского казачьего полка и выразили готовность "головой сложить" (без "постольку – поскольку") за правительство. Казаки вызывающе спросили драгун: "А вы ... пойдете с нами, да или нет?". Наши уцепились за Центральный Комитет с. и р. депутатов. Поднялись буря и гвалт. Сошлись на том, что у нас, мол, Комитет, а у казаков, мол, их Союз, а у тех и других Временное правительство, и потому будем друзьями.

Конечно, без вмешательства офицеров никакого соглашения не было бы.

Подкрюнец кто-то решил сорвать народившуюся между драгунами и офицерами своего рода дружбу и предложили весьма провокационный вопрос: "Какого мнения настоящее собрание о ген. Корнилове?". Спасено было положение решением, что об этом должно быть вынесено постановление "высших инстанций". Хотел бы знать, что это значит? Судебное решение, что ли?

Только что получено известие, что крейсер "Аврора" стрелял по Зимнему дворцу и что почти весь гарнизон столицы на стороне большевиков.

г.Калуга. 30 октября 1917 г.

Керенский бежал в Псков, в Ставку с ним драпанула часть правительства²⁰; туда стягиваются войска для наступления на Петроград. Ленин и Троцкий торжествуют; на улицах бои. Юнкера держатся геройски. Всюду баррикады.

Что это – начало конца? Или уже конец? Думаю, что надеяться больше не на что и что большевики возьмут верх. А тогда что? Лучше не думать!

Эскадрон завтра выступает для реквизиции сена, зерна и прочего добра. Жаль уезжать.

ст.Исаково. 2 ноября 1917 г.

То, о чем я собираюсь писать, можно озаглавить: "Как мы попали в ловушку под Вязьмой...".

Накануне того дня, когда эскадрон должен был выступить в г.Перемышль (Калужской губернии), а оттуда — выслать два взвода в город Козельск, начали приходить тревожные вести из Петрограда. Полк одновременно вызвали в Москву, Петроград, Вязьму, Смоленск и Ржев. Керенский в Гатчине, и ночью пришли одна за другой три телеграммы. Две от нашей делегации, высланной с Лозинским во главе, к Керенскому, а одна от самого Керенского. В первых двух говорилось, что нас, вероятно, вызовут в Гатчину для операций против Петрограда, в третьей, которая уже начиналась классическим теперь "Всем, всем, всем!..", нам приказано было двигаться на Гатчину в полном составе. Наш эскадрон должен был двигаться в головном эшелоне, с пулеметным взводом и броневыми автомобилями. Погрузились мы лишь вечером 31 октября, в полной темноте. К моменту отхода прибыл и 2-й эскадрон с штабом полка, и мы узнали, что броневые автомобили, увы, с нами не пойдут.

Утром, вернее еще ночью, часа в два, узнали по телефону, что станция Вязьма занята большевиками и что без боя пробиться едва ли будет возможно.

Под утро оставались на разъезде Пыжевка, где встретились с кубанцами под командой войскового старшины Мачавариани. Казаки сказали, что только что отъехала большевистская делегация, с которой столкнуться нельзя, т.к. у них инструкции не только из Петрограда, но и из Москвы никого в эти два города не пропускать. Большевики резонно утверждают, что нас пропустить было бы изменой их большевистскому правительству. Значит, началась гражданская война? Тогда, по-моему, близок конец Керенского?

Казаки дали большевикам время на размышление, своего рода ультиматум, до рассвета, и в случае отрицательного ответа казаки начнут наступать на Вязьму. Такова была ситуация, когда наш эскадрон прибыл в Пыжевку.

Было еще темно, около 7 утра. В крохотной станционной камерке было жарко и душно от керосиновой лампы и толпы солдат и офицеров. Около города сотня 2-го Хоперского полка, которая настроена против местного большевистского гарнизона и обещала нам полное содействие.

Пришла телеграмма от "председателя Боевого Революционного Комитета" прапорщика Троицкого, в которой говорится, что гарнизон обещает пропустить нас дальше без боя. Троицкий дает полную гарантию, что препятствий нашему проезду через Вязьму не будет. Все же, на всякий случай, вызвали и Троицкого, и коменданта станции Вязьма. Оба вскоре прибыли на паровозе и будут заложниками.

С паровоза спустилось нечто обтрепанное, распоясанное, беспогонное и с волосами до плеч — это и был прапорщик Троицкий! Забавно отметить, что наши драгуны, уже сами сильно зараженные новыми идеями, все же были обижены, что нам приходится иметь дело с "таким офицером" (цитирую), и насчет последнего и его внешности послышалось немало острот.

Мы тут же решили, что "наша взяла", и Сахновский даже предложил пойти на станцию "поглумиться над товарищами", что мы и сделали, свысока посматривая на большевистских офицеров. Если бы мы только знали да ведали, что нас ожидает!

Впрочем, если бы не пришлось почему-то менять паровоз, все могло бы кончиться иначе, но, видно, сама судьба была против нас — нас погубила задержка. Внезапно где-то впереди грянуло несколько выстрелов, толпа на пероне шарахнулась, кто-то упал, и платформа, до того кишевшая народом, сразу опустела. Стрельба усиливалась, драгуны и казаки бросились вперед, заняли пути, казаки залегли между рельсами. Ден и я с несколькими драгунами зашли за одиноко стоявший паровоз и начали высматривать, откуда стреляли. Из-за штабелей дров заметили конец штыка, затем другой ... и увидели стрелявших пехотинцев.

С паровоза с трудом сошел бледный как полотно раненый машинист. Я его осмотрел: пуля вошла в бок и застряла в теле.

Наконец я не выдержал, выскочил из-за паровоза и заорал на пехотинцев, чтобы выходили. При этом употребил выражения, которые не смею здесь упомянуть, но которые пехотинцу всегда понятны. Стрельба стала затихать, по оклизлой глиняной насыпи с трудом поднялся грязный, оборванный "серый герой" в барашковой папахе, а за ним вся толпа. Боже, какие же это солдаты? У одного винтовка, у другого "винчестер", кто в папахе, у кого фуражка; были — и я клянусь, что это правда! — и в лаптях!!! Откуда лапти? Почему? Неужто наша армия так обеднела? Кто начал стрелять, в кого, почему — никто толком не знал. Знали, конечно, те, кто теперь спрятался за спины дураков, но озлобление против нас чувствовалось, и со станции уже бе-

жали на подмогу группы вооруженных солдат, среди них и штатские. Убита женщина, две мужицкие лошади, ранены два казака и несколько штатских, причем ручаюсь, что с нашей стороны ни одного выстрела сделано не было.

Нам стало ясно, что прапорщик Троицкий нас заманил в ловушку ложными обещаниями. Кони наши в вагонах, состав без паровоза; год тому назад, следуя нашим приказаниям, наши драгуны в короткое время справились бы с этим вооруженным сбродом — но это было год тому назад!

Опять собрался гарнизонный комитет, но теперь прапорщик Троицкий исчез, и тон разговоров совершенно иной: нас не пропускают и просят "товарищей казаков и драгун" вернуться на станцию Пыжевку, дабы избежать кровопролития.

Мы в мышеловке, кругом человек 500 пехоты, на нас навешены пулеметы и с каждой минутой прибывают новые пехотинцы, целые сотни их...

Солдатня делается все нахальнее, нам напоминают про Калугу, где мы уничтожили "Советы", и про Ржев, где мы "плетями гнали пехоту на фронт", про старый режим, "когда мы (все мы, да мы!) вешали своих же братьев". Видно кто-то их хорошо научил, что именно надо говорить. Один солдат, с кривой улыбочкой, вынул из кармана засаленных штанов ручную гранату и многозначительно ею замахнулся.

Надо отдать должное "Боевому Комитету", что они до хрипоты, с отчаянием, убеждали толпу разойтись, чтобы переговоры могли "спокойно" продолжаться. Хороши переговоры! Маленькая женщина в спортивной фуфайке порывается что-то сказать, но среди грозного гула и крика ее голоса не слышно. Все же вдруг среди случайного затишья, как металлическая стрела доносится ее звонкий голосок: "Какие там переговоры! Отнять у них винтовки и дело с концом!" — "Разоружить! Отнять винтовки!", — подхватывает толпа...

Вижу общую картину: красные лица, на лохматых затылках напаянные фуражки, открытые рты, напряженные глаза, отблески мутного дня на широких лезвиях американских штыков.

Вдруг выстрелы, и в одно мгновение толпа бросается врассыпную, только слышен быстрый топот бегущих ног по мокрому асфальту.

Казаки пошли на уступки: соглашаются отдать пулеметы, чтобы получить их после переговоров. Прячем пулеметы, но уже

поздно. Казаки уехали. Пехота ввалилась в вагоны пулеметной команды, и те им их отдали.

Паровоз дернул, и мы тронулись. Петя Ден сидит мрачный и покусывает рыжий ус. Опять выстрелы, но уже по вагонам. Пули пробивают стенки, пехота выбегает из барачков наперерез поезду — вот та же истеричная женщина грозит кулаками, мерзавка, и кричит истошным голосом: "Бей их!". Какой-то штатский спокойно, словно на охоте, бьет по поезду из-за штабеля дров.

А тут, как назло, паровоз замедляет ход и останавливается — ждет сигнала семафора. Наконец двинулись. Ранены две лошади — на наше счастье, пули ложились высоко.

На станции Исаково весь полк в сборе; добываем тяжело раненных коней; особой реакции я у драгун не замечаю, и то, что пришлось оставить пулеметы, их, по-видимому, не трогает, скорее недоумение и радость, что выбрались из ловушки.

У меня одно желание — уйти подальше от комитетов, делегатов и, увы, и от наших драгун, которых не узнать: где любовь к полку, к воинской чести? Недостойны они больше носить нашу форму.

Собрали охотников выкрасть пулеметы в Вязьме. Значит, все же охотники нашлись? С ними собирается Димка Фиркс, переодетый солдатом. Казаки свои пулеметы уже выкрали. У командира полка, Брандта, столкновения с офицерами; кажется, он собирается приказать нам жить во взводах с драгунами.

г.Калуга. 8 ноября 1917 г.

Для охраны города сформирована рота, состоящая исключительно из офицеров разных полков, дисциплина в ней железная, и живут они, как простые солдаты.

Большевики всюду берут верх, лишь на Юге генерал Каледин и казаки что-то затевают. Вот бы к ним! Керенский исчез. Уже начинают поговаривать о перемирии и слышатся громкие фразы о "прекращении ненужного кровопролития".

Подвоза нет, транспорты зерна разграблены, в деревнях творится нечто неопишемое. В полку беспокойно, начинается большевизм, и очагом является 2-й эскадрон.

В армии торжествуют большевики, по-видимому, вводится выборное начало, т.е. офицеров будут выбирать делегаты, полковые или эскадронные. Придется, вероятно, перебраться или на Юг к казакам, или в Татарский конный полк, где теперь наш Теймур Наврузов. Ясно, что служить в полку больше нет смысла и

придется куда-то уходить. Но это не так просто, и надо действовать осторожно.

д.Белая. 20 ноября 1917 г.

Вот мы и покинули Калугу. С грустью в сердце, т.к. город очаровательный, патриархальный и гостеприимный. Подумать, что здесь доживал свой век имам Шамиль со своими сыновьями — Магомет-Шефи и Кази-Магома! Доживал век в “золотой клетке”. Кази-Магома не выдержал и бежал, а второй сын женился и дослужился до чина русского генерала! Но вернемся к причине нашего отъезда.

Узнали, что на Калугу движется пехота с целью “наказать кавалерию”, которая в Калуге разгромила местные Советы. “Викжель” (Всероссийский Исполнительный комитет железнодорожников), который старается быть нейтральным, отдал своим служащим приказ эти эшелоны — т.е. пехотный карательный отряд — отнюдь в Калугу не пускать во избежание кровопролития. Наши делегаты перетрусили и ночью, часа в 3, созвали пленарное заседание полкового комитета в присутствии всех офицеров полка.

Логично было бы оставаться, т.к. Калуга, опираясь на “Дивизион смерти” Дударова (нашей дивизии), на пулеметчиков и офицерский отряд, решила не сдаваться и не пускать большевиков. “Умереть, но не сдаваться!” — эти слова действительно были произнесены на заседании Городской управы. Я жаждал заступиться за бедных калужан и спасти город от насилий и грабежа, но не тут-то было.

Под предлогом “нейтралитета” и боязни излишнего “пролития братской крови”, а, между нами, просто от страха наш храбрый комитет решил бросить Калугу на произвол судьбы.

А в это время благодаря решительности калужан и некоторым уступкам (распустили так называемую “белую гвардию”, т.е. офицерскую роту) угроза нашествия буйной пехоты была отстранена.

Конечно, мы бы все равно уехали из Калуги через десяток дней, т.к. начальник дивизии требовал нас под Минск, но наш отход не носил бы характера бегства.

Итак, скрепя сердце выехали. Простились с гостеприимными Раковыми; средняя дочь — Зиночка — пролила в темном уголку две-три слезинки, мелькнули в окнах два-три белых платочка, и мы прибыли на станцию.

Расстояние между Калугой и Минском, считая, конечно, бесконечные стоянки на различных разъездах и станциях, мы проехали в ... семь суток! На станции Сухиничи, где-то у Брянска, мы простояли около двух суток, причем пришлось спрашивать у Саратова (?) разрешение ехать на Гомель и при этом подробно объяснять "Викжелю" зачем, куда и почему мы направляемся на Минск. Все это будто бы потому, что "Викжель" старается предотвратить междоусобную войну. Поэтому, видимо, мы днями стоим (якобы из-за недостатка паровозов), тогда как пехотные эшелоны большевиков летают мимо нас, как птицы, во всевозможных направлениях?!

Но события разыгрываются с невероятной быстротой. Керенский исчез, появился большевистский "Главкомандующий" — прапорщик Крыленко, он же "товарищ Абрам". 1-я, 5-я и 2-я армии, т.е. почти весь Западный фронт, перешли на его сторону. Его борьба с ген. Духониным (который опирался на Общеармейский комитет и на Юго-западную и Румынскую армии [так в тексте — *Ред.*]), победа большевиков в г. Минске, перемирие с немцами, угрозы союзников по этому поводу — все это застало нас врасплох, пока мы, усталые и измученные, подходили к Минску.

Семково-Городок, наша старая стоянка, оказалась занятой 134-й дивизией, самовольно бросившей фронт, и нам отвели квартиры восточнее Минска. Из-за перехода нашей 10-й армии на сторону большевиков в дивизии творятся странные вещи. Так, Тверской полк раскололся: 2-й и 5-й эскадроны и пулеметная команда перебросились к большевикам, в остальные четыре эскадрона поддерживают Временное правительство. Мы, судя по всему, подчинимся Крыленко. Значит, у нас будет введено выборное начало офицерского состава.

д.Белая. 21 ноября 1917 г.

Месяц тому назад драгуны молились на Сашку Керенского, покупали его портреты и считали большевиков врагами отечества; теперь героями являются Ленин (Ульянов), Троцкий (Бронштейн), Крыленко ("Абрам"), полковник Каменьщиков — командующий Западным фронтом, Каменев и др.

Деревня Белая, куча старых изб с крышами, покрытыми густым мхом, расположенных в полном беспорядке, словно куча старых, обмягших, мшистых грибов. Наша хатка маленькая, черная от дыма, полная какого-то прогорклого запаха тулугов, пота, махорки, ржаного хлеба, — словом, запаха грязи и бедно-

ты. Кругом оборванные детишки, старый-престарый “дид” со старухой-женой. Внучата плачут, рваным рукавом вытирают сопли. Словом, грусть и тоска. Это самая бедная часть России.

Спят кучей, среди тулупов, тряпок, кадушек, рогожек, спят немывтые, нажравшись картошки и капусты. Ночью в хате дышать нечем, на дворе грязь по колено, хлеба нет, известий нет.., а где-то решается судьба России.

д.Скобровка. 23 ноября 1917 г.

Устроились несколько лучше. Вестей еще нет. Социал-революционные, меньшевистские, кадетские и другие газеты большевиками не пропускаются. Нет ни “Нового времени”, ни “Русского слова”, да и выходят ли они вообще?

Морозы жестокие, но снега нет. По утрам маленькие окошки покрыты чудесными узорами. Зори розово-оранжевые, с ледяным дыханием ветра.

В Минске была стрельба между пехотой и новосформированными польскими легионами. Говорят, что на почве пьянства, но я думаю, что причина иная.

Мы страшно разбросаны: до штаба полка 20 верст, до станции Руденск — 16 верст, между эскадронами верст по 10—15. К драгунам ходить противно. Вчера Сахновский ясно слышал, как в 4-м взводе кто-то сказал по его адресу: “Вон холуй идет!”. Пора уходить, но как? И куда?

д.Скобровка. 25 ноября 1917 г.

Перемирие с немцами почти подписано; генерал Корнилов бежал с помощью сотен текинцев и подложной телеграммы. Говорят, что солдаты убили генерала Духонина, хотя у него и была репутация “левого” генерала. Говорят, Ставка была взята с боя и Ударный батальон разбит.

Крыленко, alias* “товарищ Аарон Абрамсон”, был встречен хором трубачей Георгиевского батальона, сыгравших Марсельезу. Духонин был в это время в поезде, и Крыленко будто бы пытался его спасти, но был “оттеснен” толпой. Хорош “Главком”, которого оттесняет толпа²¹!

По-видимому, у нас скоро будет введено выборное начало. В пулеметной команде все офицеры, видимо, уйдут, в 6-м эскадроне

*

Иначе (фр.). — *Ред.*

не, вероятно, выразят “недоверие” кн.Макееву и корнету Беку. Пока все шито-крыто, но дошли слухи, что драгуны (делегаты) Маркин и Димитров, намечавшиеся на посты младших офицеров, от этой части отказались. Говорят, что Маркин при этом сказал: “Сегодня выберут, а завтра морду набьют!”

На собрании офицеров решено постепенно из полка уходить. Сначала уйдут те, которых драгуны почему-либо не любят — офицеры пулеметной команды, кн. Макаев и другие. Затем под видом отпусков, командировок и т.д. уйдут русские офицеры, потому что им будет труднее, чем татарам, грузинам, осетинам и др., которые могут быть приняты в свои национальные полки. Они уйдут последние, так же как и Брандт, Ден, тайно приписавшиеся к казакам.

д.Скобровка. 28 ноября 1917 г.

Был в Минске, где сердце сжалось, когда увидел на извозчике первого офицера без погон, немного дальше заметил группу офицеров — тоже без погон. Затем встретил офицера с погонами и сразу отлегло. Значит, не все еще!

Оказывается, началось все с того, что на каком-то собрании юный прапорщик из большевиков содрал с себя погоны и предложил другим офицерам последовать его примеру: “Для полного уравнивания солдат и офицеров!”. В Минске уже были случаи, что толпа срывала погоны. Это напомнило мне, как полгода назад в Тифлисе нам кричали: “Долой вензеля!” ...

Мы думали встретить полковой праздник²² в гостинице “Европа” и потому туда и двинулись, провожаемые мрачными взглядами “товарищей”. Устройство праздника было поручено прапорщику запаса Лауеру. В большом ресторане “Европы” никого из наших офицеров не было, и, немного удивленные, мы поднялись в номер Лауера: старик был мертвецки пьян. Из его пьяного лепета поняли, что обед почему-то не состоится. Бедный старик-прапорщик, видимо, мечтал присутствовать на последнем празднике и, поняв, что ничего не вышло, с горя напился!

Опечаленные Сахновский, Гашимбеков и я, захватив с собой вино, вернулись наверх. Номер был гадкий, с драными обоями и дешевыми занавесками. Две электрические лампочки потухли, и люстра от этого казалась кривой и косоглазой.

Странный и жуткий полковой праздник! В комнате было холодно от плохо пригнанного окна. Я накинул на плечи полушу-

бок, Сахновский сидел на качающемся плюшевом диванчике, черный силуэт Гашимбекова выделялся на фоне грязных обоев.

Все старались не поддаваться отчаянию, острили над нашим "финалом", предрекали еще более мрачные вещи в будущем; но остроты выходили бледными, а смех натянутым. Появился и кн. Долгорукий (нашего полка в стрелковом дивизионе) — весь обросший щетиной, в фуражке без кокарды, в солдатской шинели без погон. Оказывается, у наших стрелков дела совсем плохи.

Долгорукий потихоньку поседлал коня с помощью пре-данного вестового и тайно бежал в Минск. Конечно, это драматично, но все же у нас появилось какое-то чувство зависти: у него по крайней мере все ясно и возврата нет, а наше положение двусмысленное, неясное, и все неприятности впереди.

д.Скобровка. 29 ноября 1917 г.

Вернувшись, узнал, что у нас не будет денщиков. Верные наши денщики не хотели уходить, но эскадрон принял угрожающее положение, и им пришлось подчиниться силе. Ну что ж? Без денщиков, так без денщиков. Сегодня мой Ковальчук в последний раз подал нам обед и после трогательного прощания ушел в эскадрон.

Наняли 15-летнего мальчишку, который будет чистить нам сапоги и платье, подавать тарелки и носить еду. Зовут его Васи́лем и у него удивленная мордашка с вздернутым носиком.

Сегодня происходили дополнительные выборы офицеров. Начальником дивизии наметили ген.Копачева. Командиром бригады — кн. Никиту Трубецкого, командиром полка шт-ротм. Левданского. Гашимбекова единогласно выбрали командиром нашего эскадрона. Выборы младших офицеров еще не закончены. От души надеюсь не быть выбранным — легче будет "тикать". Но нам придется жить при своих взводах, что отнюдь не является удовольствием. Думаю, что Сахновский будет избран командиром 1-го взвода.

д.Скобровка. 30 ноября 1917 г.

Только что состоялись выборы младших офицеров 1-го эскадрона: 1-й взвод — Сахновский, 2-й — драгун Савченко, 3-й — драгун Кроленко и 4-й — драгун Дынин. Так что кн. Гагарин, Дурасов и я остались ни при чем. Выбранные драгуны все принадлежат к "старой гвардии", проделавшей всю войну.

Теперь легче будет уходить. Конечно, задерживать меня будут, но скорее умру, но пробьюсь к своим на Кавказ! Страшно-вато, но уверен, что в минуту опасности ко мне вернется все мое спокойствие, так же как и в боях.

Вот выдержки из "Наказов", принятых делегатами армий на "Западно-фронтовом съезде"²³; вот два-три курьеза:

"Требуем расформирования всех ударных, штурмовых и женских батальонов, всех казачьих частей, юнкерских училищ и школ прапорщиков".

"Требуем отделения церкви от государства".

"Требуем снабжения заводских районов продуктами деревни, а деревень продуктами фабричного производства по нормальным ценам".

"Требуем от комиссаров Народного Правительства, чтобы они немедленно призвали к содействию послов нейтральных держав к прекращению этой ужасной и гнусной бойни".

"3-я армия требует созыва Учредительного Собрания, которое все время откладывает буржуазия, надеясь совершенно его сорвать".

"...мы уверены, что часть под командой самого заурядного рядового, если только он предан народу, если он пользуется доверием своих товарищей, сделает больше, чем если бы этой частью командовал самый лучший стратег-генерал, который не знает народа, который никогда не стоял за народ и который всю свою жизнь верноподданнейше служил царю и престолу".

"3-я армия требует немедленной подвозки на фронт продовольствия, фуража и всего необходимого. Запасы продовольствия должны пополняться путем реквизиции запасов у имущих классов (!)".

"Требуем немедленного заключения мира без аннексий и контрибуций, на основе сомоопределения народов всего мира".

А вот два-три опасных и серьезных пункта:

"Требуем строжайшего запрещения самовольного отъезда офицеров и солдат с фронта и тыла путем строгого контроля".

"Лиц командного состава, устранившихся от занимаемых ими должностей, не удалять в тыл, а оставлять таковых на местах в части для несения той службы, на которую они будут поставлены".

"Требуем кавалерийские части, шедшие с Керенским, спешить и привлечь их к несению окопной службы".

Прочел все эти "требования", хотел прибавить свои комментарии, но потом решил, что, как говорится, "комментарии излишни..."

г.Скобровка (Минской губ.). 4 декабря 1917 г.

Ездил в штаб полка. Командир полка, полковник Брандт уже уехал и больше не вернется. Уехал и Давид Иедигаров.

Сегодня был приказ снять погоны, отменяются чины, ордена и все знаки отличия. Отменяются кавалерийские формы — правда, можно "донашивать старую одежду (!)", но после этого придется носить "общую" форму, т.е. защитные "шаровары", рубашку без погон и фуражку без кокарды.

Нас, офицеров, превращают в простых солдат, и мы будем жить во взводах с остальными драгунами, чистить коней, ходить за сеном и овсом, ездить за фуражом и, вероятно, чистить картошку. Кажется, командир эскадрона будет иметь свое отдельное помещение.

Ну что ж? Вопрос как-то дотянуть до момента отъезда, а жить с драгунами мне будет нетрудно, т.к. отношения у меня с ними всегда были хорошие.

Интересные вещи происходят в пулеметной команде, где бывший начальник команды, осетин, поручик Тох Тургиев чувствует себя самостоятельным, будучи "инородцем". К нему почти ежедневно ходят депутации драгун с "требованием" от "народа". "Так что, господин поручик, люди требуют, чтобы Вы шли за сеном". — "Да нет, мне сейчас некогда", — вяло отвечает Тургиев. Комедия эта ему, осетину, не страшна. На другой день приходит новая депутация: "Так что, господин Тургиев (чин уже выпущен, но "господин" еще остался), народ просит Вас на кухню картошку чистить". Бедный Тургиев довольно решительно отказывается от этой чести. Пока что дальше "просьб" и "пожеланий" дело не идет.

Только что вместе с приказом по полку пришла следующая бумага. Вот дословно и без поправок ее содержание:

"Волею людей 1-го эскадрона командиру товарищу Гашимбекову объявляю полную доверенность. Остальным офицерам, согласно приказу полкового Военно-Революционного Комитета, предлагаю снять погоны и каждому стать по своим взводам на одинаковых правах с усеми солдатами и отпуск в Минск до приезда делегатов из сегодняшнего заседания быть не может.

Сахновский утверждает командиром 1-го взвода.

Председатель Комитета: Кроленко. Секретарь: Федоренко". Особенно неприятно напоминание, что поездки в Минск "временно" отменяются. Чують правду, сукины дети, но все же я уеду, в этом никакого сомнения больше нет. Не чистить же мне картошку в самом деле? Не на то нанимался в 1914 году.

Следующий случай был с кн. Гагариным, нашего эскадрона. Он это не без едкою юмора мне рассказал: "Пошел, значит, Гагарин проситься в Минск у своего «командира» взвода, драгуна Савченко. Входит в комнату: «Здравствуйте» — «Здравствуйте». Гагарин объясняет, что ему нужно отпускное свидетельство для поездки в Минск. Савченко: «Таак-с... гм... ддас... Ну что же (снихождительно и ободряюще смотрит на Гагарина) я так думаю, что, пожалуй, можно... А? Я думаю, никто не будет иметь ничего против... Дда...». (Важно разваливается на скамье — одна нога в огромном сапожище кокетливо выдвигается вперед). «Ну-с... так беру я всю ответственность на себя, не стоит беспокоить людей...». Ласковый кивок головой, аудиенция, мол, кончена, можете идти.

Несмотря на всю комичность разговора, вернее монолога, Савченко оказал Гагарину огромную услугу — а именно, решил не доклады в ать эскадрону о поездке Гагарина, хотя знал, что последний хлопочет об уходе из полка под любым предлогом.

Кроленко стал чаще брить щеки и сделал себе изящный пробор. И вот, несмотря на все, люблю я храброго, хорошего Кроленко и большинство своих драгун. Пока и они ко мне относятся дружелюбно.

Дынина, моего командира взвода, я еще не видел. Сегодня перебираюсь в свой взвод, где буду жить "с усіми драгунами". Поживем — увидим. Надеюсь, что это скоро кончится. А вот как я буду вести этот дневник? При людях?

д.Скобровка. 6 декабря 1917 г.

Вот я и "с усіми драгунами" и устроился весьма терпимо, пока что жаловаться не могу. Сначала пошел было к своему вестовому, драгуну Дмитрову, но у них в хате такая теснота и "сильный дух", что моя буржуазная душа не выдержала.

В конце концов пошел к своему непосредственному начальству — взводному Дынину и устроился в избе рядом с моей бывшей квартирой. Днем было общее собрание: прочли приказ, разбирали вопрос о категории людей, теперь часто упоминаемых в

различных приказах, — о “солдатах, лишенных должности” (т.е. бывших офицерах) — скобки не мои.

Решили так: лица эти уравниваются в своих правах с прочими драгунами и несут все наряды, посылаются на все работы и пр., но “ввиду того, что в этом нет ничего унижительного” (я не вполне согласен, т.к. меня все же разжаловали в солдаты!), то будут всячески преследоваться всякие насмешки и издевательства драгун по адресу этих бывших офицеров.

Пришлось даже голосовать за эту резолюцию поднятием руки. Пришлось поднять руку и мне — не спорить же? Получилось немного вроде смертельного приговора, подписанного самим осужденным. Было неприятно, но я скоро взял себя в руки.

Упоминание про “издевательство” объяснил мне Кроленко и с негодованием (лицемерит? — не думаю) рассказал про издеательства, которым подверглись некоторые офицеры Северского полка. Принц Каджар — толстый как бочка веселый Нуси-Ага, был вытребован на кухню, где ему дали ведро полузамерзших помоев и приказали вычистить в 5 минут!

Во время этого рассказа Кроленко ко мне подошли люди 4-го взвода (т.е. моего взвода) и начали очень дружески меня успокаивать, в чем я, признаться, нуждался, хотя и делал довольно спокойное и “бодрое” лицо, — говоря, что мы хорошо заживем, что черную работу мне делать не придется и т.д.

Интересно, что они были несомненно смущены, и им было неловко. Ведь не надо забывать, что я был их офицером с осени 1915 года! Два года все мне говорили “Ваше Благородие”, и я мог их посылать — и посылал — в тяжелые бои и опасные разъезды; два года мы делили опасности, холод, и жару, и жажду и вместе болтали у костров и лежали в цепи! Все это не так легко забывается и приказом не вычеркивается.

Со мной в хате живут драгуны Гвоздиков и Решетиловский. С завтрашнего дня начну чистить лошадь. От общего обеда я избавился, т.к. обедаю у командира эскадрона Измаила Гашимбекова. Избавился и от ходьбы за сеном — ходит, за известную мзду, товарищ Решетиловский.

Вчера вечером Сахновский, Гагарин и я метали жребий — кому первому организовывать бегство. Счастливый жребий выпал Гагарину, и он поедет в Минск в медицинскую комиссию, где офицеров, говорят, пускают “без осечки”. Ходят даже странные и, по-моему, нелогичные слухи, что это по тайному приказу товарища Ларона Абрамсона, т.е. Крыленко! Будто он хочет изба-

виться от офицеров. Но ведь эти же офицеры, чаще всего, бегут на юг к казакам и Каледину, и гражданская война на носу! Что-то не то, и думаю, что скоро будет труднее уезжать.

д.Скобровка. 7 декабря 1917 г.

Жить, по-видимому, будет не так тяжело, зная, что это все лишь временно и скоро придет главное решение. Спал, впрочем, плохо. Всю ночь слышался богатырский храп, причмокивание, сонное кряхтение и почесывание.

Встал, когда все еще было темно.

Задал коням сена, вывел своего, взял щетку и скребницу и впервые после Пажеского корпуса принялся за лошадиный туалет. Но в корпусе я это проделывал в теплой, элегантной конюшне с небрежным видом "барчука", снисходящего до непривычного ему труда. Тут совсем иное дело: во-первых, хочется доказать, что я знаю это дело, затем — здесь мороз. Утренний ветерок срывает снег с запушенных за ночь деревьев, и на небе догорает последняя звездочка.

От работы, несмотря на холод, чувствуешь себя в тепле. Вычистив лошадь, напоил ее у обледенелого корыта, насыпал зерна, привязал ее и после этого помылся, насколько мог, и пошел к Гашимбекову.

Было уже светло, значит, по-зимнему поздно. Вошел и даже удивился, что он еще спит, хотя за день до этого я сам дрых до девяти!

У-у, буржуй проклятый!

д.Скобровка. 10 декабря 1917 г.

Несу республиканскую, революционную, драгунскую службу. Драгуны все посматривают — убегу я или нет? Но подозрения их постепенно исчезают: чищу коня, ношу ему сено, задаю зерно; вчера был дежурным по эскадрону. Присутствовал при выдаче артельщиком мяса, крупы, лука, масла, жира и хлеба. Ходил за трубачом, чтобы он сыграл сигнал к обеду и ужину.

А бывало, важно придешь на кухню, раздается команда, и люди застывают — кто с ведром, кто с котелком в руке. Подойдешь этак баринном: "А ну-ка, дай мне пробу". Как это было недавно, а словно десять лет тому назад!

Только что приехал Гагарин, радостный и полный надежд. Комиссия его отпустила в трехмесячный "отпуск по болезни". Здоров он, разумеется, как бык.

Но комиссии этой все же не подвезло, третьего дня ворвалась в ее помещение банда большевиков с оружием в руках и грозила "штыками разогнать" докторов, если последние будут по-прежнему "способствовать бегству офицеров". Но как ее разогнать, если та же комиссия сотнями пускает домой и солдат, а теперь без погон кто разберет? Солдат ли? Офицер ли?

Кн. Гагарин все же уже сегодня уезжает — слава Богу, хоть один выбрался. Следующая очередь — моя. Жаль, конечно, бросать Гашимбекова и Сахновского, т.к. условия лучше не будут. Всякая перемена может быть только к худшему.

Слухи про столкновения между украинцами и русскими большевиками. Ростов будто бы взят отрядами ген. Каледина?²⁴

В Минске, в гостинице "Париж", произошел интересный случай: огромный зал ярко освещенный и полный публики; на эстраде оркестр играет разные модные штучки. Вдруг за одним столом встает польский офицер-легионер, опираясь на саблю, окидывает зал внимательным взглядом и среди наступившей тишины медленно поднимает бокал: "За здоровье Корнилова — ура!". Громогласное "ура" потрясает зал... "Оркестр — исполняй-те гимн!".

Странно звучат забытые и запретные звуки "Боже, царя храни". У многих на глазах слезы. По окончании гимна полумертвые от страха музыканты быстро исчезают, боясь скандала и ареста.

г.Минск. 18 декабря 1917 г.

Вот уже почти неделя, как я в Минске, после "скобровского сидения" это отдых для души и тела. Сплю на настоящей кровати, обедаю в ресторане, где старый лакей словно предугадывает мои желания. Не надо перед зарей понть коня и задавать ему корм.

Как чудесно звучит "Souvenir d' Armenonville" после гармошки. Скрипка "Шоня" томно закрывает глаза и наклоняет голову.

Попал я в Минск не просто, а с приключением. Когда я получил в штабе полка бумагу с предписанием ехать на физический осмотр для освидетельствования состояния здоровья и ехал с этой бумагой на санях обратно в Скобровку, то, вероятно, напоминал человека, везущего секретнейшую бумагу. Боязнь ее потерять перешла в какое-то помешательство — я нервно ощупывал свой карман и проверял, она ли это или я ее потерял. А вдруг в кармане совсем другая бумага?

Между прочим, по дороге едва не погиб. Ехал я вечером по неизвестной мне дороге, ехал напрямик. Сани мои бесшумно скользили по свежему снегу. Поднялся ветер, начал падать снег. Выехав из деревни я, по-видимому, сбился с дороги. Надо было сразу же вернуться назад в деревню, но... помешало самомнение. Да и можно ли было уже вернуться, т.е. найти деревню среди снежной метели?

Кругом, во мгле, не то деревья, не то кустики, поля и небо сливаются на горизонте, да какой это горизонт — дальше сотни шагов уже плохо видно.

Въехал в лес, вроде как бы по дороге... Рождественский лес! Весь в серебре, ветки свисают от тяжести снега, и среди сосен и елей на потемневшем небе загорелись первые звезды. В лесу стало тише. Но мне было не до красоты.

На крутом повороте сани мои врезались в огромный сугроб, лошадь куда-то провалилась, и все вместе — я, и сани, и вещи опрокинулись. Увязая по колено в снегу, постарался "оценить" создавшуюся "ситуацию". Сразу стало ясно, что дело дрянь. Оглобли почему-то оказались обе по одну сторону лошади, хомут стал ей поперек горла и сдавливал дыхание. Надо было прежде всего спасти лошадь. Но как? Стал распутывать ремни, но вскоре пальцы окончательно окоченели. Все пошло в ход: зубы, палка, кнут. Выбившись из сил, грустно сел на пень. В легких покалывало от сильного мороза, волосы слиплись от пота, в глазах потемнело. Плохо.

А лошадь бьется, стараясь разорвать упряжь. Александр Македонский в таких случаях выхватывал меч и рубил узлы. Теперь мне это кажется смешным, но тогда настроение было другое.

С силой отчаяния стал поднимать тяжелые сани на плечах. Силы удесятерились — что-то треснуло, что-то лопнуло, лошадь еще раз куда-то провалилась, и вдруг все, каким-то чудом, пришло в первоначальное положение.

Оглобли — по сторонам коня, хомут — вертикально, лошадь больше не задыхается и из ноздрей у нее идет густой пар. Из моих же ноздрей идет дым от победной папиросы... Как-то добрался до нашей деревушки.

На следующее утро стал собираться, на дворе было еще темно, и при трепетном свете свечей ледяные узоры на окнах сверкали, как драгоценные камни.

Опять сел в сани и поехал. На востоке уже небо начало розоветь.

И вот я опять в Минске. В "Европе", кроме меня, много наших офицеров — Петя Ден, Измаил Гашимбеков, братья Афако и Абубекир Эль-Мурзовичи Кусовы, братья Исаевы, кн. Юрий Абашидзе, кн. Сергей Львов, кн. Никита Лобанов-Ростовский, Сливицкий и еще другие — из молодежи. Живут по несколько человек в номере, спят на походных кроватях среди гор чемоданов и вьюков, колодок для сапог, седел и прочей офицерской рухляди.

Живут под дамокловым мечом, но весело, дружно и пьяно — всех объединяет одна мысль: бежать из полка. Чуть не написал "родного" полка, вот что значит привычка. Нет, теперь полк не родной, он больше не наш, он попал в чужие лапы.

Все же среди шума и веселья чувствуется грусть. Жалко расходиться; кто знает, куда кого судьба занесет? И когда увидимся и где? Да увидимся ли вообще?

Многие получили отпуск по болезни, кто на два, кто на три месяца. Завтра мой черед.

г.Минск. 19 декабря 1917 г.

На осмотр комиссии надо было являться рано утром. Еще в 6 утра стал собираться, и было еще совсем темно, когда я вошел в мрачный и грязный барак эвакуационного госпиталя. На нарах спало человек восемь оборванных товарищей. Маленькая лампа в углу нещадно чадила.

Записался в очередь; понемногу стали являться солдаты, и воздух стал тяжелым от дыма и запаха "махорки".

Прошел час, затем другой и третий. Наконец, моя очередь. В маленькой комнате пахнет потом, грязным бельем и какой-то дезинфекцией, не то карболкой, не то формалином.

"Вы чем больны и на что жалуетесь?"

"У меня последствия малярии, дизинтерии, катар кишок..."
Здесь осмотр — простая формальность, ведь почти все здоровы, но все же известный процент не пропускают, чтобы не возбудить подозрений Комитета.

Осмотрели. "У него что — малярия?", — спрашивает младший врач у старшего. — "Не знаю", — и на ужаснейшем французском языке: "Иль ди ме се не па вре". — "Sanus, иль на риен"* .

*

Он говорит, но это неправда (фр.). Sanus (осмотр — лат.), у него ничего нет (фр.). — И.Р.

Хотелось вмешаться, но сдержался и изобразил на своем лице полное незнание, хотя, может, злые глаза меня и выдали. "Комиссия признает вас здоровым". А, чтоб...

Итак, здесь дело не выгорело, но тут же я получил бумагу от полка к дежурному генералу и сразу же к нему явился.

Генерал-лейтенант Галкин оказался генералом весьма приятным. Среди розового младенческого лица, обрамленного приятной сединой, бегают юркие глазки.

И вот, хотя я и "sanus", и "же не риен", в руках у меня настоящий, дополнительный отпускной билет, дающий мне право на вполне заслуженный 7-недельный отпуск. Поеду в отпуск..., а там...

Впрочем, если бы дежурный генерал меня и не отпустил, я все равно бежал бы. Бумаги были у меня уже заготовлены, и кто узнал бы в Иосифе Семеновиче Павлове, заведующем бензиновым складом 11-й автомобильной роты, находящейся в Минске, бывшего поручика Нижегородского драгунского полка.

г.Минск. 20 декабря 1917 г.

Скоро Рождество.

На улицах чувствуется оживление и в окнах блестят елочные украшения. Неужели кому-нибудь теперь охота украшать елку?

Только что вернулся из Скобровки, где взял оставшиеся вещи и простился с драгунами. Правда, не со всем эскадром, а с теми, что были и остались верными, боевыми товарищами и друзьями. Жаль было в особенности Кроленко, Федоренко, Есикова, Павлова и моего Ковальчука.

Что творится в поездах, не поддается описанию. Полны не только вагоны, но и тендер, и паровоз, и нужники. Человеческие грозди висят на подножках вагонов, рискуя ежеминутно свалиться и размозжить себе голову.

В моем распоряжении оказалась часть подножки заднего вагона. Чемодан удалось приладить с помощью сложной комбинации ремня, вагонного фонаря и крыши вагона. На мосту меня едва не сбросило, но, в общем, если не считать слегка отмороженной ноги, доехал я до Минска благополучно.

Вечером сидел в номере кн. Юрия Абашидзе и слушал рассказ о его бегстве из 5-го эскадрона. Эскадрон этот стоял в имении кн. Оболенского, брата бывшего петроградского градоначальника. Юрия Абашидзе драгуны не любили за его известную грубость и требовательность. Совет же бежать дал ему преданный вахмистр Неменко. Брать коней Оболенского было невоз-

можно и опасно для самого князя. Думал он ночью выкрасть лошадь из эскадрона, но в последнюю минуту один из преданных драгун, осетин, предложил сани и лошадей какого-то пивовара.

Ночью, закутанный в доху, нахлобучив на глаза меховую шапку, Абашидзе медленно миновал эскадрон, дабы не возбудить подозрений, а затем, выехав за ограду, 28 верст гнал измученных лошадей до города.

Все постепенно разъезжаются, Старая гвардия — Петя Ден, Сергей Львов, Левданский, Боря Шереметьев — составляет арьергард. Каждый вечер собираемся за бутылкой вина, но как-то печально звучат полковые песни.

Ден передал на новый лад свою песнь про "Полковника". Слова песни могут показаться наивными, но я знаю только то, что когда Ден пел эту песнь под звуки своей гитары, то все мы, и граф Ф.Медем, и братья Абашидзе, и другие почувствовали щемящую тоску и по лицу лихого Юрки Абашидзе, пьяницы и скандалиста, текли крупные слезы, настоящие, не пьяные, а безотрадные слезы.

И правда, сколько прожили мы вместе душа в душу, связанные крепкой солдатской дружбой, делили и холод, и голод в горах Турции, и жажду в степях Месопотамии! Сколько вина выпили вместе и сколько раз выручали друг друга из беды...

Но довольно, а то мне самому уже слезы мешают писать.

Везти вещи багажом теперь немыслимо, и потому в "Европе" идет распродажа офицерских вещей. Занимаются этим жида-комиссионеры, и эта купля-продажа часто имеет свои смешные стороны. Подходит к вам на улице довольно подозрительного вида тип: "Скажите, Вы нижегородец?". — "Да". — "В таком случае Вы, наверно, продаете?... Имеете седло, имеете шашку... или, может, походного койке?". Так оно и есть. Поневоле приходится продавать "походного койке", когда везти нельзя, а сидишь без гроша. Продал бурку — прожил несколько дней, продал полушубок — хватит на неделю. На одно не могу решиться — это продать шашку. Ни за что!

Москва. 28 декабря 1917 г.

Ехал я с кн. С.Львовым, и ехали мы двое суток. Часть проклятого заколдованного кольца порвана, и здесь уже легче. Главный, самый решительный шаг сделан. У Александровского вокзала извозчиков не было, и мы мирно выпалились на каменному полу среди сутолоки и шума.

В нашем имении на старой Башиловке, где у моей матери и ее сестры Наталии Ник.Устиновой пять домов, беговые конюшни, манеж и пр., и пр., — все спокойно. Там царствует мой старый друг, заведующий беговыми лошадьми тети Наташи — Лев Дмитриевич Внуков. Постарел он, но держится бодро, как и полагается бывшему кавалеристу.

Хлеба почти нет, сахара нет, и вообще в Москве жить стало трудно. Гарнизон разбежался. Против Украины и казаков большевики ничего сделать не могут. С немцами мира еще нет, и большевики уже говорят о "священной войне" и мобилизации "всех, всех, всех".

Видел их Красную Гвардию — одеты кое-как, у кого полушубок, у кого осеннее пальто, кто носит папаху, [у]кого на башке кепка; винтовки держат, кто как хочет: под мышкой, на плече, а иной держит ее как тросточку. При них начальник весь в револьверах, кобурах и биноклях.

Пошли мы с Львовым, который живет пока у меня на Башиловке, к американскому консулу "заняться", но не тут-то было, американская армия в офицерах-иностранцах не нуждается. А в солдатах? Тоже нет. Видел Сахновского с женой. Видел и Дмитрия Борисовича Нейдгардта. Записал последние стихи Мятлева:

Городовой

Городовой, как много в этом слове!
Какая власть, какая сила в нем...
Ах, я боюсь, спокойствия былого
Мы без тебя отчизны не вернем.
Красой небес, миражем чудной сказки
Опять встант знакомый образ твой,
И вижу я, что без твоей указки
Нам не пройти житейской мостовой.
Где б ни был ты, ты был всегда на месте,
Всегда стоял ты грозно впереди,
В твоих глазах, в твоём державном росте
Один был знак: "Подайся, осадил".
Бранился ль я с неугомонным Ванькой,
Иль ночью брел по улице с трудом,
Не ты ль мне был защитником и нянькой,
Не ты ли мне указывал мой дом?
Прекрасен вид восставшего народа,
Волнуют грудь великие дела,
Но без тебя и самая Свобода
Взволнованному сердцу не мила.
О, появься с багрово-красным ликом,
С медалями, крестами на груди,
И обойди всю Русь с своим могучим криком:
"Куда ты прешь, подайся, осадил!"

Вчера навестил Теймура Наврузова и его молодую жену, сестру Гриши Прохорова — наследницу Прохоровской мануфактуры²⁵. Она красива, стройна, белокура, с несколько скучающим видом. Дом просто потеет богатством, стены увешаны коллекцией картин, купленных на выставках и в России, и за границей.

Глядел на следы московских боев, на сожженные дома, разбитые стены, испещренные снарядами и пулями, на вывески, пробитые, как решета. "Свежо предание, а верится с трудом..."

Батум. 15 января 1918 г.

Вот я и дома, вот и дожил до 1918 года, и вот не знаю, стоит ли продолжать писать этот дневник, чудом вывезенный на Кавказ? Все же как-то кончить описание моих последних походов следует. Начал писать дневник из-за войны и кончу его с концом войны: 1914—1918! Кончилась война и с ней моя "карьеря" — дослужился до чина штабс-ротмистра.

Встретили Новый год в Москве, но не шампанским, а пивом. 3-го числа отбыл с Кавказского вокзала, причем пришлось прыгнуть на площадку вагона, когда состав подавали из вагонного парка; затем пришлось подкупить проводника... затем осада купе, и отбитие повторных атак товарищей... Выходы из купе лишь через окно, т.к. коридор был завален людьми и багажом. И так три дня и четыре ночи! У меня было завидное место: конура для багажа над дверью; но, правда, приходилось складываться, как перочинный ножик.

"Граница" между "ими и нами" проходила между ст.Чертково и ст.Миллерово. Первую занимают большевики, вторую казаки.

В стане товарищей шумно, к небу то и дело взлетают ракеты и раздается истерическая стрельба. Поезд тщательно обыскивается, причем всякое оружие отбирается. Иногда в категорию оружия входят серебряные портсигары, кошельки и пр.

В казачьем стане тишина и порядок. Чувствуется уверенность в своих силах без ненужной трескотни выстрелов. Казаки тоже производят обыск, но спокойно и деловито: "Вы офицер?". — "Да". Казаки молча идут дальше, не взглянув даже на вещи. В вагонах сразу становится свободно, товарищи куда-то исчезли и можно выйти в коридор.

В Ростове полный порядок и спокойствие. На стенах вокзала объявление: "Солдаты и офицеры! Записывайтесь в Добровольческую армию!".

Дальше идет перечень условий: жалование офицера 100 рублей, солдата 30 рублей в месяц. За четыре месяца непрерывного пребывания на фронте пособие 200 рублей, за 8 месяцев больше, и т.д. За ранение единовременное пособие в 500 р. Семье убитого 1000 р. Женатым офицерам субсидия 100 р. в месяц. Дальше идет описание главных отличий Добровольческой армии: никаких комитетов, полная дисциплина. Не то что нет комитетов, а именно “никаких”, это ведь большая разница, если вдуваться! Говорят, что набор идет успешно. Генералы Каледин, Алексеев и Богаевский царят на Дону. Корнилов пока особой роли не играет. Здесь же находится и Родзянко.

Говорят, что фронтовые казаки заразились большевизмом и Каледин думает распустить их по домам для “оздоровления”.

У офицеров здесь погоны, на меня многие смотрят сочувственно — беглец, мол, из большевистских стран на Вольный Дон. Здесь же собирается и Батальон смерти. Оказывается, наш Дударов вовсе не был ранен и арестован в Калуге, а просто скрывался и теперь вместе с Ширяевым находится в Новочеркасске, куда стягиваются поодиночке ударники из разных углов России; много здесь и храбрых, молодцеватых юнкеров.

В поезд сесть легко и после езды на подножках как-то чудесно и неправдоподобно: у каждого вагона стоит “некто” неподкупный, пускающий лишь по билетам и не знающий жалости к товарищам.

То, что ожидает нас впереди, не совсем ясно. В Ростове выдают билеты лишь до Петровска. Станции Тихорецкая и Прохладная в руках большевиков — это объясняется тем, что эшелоны с Кавказского фронта боятся двигаться на Ростов, где их обездороживают, и потому застревают по дороге на крупных узловых станциях, где можно свернуть, минуя Ростов.

После минской и московской дороговизны я был поражен: огромный белый (!) хлеб фунтов в 10 стоит здесь 3—4 рубля. Благословенный край. Пассажиры с севера, как волки, накинулись на дешевую еду.

Значит, билеты лишь до Петровска, а дальше все зависит от предприимчивости чеченцев и ингушей. Владикавказ, говорят, наполовину разграблен ингушами, несмотря на то, что осетины стали на сторону русских и что войск там было вполне достаточно. Станции Терек, Гудермес и некоторые другие сожжены чеченцами.

Нелегко выяснить: кто виноват? кто первый начал бесчинствовать? Местное население говорит, что виновата "чечня", но, зная про безобразия и грабежи проезжающих с Кавказского фронта эшелонов большевиков, невольно возникают сомнения. Виноваты, очевидно, и те и другие, и нельзя винить одних диких чеченцев.

Но положение серьезное — сожжено четыре станицы, дворов по 600—800, и почти все мелкие железнодорожные здания, будки и т.д. В ответ казаки собрали карательную экспедицию и дотла сожгли три больших аула около Гудермеса: Большой и Малый Юрты и еще какой-то.

Проезжая ст.Гудермес, издали видел догорающие развалины. Не только она, но и недавно отстроенный городок сожжен чечней дотла.

На станциях теперь казачья охрана — по одной или две сотни на станцию. Около казаков видны награбленные ими ковры, подушки, одеяла и другое чеченское барахло — видно, набеги были удачны!

Около станции Терек мы потерпели легкое крушение, но это теперь дело обычное и никто не обращает внимание, т.к. пути в плохом виде. Упало четыре вагона.

В Баку разочарование: дежурный по станции заявил, что поезда на Тифлис не идут. Для меня это был действительно удар, т.к. в кармане осталось всего 40 рублей.

Выручил меня еврей. Я заметил, что в трудную минуту евреи неизменно меня выручали. Мой еврей, Моисей Штерн из Батуми, узнав, что мои дела плохи, указал на недорогой ресторан, который назывался "Московская столовая Лизы Каз" — не "Кац", а именно "Каз"... дальше шла еврейская надпись. Слово "столовая" оказалось, впрочем, враньем. "В прежнее время у меня была такие себе столовая... а теперь... теперь — ну, скажите, ну что теперь можно делать?". Так говорила моя Лиза, окруженная десятью евреями-жильцами.

Дело было дрянь, но, сидя за столом и слушая оживленный "идиш", перемешанный с русскими фразами, я не мог не улыбнуться: уж больно все это было странно, и сама Лиза в своем парике, и ее жильцы, и комнаты-дортуары по 3 рубля с рыла за ночь; забавны были и картины на стенах — все еврейские интерьеры и синагоги.

Итак, поселились мы с Мойшей Штерном у Лизы Каз. Пил "фельдфебельский" чай без сахара, слушал жаргон, ловил клопов

и скучал. Скучал до того, что не выдержал и сел на поезд, про который единогласно решили, что он не дойдет, а если и дойдет, то будет ограблен, все пассажиры будут перебиты, а сам поезд будет сожжен. Словом, останется лишь дым — так по крайней мере решили знатоки.

К вечеру публика, которая рискнула сесть в поезд, стала исчезать, т.к. с юга дошли действительно страшные вести.

На этот раз сомнений быть не могло, по словам пробравшихся очевидцев “елизаветпольских ужасов”, как их окрестили в Баку.

Вот в чем заключались эти “елизаветпольские ужасы”. Огромные массы наших войск бросили Кавказский (турецкий) фронт по приказу Правительства Народных Комиссаров и в начале января (1918 г.) наводнили Тифлис и прифронтовые области. Части эти, уходя домой, в Россию, забрали с фронта все, что можно было забрать: теплые вещи из складов, белье, лошадей, сбрую, обувь, кожу и пр. Устраивали распродажи, аукционы и даже из-под полы продажу оружия. Мало того, поехали они “домой” с пулеметами, артиллерией, винтовками и ручными гранатами. Очевидно, знали, что генерал Каледин под Ростовом что-то затевает, на север надо было ехать через Ростов.

Когда наши “серые герои” оставили позиции, то турки стали продвигаться вперед, а так называемые национальные войска, т.е. грузины, татары и армяне, решили турок в “no man’s land”* не пускать. Беда в том, что люди у них были, но не было оружия, чтобы задержать турок. Казалось бы, чего проще: “Вы, русские, бросаете фронт и отдаете Кавказ на съедение туркам. Так уходите, но по крайней мере оставьте нам ваше оружие, чтобы мы могли защитить свою землю и свои семьи. Ведь вам всего этого оружия все равно не надо”.

Казалось бы, ясно? Но наши солдаты отказались. Пришлось пытаться их разоружать силой, и, например, на ст. Шамхор случилось, что подошедший эшелон товарищей был остановлен грузинским и татарским полками нашей бывшей Дикой дивизии и под угрозой должен был сдать оружие, прежде чем следовать дальше на Баку—Ростов. И вот этот именно обозленный и мечущий грома

*

Ничейная земля (англ.) — *И.Р.*

на "кавказское правительство" эшелон я и имел несчастье встретить на станции Терек. Следующие 11 эшелонов, узнав о случившемся, решили не растягиваться, подъезжая к станциям Шамхор и Даляр, а идти почти вплотную один за другим.

Переговоры затянулись, и большевики отказались сдать оружие; к этому времени татарами были спешно вырыты окопы и из района Елизаветполя стали стягиваться тысячи чающих оружия татар.

Бой начался из-за того, что к эшелонам подъехал бронепоезд с грузином, шт.-ротмистром Абхазала, который начал объяснять положение. Но долго говорить ему не пришлось, так как артиллерийский фельдфебель-коммунист незаметно навел орудие на открытую дверцу и ... выстрелил. И поезд, и Абхазала, и его помощники скатились под откос. Абхазала имел Георгия, золотое оружие и всю "мелочь", включая Владимира, и был любим своими.

Начался бой, который продолжался около трех суток. В результате большевики сдались, отдали оружие, но на этом дело не кончилось, а началось то, что татары именуют "мала-мала резил" и "хамазум карабчи".

Были сожжены составы нескольких эшелонов; заодно ограблен и сожжен пассажирский поезд из Тифлиса; часть пассажиров убита, и много женщин изнасиловано. Сгорел чудесно оборудованный санитарный поезд; с солдат сняли все, что можно было содрать, а оружие с таким трудом отобранное для вооружения национальных войск, ушло куда-то в горы. Правда, его обещали отдать — но мы-то знаем!

Я прибыл в Елизаветполь к концу сражения, и при мне подошли обезоруженные эшелоны и в них молчаливые, мрачные и злые пехотинцы, которые, как волки, касились на стройные фигуры всадников Дикой дивизии. Из вагонов стали выносить бесчисленных залитых кровью раненых, а также многих убитых.

Простояли мы в Елизаветполе сутки, деньги мои пришли к концу, и я перешел на хлеб и воду. Наконец я двинулся дальше, но уже с эшелонам Грузинского полка — как-то вернее. По сторонам пути груды трупов, почти или совсем голые и скрюченные. Мертвых уже было зарыли, но татарам-четникам это не понравилось, и они вырыли трупы и бросили их собакам.

Проехали мимо бесконечной вереницы сожженных станций, разъездов и поездов.

В Тифлисе было спокойно, но около Гори была стрельба, и в наше купе попало пять пуль, напугавших бедных женщин и детей.

Если едешь 14 суток, всего мучительнее последнее 2—3 часа, и когда в 5 утра я подъехал к Махинджаури, мое нетерпение достигло апогея.

КОНЕЦ ВОЙНЫ 1914—18 гг.

Нет смысла печатать полностью конец этого дневника, потому что описания моего пребывания в Батуме полны малоинтересных личных переживаний. Следовательно, оставлены лишь короткие выписки.

Батум. 10 февраля 1918 г.

Здесь все надеются на грузин, татар, украинцев, ингушей, текинцев и вообще всяких горцев... Что же [касается] наших коренных русских, то уже укоренилось общее мнение, что добра от них ждать нечего. Но главная надежда у всех — Кавказ и Украина. Спасения ждуг с Юга!

Батум. 12 февраля 1918 г.

Застрелился несчастный ген. Каледин, поняв, что часть казачества заражена коммунизмом. В Батуме голод, яйцо стоит 50—60 копеек, хлеба нет, мясо исчезло, правда есть еще кукуруза и изредка можно найти картошки.

Батум. 5 марта.

Вдали слышна сильная пулеметная, ружейная и артиллерийская стрельба. Это стычки между грузинскими войсками и красными матросами. Местные туземцы, аджарцы, которых уважаю и даже люблю, дали грузинам ультиматум о переходе всей власти в их руки. Приехал ген. Ляхов, который поссорился с грузинами и на которого метят аджарцы, которым нужен видный вождь²⁶.

Батум. 15 марта.

Грузины объявили общую мобилизацию (18—40 лет). Против кого? Русских? Аджарцев? Решил увильнуть и достал бумажку, из которой явствует, что "штаб-ротмистр Столыпин [поручик? — Так в тексте. — Ред.] состоит на амбулаторном лечении при 329-м госпитале". Не особо убедительно, но лучше, чем ничего.

Батум. 17 марта.

С гор, т.е. из Горной Аджарии, сошла первая партия горцев и ввязалась в перестрелку с грузинской разведкой. С обеих сторон

были легкие потери. Из Тифлиса прибыли грузинский бронепоезд и взвод конно-горной артиллерии. Солдаты хорошо одеты, и кони недурны. У офицеров малиновые фуражки — явное подражание нижегородцам. Проследовал батальон грузинской пехоты, который вступил в бой с аджарцами у речки Аджарис-Цхали.

25 марта.

Уже три дня, как идет слабая перестрелка между грузинами и аджарцами, которых поддерживают турецкие четники — или, может быть, даже авангард главных турецких сил?

27 марта.

Оказалось верно, с юга подошел небольшой авангард — человек двести турецкой пехотной дивизии. Отряд ночью перешел через нашу границу вдоль речки Чороха. Это рукой подать от Батума, и у нас есть там участок земли, тогда как наша дача в Махинджаури — четыре версты на север от Батума, на берегу моря.

Тревога овладела главным образом греками, армянами и грузинами, тогда как русское население держится сравнительно спокойно. Знакомые аджарцы уверяют отца и меня, что нам опасаться нечего и что они нас защитят. Турецких аскеров я особен-но и не боюсь, а вот насчет турецких четников и курдов?

Наша дача ближе к Зеленому Мысу, чем к Батуми, и мы все время слышим орудийную и ружейную стрельбу и с юга и с севера, около Чаквы и Орто-Батума и самого Батума. Стрельба не Бог весть какая, но к полудню перестрелка усилилась и приняла характер настоящего боя. В грузинских штабах и управлениях настроение подавленное. Не то чтобы поджали хвосты, но вроде...

Махинджаури. 28 марта 1918 г.

Бои усиливаются, народ бежит из Батума со своим скарбом, выехал Государственный банк. По слухам, одна турецкая пехотная дивизия уже целиком переправилась через реку Чорох. Начались грабежи, и наша Леночка (Елена Николаевна Милютина) ночью отстреливалась, а вот ген. Лопатина убили на его даче.

Ночью меня разбудил папа, т.к. кругом шла стрельба. Из предосторожности поставили свечку под стол, так как у нас ставень, увы, нет. Вышел, вернулся, лег, но потом опять пошла кругом стрельба. Мама волнуется, что у меня нет здесь ничего штатского, но, по-моему, это роли не играет.

Днем снова сильная стрельба, и в Батуме почти все стекла выбиты.

Грузины арестовали каких-то аджарцев, и наши дачники добились от коменданта крепости Батума их освобождения. Это дипломатически правильно. Надо держаться аджарцев, авось не зарежут.

Турки подвезли артиллерию и отвечают на огонь фортов Батумской крепости. Часов в пять прибыл поезд с грузинскими подкреплениями, но мне думается, что Батуму пришел конец.

Ночью наш гарнизон, т.е. папа и я, сделали вылазки и засели в саду, чтобы в случае чего отстреливаться от грабителей. Грустно, что "рассыпаться в цепь" приходится вдвоем. Где мой эскадрон Его Величества?

Махинджаури. 30 марта 1918 г.

Стрельба прекратилась, ведутся какие-то переговоры, но вскоре выяснилось, что они ни к чему не привели. Ночью все освещалось турецкими ракетами, чем, вероятно, пользовалась крепостная артиллерия. В 6 утра все стекла в нашем доме задрожали от орудийной стрельбы. Верден не Верден, но внушительно. Слышится и непрерывная оружейная стрельба.

В 2 часа дня стрельба слышна уже у нас в тылу. Зашел к нам ген. Воскресенский с женой. Его дача, недалеко от нашей, уже под огнем, и т.к. она деревянная, то они решили зайти к нам в наш бетонный дом.

Тут как на грех пришла с Зеленого Мыса тетя Маша Офросимова — сестра отца, и пришлось ее провожать обратно. Мать вышла на шоссе с ней проститься и была обстреляна. Мне нравится, что она не боится выстрелов, даже не нагибается. Прибежал довольно простоватый на вид грузинский офицер и удивился, что мы еще не бежали. "Наши, — говорит, — немножко отходят". На вопрос ген. Воскресенского, почему все бегут, он, не задумываясь, ответил: "Я иду к фельдшеру, а другие отходят по убеждению".

Все больше отходящих грузин. Стрельба все ближе. Пришлось все же форму снять. Штаны отца так широки, что при моей худобе могу пролезть в каждую штанину, как в туннель. Несмотря на трагичность положения, не мог не рассмеяться! Наконец надел бриджи без лампасов, высокие сапоги без шпор, какую-то фуфайку и лихо заломил набекрень фетровую шляпу — ни дать ни взять укротитель львов.

Приехал Пассек на автомобиле и на ходу крикнул: "Кончено!"... Десяток поездов несутся один за другим, на подножках грозды людей. На платформах сотни грузинских солдат, и среди них флегматично стоят коровы и лошади.

На море лодки, яхты, буксиры, баржи и пароходы, вдали транспорты покрупнее. По дороге велосипеды, автомобили, телеги, всадники и пешеходы. Настоящее переселение народов. А как фон картины — пыль, гром орудий и сильная ружейная стрельба. На нашем полустанке отстреливается бронепоезд. Пулеметы трещат вовсю. Зашли Наташа и Юрий Волконские, они, как и мы, не боятся. Сидим на солнышке, и мимо нас бегут сотни совершенно обалдевших от страха людей. Некоторые кричат нам, чтобы мы бежали: "Всех режут!".

Под вечер появились 8 вооруженных аджарцев, но это наши жители деревни Махинджаури. Пришли, чтобы успокоить: "Ни один волос с головы русских не упадет" ... Привели с собой четника из горной Аджарии, с одним глазом, хуже не выдумаешь — худой, одноглазый, желтый, в черном тюрбане, весь обвешан патронташами, в руках "манлихер", и при этом оборван, как нищий дервиш. Он осмотрел дом, нет ли спрятанных грузин, и заверил, что теперь "хорошо жить будем, если русский пострадает — нам большой стыд будет!". Долго с подозрением смотрел на ванну, пока здешний аджарец не объяснил, что "там командор (мой отец) с мылом плавать".

Махинджаури. 2 апреля 1918 г.

Мы в Турции, Батум "юхлай", и нам говорят солдаты: "Якши урус, проходи, не бойас". На даче Сибирякова поселился какой-то паша. Мимо нас по шоссе безостановочно проходит турецкая пешота. Одеты аскеры прилично и тепло в толстое серое сукно, многие офицеры верхом, и у некоторых хорошие кони преимущественно рыжей масти. Вперемежку небольшие отряды конницы "хамидие", для разведки, донесений и связи. Впереди каждого отряда группа аджарцев и четников-разведчиков.

Турки идут на Цихис-Дзири и оттуда двинутся на Самтредиа. Если не будет сопротивления, может, двинутся и на Тифлис, хотя я лично считаю, что главная цель — Баку.

Мой двоюродный брат, Шура Офросимов, был в Батуме, где идет грабеж ("хамазум карабчи") разными иррегулярными отрядами курдов и других, лежат убитые и раненые. Шура до того обнаглел, что подобрал винтовку и пронес ее под носом турецких постов. На черта она ему?

Турецкие солдаты любезны, кланяются, а мне даже отдают честь, хотя я не в форме. Может, лучше надеть форму и царские погоны?

Под вечер проходят новые части, солдаты бледны от усталости и худы, заходят в калитку, просят хлеба и воды; иные очень назойливы и пристают за табаком или сахаром. Решил закрыть калитку на ключ и перейти на осадное положение.

Пехота еще ничего, а вот обозники не внушают доверия, у многих зверские рожи, есть и негры и арабы (?). Мы лучшие вещи запрятали.

Подвечер наша горничная Юзефа встретила меня, когда я возвращался от тети Маши. Оказывается, турок украл мои лучшие сапоги! Даже колодки! На мое счастье, около оказался офицер, который увидел, что, когда я начал протестовать, меня обступили зверские курдские рожи. Офицер, поняв в чем дело, поскакал, догнал обозника и жестоко отхлестал его по голове и лицу.

Получив сапоги, я сразу юркнул в кусты, т.к. дальше шла нестройная толпа обозников без офицера. Пробрался домой, "применяясь к местности". Пришли соседи, кое-кого ограбили, например Никольского. Даже у аджарцев украли много скота, а их самих погнало в авангард разведчиками.

Махинджаури. 5 апреля 1918 г.

Был бой под Чаквой (где большие плантации чая). Грузины не выдержали (см. у Лермонтова), и турки уже под Кобулету. У нас ограбили Ступина, Шереметьева, Сибирякова, Палибина и других. Это неизбежно, и можно даже удивляться, как удалось турецкому командованию удержать усталых и полуголодных солдат от повального грабежа, тогда как раньше этим самым солдатам разрешалось и даже советовалось резать армян и всех грабить. От мародеров всегда трудно уберечься, и лучше турок не обвинять.

Вчера пошли на дачу Сибирякова к турецкому паше (генералу). Его не застали, но видели табор четников и офицера железнодорожного батальона. Личность эта именовалась "Измаил Оглы Нури Эфенди-Машина Командор". Мне он понравился, но толком мы ничего не узнали. В Батум еще официально не пускают. Пленных грузин должны на днях отправить в Трапезунд.

Махинджаури. 7 апреля 1918 г.

Турки заняли Кобулету, Натанеби и Самтредиа. В Батум пришел Энвер-паша. Радость турок была необычайна, и был не только пушечный салют, но и ружейная трескотня, причем пули так и порхали над головами. В городе был подан обед на 60 человек, причем Энвера встречали наши "отцы города" и другие русские.

Вчера опять прошло форсированным маршем много пехоты. Вид у аскеров совершенно изнеможенный. Обоз почти весь выючный, на ишаках (эшек) и мулах (катыр), а повозки наши, русские, захваченные в Трапезунде.

Грабежей стало меньше. В Батуме в "hotel London" расположился немецкий штаб. Слухи, что всех русских офицеров заставят являться в Батум каждые три дня на регистрацию.

Махинджаури. 9 апреля 1918 г.

На реке Чорохе у турок были потери. Мосты были взорваны, и пришлось наводить понтоны. Железнодорожное сообщение восстановлено, и турки привозят раненых с фронта в русских санитарных вагонах.

В Батуме, в порту, стоит немецкий транспорт, развевается черно-бело-красный флаг и поблескивает золотом надпись "Минна Ноги". Рядом турецкий крейсер, и, что печально, оба грузят продовольствие, захваченное в наших голодных краях. Противно видеть щеголеватых германских офицеров и упитанных унтеров, гуляющих по улицам. Будь они прокляты!

Махинджаури. 10 мая 1918 г.

Давно не писал, т.к. за это время успел попасть [к]туркам в плен. Случилось это так. Устроена была регистрация всех офицеров, даже отставных, у бывшего коменданта крепости полковника Гедеванова. Мне попался №260 и приказано являться по понедельникам и четвергам в турецкую канцелярию. Обидно, но не трагично.

И вот однажды утром пошел я в город с Волконским, и с нами увязался Шура Офросимов. У поворота в город пара турецких четников преградила нам путь: "Яссак!".

Забрали нас грешных и повели сначала в какую-то казарму, где я убедил турецких офицеров, что Шура еще гимназист — "un collegien et pas un militaire"* , и его отпустили. Нас продержали, а затем с двумя солдатами повели сначала на радиостанцию, а затем куда-то в горы и, наконец, в большое здание, где уже толпились арестованные военные и даже штатские. Никто не понимал, в чем дело, а двое турецких офицеров упорно молчали.

*

Учащийся, а не военный (фр.). — *Ред.*

Затем было опять шествие по городу к комендантскому правлению. Две команды полны народа и табачного дыма. После бесконечного ожидания появился комендант города Али-Разабей, плотный блондин с подстриженными на немецкий лад усами и огромным турецким носом. На голове маленькая коричневая каракулевая папаха офицера оттоманской армии. О чем-то пошептался с полк. Гедевановым и капитаном Мышлаевским и было объявлено, что будет составлен (опять?) список офицеров.

Мелькают знакомые лица — Кувязев, моряки Дмитриев и Макалинский, Шереметьев и другие. Ставни закрыты, и часовой не позволяет открыть окно. Странно. Проходит час, другой, я встал в семь утра, теперь 3 часа дня, и я чувствую, что голоден, что стоять утомительно, а сесть не на что.

Постепенно темнеет, на улице волнение — это родственники тех офицеров, что живут в самом Батуме, узнали, где мы, и беспокоятся. Похоже, что это не регистрация, а похуже будет. Уже темнеет.

Наконец нас выстраивают во дворе и говорят, чтобы мы не беспокоились, что нас через часа два отпустят домой. Опять перекличка и регистрация, но уже на турецкий лад — вызывают не по фамилии, а так: "Александр, мать Мария", "Николай, мать Анна" или просто — "Василий, Садовая 5". Сразу находятся два Александра с матерью Марией и два Василия на Садовой и т.д. Делается холодно, и стрелки часов показывают уже на 12 часов ночи. Голодно и берет злость.

Мы снова возвращаемся в здание комендантского управления и в 2 часа ночи нас опять выстраивают во дворе. Мой легкий китель не спасает от холодного ветра. Наконец нам объявляют приятную новость: "Господа, постройтесь, вас будут вызывать по одному и отпускать".

Домой уже поздно, но как-нибудь устроюсь на ночь в городе, а чуть свет домой. Пришла и моя очередь, меня перевели в другой двор, где я оказался перед высокой дверью, вернее, железными воротами. У ворот часовой. Вот он наклоняется, говорит с кем-то за воротами, и вижу при свете фонаря, как его суровое лицо смягчается и как сквозь щелку просовывается скомканная кредитка — лира (16 рублей). Он еще шепчется, видимо, не понимает и вызывает одного из нас — вести с "той стороны".

Офицер наш о чем-то говорит в щелку ворот с женщиной, затем поворачивается к нам и говорит: "Господа, все, что говорят

турки — вранье, и тех, что будто бы отпустили домой, собрали небольшими группами и погрузили на транспорт”.

Глубокое молчание было ему ответом. Вот тебе и турки! Добрый мой Глонти, товарищ по полку, теперь офицер грузинской армии, посадил меня рядом с собой, и мы оба завернулись в его бурку. Какое блаженство! Так и сидели мы на полу, прижавшись друг к другу, нахохлившись, как два воробья.

В темноте повели нас в какое-то другое здание через бесконечные коридоры в полутемные закоулки. Когда мы проходили между шеренгами аскеров, турецкий фельдфебель каждого из нас тыкал пальцем в плечо, называя турецкую цифру... игирми бир, игирми ики, игирми докус...оту.

Вот и улица, стоим у ярко освещенного крыльца, сама же улица теряется в мраке. Глаза постепенно привыкают, и я начинаю различать блеск штыков аскеров, которые кольцом нас окружают.

Взвешиваю возможность бегства — невозможно. Мы в плену, это ясно, и что посадят на транспорт — тоже ясно. Беспокоюсь, что нет шинели, еды и денег. Что турки нас кормить не будут — это я тоже знаю. Не из жестокости, а просто им наплевать. Они сами питаются одной кукурузой и всегда голодны.

Около гостиницы “Франция”, где находится какой-то штаб, на часах стоят весьма экзотического вида солдаты в высоких красно-оранжевых чулках. Вот и набережная, пахнет морем и дегтем, а вот и транспорт. С трудом поднимаюсь по трапу, чуть не падаю в воду, нахожу кают-компанию, где все места уже заняты, и меня притискивают в самый угол огромного кожаного дивана, окаймляющего всю стену. Кто-то из офицеров садится за пианино, играет он недурно, но пианино не настроено, да и слушать нам неохота.

Глонти удалось купить хлеба у аскера, хлеб сухой и кислый, несмотря на голод, едва смог проглотить два-три куска. Кувязеву как штаб-офицеру дали каюту, и он позвал нас к себе. Каюта маленькая, грязненькая, устраиваюсь с Глонти на полу, голова у меня под умывальником и на меня изредка капает вода, но сон сразу уносит меня в иной мир.

Проснулись мы почти одновременно от грохота — это паровые краны, мы не то разгружаемся, не то грузимся. Смотрю на часы: 6 утра, значит, я проспал 2¹/₂ часа. Выхожу на палубу — красота, свежесть, горы в легкой дымке. Солнце еще не согрело

воздух, жаль, что это не прогулка по синему морю, а что загоняют нас в какой-нибудь распроклятый Сиваш или Диарбекир.

На пристани семьи "пленников". Тут же группа германских и турецких офицеров, высокие воротники кителей подпирают наглые рожи, в руках стэки, палочки. Когда аскер прикладом грубо отталкивает русскую даму, они делают вид, что не замечают. Другая дама проталкивалась с пакетами для мужа и слишком близко подошла к берегу — аскер грубо пихнул ее кулаком в плечо и грудь! Слева аскер машет хлыстом перед самым лицом другой женщины, чтобы не напирала. И ничего сделать не можешь!

Но в тот же день видел людей с хорошей стороны, которые делились последним с почти незнакомыми. Вот и мои прибыли и передали мне турецкие деньги, хлеба, сала, галеты, белье и теплые фуфайки. Дело было уже к вечеру, следовательно, уже двое суток, как я ничего не ел. Делюсь с теми, у кого нет друзей в городе.

Слух, что нас задержали, чтобы якобы воздействовать на какие-то переговоры. Похоже на вздор? Солнце уже заходит... вдали какой-то шум, два автомобиля, люди бегут сначала к тому транспорту, на котором томится бедный Юрий Волконский, затем к нам — видимо, хорошие вести: "Ура! Вы свободны!" ...

Еще какие-то формальности и, наконец, могу спуститься на берег. Я, Аркадий, сын Ольги, свободен. С ненавистью оглядываюсь на серо-зеленую громаду корабля и на турок — и айда домой!

Махинджури. Май 1918 г. — август 1918 г.

Опять новая регистрация, но на этот раз русских записывают отдельно от грузин, т.к. мы не воевали. Мой номер алтмиш-еды (67). Положение в Батуме становится все хуже. Турки постепенно сбрасывают свою полувосточную личину и показывают свою жадную, бесстыдную рожу. Губернатор, т.е. "вали", спекулирует на керосине, военный начальник области — тот спекулировался на табаке. Все "хозяйство" основано на взятках. Главный паша, тот берет от крупных тузов взятки в сотни тысяч, но не брезгует 100 рублями какой-нибудь старушки-дачницы. Видные чиновники скупают чай в Чакве почти даром и доводят цены до 45 рублей фунт.

У б и л и ц а р с к у ю с е м ь ю. Не буду об этом писать — слишком тяжело. На Украине гетман Скоропадский. На красных нажимают. Пришла моя очередь.

Заканчивая этот дневник, хочу еще отметить два интересных и даже забавных эпизода.

Э п и з о д п е р в ы й. Со временем военный пыл турок несколько остыл, грабежи прекратились, и главная часть войск была выслана на север. На главных фронтах победа союзников над немцами казалась неминуемой. Турецкое командование было в курсе дел, и это отразилось на отношениях оккупационных властей к местному населению. Окрики, аресты, грубости, реквизиции понемногу заменились не то что заискиванием, но каким-то "милым вниманием".

Например, зная, что русские дачники почти голодали, власти предложили, правда не всем, но некоторым более видным личностям, разным отставным генералам и т.п., своего рода паек — мешок муки в месяц, что казалось чем-то почти сказочным. Некоторые восприняли эту манну, но большинство — и на это требовалось немало мужества — отказались и предпочло голодать.

Однажды, неожиданно-негаданно, к нашей даче подкатил большой черный автомобиль, из которого вышел и направился к дому элегантно одетый турок. Оказался он гражданским губернатором. Сел в гостиной, пил чай, на прекрасном французском языке говорил с отцом о том о сем, упомянул, что всегда считал П.А.Столыпина выдающимся государственным деятелем "de L'avant-guerre..."*, коснулся войны — "ce fleau de notre pauvre humanite"**, и спросил, нуждаемся ли мы в чем-либо: "Nous serons tout heureux de vous venir en aide... n'hesitez pas..."***.

Мой отец сказал, что он не в курсе последних событий и довольно сухо отказался от какой-либо помощи.

Посидев около часа, турок поблагодарил за оказанное ему внимание, вышел, и отец шепнул мне: "Проводи мерзавца до автомобиля".

Вышли мы на шоссе, и я глазам своим не поверил: шофер, обтирая пот, спрятался от жары в тени машины, а элегантная дама, закутанная в черный чадре, из-под которой виднелись тончайшие шелковые чулки и лакированные туфельки на высочен-

* Предвоенного времени (фр.). — *Ред.*

** Это бедствие нашего бедного человечества (фр.). — *Ред.*

*** Мы будем счастливы прийти вам на помощь, не сомневайтесь. (фр.) — *Ред.*

ных каблучках, уныло шагала взад и вперед по пыльной раскаленной дороге.

Видимо, жена нашего турка, который не нашел нужным предложить ей войти к нам в дом! Я хотел что-то сказать, но, к счастью, удержался. Дама, оставляя за собой легкую волну парижских духов, покорно юркнула в автомобиль, но лишь в след за мужем.

Э п и з о д в т о р о й. Сидели мы как-то на балконе дачи г.Пассека и пили чай. Кругом чудесный парк, один из лучших в нашем субтропическом раю, крупные пальмы, камелии, розы и прочая благодать. Дача эта на высотах, и вид на море дивный.

Неожиданно подъехал серый военный автомобиль с турецким пашой, начальником гарнизона. Надо сказать, что инженер Пассек — один из “видных” членов нашей колонии, старожил, умный человек и знаток местных дел.

Я сидел спиной к морю, предоставив старшему поколению любоваться на вид. Как почти всегда бывает в подобных случаях, разговор шел по любезному, заранее обдуманному полуофициальному шаблону. Положение турок было совсем шатким, но они все же были победителями. Еще победителями. Говорили тоже об экономическом положении населения, этом злободневном вопросе. Пассек давал не то советы, не то просто высказывал свое мнение. Паша отчасти для этого к нему и заехал — пощупать пульс русского населения.

Признаться, к разговору этому я особенно не прислушивался, а больше смотрел на пашу, на его турецкие глаза и двойной подбородок.

Надо сказать, что, достигнув известного чина, турецкие военные неизменно полнеют — “these pear-shaped colonels”*.

Внезапно глаза паши как-то замерли. Были глаза как глаза, а тут вдруг застыли и вперились в морскую даль. Он привстал, чайная ложка упала... Я сразу обернулся — вдали показались какие-то дымки — вроде как бы суда в кильватерной колонне... “L’escadre anglaise..!”**.

*

Эти грушеподобные полковники (англ.). — *Ред.*

**

Английская эскадра (фр.). — *Ред.*

Все вскочили, два стула опрокинулись, паша что-то пробормотал, ринулся к автомобилю, шофер засуетился, машина тронулась... и тут вышло некстати и как будто нарочно: лопнула шина!

Паша орал на шофера, тот старался поскорее переменить шину, а эскадра все приближалась — крейсера, транспорты, впереди и по бокам низкие миноносцы... красота, быстрота, мощь, и вроде как бы "Гром победы, раздавайся" и туркам крышка!

Паша топтался от нетерпения, смотрел то на шину, то на корабли, кусал губы, совсем забыл о нас... не до того!

Мне же было неясно — как это турки не были в курсе дела, о чем думала их разведка? Как это до них вовремя не дошли вести, что захвачена их столица? Ведь от Константинополя до Батума вся длина Черного моря? Эскадра ведь вышла из проливов уже давно!

Ничего не знали — пили чай с вишневым вареньем на русской даче!

Когда паша уехал, Пассек достал бутылку теплого шампанского, мы встали и торжественно чокнулись.

Английская оккупация²⁷

Мы смотрели в бинокли, как английские военные суда быстро подходили к Батуму. Суда еще шли полным ходом, как шлюпки и катера на ходу спускались, и едва пристали, как морская пехота ринулась вдоль набережной. Сопротивления, впрочем, не было никакого. Мы вернулись от Пассека домой, и на следующий день порт и часть города были "off limits"* и к берегу никого не пускали.

На следующий день мы, т.е. молодежь, пошли в город выяснить обстановку, посмотреть, кто эти самые англичане.

Последние оказались всех сортов и цветов — индусы (Бенгали) огромного роста и с огромными тюрбанами, бородатые "sikhs"*** с длинными волосами, зачесанными под тюрбаны, "gurkha rifles"**** — маленького роста, с широкополыми шляпами, вроде как у скаутов, с страшными "kukki" — широкими ножами — и с лицами слегка азиатского типа, хотя они чисто индоевропейского происхождения. Были и просто английские Томми, большинство

*

Вход воспрещен (англ.). — *Ред.*

**

Сикхи (англ.). — *Ред.*

Стрелки-гурки (англ.). — *Ред.*

небольшого роста, иногда даже тщедушные, кроме отдельных солдат и краснорожих здоровенных унтеров и сержантов.

Все, кто бы они не были, как на подбор прекрасно одеты, с добротной обувью, а офицеры в красивой форме. Но главное, что меня поразило, — это качество конского состава и мулов — последние громадного роста. И кони, и мулы выстрижены, кроме ног и брюха, вычищены, лоснятся от хорошего ухода и корма. Седла и сбруи высокого качества. На любую обаяющую лошадь можно заглядеться! Вскоре выяснилось, что отношение англичан к туркам презрительное, часто грубое и даже оскорбительное, словно турки животные, и это несправедливо. Турецкий солдат, аскер, храбр, нетребователен и послушен. При хорошем офицерском составе, если его кормить и о нем заботиться, то он один из лучших пехотинцев в мире.

Больше других мне понравились "гурки". Говорят, они врожденные воины, здесь же их главное увлечение — футбол.

Турки сдают оружие и те повозки и автомобили, что они забрали у уходящих с фронта русских. Турки их перекрасили и навивно всячески старались выдать за свои. Спорили, клялись, но англичан не проведешь, и раз даже потерявший терпение английский лейтенант стеком ударил турецкого офицера. Вышло нехорошо.

Отношение к русскому офицерству особое. Осторожное, сказал бы, слова подобрать нелегко, ведь мы были союзниками, затем заключили сепаратный мир, правда не мы, а большевики, но Россия все же договор нарушила. Словом, — и я становлюсь на место англичан — пока они проливали "кровушку" до конца, мы почему-то оказались мирно проживающими на дачах и еще на что-то жалуемся — это неприятно.

Город сразу ожил. Все, у кого хоть малая "зацепка" у англичан, — подрядчики, переводчики и т.д., начали получать солонищу, хлеб, сахар, чай, кофе, сгущенное молоко и прочие блага. Ожила и процветала почти открыто и полуофициально черная биржа. Многие англичане познакомились с дачным населением. Иногда подружились.

Пора записываться в добровольную армию, но надо сначала войти в связь с моими старшими офицерами.

Это вопрос времени, вероятно короткого.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ

Дневник времен моего участия в Добровольческой армии (1919—1920) утерян, и мне приходится ограничиться описанием отдельных событий и боев, которые почему-то запомнились.

Нелегко хотя бы приблизительно восстановить список офицеров-нижегородцев в составе Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, в который входили эскадроны Нижегородского, Северского и Тверского полков. Приданы были взамен Терского казачьего полка императорских времен эскадроны Пейреяславского драгунского полка.

Некоторые наши офицеры принимали участие в борьбе против красных еще до моего прибытия в город Керчь и продолжали эту борьбу в Керчи, а затем в Крыму. В дальнейшем к нам присоединились еще другие однополчане. Все они — и прикомандированные офицеры других частей — воевали до отхода в Польшу²⁸. При генерале Врангеле нас уже было меньше, т. к. некоторые офицеры, бежавшие из польского лагеря, остались в Европе и, кроме того, были и потери.

Выехал я из Батума с нашим полковником князем Борисом Львовичем Голицыным на английском военном судне "Спиракка". Это был небольшой пароход, предназначенный для борьбы против подводных лодок, в сущности, судно торгового флота с закамуфлированными орудиями.

Высадились мы в Керчи усталыми, но довольными. Коней у нас еще не было. Было два пеших Нижегородских эскадрона. Одним командовал подполковник князь Сергей Львов, другим — осетин, ротмистр Константин Тускаев.

Из младших офицеров были в Керчи братья князя Борис и Юрий Абашидзе, поручики Аркадий Столыпин, Михаил Эссен, барон Дмитрий Фиркс, корнеты Алексей Маклаков, братья Иван и Николай Старосельские, граф Борис Шамборант, Владимир Попов, Всеволод Исаев II и бывший наш вахмистр 3-го эскадрона. Был там и брат корнета Маклакова Леонид, который был вольноопределяющимся.

В Керчи был убит штаб-ротмистр князь Борис Абашидзе I, тяжело ранены и в полк не вернулись корнеты граф Мусин-Пушкин и Николай Старосельский. Я тогда был легко ранен в руку.

В бою под с. Ак-Манай в Крыму были ранены наши нижегородские — поручики Михаил Эссен и корнеты Иван Старосельский и Всеволод Исаев II.

После “выхода” из Крыма к нам присоединились нижегородцы — полковники князь Борис Голицын и Борис Шереметьев, штаб-ротмистр граф Лев Шамборант, поручики Константин Сахновский, Василий Гейдер, князь Никита Лобанов-Ростовский, корнеты Николай Болдырев, Сергей Кишинский, князь Долгорукий, князь Юрий Гагарин, Козлов (бывший вахмистр Нижегородского полка) — и прикомандированные — корнет Фрейман, казак-хорунжий Алексей Беднягин, корнет Майборода Дагестанского конного полка и поручик Самоваленко из отряда генерала Шкуро.

По возвращении из Польши число наших офицеров в армии генерала Врангеля уменьшилось. В Польше скончался от туберкулеза ротмистр Константин Тускаев. Были убиты корнет князь Долгорукий и корнет Сергей Кишинский. Последний получил разрешение начальства отыскать свою семью в Румынии и был убит румынами на реке Днестр. Ранены были поручик барон Дмитрий Фиркс, поручик Аркадий Столыпин (в ногу), а корнет Иван Старосельский был переведен в Лейб-гвардии конный полк.

Насколько помню, в армии генерала Врангеля кроме меня были налицо подполковник С. Львов, братья Лев и Борис Шамборанты, братья Алексей и Леонид (вольноопределяющийся) Маклаковы, Фрейман, хорунжий Беднягин и корнет Люфт. Были, очевидно, и другие, но не могу припомнить, кто.

По словам ротмистра Карцева Тверского полка и нашего нижегородца Ивана Старосельского, в Добровольческой армии воевали следующие офицеры Сводного полка.

16-го Тверского драгунского полка:

— ротмистр Жданко, штаб-ротмистры Сахаров, Карцев, Денисов, поручики Шалонский, Леонов, корнеты Левандовский, Баснев, Вилинский, Юзвинский; прикомандированы: штаб-ротмистры Венецкий, Повshedный.

18-го Северского драгунского полка:

— полковник Владимир Попов, ротмистры Леонид Ермолов, Павел Иванов, штаб-ротмистры Харитов, Игорь Червинов; прикомандирован Хартулари (из конно-горного артил. дивизиона).

15-го Переяславского драгунского полка:

— полковник Вахвахов, подполковник Щастливцев, ротмистр Лельевр, корнеты Орлов, Балашев, прапорщик Тер-Погосов.

Бои под Керчью

Керчь — древняя Пантикапея — расположена в глубине залива. Слева от города — мыс, на котором небольшая деревушка и Брянский завод, а на мысу, что справа, — Керченская крепость. Военного значения она уже давно не имела. Но еще были целы бастионы и разные эскарпы, контр-эскарпы и валы.

Старушка-крепость стала уютной, обросла травкой и кустами черемухи и сирени. В цветущих кустах — дело было весной 1919 года — заливались соловьи, и “каждый вечер в час назначенный” наши господа офицеры из молодых гуляли вдоль валов с местными сиренами.

Коней у нас тогда еще не было. Одеты и обуты были мы как кто. Младшие офицеры находились на солдатском положении или почти. Старых драгун было мало... Кто же были наши солдаты? Да больше бывшие матросы и солдаты-красноармейцы, либо перебежавшие на нашу сторону, либо из пленных. Много было и разных молодых добровольцев. Особого доверия к солдатам, признаться, у меня не было. Во время ночных обходов я избегал идти первым и всегда имел за спиной верного человека.

События вскоре подтвердили мою настороженность. Коренной нижегородец, полковой наездник Воронов, был захвачен в плен большевиками; притворившись человеком левых взглядов, он постепенно вошел в их доверие, недели через три бежал. Вернувшись к нам в полк, он доложил, что среди наших солдат уже существует ячейка заговорщиков, готовящихся перебить офицеров. Воронов даже назвал некоторые фамилии... Своих ребят мы тогда еще мало знали, и лишь со временем плевели были отделены от зерна.

Вокруг города были знаменитые Керченские каменоломни. Это своего рода подземный город с широкими галереями-улицами, перекрестками и площадями. Из этого лабиринта, из этих катакомб добывался ранее легкий, но прочный строительный камень. Теперь в каменоломнях скрывались выбитые из города красные — большевики-матросы Черноморского флота, а также рабочие, дезертиры и просто уголовники. Мы были наверху и следили за выходами из этого лабиринта. Они же жили внизу своей кротиной жизнью. У них были запасы и оружие. У нас все это тоже было, но были еще солнце, небо и море...

Некоторые неизвестные нам галереи выходили в пригороды и села, и у красных этим рутем были связи с жителями. Главные

выходы охранялись нами денно и ночью, но на все выходы у нас не хватало людей. Красные делали вылазки. Раз даже под вечер прорвались в конном строю мимо одной нашей заставы, т.к. у них были и кони, правда, немного...

Оставалось взрывами завалить выходы из галерей. Достали бочки с мелинитом, похожим на желтый серный порошок. Мелинит плохо взрывается, и, чтобы его "разбудить", нужен динамит. Этим делом занялась наша подрывная команда, и вскоре почти все выходы были завалены. Почти, да не все... Перестрелки продолжались, и однажды пулей в глаз был убит сапер капитан Червинов.

Не полностью удовлетворительным оказался и главный взрыв. При свете факелов наши драгуны вкатили двенадцать бочек мелинита, провели бикфордовы шнуры... А мы снаружи смотрели на часы и считали минуты. Глухой гром и дым вырвались из галерей. Внутри произошли обвалы и образовались трещины. Но большевикам все же удалось выбраться через боковые галереи.

Однако эти взрывы действовали на нервы красным. Да и само житье в полумраке и боязнь быть заживо похороненными доводили некоторых из них до отчаяния. Об этом слышали мы от пленных...

Я часто бывал в галереях и раз после очередного взрыва был спущен на веревке. За мной спустилось несколько охотников с факелами. Долго и бесшумно шли мы по мягкой пыли среди гробовой тишины. Оставив людей за углом, я прокрался в темноте вперед, держась за стену до следующего поворота. Заглянул за угол: нечто вроде окопа и тусклый фонарь на шесте — их аванпост... Продолжать далее разведку нам не было предписано, да и ручных гранат мы с собой не захватили. Повернулись и бесшумно ушли.

Помню перестрелку около крепости. Барон Фиркс лично бил из пулемета. Рядом со мной в цепи лежал солдат, который вскоре получил пулю около уха. Он стонал, и я его оттащил за куст, где он и умер. Фамилия его была Предвечный.

Однажды под утро нас в крепости разбудила орудийная пальба. Было еще темно, но видно, как с наших и английских военных судов пускали ослепительно белые ракеты и били из морских орудий по траншеям, в которых засели большевики. Слышна была и пулеметная трескотня... Я смотрел и слушал, как зачарованный. Меня грызло нетерпение и было немного стыдно

смотреть на все это издали! Часа через три — это было 10 мая — я отпросился в город, нанял пролетку и добрался за пригороды. Кто бы подумал, что можно взять извозчика, чтобы попасть на поле сражения? Почему-то вспомнился Пьер Безухов!

По дороге мне сказали, что у нас были тяжелые потери. Я завернул в госпиталь. Князь Борис Абашидзе лежал с забинтованной шеей и головой — пуля разбила ему шейный позвонок. Абашидзе что-то шептал. Я к нему наклонился: "Мухи!". Проклятые мухи не давали умирающему покоя. Я долго держал его руку и отгонял мух. Затем вызвал сестру и вышел. Бориса Абашидзе я больше не видел.

В соседней палате лежал другой наш нижегородец — граф Алексей ("Мумка") Мусин-Пушкин. Бедному Алексею отняли правую руку. Лежал он тихо, не жаловался, вел себя геройски. Был он, разумеется, слаб и бледен. Я мысленно перенесся в Петербург, где я так часто бывал в этой семье на Литейном проспекте, 17.

Выходя из госпиталя, я нахлобучил папаху, чтобы скрыть слезы — нервы были, очевидно, несколько потрепаны... Дальше уже пешком добрался до окраины села. Шла стрельба. На высоком Царском кургане лежал у пулемета ротмистр Северского полка Леонид (Леня) Ермолов. Изредка садился и давал короткие очереди из своего "максима". Взобрался к нему. "Где наши?" — "Твои — тут совсем близко — вон там... Только бежать тебе придется шагов эдак двести и во всю прыть". — "Почему во всю прыть?" — "Да потому, что «они» почти рядом, рукой подать, у входа в галереи, и могут ухлопать в упор". — "Так как же быть?" — "Да как быть — лупи во весь дух, а я буду их поливать из пулемета".

Сказано — сделано, да не совсем удачно. На полпути споткнулся и упал. Упал, впрочем, удачно, за невысокое прикрытие, может, в пол-аршина высотой. Махнул Ермолову, что, мол, жив-здоров. Лежа осмотрелся: недалеко лежал наш солдатик. Подполз: "Что с тобой?" — "Ох, лихо, помираю... в живот, сволочи, саданули ... водички, ради Христа...". Фляги у меня не было. Солнце пекло. Раненый тихо стонал (его вынесли, когда стрельба ослабела). Надо было решаться. Набрал воздуха в легкие, перекрестился и ринулся. Ермолов открыл огонь... Добежал к своим и узнал, что корнет Николай Старосельский, младший, тяжело ранен осколками ручной гранаты и что потери большие.

Под вечер огонь прекратился, жара стала спадать. Стояли мы под откосом, мирно болтали, курили, шутили — реакция после боя. Неожиданно где-то в тылу щелкнул ружейный выстрел, и пуля дала звонкий рикошет у моих ног. Другой выстрел: острая боль ... правая рука повисла, как плеть, пальцы свело, и они перестали двигаться. Этого еще не хватало! Выяснилось, что стреляли с колокольни церкви. Пуля тронула руку между локтем и кистью... Неизменный Ермолов снова открыл огонь, пока я добежал до кургана.

В больнице, где я оказался утром, уложили, вприсынули морфий. Через несколько дней под вечер пароходик доставил меня на Таманский полуостров.

Там в госпитале милейшая старшая сестра Щетинина поместила меня на матрасе рядом с койкой Николая Старосельского. Его рана была в плохом виде и сильно пахла. В углу палаты лежал Мусин-Пушкин, к которому дня через два приехала мать. Ему предстояла еще одна операция: руку должны были ампутировать уже у самого плеча (оба выжили и в дальнейшем уцелили).

На четвертый день пальцы у меня стали двигаться. Я вернулся в Керчь, где не без скрытой гордости нашел на рукаве первую золотую полоску — знак ранения... Между тем сопротивление противника в Керчи постепенно слабело. Назревало общее наступление на север — через Перекоп в Таврию.

Нас стали высылать в сторожевое охранение вдоль Керченского пролива. Степь цвела. В прозрачной морской воде мы ловили рыбу, не брезгуя даже плебейскими "бычками". Получали из города в плетенных из лубка коробках небольшие копченые керченские селедки — лучшие в России. После каменоломен это был суший рай... По ночам шагал я с карабином за плечами в сторожевом охранении. Всматривался в темную даль и прислушивался к ночным шорохам. Это было наше настоящее. Было и прошлое, но оно казалось бесконечно далеким...

Бой у Брянского завода записываю со слов нашего корнета Ивана Старосельского — брата Николая.

9 мая 1919 года один из двух Нижегородских эскадронов Сводного полка Кавказской Кавалерийской дивизии был под командой осетина-ротмистра Константина Тускаева. Эскадрон

был расквартирован в зданиях Брянского завода. Налицо были: штаб-ротмистр князь Борис Абашидзе, корнеты Иван и Николай Старосельские, граф Алексей Мусин-Пушкин и Люфт. Там же находились казаки-пластуны, вероятно, сотни две...

Завод был недалеко от каменоломен, и потому особое внимание было обращено на усиленное сторожевое охранение. Окопы наши были в метрах 500—600 от красных... Решено было атаковать противника в пять часов утра. Мало кто из нас спал в эту ночь. Все же я наконец заснул. Разбудил меня разговор между Мусиным-Пушкиным и офицером Переяславского драгунского полка, фамилию которого не помню. Оба видели сны. Причем Пушкин видел во сне, что его ранило в правую руку, а переяславец — в левую. "Сон в руку" — как они острили... Что удивительно, это что после боя Пушкину отняли правую, а переяславцу левую руку! Ни тот ни другой в Свободный полк больше не вернулись.

В 4 ч. 30 м. утра наши миноносцы и английские суда открыли огонь по окопам большевиков, а в 5 ч. утра мы начали продвигаться. Я командовал одним взводом, а Пушкин — другим. Шли мы рядом и, как сейчас помню, в руках тросточки.

Пройдя шагов 200 по направлению к окопам противника, мы были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем. Несколько драгун было уже ранено, как вдруг Мусин-Пушкин упал, хватаясь за живот: "Я умираю, дай знать матери в Новочеркасск!". Ему одна пуля попала в правую руку, раздробив локоть, а другая скользнула по животу, не причинив ранения; но удар был сильный, и он подумал, что ранен в живот... Я сорвал с шапки "индивидуальный пакет" и, сняв с Мусина-Пушкина шинель и китель, увидел, что правая рука его висит на связках и коже и что кровь хлещет всюю. Я помнил еще из уроков военной гигиены в Пажеском корпусе, что в подобных случаях надо перевязывать руку выше раны, не затягивать слишком туго, чтобы кровь могла немного просачиваться, дабы избежать гангрены. Перевязав руку, как полагается, я приказал драгуну Ельникову, который лежал рядом со мной, чтобы он и еще двое драгун вынесли корнета Мусина-Пушкина до перевязочного пункта...

Собрал я драгун. Увидев, что потери большие, послал донесение ротмистру Тускаеву, командовавшему эскадроном, спрашивая указаний. Ответ был: "Немедленно взять Царский курган!". Это был высокий курган. На нем засели большевики с пулеметами. Рассуждать было нельзя. Двинулись вперед, забрали

курган, оттуда спустились вниз, захватили еще несколько рядов окопов... Слева от нас наступали два других взвода, при них был мой брат Николай. Задача их была занять деревню Старый Карантин.

Сидел я в захваченном окопе, когда ко мне подошел драгун, посланный корнетом Люфт[ом] (бывший вахмистр 3-го эскадрона), и сказал: "Ваш брат тяжело ранен и эвакуирован. Ранен также штаб-ротмистр Столыпин, который командовал левым крылом".

К вечеру, ввиду наступившего затишья, я отпросился у ротмистра Тускаева, пошел на пристань, где стоял пароход Красно-го Креста, и разыскал брата. Он был ранен в обе ноги пулей и гранатой, вырвавшей ему часть ноги от колена до паха. Брат мой отказался, чтобы ему отняли ногу, и хорошо сделал, т.к. сохранил ее до сих пор.

Бой под деревней Ново-Александровка (Гапсино тож)

В августе 1919 года Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии выступил из города Александровска по направлению на северо-запад. Погода была солнечной. Шли мы медленно, потому что конский состав был разношерстный — наряду с довольно хорошими конями попадались какие-то жалкие крестьянские лошаденки.

Переночевали мы в небольшом селе и узнали, что в соседней деревне Гапсине стоят части махновцев. Мы с ними еще не встречались, но знали, что они воюют и против нас, и против красных, прикрываясь политическими лозунгами. Это была настоящая разбойничья банда.

Утром — это было 8-го августа — мы построились, выслушали приказания. Шесть эскадронов двинулись с двух сторон в атаку на село Гапсино.

Нижегородскими эскадронами командовал князь Сергей Львов. Шли против солнца по жнивью, подымая легкую пыль..., сначала шагом, чтобы беречь коней. До Гапсина было версты две с лишним. Махновцы открыли беглый огонь, но стреляли плохо — брали слишком высоко...

Пройдя больше версты, перешли на рысь. Огонь усилился, и мы стали нести потери... Когда приблизились, пришпорили коней, выхватили шашки и завопили дикими голосами. Кто кричал "ура", а кто просто крыл махновцев последними словами.

Традиция же нижегородцев всегда была идти в атаку молча, словно волки, что куда страшней нестройного "ура". Что же поделаешь — не те времена...

Пули стали посвистывать мимо ушей, и, как всегда, казалось, что их куда больше, чем на самом деле. Упал взводный Каменев — хороший драгун, один из коренных нижегородцев... Рядом со мной скакал, пригнувшись к луке, матрос гвардейского экипажа, а дальше — бывший красноармеец. Скопище весьма сборное...

Несмотря на это, картина была все же довольно красивая и весьма "батальная": пыль, крики, кони без седоков, стрельба — словом, все как полагается. Но лучше не сравнивать с 1914—1916 годами...

Атака велась в два эшелона в глубину. Стали уже видны цепи махновцев. Они залегли в тени, вдоль канав, за которыми росли высокие деревья... Вопрос, от которого все зависело: выдержат ли они или побегут? Если выдержат, нам будет плохо...

Не выдержали махновские нервы! Сначала двое-трое, а затем и остальные начали карабкаться через заборы, а мы карьером ворвались в ближайšie улицы... Началась рубка — шашка против штыка. Раздавались отдельные выстрелы, крики, ругань, звон шашек о стальные шлемы, стоны... Махновцы опять не выдержали и кинулись кто куда — за хаты, в сады, в высокую кукурузу...

Стали собирать пленных, подбирать убитых и раненых. Я спешил и с Алексеем Маклаковым решил выяснить обстановку на краю деревни.

Мы вскоре заметили, что махновцы опомнились и стали собираться в высокой кукурузе для контратаки. Надо было дать знать нашим. Мы вышли на улицу и сразу же, почти в упор, попали под пулеметный огонь. Я получил пулю в ногу и увидел, что Маклаков тоже ранен.

Улица была под сильным огнем. Пришлось снова завернуть во двор хаты и, чтобы вернуться к своим, с трудом и по очереди перелезть через ряд заборов. Мучительное дело! Маклаков, бедняга, страдал больше меня, т.к. пуля попала ему в область колена. Тащил его, тащил себя, но как-то дотащились.

Нашел вестового, сдал Маклакова, сел на коня и, выезжая из деревни, увидел, успел на прощанье увидеть страшную картину: озверевшие драгуны рубили группу в 15—20 пленнх махнов-

цев... Особо смотреть не стал и под ослабевшим огнем противника проскакал с вестовым версты две до какого-то села.

Вестовой пошел искать телегу или тачанку. Пока я с трудом слезал с лошади, подошла немолодая сестра в самодельной козынке с красным крестом. Начала было под моим руководством надрезать верх сапога, но ... как увидела кровь и рану, тихо вздохнула и упала в обморок... Пришлось самому разрезать штанину, открыть "индивидуальный пакет", вынимать из широкой сквозной раны куски сукна и всякую дрянь, все залить йодом и сделать перевязку. Обтер руки травой, вынул портсигар и закурил заслуженную папироску. Вестовой за это время нашел тачанку, и я в нее вкарабкался. На коня я уже не мог сесть — это можно лишь "сгоряча", сразу после ранения. Вот мы и двинулись! За тачанкой вестовой вел наших коней, с которых буквально ручьями лил пот. Где наши кони прошлой войны!

За нами, шагах в десяти, окруженные конным конвоем, шли пленные. Значит, все же брали в плен. Шли они в облаках пыли, и некоторые говорили между собой ... по-английски! Говорили о том, убьют ли их? когда и как? доведут ли живыми до станции? А, может, и не убьют?

Я обернулся к ним и спросил, каким чертом они попали к Махно? Оказывается, это были рабочие, выписанные до революции из Англии для работы на наших оружейных заводах. Попали же они к Махно "случайно". Это "случайно" могло дорого обойтись!

Одному из них было, вероятно, лет за 60: копна белоснежных волос, седая борода... Говорил он от лица остальных, просил меня их спасти. Но седина его не спасла. Когда конвойные остановились у станции, англичан стали зверски избивать. "На тебе, сукин сын мистер, на память в морду!". Я объяснил коменданту станции, в чем дело, сказал, что, дескать, "союзников" следовало бы оставить в живых. Признаться, далее я не стал заниматься их судьбой. Целый день не ел, устал и начал ослабевать... Еле доковылял, опираясь на карабин, до бронепоезда, на который грузили раненых. Был уже вечер, а под утро мы двинулись. Пути оказались где-то взорванными. Мы долго и повторно чего-то ждали. Лишь через два дня добрались до города Александровска.

На операционном столе сняли заскорузлую повязку. Доктор спросил: "Кто это делал Вам перевязку?". Я объяснил, что делал сам. "Неплохо, но неумело". Рана успела за это время сильно загноиться, и нога опухла. Доктор рывкнул: "Труакар!". Это еще

что?.. Но когда увидел, что мне грозит, то сердце упало: не то длинная игла, не то шило... а в ушке продет род фитиля, обмакнутого в йод. Не дай Боже... Навалились на меня двое дюжих санитаров. Шило стали продергивать взад и вперед сквозь ногу. Если бы не склонилась надо мною молоденькая сестра, может, и завопил бы. Но при ней было неудобно... Гной выдавили, сделали тугую перевязку, и рана постепенно закрылась...

Эвакуировали меня в Новороссийск, где в госпитале среди сестер были знакомые и даже старые друзья (Машенька Хомякова, баронесса Элли Нолькен и т.д.). Уход был отличный. Спал я на балконе и чувствовал себя прекрасно.

На крошечном угольщике приплыл я в Батум, где на нашей даче в Махинджаури отдохнул от трудов праведных. В полк вернулся уже позже, осенью, на Киевский фронт. В Батуме пришла фантазия отпустить усы и бороду. Когда вернулся на фронт, князь Голицын спросил: "Бритва есть?" — "Так точно!" — "Сбрейте эту дрянь!"

Встреча с галичанами

Осенью 1919 года эскадроны Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии под сумрачным свинцовым небом двигались по проселочным дорогам нашего Юго-Западного края.

Среди старших офицеров было много больных, и на мою долю выпала немалая честь и тяжелая ответственность впервые командовать дивизионом, т.е. обоими Нижегородскими эскадронами.

Ротмистры Тускаев и князь Сергей Львов были больны, так же как и штаб-ротмистры князь Юрий Абашадзе и граф Лев Шамборант, полковники Борис Шереметьев и князь Борис Голицын были при штабе полка, а барон Дмитрий Фиркс заведовал пулеметной командой. Словом, я оказался самым старшим из младших офицеров. Среди них были налицо: Михаил Эссен, Алексей Маклаков, Иван Старосельский, Николай Болдырев, Сергей Кишинский, князь Никита Лобанов-Ростовский, бывшие вахмистры Козлов и Люфт, прикомандированные к полку корнет Майборода (Дагестанский конный полк), поручик Самопащенко (отряд генерала Шкуро) и казак-хорунжий Алексей Беднягин.

Мы продолжали двигаться среди густого тумана, когда вдали показалась длинная колонна, состоявшая из пехоты, конницы, артиллерии и большого обоза.

Сводным полком командовал полковник Северского полка Попов. Он вызвал и приказал двинуть Нижегородский дивизион наперерез противнику, задержать его огнем и тем дать полку возможность фланговой атаки.

Выходило, что роль нижегородцев была не особенно привлекательной: незаметно продвинуться под прикрытием ряда низких холмов, неожиданно появиться перед врагом, спешиться и задерживать его огнем, оставив северцам Попова пожать все лавры. По крайней мере так мне казалось тогда...

Крупной рысью двинулся наш дивизион... Трудно было угадать, с какой скоростью двигался неприятель за холмами и с какой быстротой следовало двигаться нам самим, дабы вовремя загородить ему дорогу. Ведь возможно было, что противник, завидя наш полк, стал двигаться быстрее... Противник? Кто он? Партизаны? Какие партизаны?..

Наконец я решил свернуть направо. Мы перевалили возвышенность и увидели неприятеля совсем близко — меньше версты, чего я никак не ожидал. А полк еще совсем далеко...

Что делать? Остановились. С коней валил пар... Надо было мгновенно решаться — или спешиваться и открывать огонь, ждать приближения полка, и в таком случае дать противнику время развернуться... или же — вопреки ясному приказанию — атаковать самим, пока колонна врага не развернулась, и в таком случае не дать ему опомниться!

Соблазн был немалый, и я не выдержал: "Шашки вон, за мной!".

Шли мы в атаку под легкий откос в тумане, по пожелтевшей, уже тронутой морозом траве. Одним глазом следил я за канавками, другим — за противником и за своими драгунами.

Нас приветствовали слабым огнем. Атака выходила мизерная. Скакали нестройной толпой — более слабые кони отставали. Попалась глубокая канава, через которую усталые лошади карабкались как-то по-собачьи — нет чтобы перемахнуть! Некоторые кони попадали...

К счастью, противник не оказался на высоте. Эскадрон гаליчан отделился от колонны, бросил свою пехоту и стал быстро удаляться, вернее, просто удирать. Пехота была, видимо, в замешательстве. Когда мы были уже близко, огонь пехотинцев осла-

бел и особого сопротивления они не оказали. Лишь упорно, но неудачно, как-то по-любительски, стреляли три пулемета...

Впоследствии Иван Старосельский говорил: "Помню, как сейчас, как один солдат, прикрываясь за орудиями, прицелился в меня. Я успел рубануть его по голове, но шашка соскользнула, и даже не прорубила папаху... Солдат улыбнулся и удрал..."

Убитых у нас не оказалось, были лишь легко раненные. Пехота противника побросала винтовки. Трое пулеметчиков, которые оказались китайцами, были нами убиты. Одного застрелил старший Маклаков, который тут же сделал еще одну зарубку на приклад карабина — мстил за расстрел отца! Оказалось, что нашими противниками были галичане-партизаны, роль которых в этой сумбурной войне была неясной...²⁹

Запомнилась забавная картина. Наш однополчанин Вася Гоппер оказался зажатым на своем коне среди орудий. Артеллеристы бежали, упряжные кони, передки, пушки — все это смешалось и запуталось, вокруг бедного Гоппера замкнулось тесное кольцо, в котором было всего понемногу... "Это ты забрал пушки или пушки тебя забрали?", — крикнул я ему.

Подскакал наш полк, и полковник Попов стал сердито на меня кричать: "Вы слышали мои приказания? Ясно было сказано — ждать, пока полк" и т.д.

Тут было по малости и зависти. Ведь нижегородцы одни взяли в плен роту пехоты, захватили 15 орудий и много пулеметов (было их в обозе еще штук 10). А главное, сам обоз, да еще какой (!) ... нагруженный награбленным добром, "контрибуциями" и "дарами населения", включая повозки с ценной кожей для подметок, сахаром, мукой, крупой и другими продуктами. Галичане знали свое дело!..

Добавлю, что наш "комполка" обиделся на меня главным образом за то, что я в своем устном рапорте именно его поздравил с захватом орудий и прочего барахла. Он вскоре все же великодушно меня простил, т.к. выяснил, что я нарвался на врага прямо в упор, и, кроме атаки, выбора не было.

Захватили мы и двух "сестер", причем одну не особенно привлекательную взял под свое личное покровительство наш Козлов, тогда как вокруг другой, весьма красивой, увивалось немало наших господ. Обе они продолжали в наших рядах честно выполнять свой "долг перед Родиной" и в конце концов добрались с нами до самой Польши.

На мою долю в этом деле достался хороший бинокль, а главное — прекрасная караковая тракенская кобыла. В прошлую войну за захват 15 орудий нас бызасыпали орденами. Но в 1919 году можно было без особых усилий забирать пушки, не говоря уже про пулеметы — они в счет не шли...

Не те времена были, не тот противник, да и сама война была не та.

Конец деникинской борьбы

Зимой 1919 г. стояли мы близ городка Гольты, что к северу от Одессы. У меня поднялся ужасный жар — начало сыпного тифа. Ложиться в обозы боялся, потому что обозы — любимая добыча красной конницы.

Подошла неприятельская пехота. Наши "два Бориса" (то есть Голицын и Шереметьев) находились со мной близ какого-то завода. Я еле держался на седле..., под черным небом снег казался еще белее.

Пришпорил кобылу, чтобы передать приказания... Вдруг снег, лед, комья земли, какие-то доски — все это полетело вверх, а я с кобылой — вниз. Мы были на дне широкого и глубокого колодца, вода доходила мне до пояса, наверху светлел четырехугольник неба, а на нем чернели силуэты голов. Наконец драгуны связали несколько ременных вожжей с петлей для ноги и вытащили меня на свет Божий.

Довезли меня до станции, погрузили..., а что дальше было — не помню. Очнулся от холода, лежа на соломе в товарном вагоне. За головой набрался сугробик снега. Был я то в забытьи, то бредил, то спал. Тем же занимался лежавший рядом со мной пехотный офицер. Ему почему-то оставили револьвер, и он им угрожающе размахивал. Я на него навалился и револьвер отнял.

Везли нас до Одессы долго — сколько дней, не знаю. Там положили где-то в коридоре на цементный пол и ... забыли. Под утро все же вспомнили и перевезли в госпиталь в здании женской гимназии. Дали мне чудесную комнату с высоким потолком и зеркальным окном. Заботливо уложили в мягкую кровать и покрыли белоснежной простыней. Совсем неплохо, но ... комната была нетоплена и не было одеяла.

Часа через три заглянула сестра. "Скажите, сестра, всюду нетоплено?" — "Всюду". — "Одеял нет?" — "Ни одного!". "А есть палата, где полно больных?" — "Есть. Только, слушайте, там лю-

ди лежат просто на полу, и среди них много умирающих”. — “Вот и прекрасно. Ведите меня туда, пока не замерз!”.

В общей палате было теплее от дыхания многих людей. Дали соломенный матрац. Рядом со мною действительно умирал от гангрены солдат. Дали мне денщика, драгуна-обозника, немолодого сурового мужика. Он принес мои вещи из дезинфекции — все село, скомкалось... Денщик пожал плечами: “Вот уж выйдя вечером в город, куплю что-нибудь, а насчет брюк — вон, гляньте!”. И действительно, на спинке стула около умирающего офицера висели новенькие зеленые пехотные штаны... “Только придется Вам, господин ротмистр, малость потерпеть, пока они помрут...”

На следующее утро солдат принес-таки шубу на лисьем меху, правда, облезлую...

К Одессе между тем подходили красные. Посадили меня, выздоравливающего, в барскую коляску, запряженную “парой вороных”. А со мной уселись барон Дм.Фиркс и “сестра-галичанка”. Провели первую ночь в большой немецкой колонии “Гросс Лилиентал”. Была лютая стужа, и я слегка отморозил пальцы ног. Помогла древняя старушка-баба, которая решительно отстранила Фиркса и не дала растирать ноги снегом... “Да ты что, барон, дурной, что ли? Словно не знаешь, что делаешь!”. Поставила ноги в шайку с водой и льдом. Когда постепенно ноги стало покалывать и пошли “мурашки”, она взяла горсть снега и стала растирать пальцы ног...

Вторая ночевка была в селе Францфельд. С нами двигались кадеты, институтки, больные и раненые, отдельные части Одесского гарнизона и просто люди, бегущие от большевиков. Но полк наш был где-то севернее.

На третий или четвертый день, на привале в большом селе около полудня, было солнечно и голубело зимнее небо. Вдруг — паника! Люди выскакивали из изб, искали свои повозки, телеги, сани, экипажи, которые бестолково запрудили улицу. Все это рванулось... А в это время слева, на белом снегу, показались черные цепи большевистской пехоты... Был при нас нижегородский “конвой” — пятнадцать обозников под командой графа Бориса Шереметьева. Боря — сказалась порода! — выхватил шашку и повел свое “войско” навстречу красным ... против солнца и слегка в гору. К счастью, каким-то чудом наш караван сумел вылететь из села. Красным преградили путь не только Шереметьев с его горсткой людей. Оказались там те, что шли за нами, а именно одна пехотная часть, и красных отбили...

Мы свернули в сторону, и колонна наша по льду перебралась на румынский берег Днестра. Полковники Петр Ден и Борис Шереметьев отправились для переговоров с румынскими властями. Когда они вернулись, солнце было уже невысоко. Наши посланцы сообщили, что румыны отказались наотрез принять больных и раненых даже. Дали нам час времени, чтобы вернуться на русскую территорию. Через час грозили открыть по нам огонь.

Мы посмотрели на часы. До истечения ультиматума оставалось еще 45—50 минут... Но мы еще плохо знали наших бывших союзников. Минут через 15 или 20 отдельные гранаты стали рваться среди обоза Красного Креста, среди повозок с ранеными и кадетиками... Скрепя сердце, двинулись обратно по льду, вдоль Днестра, прикрываясь зарослями камыша.

Лед оседал. Вода доходила порой до подножек нашей коляски. Мы двигались все дальше и дальше, решив выйти на русский берег лишь в полной темноте.

Что было дальше — опять смутно помню, наступил очередной подъем температуры. Как во сне помню, как через день-другой пали наши барские вороные кони и их заменили парой буланых кляч... Бредил, что попал в плен и что от меня это скрывают. Но однажды утром Фиркс подвел меня к окну какой-то хаты, в которой мы оказались оба: "Смотри, Фома неверный!". Взглянул я через покрытое ледяным узором окошко и на фоне розового морозного неба увидел Сводный полк во всей его красе! Думаю, что это ускорило мое выздоровление...

Мы двинулись дальше и наконец встретили польские войска. В сравнении с нами, в наших изодранных полушубках, грязных папах, с нашими небритыми обветренными лицами, войска их показались мне чем-то сказочно прекрасным. Кони как на подбор... одеты все с иголочки ... сытые, румяные, чисто выбритые...

Нас приняли, не встретили пальбой... В течение двух-трех недель несли мы сторожевую службу совместно с поляками. Особой близости не было, но не было и враждебных чувств: нас свела судьба...

Вскоре боевые части генерала Бредова³⁰, отхлынувшие на польскую территорию, к которым принадлежал и наш Сводный полк, направили через Львов в Силезию. Там нас посадили в бывший германский лагерь для военнопленных около местечка Стржалково. Лагерь был большой, бараки были прекрасные, чистые и просторные... Кормили нас плохо: немного хлеба, селед-

ки и похлебка из лошадиных голов... Впрочем, за проволокой ходили местечковые евреи. Их не в силах была отогнать стража — молодые новобранцы, почти дети. Эти евреи снабжали нас яйцами, сахаром и маслом.

Генерал Бредов опасался, как бы его воинские части не разбежались. Поляков это не беспокоило. Однако они обещали в свое время вернуть и нас в Крым...

Жизнь в лагере мне вскоре смертельно надоела. Я решил бежать, долго готовился, достал штатское платье и все остальное, нужное для побега, ждал случая. Таковой представился, когда поляки решили выпустить из лагеря еще находившийся там немецкий элемент, главным образом немцев-колонистов. Один из них (некий Кристиан Кристман) в то время заболел. Мне состряпали документы на его имя, и я попал таким образом в "немецкий" транспорт. Колонисты прекрасно знали, кто я такой, но дружески скрывали при переключках под видом больного.

С этими немцами доехал я до Варшавы и явился там [к]нашему военному агенту. Мне выдали документы на мое имя, дали секретное донесение генералу Врангелю. Пробыв дней десять под Варшавой, сел я с корнетом Балашевым (Переяславского драгунского полка) в поезд, шедший в Вену.

Все шло гладко до станции Скерневицы. Там польские жандармы арестовали нас и посадили за решетку. Впопыхах не дали вынести наш багаж из вагона — получите, мол, на границе! Я признаться, не знал, как быть с секретным донесением генералу Врангелю — боялся обыска... Пришлось ночью разорвать и съесть документ и конверт с горькими лиловыми печатями. Лежа на цементном полу спиной к часовому, медленно и с расстановкой жевал я злополучное донесение. Жевал зря...

Наутро вызвали нас к жандармскому "унтеру" с семью подсушками. Услышав мою фамилию, он чуть не встал во фронт. От моего польского жандарма так и несло царской сверхсрочной службой. Выяснилось, что нас приняли за большевистских агитаторов. Отпустили с извинениями, но вещей наших мы так больше и не видели. Все это было досадно и абсурдно...

Оказались мы вечером в Вене под проливным дождем и в одних пиджаках, с 2—3 кронами в кармане. Переночевали за одну крону в ночлежном доме с венгерскими коммунистами и всяким другим сбродом. Узнали, по счастью, что в датском Красном Кресте можно получить даровые билеты до Белграда: это было время переселения народов... Там дали не только билеты, но и

по паре нижнего белья, которое мы с Балашевым тут же загнули на улице. Больше всего нас мучил голод. За выручку от проданного белья мы купили три большие краюхи хлеба на дорогу. Так странствовали белые офицеры, направляясь обратно в Крым... В элегантном ресторане Венского вокзала старорежимный кельнер был несколько удивлен нашим видом и тем, что мы скромно ограничились супом. Потребовалось трое суток, чтобы добраться до Белграда: три дня и три краюхи хлеба... Впрочем, почти все наши спутники походили на босяков, на нищих, и все жевали хлеб...

В Белграде старые знакомые нас обласкали, дали помыться, накормили, снабдили деньгами, предоставили возможность отдохнуть и прийти в себя.

Потом через болгарскую Варну мы вернулись в Крым, куда позднее из Польши прибыла и вся бредовская армия... В Крыму давался последний акт драмы гражданской войны. Нас стало меньше, а красных больше. Надежды оставалось мало, откровенно говоря — никакой.

¹ Пажеский корпус — военное учебное заведение, основанное в Петербурге в 1759 г., куда принимались юноши, зачисленные в пажи царского двора. По окончании обучения они получали чин подпоручика (в кавалерии — корнета).

² Александровский лицей был открыт 12 августа 1810 г. по инициативе императора Александра I; с 1844 г. официально называется Царскосельским.

³ Училище правоведения было основано в 1835 г. в Петербурге.

⁴ Полк был сформирован в 1701 г. по распоряжению Петра I в числе 12 новых драгунских полков, создаваемых прежде всего для военных действий против шведов, новгородским воеводой окольничим П.М.Апраксиным из сотенных гусар, копейщиков и рейтар в Новгородских пятинах и соседних областях. Первоначально полк назывался по именам его первых командиров — Морелия и Шомбурга, однако в связи с неудобством такой системы наименования, обезличивающей память о полке вследствие постоянных переименований, 10 марта 1708 г. ему было присвоено имя Нижегородского. Позже одно время он назывался Архангельским, когда был объединен с драгунским князя Ивана Львова Архангельским полком. Как 44-й (17-й) драгунский Нижегородский полк прославился в персидской войне 1826—1828 гг., в Чечне в 1851 г., в сражении при Кюрик-Дара 24 июля 1854 г. (П о т т о В.А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. СПб., 1892—1908. Т. I-XI).

⁵ В Тифлисе февральский переворот произошел без каких-либо эксцессов. 2 марта великий князь Николай Николаевич, командующий Кавказским фронтом и наместник Кавказа, и Городская дума признали революцию и высказались за проведение демократических реформ. По инициативе Совета солдатских депутатов 5 марта, на сле-

дующий день после его организации, был создан Временный городской Исполнительный Комитет как орган новой власти. Эта высшая городская власть состояла из представителей Совета, Городской думы и гарнизона. Для всего региона Временным правительством был назначен Особый Закавказский комитет в составе 5 членов Государственной думы (двух русских, армянина, азербайджанца и грузина). 12 марта по инициативе Совета, включившего в то время уже и представителей офицерского собрания Тифлиса, был проведен парад войск в честь революции (см.: Б у р д ж а л о в Э. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Переферия. М., 1971. С.278—296).

⁶ В 1856 г. из состава 44-го (17-го) Нижегородского драгунского полка был выделен 45-й (18-й) драгунский Северский Короля Датского полк. (П о т т о В.А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. СПб., 1892. Т.I. С.2).

⁷ Имеются в виду начавшиеся в сентябре 1915 г. неудачные военные действия английских войск в Месопотамии. Несмотря на то что в начале 1916 г. русская Кавказская армия под командованием генерала Н.Н.Юденича успешно осуществила наступательные Эрзрумскую и Трапезундскую операции, что отвлекло значительные силы турецких войск, английская армия была окружена в районе Кут-эль-Амара и 26 апреля 1916 г. вынуждена была капитулировать. В марте 1917 г. английскими войсками был занят Багдад, а к концу года были оккупированы Палестина и Месопотамия.

⁸ При поддержке Верховного Главнокомандующего генерала А.А.Брусилова и при участии Исполнительного Бюро Всероссийского воинского союза в дни начавшегося 18 июня наступления Русской армии на Западном фронте возникло патриотическое движение, когда отдельные части объявляли себя "батальонами смерти", провозглашавшими "борьбу до последнего за честь, свободу и землю великой Родины". Военнослужащие в качестве символического отличительного знака получали право носить красно-черные шевроны на обшлагах и на фуражках вместо кокарды — "адамову голову".

⁹ У Нижегородского и Северского полков были штандарты, отличающиеся от штандартов других полков, — с широкими георгиевскими лентами и с орденскими знаками на них Святого Георгия 1-й степени. Последний штандарт полка был пожалован Николаем II полку в 1901 г. в ознаменование его двухсотлетней службы Отечеству (П о т т о В.А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. XI. С.110).

¹⁰ 16 июля в Могилеве, в Ставке, по инициативе А.Ф.Керенского состоялось совещание высшего военного руководства. Позиция Брусилова в пользу восстановления для повышения боеспособности армии принципа единоначалия, ликвидации комитетов и комиссаров встретила сопротивление со стороны Керенского и имевших влияние Б.В.Савинкова и М.М.Филоненко. Человеком, который смог бы навести порядок в армии посредством усиления и реорганизации деятельности выборных органов и комиссаров, был выдвинут Л.Г.Корнилов. 19 июля последовал указ о назначении Брусилова "в распоряжение Временного правительства" и назначении Верховным Главнокомандующим генерала Корнилова.

¹¹ Бунт был вызван распоряжением командира полка генерал-майора Пургасова за нарушение дисциплины сдать дела командиру

12-й роты поручику Логгинову (так писалась фамилия в газетных сообщениях). Однако этот приказ не был выполнен, поскольку Логгинов нашел поддержку в комитете III батальона, решившего его оставить на прежней должности. Тогда командир полка приказал расформировать 12-ю роту. После этого он был найден заколотым штыком. Верховный Главнокомандующий приказал расформировать полк, однако по настоянию комиссара 2-й армии К.М.Гродского, считавшего, что бунты были спровоцированы именно для того, чтобы способствовать дальнейшей деморализации армии путем продолжительных организационных перестановок, этот приказ был отменен. Гродским было проведено расследование и под угрозой расстрела всей роты были выявлены зачинщики бунта (см.: Утро России. 1917. 12 авг.; Речь. 1917. 18—20 авг.).

¹² Еще на июльском совещании в Ставке говорилось, что Рига является наиболее слабым местом русской обороны. 14 августа на Московском Государственном совещании о возможности ее падения предупреждал генерал Корнилов. 19 августа германскими войсками была начата Рижская операция, и 20 августа, после отхода рижской группировки 12-й армии, город был занят немцами.

¹³ Союз офицеров армии и флота создан в мае 1917 г. при Ставке в Могилеве. С 7 по 22 мая в Петрограде проходил Всероссийский съезд офицерских депутатов армии и флота, положивший начало этой организации. На нем выступили Верховный Главнокомандующий генерал М.В.Алексеев и его начальник штаба генерал А.И.Деникин. 22 мая был избран руководящий орган Союза — Главный комитет из 26 человек и Президиум в составе председателя Л.Новосильцева и заместителей — полковников Пронина и Сидорина.

Существовали многочисленные патриотические организации: Военная лига, Союз воинского долга, Лига личного примера, Союз инвалидов. Из созданной еще в 1915 г. Всероссийской организации георгиевских кавалеров был организован Союз георгиевских кавалеров. 8 августа на его собрании в Москве присутствовало более 2 тыс. человек, в том числе генерал Брусилов; был избран ЦК во главе с капитаном Скаржинским; имелись отделы на фронтах. С 12 августа формируются Георгиевские пехотные запасные полки, которые должны были объединиться в Георгиевскую бригаду. Массовой организацией был Союз казачьих войск, имевший избранный I общеказачьим съездом в марте 1917 г. Президиум во главе с А.И.Дутовым. Деятельность всех этих организаций координируется созданными представителями офицерских кругов Республиканским центром.

¹⁴ До того как принять в начале июня 1917 г. командование войсками Московского округа, А.И.Верховский в звании подполковника участвовал в руководстве группой войск по захвату Трапезунда, после Февральской революции был заместителем председателя Севастопольского Совета. Для демонстрации разрыва со стоящими за Корниловым патриотическими силами был назначен военным министром в составе Директории и произведен в генерал-майоры (В е р х о в с к и й А.И. На трудном перевале. М., 1959).

¹⁵ Итогом бунта было разграбление 9 тыс. ведер пива и 17 тыс. ведер водки, а также выход на свободу 28 уголовных элементов (Утро России. 1917. 7 окт.).

¹⁶ Переизбранный за месяц до этого с нарушением установленного порядка Совет солдатских депутатов, ставший большевистским, объявил о роспуске и перевыборах Совета рабочих и Совета крестьянских депутатов, которые еще были меньшевистско-эсеровского состава, претендовал на подмену собою городского управления, отказался выполнять постановления военного министра об отправке на фронт частей Калужского гарнизона, выдвигал требование реквизиции типографии газеты "Голос Калуги" и даже распорядился о переходе бывшей губернаторской ложи в "зимнем городском театре" в распоряжение Исполкома. В связи с этим 18 октября был издан приказ командующего войсками и начальника гарнизона Калуги полковника Брандта. В нем говорилось: "Темные силы, враги Родины и Революции, разными подлыми способами стремятся внести беспорядок, рознь и раздорами пытаются ослабить нашу навеки свободную Великую Российскую Республику и подорвать престиж демократии". В городе объявлялось военное положение с ограничением передвижения в вечернее и ночное время, запрет митингов в помещениях и на улицах, стрельбы "в районе города и казарм" — боевой и учебной, изымались патроны из рот и казарм. Военный комиссар Временного правительства Галин распорядился о роспуске Совета солдатских депутатов (Голос Калуги, 1917. 18 окт., 19 окт.).

¹⁷ Эти события происходили около 7 час. вечера, когда в бывшем губернаторском доме, называемом теперь "Домом свободы", должно было собраться экстренное заседание всех трех секций Совета. В обращении Брандта "К гражданскому населению города Калуги" это описывалось так: "Совет ответил, что добровольно он не сдастся, и письменно об этом сообщил комиссару. Военный комиссар, исчерпав все способы морального воздействия, передал тогда задачу роспуска Совета командующему войсками. Совет был оцелен войсками. Был вызван председатель Совета, через которого, под угрозой применения вооруженной силы, было предъявлено требование в течение пяти минут выйти всем из здания Совета и уведомить об этом требовании Совет рабочих и крестьянских депутатов, находившийся в том же здании. Об этом было объявлено также по телефону".

Дальнейшее описание дает несколько иную интерпретацию: "Так как по истечении указанного срока и после трех предупредительных сигналов никто из здания не выходил, начальником отряда был открыт огонь. Тотчас же все находившиеся в здании вышли, и из представителей Советов солдатских депутатов трое были арестованы, остальные временно задержаны... Вся эта операция обошлась без кровопролития. Среди арестованных были три большевика — руководители Совета, при этом один из них был обнаружен спрятавшимся на чердаке, а другой в это время находился на лошади среди наблюдавшей за происходящим публики" (Голос Калуги. 1917. 21 окт.).

¹⁸ Раненым драгуном оказался Семен Бессмертный. Первыми сдались 1-я учебная и 1-я пулеметная роты, а к 4 часам дня 20 октября сложили оружие остальные сопротивлявшиеся. В течение 10 дней части Калужского гарнизона должны были быть выведены на фронт.

¹⁹ К примеру, орган Московской организации РСДРП(б) в статье "Громят Советы" писал в связи с происшедшими событиями: "Контр-

революция начала наступление. Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Не верьте успокаивающим речам, усыпляющим вашу тревогу за революцию, за Советы. Помните: сегодня Калуга, а завтра — Москва. Сплотитесь вокруг Советов! Отзовитесь из Советов тех, кто не умеет, не хочет бороться с планами буржуазии, кто поддерживает правительство Керенских и Коноваловых!" (Социал-демократ. 1917. 22 окт.). Вскоре была организована Московским Советом следственная комиссия, которой вменялось в обязанность освобождение арестованных, восстановление солдатской секции, суд над военными в прекращении ее деятельности (Социал-демократ. 1917. 25 окт.).

²⁰ Утром 25 октября на машине, принадлежащей американскому посольству, Керенский направился в Гатчину навстречу войскам. Все министры оставались в Петрограде.

²¹ 19 ноября в Быхов прибыл полковник Кусонский с распоряжением Н.Н.Духонина о том, что, ввиду приближения войск нового Главковерха прапорщика Крыленко, всем заключенным необходимо покинуть тюрьму. При этом использовался бланк Чрезвычайной Комиссии по расследованию корниловского выступления. Из Быхова в ночь на 20 ноября убыли генералы А.С.Лукомский, А.И.Деникин, С.Л.Марков, И.П.Романовский и Л.Г.Корнилов с четырьмя ротами текищев. В значительной степени известие о том, что благодаря участию Духонина были освобождены "узники", привело к самосуду солдат над бывшим Главнокомандующим вечером 20 ноября. Тело Духонина прибыло в Киев 25 ноября в вагоне третьего класса.

²² Ежегодно 27 ноября в Нижегородском полку отмечался праздник: в этот день в 1892 г. наследник престола царевич Николай Александрович согласился стать шефом полка. Полковой летописец В.А.Потто писал, что "двухсотлетнее боевое поприще Нижегородского полка отмечено таким длинным рядом подвигов, что русские Государи давно исчерпали для него все знаки отличий, установленные за военные доблести, и Им, Самодержцам великого стомилионного народа, не осталось ничего более, как повелеть вписать в списки полка свое августейшее имя, даруя тем право нижегородцам именовать своего монарха своим однополчанином" (П о т т о В.А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. I. С.1; Т.Х. С.101—103).

²³ Съезд армий Юго-Западного фронта проходил 18—24 ноября в г.Бердичеве. На нем был избран общесармеевский Временный ВРК, который объявил себя высшей властью на фронте, признающей в то же время и Учредительное Собрание, и Советы. Несмотря на то, что большевики составляли примерно половину всех делегатов, была принята левозерсовская резолюция о власти. Также давался приказ Главковерху немедленно приступить к переговорам с противником (Известия. 1917. 30 нояб.).

²⁴ Ростов был занят 15 декабря 1917 г. генералом Калединым при участии небольшого отряда Добровольческой армии, созданного М.В.Алексеевым в Новочеркасске.

²⁵ Прохоровская трехгорная мануфактура — старейшее текстильное предприятие России, основана в 1799 г., имела свой Торговый дом, с 1873 г. — Товарищество Прохоровской трехгорной мануфактуры, в 1915 г. ее основной капитал составлял 8,1 млн.руб.

²⁶ После восстания в апреле 1916 г. аджарцы ушли в горы, с тем, чтобы продолжать борьбу против грузин, когда сложатся более благоприятные условия. После того как в начале 1918 г. Закавказский секретариат и Закавказский сейм отказались передать Турции Ардаганскую и Карскую области (как это предусматривалось по Брестскому договору), Турция предъявила ультиматум и заняла эти территории при активном участии аджарских повстанцев. В это же время в Батуме высадился немецкий десант.

²⁷ Ноябрьская революция в Германии ослабила позиции Турции на Кавказе, чем воспользовались англичане. В декабре 1918 г. в Батуме был высажен английский десант, оккупировавший этот район до июля 1920 г. После присоединения в феврале 1921 г. Грузинской Республики к РСФСР и вступления в нее Красной Армии руководство Грузии перебралось в Батум и в надежде на защиту от Красной Армии согласилось на оккупацию турецкими войсками Аджарии. Однако 18 марта 1921 г. было поднято восстание, введена Красная Армия и установлена Советская власть.

²⁸ Речь идет об отходе из Одессы в начале 1920 г. отряда под командованием генерала Н.Э.Бредова численностью более 6 тыс. человек. Не будучи пропущенным на румынскую территорию, отряд двинулся в Польшу, где был интернирован. В июле 1920 г. при содействии польского правительства около 3 тыс. чинов отряда прибыло через Румынию в Крым, где участвовало в боевых действиях Русской армии генерала П.Н.Врангеля. Приказом последнего для участников бредовского похода был установлен серебряный наградной крест "в воздаяние верности долгу и понесенных тяжелых трудов и лишения".

²⁹ "Галичане" в составе австро-венгерской армии воевали в период первой мировой войны, затем составляли основную ударную силу петлюровских войск, а осенью 1919 г. перешли на сторону Деникина.

³⁰ Николай Эмильевич Бредов (Бредов I) родился в 1873 г. в дворянской семье. Выпускник 1-го Московского кадетского корпуса, 2-го военного Константиновского училища и Военной академии, ветеран русско-японской и первой мировой войн. В 1917 г. в чине генерал-лейтенанта командовал 21-м армейским корпусом. В Вооруженных Силах на Юге России был начальником 15-й пехотной дивизии, командующим войсками в Киеве и Одессе.

Н.В.САВИЧ

Из красного Петрограда на белый Юг

(ВОСПОМИНАНИЯ
БЫВШЕГО ДЕПУТАТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ)

Публикуя в этой книге журналы Ясского совещания, мы полагаем полезным дополнить их находящимися в нашей коллекции еще неопубликованными главами из воспоминаний Н.В.Савича, одна из которых целиком посвящена этому Совещанию.

Таким образом, к воспоминаниям двух участников Ясского совещания прибавляется теперь третий*, воспоминания которого, как писал генерал Врангель, "...особенно ценны как одного из лиц, наиболее осведомленных, и как свидетеля с исключительным даром беспристрастного, объективного анализа"**.

Никанор Васильевич Савич родился 22 декабря 1869 г. в родовом имении Беловоды Сумского уезда Харьковской губернии. Как выдающийся думский деятель Савич был избран в III и IV Думу, где, будучи секретарем фракции октябристов, он в то же время отдавал много сил и времени работе в думских комиссиях

*

Из участников Ясского совещания оставили свои короткие воспоминания бывший член Государственного совета В.И.Гурко (см.: Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т.ХV. С. 47—51) и М.С.Маргулис, бывший гласный Петроградской городской думы (см.: Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. I. С. 27—42). Оба автора почти не касаются проблем и дискуссий, поднятых на Яском совещании, отмечая лишь его "бесплодность".

**

См.: Письмо генерала Врангеля Н.В.Савичу от 15 июля 1927 г., опубликованное нами в журнале "Грани" (1983. 127. С. 164—168).

по восстановлению Военно-Морского Флота после русско-японской войны.

Имя Савича как кандидата на пост военно-морского министра дважды упоминается в бумагах Николая II, когда он составлял списки "министерства доверия" в 1915 г. Отказавшись от поста министра Военно-Морского Флота во Временном правительстве, Савич тяжело переживал развал российской государственности и, ведя полуподпольный образ жизни в Петрограде после прихода к власти большевиков, с "тяжелым сердцем" согласился на отъезд в занятую немцами Украину.

Как видно из публикуемых глав, Савич был приглашен на Яское совещание в персональном порядке. Убедившись, что "еще рано рассчитывать на результат от происшедшего обмена мнениями" в Яссах, Савич уехал в Крым, откуда по приглашению генерала Деникина прибыл в Екатеринодар, где принял назначение члена Особого совещания "без портфеля".

Пережив новороссийскую эвакуацию и оказавшись весной 1920 г. больным в Сербии, Савич возвратился по первому зову лично знавшего его генерала Врангеля в Крым, где занял пост государственного контролера. Савич остается его ближайшим сотрудником также и в Константинополе, после эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г., и лишь в феврале 1921 г. выезжает в Париж.

Во Франции Савич становится одним из учредителей Народно-монархического Союза конституционных монархистов и входит в состав инициативной группы по подготовке Российского зарубежного съезда, но, как и генерал Врангель, отходит в сторону, после того как убеждается, что нет надежд на "деловую работу".

Начиная с 1927 г. Н.В.Савич посвящает все свое свободное время работе над воспоминаниями. Первые две части, относящиеся к дореволюционному периоду, опубликованы нами в журнале "Грани" (№127 и 129). Третья часть оставалась незаконченной. Главы, относящиеся к Февралю, опубликованы нами в №130, а сохранившиеся отдельные главы, относящиеся к 1918 — началу 1919 г., в том числе глава, посвященная Яскому совещанию, публикуются ниже.

Еще до работы над воспоминаниями, сразу после переезда в Париж, Н.В.Савич закончил труд "Закат белого движения", ожидающий своего опубликования.

Записки и дневники Н.В.Савича приобретены нами в частном собрании в виде машинописного текста, правленного его ру-

кой. Дневники — толстые тетради, охватывающие период 1921—1924 гг., заполнены от руки.

Никанор Васильевич Савич скончался в Аньере под Парижем 14 марта 1942 г. и был похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Н. Рутыч

Первая эвакуация

Более семи месяцев прожил я в Петрограде под властью большевиков. Хотя мне лично не пришлось испытать от них особых неприятностей, но состояние духа было подавленное. Беспеременно приходили вести то об обысках, то об арестах, иногда даже среди родных, притом людей, ничего общего с политикой не имевших, ни в чем не замешанных. Притом же беспрестанно происходило мелочное ущемление недорезанных буржуев: то требование идти на принудительную работу, то очередная реквизиция вещей, а главное — не было уверенности за завтрашний день. Только раз пришлось пережить неприятные минуты. Когда немцы в ответ на лозунг Троцкого “ни мира, ни войны” прервали переговоры в Бресте и начали наступление на столицу, в Смольном перепугались насмерть. Как при всякой панике, начали распространяться нелепые слухи о предательстве, о шпионаже, об изменах. Так и тут конца вздорным слухам не было. Между прочим, однажды большевистские газеты напечатали, что в Пскове члены Г[осударственной] думы Савич и Алексеев ведут переговоры с немцами о заключении сепаратного мира, образовании контрреволюционного правительства и т.д. В большевистских органах началась свистопляска.

Близкие считали, что мне следует бежать из Петрограда или скрыться в подполье. Но я ограничился опровержением в “Биржевых” и еще какой-то буржуазной газете, указывая, что все время живу безвыездно на своей квартире. В этот момент большевики капитулировали, наступление немцев прекратилось, все успокоилось, меня не трогали. Но это было предостережением на будущее. Было еще одно обстоятельство, внушавшее известную тревогу. Как только началось это немецкое наступление, возобновило работу быв[шее] Особое совещание по обороне¹. Там по-прежнему во главе артиллерийского управления стоял ген. Маниковский; вероятно, по его почину мне стали присылать повестки на заседания

Совещания. Я, конечно, ни на одно из них не пошел, а на большевистском жаргоне это называлось саботажем, за который тогда по головке не гладили. Словом, было неудобно.

В то время все мы, представители старой общественности, прятались, избегали видаться, о политической жизни не было и речи.

Только когда началось продвижение немецких армий на Украину, зашевелились наши германофильские круги. Люди решили, что раз германцы идут освобождать южную Россию, то нет основания сомневаться в том, что, выгнав большевиков из Малороссии, они не остановятся на полпути, что они начнут поход на далекую Москву, чтобы ради прекрасных глаз наших германофилов освободить от красной нечисти всю Великороссию, в особенности же спасти манатки и потроха этих русских патриотов.

Однажды я получил приглашение прибыть к В.Ф.Трепову для участия в обсуждении важных вопросов, связанных с обозначившимся наступлением немцев на Юг России. До той поры я В.Ф.Трепова не знал, ни разу с ним не встречался, но на это приглашение решил отозваться. У него я застал довольно много народу, чрезвычайно пестрое собрание. Тут было несколько человек членов Государственного совета и Государственной думы, дипломаты и сановники, общественные деятели и военные. Среди них были ярые германофилы, равно как убежденные поклонники политики верности Антанте, большинство же не знало, на что решиться, что предпочесть. Началось довольно несвязное обсуждение событий на Юге, тех шагов, которые нужно предпринять здесь, чтобы убедить немцев помочь нам свергнуть большевиков. Сразу же выявилось разномыслие собравшихся. Одни говорили, что союзники намереваются организовать новый восточный фронт с помощью японских войск, что нам нужно помочь этому начинанию. Другие отстаивали немецкую ориентацию, указывали, что союзникам не до восточного фронта, они не могут даже сдерживать наступление немцев во Фландрии, что, следовательно, только немцы могут оказать нам реальную помощь, если мы сумеем доказать им, что восстановленная с их помощью Россия будет им глубоко благодарна, явится их постоянным союзником и другом. Последняя точка зрения, видимо, разделялась большинством присутствующих, особенно яростно ее защищал один полковник, назвавшийся представителем генерала Шварца, который одно время вступил в обязанности начальника обороны столицы против наступавших тогда немцев. Теперь Брестский мир давно

был подписан, и я не мог себе ясно представить, кого представлял этот офицер.

Я не стал спорить, но не мог разделить их надежд; мне казалось невероятным, чтобы немцы решились изгнать во время продолжающейся еще борьбы на Западе своих подневольных союзников и послушных вассалов-большевиков.

На следующие заседания я просто не пошел. Кончились эти собрания печально: большевики пронюхали и арестовали гостеприимного хозяина.

Когда газеты сообщили, что немцы помогли хлеборобам свергнуть Петлюру и создать правительство гетмана Скоропадского², я стал подумывать о том, как бы пробраться на Украину, в родной мой Сумской уезд. Об этом я написал туда, сам стал узнавать, как бы организовать переезд. Для этой цели прежде всего нужно было запастись свидетельством о принадлежности к украинскому гражданству. Эту формальность удалось выполнить весьма просто. В Петрограде организовалось самовольным образом какое-то подобие консульства самостоятельной Украины, где за сходную плату мне немедленно выдали нужную бумагу.

В мае ко мне однажды явился незнакомый господин в штатском, но все его манеры доказывали, что это военный человек старого доброго царского времени. Он отрекомендовался полковником гетманской службы Николаевым, прибывшим в Петроград в качестве коменданта специального поезда, только что пришедшего из Киева. Поезд этот послан для вывоза на юг тех украинских граждан, застрявших на севере, в которых новое правительство нуждается для организации административного аппарата украинского государства.

С большевиками предварительно было достигнуто соглашение о беспрепятственном выпуске этих лиц, в числе коих значилось и мое имя. При этом Николаев передал, что в организации новой власти принимали деятельное участие многие из моих добрых знакомых и друзей по Г[осударственной] думе и Харьковскому губернскому земству. Им я был обязан тем, что меня включили в список лиц, подлежащих вывозу в первую голову. Надо было дать немедленно ответ, согласен ли я эвакуироваться в самостоятельную Украину. Хотя я не чувствовал ни малейшей симпатии к самостоятельным устремлениям гетмана, но колебаться не приходилось, ведь по существу нужно было выбирать между гетманом и Лениным. Последнее обстоятельство ярко выявилось из

моей недавней встречи с генералом Н.А.Даниловым, с “рыжим Даниловым”, как его называли в Г[осударственной] думе.

Данилова я знал давно, он читал лекции по стратегии в Военной Академии и много лет был начальником канцелярии военного министра. Человек он был умный, способный, его любил и выдвигал Сухомлинов. Когда бездарнейший генерал Жилинский должен был оставить пост начальника Генерального штаба, Сухомлинов выдвинул на эту ответственную роль генерала Данилова. Это назначение считалось бесспорным, однажды Сухомлинов даже повез на утверждение Государя приказ о назначении Данилова на этот пост. Но тут вышла осечка. Государь вдруг заявил, что у него есть свой кандидат на должность начальника Генерального штаба, именно генерал Янушкевич, который в тот момент был начальником Военной Академии. Как военный Янушкевич был нулевой величиной, ранее он читал лекции по снабжению и статистике, всю карьеру сделал по канцелярской части. Но он был красивый, видный мужчина, умевший нравиться начальству, обладавший вкрадчивыми, светскими манерами. Он произвел на царя приятное впечатление, когда ездил в Ливадийский дворец в составе депутации подносить царю какой-то юбилейный альбом Академии. С тех пор царь его протезировал, назначил начальником Академии, как только это место освободилось.

Теперь опять Государь пожелал выдвинуть своего любимца на ответственный пост начальника Генерального штаба. Сухомлинов прекрасно знал, что в силу уже разработанного в ту пору положения о полевом управлении армии будущий начальник Генерального штаба автоматически должен занять пост начальника штаба при Верховном Главнокомандующем, каковым намечался на случай общеевропейской войны сам Император, что, следовательно, будущий нач[альник] Ген. штаба явится по существу ответственным руководителем всех операций войны, в которой будут поставлены на карту не только целостность империи, но вся ее будущность, равно как судьба династии и всего государственного режима. Он отлично сознавал, что опасность такой войны становится все ближе и неизбежнее, что Янушкевич абсолютно не подготовлен к ответственной роли распорядителя судьбами армии и государства, что это назначение граничит с государственной катастрофой.

Будь у него хоть искра патриотизма и верности Государю, он должен был бы сделать все усилия, чтобы отвратить Государя от этой губительной идеи назначения Янушкевича, в крайнем случае поставить вопрос о своей отставке, но он ничего, решительно ниче-

го не сделал в этом смысле, напротив, был рад, что может лишний раз сделать приятное царю и тем усилить свое личное положение. Он сразу и охотно согласился. Так произошло это невероятное несчастье, распорядителем судеб русских армий в момент великой борьбы за существование государства явился чиновник.

Теперь, когда я встретил Данилова на Невском, он был в величайшем смущении. До этого момента он уклонялся от службы в Красной Армии, но как раз в этот день получил от Троцкого телеграмму с предложением выбирать между немедленным поступлением в Красную Армию или тюрьмой. Он был в большом расстройстве чувств, не знал, какое из двух зол выбрать. Я понял, что останься я дольше в Совдепии — и мне предстояло бы сделать подобный же выбор. Я заявил, что еду.

Как только это стало известно, ко мне начали обращаться знакомые и незнакомые с просьбой передать то или иное известие их близким, живущим на юге. В числе этих поручений было одно политического свойства. Именно: однажды меня попросил зайти к нему член Г[осударственной] думы К.К.Черносвитов. Когда я к нему пришел, я застал у него двух его коллег по партии* — чл[ена] Г[осударственного] совета Гримма и, кажется, Пепеляева, если память мне не изменяет. Они сказали мне приблизительно следующее: "Наш Центральный Комитет совершенно не разделяет германофильской позиции, которую занял в Киеве Миллюков³, поэтому мы просим вас отыскать там Миллюкова и передать ему, что партия считает его тактику ошибочной и опасной и что она находит правильным придерживаться прежней политики верности союзникам и не ставить ставку на немцев". Я обещал исполнить их просьбу, но заметил, что толку из этого не выйдет, все равно Миллюков мне не поверит, да притом ведь он, по его мнению, никогда не ошибается, а следовательно, и тут его не переубедишь. Через несколько дней после того я выехал из Петрограда. Тяжело было уезжать, прощаться, как мне казалось, навсегда с близкими, с этим городом, где я учился в гимназии и в университете, где прожил полжизни, в том числе 10 лет в качестве депутата Г[осударственной] думы. Но что делать, жребий был уже брошен.

В Москве последовала формальная проверка права на выезд, причем удостоверение петроградского самочинного украинского

*

Кадетов (прим. И.Рутыча).

консула считалось достаточным. Там мы простояли недолго и двинулись дальше. Только за Москвой сказался весь ужас развала транспорта, одного из первых блестящих достижений советского режима. Приходилось стоять часами на ничтожных полустанках, двигались со скоростью черепахи. Притом же всюду бросалось в глаза полное отсутствие продовольствия, пустые буфеты и масса нищих. Часто попадались эшелоны с нашими военнопленными, возвращавшимися из Германии. Одетые в рубище, в опорках, изможденные, часто с одутловатыми от голода лицами, они производили жалкое впечатление, просили у нас милостыни. Но их униженное, заискивающее отношение разом менялось, как только они узнавали, что наш поезд идет в Киев. Лица делались озлобленными, они начинали кричать: "К германцу едете, изменники!". Слышались угрозы, ругательства. Тяжело было выслушивать эти упреки несчастных, измученных людей, хотелось им сказать: "Вот поживете с большевиками, увидите, что они хуже немцев, ведь лакеи всегда хуже хозяев".

Наконец поезд подошел к Орше, мы увидели первых часовых в фельдграу. Стыдно признаться, но тогда мы вздохнули свободнее.

Переехав границу, мы были поражены тем, как резко изменился вид страны, по которой мы проезжали. Всюду спокойные лица, масса всякой снеди, о чем мы давно забыли думать. Больше всего поражало то, что люди смеются, всюду видны улыбки, чего мы давно уже не видели. Видно было, что мир и благорастворение воздушных царят на Украине.

То же впечатление сделал на меня и Киев, он только был оживленнее, чем обыкновенно, да вместо русских военных мундиров всюду бросались в глаза подтянутые фигурки немецких и австрийских офицеров. Они держали себя гордо, но вежливо, не слишком давали чувствовать, что находятся здесь по праву завоевателя. Вообще больше всего меня поразило полное отсутствие признаков собственных военных сил нового государства, да их, по видимому, еще и не было. Люди усиленно работали над созданием административного аппарата, а о своей собственной армии гетман как будто не думал, точно здесь забыли, что первым признаком всякой самостоятельной государственной власти является организованная военная сила.

Я легко отыскал Милюкова, посетил его, передал ему поручение, полученное у Черносвитова. У нас произошел довольно продолжительный и интересный разговор, но убедить его я не смог,

а поручению моему он не придал веры. В то время мы, жители совдепской страны, где печатались военные сводки обоих борющихся коалиций, уже начинали понимать, что решительное наступление немцев во Фландрии не удалось, что они исходят кровью, что американцы беспрепятственно начали прибывать во Францию, — словом, что положение германцев становится с каждым днем труднее, безвыходнее. Лично для меня было ясно, что карта Гинденбурга-Людендорфа бита. Не то было в Малороссии. Здесь люди видели все через призму немецкой цензуры, им казалось, что победа германской коалиции обеспечена. Не избежал этой аберрации и Милюков; он был убежден, что немцы победят, что во всяком случае на Востоке они надолго останутся распорядителями судеб нашей родины. Его пугало то, что делалось на Украине. Пока что начавшаяся украинизация не представлялась опасной, но принятые меры по созданию "мовы", насильственное внедрение галицийского наречия могли, по его мнению, подготовить в будущем отрыв местного населения от общерусской культуры, чем был бы положен фундамент для прочного раздела Русского государства. Чтобы предупредить эту опасность, он считал необходимым договориться с немцами, достигнуть с ними какого-то соглашения, хотя бы ценою временного подчинения нашей политики их видам, лишь бы отстоять целостность русской державы. Поэтому он считал свою тактику единственно правильной, отказался сообразоваться с директивой партии. Мне он сказал, что если мои предположения о конечном поражении немцев правильны, то все мои заключения о политике, коей нам следует держаться, тоже верны, но так как в основном я ошибаюсь, то прав он, а не я. На этом мы расстались.

Ту же веру в непобедимость немцев я встретил везде на Украине, мои друзья в нее верили так же, как любой немецкий лейтенант. Однажды они даже спросили меня: "Зачем же вы сюда ехали, раз вы не верите в немецкую победу, в прочность немецкой оккупации?". Я им старался доказать, что прочно только то государственное образование, которое может само себя защищать, что даже большевики догадались, что без регулярной собственной армии они обойтись не могут, что они начали создавать Красную Армию, которая может в близком будущем стать величайшей опасностью для украинской самостийной власти. Но они кивали на немецких солдат и успокаивались. Делать мне в Киеве было нечего, и я уехал в свой родной Сумской уезд. Первая моя эвакуация кончилась.

На пути в Яссы

В конце октября 1918 г. я жил в уездном городке Харьковской губернии, почти на границе Советской Республики. По внешности как будто ничего особенного не произошло, в городе было спокойно, на привычных местах стояли подтянутые германские часовые, немецкие офицеры были хозяевами на железной дороге. Но несмотря на строжайшую военную цензуру, скрывавшую от населения все, что происходило на театре военных действий, несмотря на непоколебавшийся еще престиж Германии, несмотря на уверенность в победе немецких властей, чувствовалась какая-то неуверенность в завтрашнем дне. Хотя мы ничего решительно не знали о крутом повороте военного счастья на всех фронтах борьбы, среди населения стали циркулировать слухи о скором наступлении мира, об изменении положения на Украине, об уходе немцев.

На тревожные вопросы немецкие офицеры отвечали неопределенно — они, видимо, знали больше, чем хотели то показать. Наконец стало невозможно дольше скрывать правду: катастрофа, пережитая немцами на Западном фронте, капитуляция Болгарии и Турции, разгром Австрии, наконец, революционное движение в самой Германии привели к крушению дисциплины среди немецких войск, занимавших наш край. Немецкая солдатская масса вдруг забурилась.

Как раз в этот момент я получил телеграмму из Киева, срочной вызывавшую меня туда ввиду предстоящей командировки в Яссы, куда вызываются представители общественности для переговоров с союзниками. В то время я входил в ядро организации, именовавшейся Совет Государственного объединения⁴, но, живя в провинциальном городке, не принимал близкого участия в ее работе и не был хорошо осведомлен о текущих событиях. Тем не менее я немедленно отправился на вокзал хлопотать о получении возможности попасть в Киев. Это не было так просто, разруха и перегруженность железнодорожного транспорта представляли большие трудности для передвижения. Только благодаря помощи немецкого офицера — коменданта станции — мне удалось выехать в Киев. Я предъявил ему полученную телеграмму, признавшись, что не вполне понимаю характер поездки в Яссы. Он высказал предположение, что дело должно идти, вероятно, об участии русских представителей в мирных переговорах, поэтому проявил большое внимание и дал мне пропуск для сле-

дования в Киев в офицерском вагоне, предназначенном для нужд германских войск.

Подъезжая к Киеву, я с удивлением увидел, что погоны начали исчезать с плеч германских военных, местами вместо офицера-коменданта появлялись группы солдат — представителей солдатских союзов и комитетов; видимо, дух Ленина незримо царил уже среди германской армии на Украине. В самом Киеве еще царили порядок и дисциплина. Остановился я у бывшего члена Г[осударственной] думы Демченко, игравшего закулисную, но большую роль в гетманском управлении. Там в то время жило несколько гетманских министров, постоянно собирались совещания под руководством премьера Гербеля. С последним я был знаком еще по Петрограду, где он был чл[еном] Г[осударственного] совета по назначению⁵. Министры меня хорошо знали по прежней моей работе в Г[осударственной] думе, совершенно не стеснялись моим присутствием, вели при мне самые интимные разговоры по текущим событиям. Я мог убедиться, что они полны тревоги за завтрашний день, их смущали не столько большевики, кои были еще опасностью более отдаленного времени, сколько странная позиция немецкого командования в петлюровском вопросе. Между прочим, немцы вынудили освобождение наиболее опасных и энергичных приверженцев Петлюры, вели какие-то подозрительные переговоры с галицийскими частями⁶. Сами министры отнюдь не принадлежали к непримиримым сепаратистам, напротив, они громко говорили о федерации, чем просто прикрывалось стремление к воссозданию Великой России. Все их надежды покоились на предположении, что теперь, когда Босфор будет не сегодня-завтра открыт, когда сила германского блока сломлена, союзники придут на помощь, не допустят захвата власти петлюровцами, первыми авторами Брест-Литовского договора, тем более что последние вынуждены будут скоро уступить свою власть большевикам, подобно тому как на Руси эсеры уступили ее Ленину и К^o.

В этом отношении их очень ободрял вызов в Яссы представителей русской общественности. Правда, в чем была сущность дела, никто не знал. Было только известно, что оттуда пришла телеграмма полковника Ильина, в коей говорилось, что дипломатические представители Антанты хотели бы видеть в Яссах представителей и уполномоченных крупных общерусских политических и общественных организаций, и сверх того, называлось несколько политических деятелей думского периода, присутст-

вие коих при предстоящих разговорах считалось весьма желательным. В числе последних были названы Милюков, Кривошеин и я. В Киеве сразу же возникла идея, что союзники хотят выяснить с представителями русской общественности вопросы, как помочь России встать на ноги, в чем должна выразиться необходимая помощь, какие меры нужно принять, чтобы предупредить возрождение анархии на Украине и появление там московских большевиков.

Вера в союзников, в их близкую помощь, была так сильна, что решительно никто, начиная с гетманских министров и кончая простым крестьянином, не сомневался в том, что в самом близком будущем они придут помочь нам освободиться от немцев и их ставленников — петлюровцев и большевиков, как они сделали то в Сербии и Бельгии.

Поэтому на Совещание в Яссах возлагалось чрезвычайное упование. Первый эшелон с представителями, избранными от организаций, уже выехал до моего приезда в Киев, когда новый и неожиданный вольт немцев в сторону петлюровцев еще не вполне определился. Теперь эта опасность становилась очередной, поэтому на эту тему пришлось выслушать много предположений и соображений, кои надо было иметь в виду при разговорах в Яссах. В последний момент перед отъездом кто-то из обитателей квартиры Демченки высказал предположение, что было бы очень полезно, если бы я перед отъездом повидался со Скоропадским и выслушал его соображения относительно вопросов, могущих быть предметом суждения в Яссах.

До этого момента я гетмана не видал, знаком с ним не был, особенного стремления быть у него не имел. Но раз подобное мнение было высказано одним из членов местного правительства, то я, конечно, не возражал, сказал только, что устроить это свидание, если оно считается полезным, должны те, кто является его авторами. Все шаги по организации свидания взял на себя Демченко, наиболее энергичный из всей этой компании.

Действительно, на следующий же день я был принят гетманом в его дворце в Липках. Когда я туда прибыл, приемная была пуста, там маячил только дежурный офицер, разодетый в какую-то фантастическую, точно опереточную форму, который сообщил мне, что гетман меня примет, как только кончится прием одного царского министра. Действительно, через несколько минут от него вышел, насколько помню, Крыжановский. Меня провели в кабинет Скоропадского. Навстречу мне поднялся высо-

кий и стройный человек, затянутый в странную, непривычную форменную одежду, долженствующую, видимо, напоминать о давно прошедших временах Тараса Бульбы и Мазепы.

Он был приветлив и любезен. В его манере держаться сказывалась долголетняя выправка гвардейского офицера и школа петербургского высшего общества. С ним легко было разговаривать.

Он сразу заговорил о предстоящем Совещании в Яссах, о том, что там, вероятно, будут обсуждаться вопросы о помощи России, о борьбе с большевизмом, о роли союзников в этом деле. В том, что союзники так или иначе придут на помощь, он не сомневался, как не сомневался и в том, что помощь эта не может ограничиться только снабжением и вооружением. Конечно, главная тяжесть борьбы с большевиками должна быть выполнена русскими руками, но, чтобы иметь возможность создать дисциплинированную армию, нужно, чтобы союзники прислали свои воинские части, под защитой которых будут формироваться русские войска. Делу создания русской воинской силы для освобождения России от большевиков он всецело сочувствует, готов всячески помочь, согласен предоставить все средства Украины. Но у него было одно "но".

Дело касалось высшего командования создаваемой для освобождения Москвы армией. Он считал, что союзники, которые дадут военную помощь в период формирования Русской армии, не пожелают вести длительную войну с большевиками, не будут участвовать в походе на Москву. Это должно быть сделано русскими силами и под русским командованием. Конечно, возможно, что французы захотят придать к будущему штабу своих специалистов, но Главнокомандующим будет, несомненно, русский генерал. На этот пост возможны две кандидатуры: во-первых, в[ел.] князя Николая Николаевича, быв[шего] Верховного Главнокомандующего Русскою армией в первый период великой войны⁷. Это было бы лучшим исходом. Имя в[ел.] князя пользуется большой популярностью среди солдатской массы и авторитетом среди командного состава. Но возможна другая кандидатура, именно — генерала Деникина, командующего Добровольческой армией⁸. Но это назначение может вызвать осложнения. По крайней мере он, Скоропадский, готов подчиниться в[ел.] князю как общему Главнокомандующему силами, ведущими борьбу против большевиков, но никогда под Деникина не пойдет, ни за что ему не подчинится, его распоряжений исполнять не будет. Ос-

тальные генералы, стоящие во главе военных сил создавшихся ныне государственных новообразований, вероятно, будут того же мнения. Во всяком случае он, гетман Украины, хотел бы, чтобы при решении вопроса о высшем командовании в Яссах знали его отношение к делу, к возможной кандидатуре Деникина. Вот почему он считал полезным повидаться со мной перед моей поездкой в Яссы. Весь этот разговор происходил в форме монолога Скоропадского, он говорил, а я слушал. Можно было бы назвать этот монолог размышлением вслух.

Когда он кончил, я ответил, что считаю кандидатуру в[ел.] князя наилучшим решением. Она примиряла множество непомерно разросшихся самолюбий пореволюционного времени, устраняла элементы местничества среди генералов, была понятна простому русскому солдату. Слова гетмана только подтверждали то, что я ранее думал, поэтому я готов отстаивать свое мнение и в Яссах, если там подобный вопрос будет поставлен на очередь.

После этого Скоропадский со мной простился, больше нам не пришлось встречаться.

Выходя от него, я мысленно спрашивал себя: где же тут то зловерное самостийничество, о котором так много приходилось слышать за последнее время? Со мной ведь говорил гетман, самостийный правитель вольной Украины, а между тем я все время видел перед собой и слышал голос русского гвардейского офицера, генерал-адъютанта русского Императора, насквозь пропитанного уважением к ореолу, окружавшему когда-то династию Романовых, относившегося свысока ко всему армейскому, демократическому, не принадлежавшему к привилегированному высшему классу и гвардейскому офицерству.

Ведь для гетмана, как и для меня, не могло быть секретом, что возглавление освободительной Русской армии в[ел.] князем Николаем Николаевичем предreshало все будущее нашей освободительной Родины. Было ясно, что это равносильно повторению того, что произошло когда-то после смутного времени, что в[ел.] князь привел бы к восстановлению монархического режима под скипетром старой династии, что Россия, быть может, внешне обновленная и измененная, наружно по существу осталась бы старой Великой Россией, где нет места ни для какой самостийности.

На другой же день я выехал в Одессу для следования в Яссы, дорогой доходили тревожные слухи, что где-то на западе от железнодорожной линии появились какие-то банды галичан, дви-

гавшихся без всякого сопротивления на Киев. Только по приезде в Яссы мы узнали, что немцы в последний момент перед эвакуацией выпустили против гетмана и его правительства петлюровские и галицийские банды, желая тем подложить свинью союзникам. Сверх того, они поняли, что и Гербель, и сам Скоропадский такие же самостийники, как и любой русский человек подмосковного района. Видя, что они ошиблись в этих людях, они свели с ними счеты в последний момент, выпустили против них силы анархии и разложения.

Они могли сказать по адресу Скоропадского то, что Гоголь вложил в уста Тарасу Бульбе в момент, когда тот встретил на поле брани своего сына Андрия: "Я тебя породил, я тебя и убью".

Совещание в Яссах

Я выехал в Яссы со вторым эшелоном представителей русских организаций. Кроме нас, делегатов и особо указанных в списке Ильина лиц, ехало еще несколько общественников, надеявшихся принять участие в Совещании хотя бы с правом совещательного голоса. В состав эшелона входили: Шебеко, Гурко, Рябушинский, Демченко, Дитмар и я. Присутствие Демченки было нам очень на руку, т.к. благодаря его старым связям в железнодорожном мире он достал прекрасный вагон-салон и обставил всю поездку возможно удобнее. На больших станциях к нему приходило железнодорожное начальство, сообщало все новости, передаваемые по железнодорожному телеграфу. Благодаря этому мы, подъезжая к Одессе, уже знали, что движение сечевиков и петлюровцев к Киеву идет молниеносно, что каждую минуту надо ждать перерыва железнодорожного сообщения с украинской столицей, что дни гетманства, видимо, сочтены. В Одессе мы не задержались. Шебеко быстро выполнил формальности по визам, и мы тронулись дальше.

Грустную картину представляла собою Бессарабия, недавно аннексированная румынами⁹. Железнодорожный персонал был в большинстве еще на местах, работал под наблюдением оккупантов, видно было, что живет ему далеко не сладко.

На одной большой станции к нам явилась делегация железнодорожных служащих, которые умоляли их не забывать, отстоять Бессарабию, не соглашаться на ее аннексию румынами. Люди говорили со слезами на глазах, они были полны отчаяния. Мы их утешали, как могли. Признаюсь, в то время я еще не вполне

учитывал ужас катастрофы, постигшей Россию. Поэтому я с полной искренностью уверял этих людей, что Россия их не забудет, что она не примирится с этим захватом русской территории. Единственный человек, который имел иное мнение, но пока его еще не высказывал громко, был Демченко. Этот реалист и практик считал, что без вооруженной помощи нам с большевиками не справиться, что большие державы много войск не дадут, что они постараются сделать это руками маленьких союзников, которым придется платить за помощь. Наиболее вероятности было в том, что поручат таскать каштаны Румынии, но она без хорошей платы ничего не сделает, такую платою могла быть только Бессарабия. Поэтому он промолчал, когда к нему по старой памяти обратились железнодорожники.

Яссы — небольшой и очень грязный губернский город — были переполнены. Там тогда жил Двор, штаб армии, министерства, громадный наплыв бежавшей из Бухареста знати. Достать помещение в гостиницах было невозможно, наше консульство тоже было переполнено, там работал наш посланник и ютился персонал посольства. Пришлось оставаться в вагоне, но благодаря заботам Демченки и тут мы устроились отлично: вагон перевели на какой-то запасный путь почти в самом городе.

В консульстве мы встретили своих коллег по делегации, прибывших ранее нас и уже осмотревшихся. Поклевский-Козелл, наш посланник при румынском Дворе, ввел их в курс дела и вылил немало холодной воды на их расплавленное надеждой воображение. Оказалось, что никаких полномочий для серьезных переговоров местные представители Антанты не имеют. Едва ли не по почину местных людей создавалась самая идея этого Совещания. Единственно, чего можно было ожидать от Совещания, это выяснения положения, определения возможности помочь России, установления условий, при которых такая помощь может быть оказана, наконец, исчисления средств и сил, необходимых для борьбы с большевиками.

Тем не менее самый факт этого Совещания, этих разговоров, был благоприятным признаком. Он устанавливал интерес союзников к делу освобождения России, ставил на очередь его обсуждение не только здесь, но и в центре, в Париже, куда, несомненно, будут немедленно сообщены все результаты переговоров, происходивших в Яссах. Надо было использовать представляющуюся возможность двинуть дело освобождения.

Прежде чем встретиться официально с дипломатами Антанты, мы решили утрясти ряд вопросов в своей среде, чтобы не было между нами разнобоя в разговорах с иностранцами. Посланник предоставил нам для этого помещение в консульстве, где мы prospорили не одно утро.

В сущности, подлежало обсудить по существу два вопроса. Во-первых, может ли, по нашему мнению, Россия освободиться сама, без вооруженной помощи соседей, т.е. достаточна ли будет помощь снабжением, вооружением и деньгами, или надо просить присылки войск. В этом отношении разногласий как будто не было, все понимали, что хоть на первое время помощь войск союзников нам необходима. В этот момент организация Украины уже разваливалась, да там никогда и не было серьезной воинской силы. Силы добровольцев и казаков было явно недостаточно, чтобы прикрыть богатый Юг России и дать тем возможность мобилизовать там достаточные для похода на Москву силы. Все согласились, что надо просить союзников прислать значительные воинские силы, хотя бы на первое время.

Другой вопрос, об организации власти на освобождаемой территории и о лице, которое должно встать во главе армии, вызвал резкие разногласия. Социалисты были за Директорию, коей хотели подчинить будущего Главнокомандующего, все остальные считали, что Главнокомандующий должен быть диктатором. Оказалось, что организации, приславшие делегатов в Яссы, не установили по всем важнейшим вопросам единства мысли в своей среде, их представители начали спор в Яссах о том, кому быть Главнокомандующим и диктатором. Выдвинуты были две кандидатуры на этот пост, были названы в[ел.] князь Николай Николаевич и генерал Деникин.

Сторонники первого доказывали, что в[ел.] князь является старшим по своему прежнему званию Верховного Главнокомандующего генералом Русской армии, назначение его на пост Главнокомандующего освободительными армиями не уязвит ничего самолюбия, пред его именем замолкнут соображения генерального местничества и мелкого соперничества, он пользуется авторитетом среди офицерства и генералитета, популярностью среди части солдатской массы. Наконец, его хорошо знают союзники, его слову они могут поверить, не сомневаются в его симпатиях к союзникам. Его возглавление привлечет сердца всех монархистов, число коих, особенно среди офицерства, было тогда весьма велико. Поэтому группа делегатов считала, что настал

момент использовать имя вел. князя для того, чтобы облегчить и ускорить дело освобождения родины.

Другая часть делегации, притом видимое большинство ее, придерживалась другого мнения. Они говорили, что возглавление освободительной армии в[ел.] князем предreshит вопрос о будущей форме правления в смысле реставрации монархии под скипетром старой династии, тогда как русский народ еще недавно в лице Учредительного Собрания высказался за республику. Притом самое дело освобождения рискует встретиться с трудностями внутреннего характера, т.к. большое число левых элементов, особенно эсеров, которые теперь против большевиков, перейдут опять на сторону последних, раз освободительное движение будет окрашено в монархические цвета. Они говорили, что главная организованная сила в настоящий момент — это Добровольческая армия, которая в союзе с казачьими государственными образованиями, ярко республиканскими, ведет борьбу с большевиками. Она имеет свою психологию, далеко не монархическую, имеет своего вождя, которому верит и которому безусловно подчиняется. С ним приходится считаться, его нельзя односторонним решением со стороны подчинить без его воли и ведома кому бы то ни было. Вопросу о генеральском местничестве они не придавали большого значения, равно как и монархическим устремлениям офицерской среды, они считали, что все это может утрястись в порядке принуждения и устрашения. Поэтому они настаивали, что в переговорах с союзниками имя в[ел.] князя произносить нельзя, что надо единодушно выставить кандидатуру генерала Деникина. Долго мы спорили и ни до чего не договорились, пришлось решить спор голосованием, причем за в[ел.] князя было подано только четыре голоса, в том числе мной и Кривошеинным.

Когда возник этот спор, я ожидал, что присутствующие социалисты — Титов, Бунаков-Фундаминский — будут голосовать против в[ел.] князя, для них, по образному выражению Керенского на Московском Государственном совещании, “нет Родины без свободы”, причем под этим термином подразумевалась республиканская форма правления. Что их поддерживал радикал Маргулис и пропагандист Особого совещания при генерале Деникине Федоров, тоже было естественно. Но меня глубоко изумило поведение Милокова.

Я отлично помнил, как текущим летом мы, быв[шие] члены законодательных палат, собрались однажды у меня в Киеве. Я

жил тогда в квартире отсутствовавшего временно Варун-Секрета. Обсуждали текущий момент, условия возможного освобождения родины. Высказывали разные соображения для организации собравшихся в Киеве общественных элементов, могущих способствовать этой задаче. В этом собрании заложен был фундамент объединения быв[ших] членов законодательных палат, ставший исходной точкой для организации Совета Государственного объединения. В числе речей, там произнесенных, очень меня тогда поразила речь Милюкова. Он говорил, что освобожденная Россия роковым путем вернется к монархии: называл возможного претендента в лице Дмитрия Павловича. Но, говорил он, прежде чем в Москве можно будет короновать нового Императора, придется пролить много крови, применить жестокие репрессии против ряда главарей большевизма. Невозможно, чтобы это проделывал новый Государь, который, напротив, должен начать свое правление с провозглашения примирения, с общей амнистии. Поэтому дело очищения Москвы от большевизма должно сделать другое лицо, взять на себя одиум репрессий. Таким образом может быть только в[ел.] князь Николай Николаевич, которого мы, общественные элементы, должны побудить взять на себя громадную, но малопопулярную задачу возглавления междоусобной войны и неизбежных репрессий.

Правда, это было давно, много месяцев тому назад. С тех пор Милюков побывал в Екатеринодаре, посоветовался со своими друзьями, в первую голову с Винавером, узнал настроения, господствующие в Добрармии. О его повороте в этом вопросе на 180 градусов я до Ясс ничего не знал, но теперь, выслушав его соображения, понял, что вопрос о назначении в[ел.] князя похоронен прочно, ведь Милюков все же являлся п о р т-п а р о л ь* кадетской партии, представители коей были в большинстве. Как бы то ни было, вопрос был решен в пользу генерала Деникина, и мы, меньшинство, решили подчиниться и молчать о нашем кандидате.

Наконец состоялось Совещание с дипломатами Антанты, среди коих, видимо, доминировал французский представитель. Об этом Совещании у меня сохранились самые смутные воспоминания. Было ясно одно, что дипломаты действительно ни на

*

Porte-parole (фр.) — лицо, уполномоченное кем-либо для официальных сообщений. — *Ред.*

что не уполномочены, что самое заседание есть лишь безответственный обмен мыслями вслух. Гора родила мышь.

Когда кончилось официальное Совещание, ко мне подсел английский военный или военно-морской агент¹⁰, хорошо говоривший по-русски, и начал разговор в частном порядке о мерах, которые я лично считаю необходимыми для освобождения России от большевизма. Он сказал, что отлично осведомлен о наших спорах относительно имени будущего Главнокомандующего, считал, что вопрос о в[ел.] князе нашим решением снят с очереди и особенно остановился на числе дивизий, которые необходимы для поддержки дела освобождения. Я ответил, что считаю желательным присылку 12 дивизий, но он сказал, что это невозможно, слишком много. Тогда я подробно пояснил, как я приходил к этой цифре, указал ему, что можно ее уменьшить только в том случае, если они готовы идти на риск встретиться с вооруженным сопротивлением большевиков и петлюровцев. Если союзники пришлют большую армию, близкую к названной мною, то большевики не рискнут на нее напасть, просто отступят и дадут возможность без пролития крови под защитой союзных штыков создать южнорусские военные силы. Напротив, присылка двух-трех дивизий может побудить большевиков оказать им вооруженное сопротивление, приведет к необходимости лить союзную кровь. Но, конечно, число необходимых дивизий зависит от объема тех территорий, кои будут оккупированы для создания плацдарма, где будут формироваться русские части. Я имею в виду освобождение в кратчайший срок, что требует больших сил, но в конечном счете всего выгоднее в смысле количества пролитой крови, ведь и большевики будут готовиться, почему так долго время. Затем мы перешли к вопросу о главном командовании. Англичанин был в курсе того, что я высказался за кандидатуру в[ел.] князя, поэтому он спросил, почему я против генерала Деникина. Я ответил, что я не против Деникина, коего совершенно не знаю, но я был за в[ел.] князя потому, что, зная русские нравы и амбиции русских генералов, боюсь, что назначение любого генерала из русских непременно вызовет соперничество, зависть, недоброжелательство других конкурентов. Я указал на слова Скоропадского, сказанные им мне перед моим отъездом, как на вероятный пример отношения других генералов, стоящих во главе отдельных воинских сил. Только авторитет в[ел.] князя, быть может, помешает этим распрям среди командного состава, ведь нельзя работать, только опираясь на принуждения и репрес-

сии, нужна еще идеология, известный мистицизм власти, которой привыкли подчиняться не за страх, а за совесть. Возможно, что Деникин военный талант, я этого не знаю, возможно, что ему беспрекословно подчиняется добровольческая среда, но ведь этой силы для борьбы мало, а вот пример Краснова¹¹ показывает, что казацки генералы не очень-то склонны считать Деникина таким вождем, кому они беспрекословно подчинятся. Но большинство делегатов смотрит иначе, для них на первый план выдвигается вопрос об отношении к будущему главнокомандующему политических партий и организаций, поэтому я вынужден был подчиниться большинству, не делать разногласий в нашей среде. Англичанин внимательно выслушал и сказал мне фразу, которую я тогда не понял: "Обойдемся и без того, и без Деникина". Мне пришла в голову мысль, что они хотят поставить во главе власть в лице союзного генерала. Поэтому я прибавил, что считаю неизбежным назначение русского главнокомандующим войсками, призванными идти на Москву. Мой собеседник ничего не ответил и стал прощаться. У моих коллег было тоже грустное впечатление от Сопещения. Наш посланник подтвердил, что наше впечатление правильное, что еще рано рассчитывать на благоприятный результат от происшедшего обмена мыслями.

Оставалось складывать пожитки и возвращаться не солоно хлебавши. Перед самым отъездом возник было вопрос о представлении королю, но он тотчас отпал, так как это могло быть связано с представлением о признании нами аннексии Бессарабии.

Только много времени спустя после возвращения из Ясс я узнал о перевороте в Сибири, о провозглашении Колчака диктатором при содействии и попустительстве англичан¹². Невольно я связал это обстоятельство с намеком английского атташе; мне приходило в голову, что он был уже в курсе намерений своего правительства.

Поездка в Симферополь

8 декабря 1918 г. я покинул Одессу¹³, к которой вплотную подошли петлюровские банды, и сел на пароход РОПиТА, отправлявшийся срочным рейсом в Ялту. При посадке потребовалось предъявление заграничного паспорта, как будто мы в самом деле отправляемся в чужое государство. Со мной выехали на том же пароходе Кривошеин, Демченко и гр.Капнист. Так в порядке

очередной эвакуации и кончилось мое участие в работах яской Делегации.

Ялта была переполнена до отказа, тут можно было встретить петербургский "монд"* , общественных и политических деятелей недавнего прошлого, все то общество, которое можно было видеть минувшим летом в Киеве, поздней осенью в Одессе и которое ныне среди зимы собралось на теплом берегу Крыма, считавшегося ныне самостоятельным государством. Во главе этого эфемерного государственного новообразования стояло правительство, возглавляемое б[ывшим] чл[еном] Г[осударственного] совета С.Крымом¹⁴. Странное это было правительство, удивительная власть. Все в Ялте знали, что правительство возглавляет Крым, что министром иностранных сношений является Винавер, что министром юстиции был Набоков, но на этом познание обывателя и кончалось. На мой вопрос, кто у них министр военный, последовал недоуменный вопрос: "А вы думаете, что у нас есть военный министр, мы об этом не слыхали". Равным образом никто не мог мне ответить, есть ли у них армия. Правда, в городе было много военных, частью признававших себя подчиненными Деникина, частью просто проживавших на положении беженцев, но об организованной военной силе, подчиненной местному правительству, никто ничего не знал.

Тем не менее жизнь шла почти спокойно, если не считать редких случаев самоуправства отдельных групп военной молодежи.

Кривошеин поселился в Чаире, купленном в начале революции чл[еном] Г[осударственного] совета Ивановым. Этот прелестный уголок, недавнее имение в[ел.] князя Николая Николаевича, стал центром собраний политических деятелей правого толка. Сюда стекались все сведения, все новости, сюда являлись добровольно военные, прибывшие из Екатеринодара. Однажды меня вызвал к себе Кривошеин, с которым я в то время очень сблизился, чтобы сообщить мне весть о скором приезде в Симферополь генерала Лукомского, бывшего тогда помощником генерала Деникина. Кривошеин считал, что мне нужно к этому моменту быть в Симферополе, чтобы переговорить с Лукомским,

*

Monde (фр.) — здесь "свет". — *Ред.*

тем более что несколько лиц из окружения генерала Деникина хотело, чтобы эта встреча состоялась.

Я, конечно, выразил мое согласие на встречу, тем более что мы очень плохо были осведомлены обо всем, что делалось в Екатеринодаре, о ближайшем окружении генерала Деникина, об организации Особого совещания при нем, игравшего роль Совета Министров. Лукомского я знал давно, с первых лет работы в Г[осударственной] думе, он был военным министром и членом Особого совещания при генерале Деникине, с ним можно было говорить откровенно. До того в Крым приезжали лишь министры и члены Ос[обого] совещания кадетского толка, например Степанов или Астров, с которыми мы часто говорили на разных языках.

Крымское правительство было, видимо, в курсе того, что мне нужно переговорить с Лукомским, готово было этому помочь, организовать поездку в Симферополь. Кривошеин передал мне, что мне нужно быть готовым выехать в любой момент, как только придет телеграмма о выезде из Екатеринодара Лукомского, что правительство берет на себя организовать мой переезд в Симферополь и устройство свидания. Оставалось ждать.

Через несколько дней мне дали знать, что автомобиль, на котором мне предстояло следовать в Симферополь, отправляется по назначению рано утром следующего дня. В назначенный момент я был готов. Оказалось, что вместе со мной едут Богданов — один из крымских министров — и Астров. Последнего я немного знал еще по прежним встречам, теперь он был виднейшим и влиятельнейшим членом Особого совещания при Деникине, с ним было очень интересно побеседовать при предстоящем длинном переезде, хотелось расспросить о том, каковы отношения между главным командованием и властями казачьих государственных новообразований, с которыми приходится работать Добрармии. Он охотно пошел навстречу, рассказывал о трениях, неоднократно возникавших в Екатеринодаре между Деникиным и самостийниками из казаков, дал обзор политического положения на Кубани. Погода была прекрасная, теплая и солнечная, переезд был приятной прогулкой.

По приезде в Симферополь бросилась в глаза сравнительная запущенность города. Тут было значительно холоднее, кое-где лежал полуталый, грязный снег, улицы малооживленные, мрачные, вид глубокой провинции.

Город был переполнен, найти номер в гостиницах было невозможно. Поэтому меня поместили в реквизированном помещении на квартире Налбандова. Когда-то богатый крымский помещик и симферопольский домовладелец, Налбандов играл в свое время большую роль в местной земской и общественной жизни, был министром крымского правительства правого толка, предшествовавшего нынешней власти С.Крыма и К^о. Я с ним еще ни разу не встречался, не был знаком, но он оказался милым и любезным хозяином, встретил меня как старого друга, хотя знал меня только понаслышке или по газетным отчетам думского периода. Он был теперь частным человеком, но сохранил связи в правительственных кругах, знал всю подноготную в Симферополе, легко ориентировался в местной обстановке. Он мне был очень полезен, т.к. благодаря разговорам с ним я сравнительно легко и скоро вошел в курс местных дел и влияний.

Утром я отправился в бывший губернаторский дом, где теперь ютилось "самостийное" крымское правительство. Там я встретился с Крымом, которого давно знал еще по Г[осударственной] думе, он был, как всегда, крайне любезен, не считал нужным играть в прятки, откровенно высказывал свои надежды и опасения, кои внушались предстоящим разговором с представителем правительства генерала Деникина.

Его очень обескураживало, что с уходом немцев все его самостийное государство, лишенное военной силы, повисло в воздухе. Он понимал, что задача создания армии, военной организации Крымского государства стала первоочередной и неотложной. Он хотел знать мое мнение о создании армии, но всякое серьезное обсуждение этого вопроса было невозможно потому, что он был уверен в том, что Лукомский должен привезти от Деникина конкретные предложения о совместной борьбе против большевиков под водительством и руководством главного командования Добрармии. Крымское правительство при этом хотело во всяком случае сохранить свою самостоятельность как суверенное государственное образование. Поэтому всякое решение по вопросу о создании самостоятельной крымской армии и о назначении военного министра было отложено до выяснения результата переговоров с Лукомским.

Скоро пришла телеграмма, извещавшая, что отъезд генерала Лукомского отложен на несколько дней, что он просит его подождать в Симферополе еще два—три дня. Пришлось сидеть и ждать у моря погоды.

Вместе со мной там ждал Лукомского быв[ший] министр финансов царского времени Барк. Он жил в самом бывшем губернаторском доме, занимаемом ныне правительством. Ему тоже делать было нечего, поэтому мы с ним часто гуляли по окрестностям города, много беседовали о недавнем прошлом. Не раз наш разговор возвращался к роковым минутам, предшествовавшим объявлению мобилизации и началу войны. Меня всегда интересовал вопрос, могли ли мы избежать быть вовлеченными в эту ставшую для России роковой войну. Барк твердо стоял на той точке зрения, что мы должны были сделать то, что сделали, что мы не могли остаться пассивными зрителями того, как Австрия разгромила бы Сербию. Это было бы не только тягчайшим национальным унижением, потерей всякого престижа на Балканах, но и по существу было бы бесполезно, т.к. все равно нас втянули бы в войну, которая была решена нашими соседями.

Приходилось не раз беседовать с Набоковым и Винавером. Меня при этом поражало то, что эти безусловно умные, прошедшие большую общественную школу люди смотрели на свое положение министров крымской эфемериды как на что-то серьезное, могущее иметь какое-то длительное и государственное значение. Особенно в этом отношении был забавен Винавер, который себя держал как заправский министр иностранных дел Российской державы.

Когда наконец приехал генерал Лукомский, его встретили с большим почетом. Он имел с правительством несколько продолжительных разговоров, которые, видимо, не привели к удовлетворительному разрешению вопроса, т.к. проводы носили отпечаток разочарования, отличались явным холодком.

Со мной генерал Лукомский встретился как старый знакомый и сотрудник по былой работе в Особом совещании по оброне государства. Мы долго и откровенно с ним беседовали, он рассказал обо всем, что делается в Екатеринодаре, спросил мое мнение о том, как и чем можно было бы дополнить и реорганизовать гражданскую власть при Главном командовании.

Я высказал свое мнение на вопрос, которое, впрочем, оказалось несовместимым с настроениями Екатеринодара. В заключение Лукомский спросил меня, почему я сижу без дела в Ялте, не еду в Екатеринодар, где идет большая работа, где закладываются основания для возрождения России, где находится умственный и военный центр сил, борющихся за освобождение родины.

Я ответил, что, по моим сведениям, в Екатеринодаре царит кадетское засилье, что все равно кадеты меня к делу не подпустят, поэтому у меня нет шансов быть полезным армии и ее командованию. Но если военная власть сочтет мой приезд желательным, то пусть мне телеграфируют, я немедленно приеду и поставлю себя всецело в распоряжение Главного командования.

На этом мы простились, я скоро уехал обратно в Ялту. Но этот разговор имел на мою личную судьбу большое влияние, он предопределил мое участие в белой борьбе. Прошло около трех месяцев. Однажды совершенно неожиданно я получил из Екатеринодара телеграмму, предлагавшую мне прибыть в этот центр белой борьбы.

Конечно, я не задумывался ни одной минуты, сел на ближайший пароход, уходивший в Новороссийск. В этот момент я старался не вспоминать мой разговор с Лебедевым, когда-то посетившим меня еще в Петрограде и рассказавшим о большом движении, захватившем казачество и Юг России и направленном против большевиков¹⁵.

Тогда я не имел возможности туда пробраться и только меланхолично ответил: "Дай Бог, только вряд ли Вандея может оказаться победительницей центра".

Теперь хотелось верить, что и "небывалое" бывает.

Вступление в аппарат Добрармии

В первых числах марта 1919 г. я получил телеграмму Кривошеина, которая вызывала меня в Екатеринодар для участия в работе Комитета содействия Добровольческой армии. Я уже давно ждал телеграммы из Екатеринодара, но подчеркивание в ней факта, что меня вызывают в качестве члена частной общественной организации, а не от имени Главного командования, показывало, что кадетствующее окружение генерала Деникина имело больше влияния, чем его непосредственные помощники, генералы Лукомский и Драгомиров¹⁷. Было ясно, что никакой политической роли мне там играть не придется, но все же я немедленно предпринял все меры, чтобы спешно погрузиться на первый же пароход, отходящий из Ялты в Новороссийск.

Это было нелегким делом, пароходы ходили редко, были переполнены главным образом людьми, ехавшими по казенной надобности. Получить билет частному лицу было трудно, хлопотно и крайне дорого. Но мне повезло.

А.И.Дескин (*сидит в центре*); *сидят* гсн. Романовский (*слева*) и К.И.Соколов (*справа*); *стоят* Н.И.Астров и И.В.Савич (*справа*). 1919 г.

Портовые власти еще помнили о моей работе в Г[осударственной] думе, они приняли меня под свое покровительство, агентство получило приказ погрузить меня на первый же пароход для доставки в Новороссийск.

Был ясный, весенний день, когда пароход "Константин" ошвартовался у новороссийской набережной. Весело светило солнце, ярко блестела начавшая пробиваться молодая зелень, шумно гудел работавший полной жизнью порт. Весело было и у меня на душе. То была пора утренней зари Белого движения. Сойдя с парохода, я отправился на вокзал, чтобы немедленно следовать в Екатеринодар. Но это было трудным делом, железнодорожное движение явно хромало, поезда ходили редко, были до крайности переполнены, но и тут "история" вывезла. На вокзале встретил генерала, которого знал еще по работе в Г[осударственной] думе и который во время войны занимал крупный пост в управлении по перевозке войск. Он ехал тоже в Екатеринодар и, узнав о моих затруднениях, взял меня под свое покровительство, переговорил с кем следует, после чего мне немедленно выдали даровой билет и поместили в одном купе с генералом.

Тут в первые я убедился, до чего могли довести нашу железнодорожную сеть "товарищи" за короткое время их хозяйничанья: обивка диванов была сплошь ободрана, окна выбиты. Но была уже весна, проехали мы удобно, без приключений.

Екатеринодар показался мне грязным губернским городом средней руки, он был переполнен, найти помещение частному лицу было невозможно. Я прямо проехал к Кривошеину, от которого узнал невеселые новости. Кадетское окружение Деникина работало вовсю, чтобы не допустить возможности Кривошеину играть какую-то роль, проявить какую-либо деятельность. Он пробыл уже много больше месяца здесь, но кроме мимолетного свидания с Деникиным ничего не мог добиться, его бойкотировали. Самый его приезд сюда был окрашен званием "общественного бедствия". Кривошеин был избран главою местного представительства Государственного объединения, т.е. той общественной группировки, которая объединила вокруг себя все правое и умеренное течение цензовой общественности. Нанося удары по Кривошеину, отстраняя его от всякой возможности иметь влияние на правительственную политику, кадетское окружение Главкома имело целью сохранить свое господствующее положение, политическое влияние, отстранить "правых" от участия в деле освобождения России от большевистского ига. В то время успехи Белого движения были бесспорны, цель, поставленная себе Добрармией, казалось, была близка к осуществлению, у "окружения" кружилась голова от успехов белого оружия, вся их политическая мудрость сводилась к одному — быть полными и единственными хозяевами в политической области в момент, когда белые полки торжественно войдут в Москву.

Пока что Кривошеин успел только войти в состав Комитета содействия Добрармии — частной организации, которая когда-то, в эпоху партизанской борьбы на Северном Кавказе, оказывала значительную помощь, но теперь с развитием военных действий, с организацией правительственного аппарата Добрармии, становилась ненужным пережитком, во всяком случае крупной роли играть не могла. Притом она же была в полной зависимости от административного аппарата, следовательно, ее всегда можно было свести на нет. Кривошеин пытался оживить деятельность Комитета, проявлял всю свою кипучую энергию, но встречал помеху всем своим начинаниям.

Кривошеин понял, что его прошлое видного министра последнего царствования и активного сотрудника Столыпина по

проведению в жизнь земельной реформы мешает ему играть какую-либо роль в районе, подведомственном генералу Деникину. Он с этим должен был примириться, но с торжеством кадетского засилья, которое, как он был убежден, приведет рано или поздно Белое движение к разбитому корыту, он примириться не хотел.

Не имея возможности действовать самому, он решил сговориться с сочувствующими ему генералами о проведении в правительственный аппарат кого-либо из активных политических деятелей правого или умеренного лагеря, чтобы создать хоть какой-либо противовес Астрову и Федорову. Выбор этой группы остановился на мне — вот почему провели в члены Комитета содействия, чтобы иметь предлог меня вызвать и познакомить с генералом Деникиным. Ничего определенного пока намечено не было, но было известно, что Главком не доволен Колокольцевым, управляющим министерством земледелия и государственных имуществ. Его провели на этот пост кадеты как одного из самых видных земцев либерального лагеря, но он оказался недостаточно покладистым, имел смелость проявить свое собственное мнение — словом, не подошел правящей кучке. Тогда на него ополчились, пользуясь тем, что он был одно время гетманским министром, а все гетманское на юге клеймилось как вражеское, чуть ли не изменническое, движение. Пользуясь этим и считая, что дни Колокольцева сочтены, генералы решили предложить Деникину мою кандидатуру на открывающуюся вакансию. Они рассчитывали, что мое имя менее одиозно в левых кругах и что моя работа в Особом совещании по обороне во время войны еще не забыта военными.

Введя меня в курс местных дел, Кривошеин направил меня к генералу Драгомирову, помощнику главкома по делам Особого совещания, как тогда именовался на юге орган, который обычно носит название Совета Министров¹⁷.

Генерал встретил меня очень приветливо, рассказал о создавшемся положении, о цели моего вызова. Он сказал, что ему необходимо иметь в письменном виде изложение тех мероприятий, которые, по моему убеждению, следует предпринять для урегулирования существовавшего в то время хаоса в земельном вопросе. Я обещал составить записку, после чего мы расстались.

Через несколько дней эту записку я ему отнес, пояснил на словах кое-какие ее детали и стал ждать. Ждать пришлось долго, никуда меня более не вызывали. Я мирно жил в Екатеринодаре, вошел в курс текущих дел Комитета содействия, перезнакомил-

ся с видными деятелями правительственного аппарата и с верхами екатеринодарского общества. Там было тогда два политических центра. Лидером правого течения был Кривошеин, председатель отдела Государственного объединения; кадетские круги объединялись вокруг Политического центра, виднейшими и наиболее влиятельными представителями коего были Астров и Федоров. Представители бюро обеих организаций кое-когда встречались, беседовали по злободневным вопросам. На одном из таких заседаний я присутствовал вскоре после моего прибытия в Екатеринодар.

Открывая заседание, Астров сообщил, что возникла идея просить Главкома издать манифест об аграрной политике правительства Юга России, причем как материал для дальнейших прений он огласил проект такого манифеста. Во время чтения документа Кривошеин проявил признаки большого нетерпения и нервности. Едва Астров кончил чтение, как Кривошеин разразился резкой филиппикой и против идеи издания манифеста, и особенно против предложенного проекта. Он по пунктам разгромил этот проект, доказывал безграмотность его творца в аграрном вопросе, незнание им действительного положения сельскохозяйственного промысла в России и особенно условий снабжения сельскохозяйственными продуктами городов и промышленности. Он говорил, что автор имеет целью лишь достичь призрачных успехов в политической области путем грубой демагогии. Но и эта цель им не достигается, ибо большевики могут обещать и уже обещали распропагандированной крестьянской массе гораздо больше, чем то делает автор проекта. Это даст агитаторам большевиков возможность лишь нападать на проект, указывая, что "генералы-паны хотят отнять у мужика то, что ему дала Советская власть". Поэтому Кривошеин считал самую идею издания манифеста о земле преждевременной, а форму ее воплощения крайне неудачной.

Во время этой реплики Астров побагровел, а когда Кривошеин кончил, то он тотчас ответил, что считает минуту для издания акта наступившей, что же касается текста проекта, то он написан лично им и ни от одного из изложенных в нем положений он отказаться не может. После этого произошел довольно оживленный обмен мнениями, причем стороны остались каждая на своей точке зрения, как всегда, не договорились. Для меня стало ясно, что отныне между Кривошеиным и Астровым не

только политическое расхождение, не только борьба мнений, но чисто личная неприязнь, чтобы не сказать больше.

Прошло несколько дней. Вдруг, к всеобщему изумлению, в газетах появилось сообщение правительства генерала Деникина о земельной программе власти в форме не то рескрипта, не то манифеста, подписанного Главкомом. С большим недоумением увидел я в этом документе почти дословное повторение того, что мы слышали на указанном выше заседании как проект, составленный Астровым.

Для чего было нужно издавать этот документ — до сих пор не понимаю. Вскоре после этого выяснилось, что бывший тогда во главе министерства земледелия Колокольцев никакого отношения к составлению и редакции документа не имел, да по существу ему и не сочувствовал. Политически этот документ ничего нам не давал, демагогии его большевики давно противопоставили свою, гораздо более радикальную программу, которую к тому же уже провели в жизнь. Круги, на которые до сих пор опиралось Белое движение, этот документ мог только охладить, оттолкнуть. Когда вскоре была назначена земельная комиссия под председательством Колокольцева, она начала свою работу с обсуждения по существу принципов, положенных в основу этого манифеста, пересматривала их в корне. В конце концов, когда ее работа была кончена, Деникин уволил Колокольцева в отставку. Это было явным доказательством, что основы манифеста Деникина о решении земельного вопроса управляющим министерством земледелия не разделялось. Очевидно, что вся авантюра с изданием манифеста была делом рук той кучки, которая тесным кольцом окружила генерала Деникина.

Для меня этот манифест был указанием, что моя кандидатура в члены правительства Юга России окончательно провалилась, после этого документа для меня стало невозможным встать во главе ведомства, которое должно было осуществлять политику, для меня неприемлемую.

Прошло еще несколько недель. За это время я познакомился и довольно близко сошелся с Чебышевым, управляющим министерством внутренних дел. Он когда-то был либеральным прокурором, очевидно, кадеты считали его своим человеком, они и провели его в члены правительства. Это было лишним доказательством того, что Астров и Федоров плохо разбирались в людях. Чебышев, конечно, не был реакционером, но его психология резко отличалась от психологии Федорова и Астрова — пред-

ставителей менталитета третьего элемента. Как только он столкнулся с практической работой по организации распыленной власти на местах, он начал искать себе сотрудников не среди мечтателей и говорунов, а среди людей, имевших опыт и привыкших к созидательной работе. Это приводило к тому, что в его министерстве постепенно усиливалось влияние и значение чинов прежней бюрократии, прежних чиновников, что вызывало раздражение "окружения". Но с этим мирились, пока вопрос шел о замещении третьестепенных должностей. Труднее было подобрать кандидатов на должности двух товарищей начальника ведомства. Тут немедленно всплывал вопрос о политической физиономии кандидата, т.к. товарищ Чебышева мог в случае его болезни или временного отсутствия замещать его в заседаниях Особого совещания, т.е. Совета Министров, влиять тем самым на общую политику, не говоря уже о том, что ему представлялась возможность проводить свою линию в чисто ведомственных делах. Как бы то ни было, к моменту моего приезда в Екатеринодар Чебышев, видимо, был очень озабочен вопросом выбора кандидата на пост товарища министра.

Когда выяснилось окончательно, что моя кандидатура на пост управляющего ведомством земледелия отпала, он начал зондировать почву о возможности провести меня на должность его товарища. По-видимому, он не видел препятствий к этому со стороны военной власти, т.к. однажды он сделал мне в этом смысле определенное предложение, оговорив его совершенно для меня неожиданной, странной тогда для меня фразой: "Конечно, если не удадутся планы вашего назначения на более высокий пост", — что, видимо, должно было решиться в ближайшее время.

Эта оговорка была для меня полной неожиданностью, я давно привык к мысли, что на Юге мне делать нечего. Поэтому предложение Чебышева меня вполне устраивало, оно давало возможность известной работы в составе правительственного аппарата Добрармии, более реальной и продуктивной, чем толчение воды в Комитете содействия.

Поэтому я немедленно предложение Чебышева принял и попросил его разъяснить смысл оговорки, но он от этого уклонился. Я пошел к Кривошеину, рассказал ему этот разговор, просил выяснить, в чем дело.

Кривошеин очень одобрил мое согласие на предложенный мне пост, но тоже сказал, что надо подождать несколько дней,

т.к. ему известно, что военные помощники генерала Деникина проводят мою кандидатуру на пост министра без портфеля, члена Особого совещания, как у нас назывался этот пост.

Лично я очень мало верил в возможность успеха подобного проекта, враждебность Астрова и Федорова к факту такого усиления правого крыла Особого совещания мне была ясна. Однако и на этот раз "история" вывезла. Совершенно неожиданно я получил вызов к генералу Деникину, состоялся довольно продолжительный и вежливый со мной разговор, вскоре после этого я получил приказ о назначении в Особое совещание в качестве члена его без портфеля. Отныне мне предстояло стать там лидером правого или, скорее, умеренного течения политической мысли. Я вошел в состав аппарата Добрармии и разделил с ней ее участь вплоть до крымской эвакуации.

¹ В соответствии с Законом 17 августа 1915 г. были образованы Особые совещания по обороне, перевозкам, продовольствию и топливу в качестве высших государственных учреждений, которым никто, кроме императора, не имел права давать каких-либо указаний. Среди этих учреждений наиболее полномочным было Особое совещание по обороне государства, которое во многом определяло деятельность всех остальных. Оно не было упразднено после Февральской революции, а лишь несколько ограничило свои функции, просуществовав вплоть до весны 1918 г. (см.: *Воронкова С.В.* Материалы Особого совещания по обороне государства: Источниковедческое исследование. М., 1976).

² 16(29) апреля 1918 г. в Киеве был созван Хлеборобский конгресс, организованный Украинской Народной Громадой и Союзом земельных собственников. В нем участвовало более 6 тыс. человек, преимущественно зажиточных крестьян. Был избран гетман — генерал П.П.Скоропадский, потомок брата гетмана Ивана Скоропадского, сменившего в 1708 г. Мазепу. Центральная Рада была распущена, образовано правительство Украинской Державы вместо упраздненной Украинской Народной Республики. Переворот этот произошел с ведома и согласия оккупационных германских властей, но без их непосредственного участия.

³ После победы большевиков в Петрограде и Москве П.Н.Милюков прибыл на Дон, где принял определенное участие в выработке политической программы и организационных основ Добровольческой армии. Весной 1918 г. он оказался в Киеве, где вступил в тесные контакты с германским оккупационным командованием. Он считал, что немцам "самим выгоднее иметь в тылу не большевиков и слабую Украину, а восстановленную с их помощью и, следовательно, дружественную им Россию", надеялся "убедить немцев занять Москву и Петербург [...] и помочь образованию всероссийской национальной власти". Позиция П.Н.Милюкова способствовала падению его авторитета не только в Добровольческой армии, но и среди коллег по партии.

Он вынужден был сложить с себя полномочия председателя кадетского ЦК (см: М и л ю к о в П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 5—7).

⁴ Летом 1918 г. в Киеве было созвано совещание бывших членов Государственных дум всех созывов и Государственного совета, избравшее постоянно действовавшее бюро. На основе совещания в октябре 1918 г. был образован Совет Государственного объединения России (СГОР), куда вошли также бывшие сенаторы, представители земского и городского самоуправлений, торгово-промышленных, церковных, академических кругов, землевладельцев, финансистов. Председателем СГОР стал барон В.В.Меллер-Закомельский, товарищами председателя — А.В.Кривошеин и П.Н.Милюков. После захвата Киева петлюровцами организация вплоть до апреля 1919 г. находилась в Одессе. Члены СГОР составляли основу русской делегации на Яском совещании.

⁵ В соответствии с “Учреждением Государственного совета” от 23 апреля 1906 г. половина его членов избиралась от дворянских собраний, земств, торгово-промышленных, академических, церковных организаций, а половина назначалась императором.

⁶ Сложная и запутанная политическая ситуация на Украине вынуждала германское оккупационное командование поддерживать различные, в том числе и враждующие, политические силы с целью укрепления собственных позиций. Информация о тяготении гетмана и его ближайшего окружения к возвращению единой России, стремлении использовать условия германской оккупации для реализации в последующем этой цели постоянно поступала к оккупационным властям из самых разных источников и способствовала усилению контактов с противниками власти Скоропадского.

⁷ Великий князь Николай Николаевич (младший), двоюродный дядя императора Николая II, с начала Первой мировой войны занимал должность Верховного Главнокомандующего вплоть до 23 августа 1915 г., когда эту должность принял на себя сам Государь. Великий князь стал после этого главнокомандующим войсками Кавказского фронта. Последним актом перед своим отречением Николай II вновь назначил его Верховным Главнокомандующим, но вступить на этот пост великому князю Николаю Николаевичу помешала Февральская революция. Он отправился в Крым, где проживал в качестве частного лица.

⁸ Командующим Добровольческой армией А.И.Деникин стал 31 марта (13 апреля) 1918 г. после гибели генерала Л.Г.Корнилова. 25 сентября (8 октября) 1918 г. была введена должность Главнокомандующего Добровольческой армией, которую занял Деникин.

⁹ В результате революционных событий конца 1917 г., разложения старой Русской армии на территорию Бессарабской губернии были введены румынские войска. Данные позднее Советскому правительству обязательства о выводе войск в двухмесячный срок так и не были выполнены румынами. Аннексированная часть Бессарабской губернии находилась в составе Румынии вплоть до июня 1940 г.

¹⁰ Речь идет об английском генерале Балларде, внимательно следившим за ходом дел Яского совещания.

¹¹ Речь идет о прогерманской позиции П.Н.Краснова в 1918 г. и о серьезных разногласиях между командованием Добровольческой

армии и казачьими административно-государственными образованиями.

¹² Имеются в виду события в Омске 5(18) ноября 1918 г., в ходе которых была ликвидирована власть Директории, а адмирал А.В.Колчак, военный министр, был провозглашен Верховным правителем России и Верховным Главнокомандующим русскими армиями.

¹³ Два последних заседания Ясского совещания проходили в Одессе 5(18) и 6(19) декабря 1918 г.

¹⁴ В июне 1918 г., в условиях германской оккупации Крыма, было образовано правительство во главе с генералом М.А.Сулькевичем, стремившееся к созданию независимого Крымского государства под покровительством Германии и Турции. После ухода оккупационных войск это правительство 2(15) ноября 1918 г. передало власть Крымскому краевому правительству под председательством С.С.Крыма.

¹⁵ Речь идет о массовых выступлениях казачества против Советской власти весной 1918 г.

¹⁶ Кадеты, входившие в денкикинское окружение, в свою очередь считали, что на Главнокомандующего значительно большее влияние оказывали правые политические деятели и военачальники, в частности А.В.Кривошеин, А.С.Лукомский, А.М.Драгомиров и др.

¹⁷ 18(31) августа 1918 г. было образовано Особое совещание при Верховном руководителе Добровольческой армии (позднее — при Главнокомандующем Добровольческой армией, а затем — Вооруженными Силами на Юге России), которое представляло собой высший совещательный орган в области законодательства и верховного управления, во многом совмещающая функции Совета Министров и Государственного Совета Российской Империи.

П.С.МАХРОВ

В штабе генерала Деникина

Генерал Петр Семенович Махров был одним из многих видных военачальников Белой армии, оставивших свои записки о гражданской войне. Однако его воспоминания, в отличие от мемуаров многих других генералов, занимавших, как и он, высокие должности в армиях Вооруженных Сил на Юге России, содержат, можно сказать, почти уникальную галерею портретов белого генералитета.

Великолепное знание прохождения службы своих сослуживцев еще в старой армии, настойчивая работа в эмиграции по сбору недостающих сведений (о чем свидетельствует находящаяся у нас обширная переписка генерала Махрова с полковником Колтышевым и генералом Стоговым), часто исчерпывающая оценка профессиональных качеств и боевых заслуг — все это, часто дополненное кратким, но далеко не сухим описанием внешности своих соратников по Белой армии, позволяет сказать, что мемуары генерала Махрова занимают особое место в истории изучения белого движения.

П.С.Махров родился 1 сентября 1876 г. в Тамбове. В 1893 г. он был выпущен из Виленского юнкерского училища и назначен подпоручиком в 117-й Ярославский полк. Поступив в Николаевскую Академию Генерального штаба и окончив ее по первому разряду в 1907 г., он уехал по собственному желанию еще во время занятий на фронт в 3-ю Маньчжурскую армию, где "за отличие в делах против японцев" получил ряд орденов.

В начале войны 1914 г. капитан Махров временно исполнял должность начальника штаба 34-й дивизии, а с сентября того же года служил в штабе 8-й армии генерала Брусилова, сначала старшим адъютантом оперативного отделения, а потом, вплоть до сен-

тября 1916 г., исправляющим должность генерал-квартирмейстера.

И генерал Брусилов, и генерал Каледин, командовавшие 8-й армией, высоко ценили талантливую "оператора", как шутя называл полковника Махрова хорошо его знавший генерал Деникин, 4-я, "железная", дивизия которого входила в состав этой армии.

В январе 1917 г. полковник Махров принял 13-й Сибирский стрелковый полк, отличившийся в боях под Ригой. Осенью 1917 г. произведенный в генерал-майоры, он вступил в должность генерала-квартирмейстера 12-й армии, а потом штаба Главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Временно командующий фронтом и связанный с Махровым узами старой дружбы генерал Стогов устроил ему "отпуск по болезни", и в начале 1918 г. Махров уехал в Полтаву, где проживала его семья.

Живя в Полтаве, генерал Махров сначала, как он сам пишет в своих записках, хотел уклониться от участия в братоубийственной гражданской войне, но в конце 1918 г. при приближении большевистских войск к Полтаве, зная о своей неизбежной мобилизации в Красную Армию, что было, как он пишет, "...несовместимо с моим чувством национальной гордости и понятием о чести офицера", он уехал через Одессу в Крым, с тем чтобы вступить в ряды добровольцев.

21 февраля 1919 г. он был назначен Деникиным начальником военных сообщений Крымско-Азовской армии генерала Боровского. С отходом этой армии на Ак-Манайские позиции и реформированием армии в отдельный корпус генерал Махров сдал свою должность и прибыл в Екатеринодар в распоряжение штаба генерала Деникина.

Отрывок из воспоминаний генерала Махрова, относящийся к этому событию, мы и публикуем ниже.

Командующий Кавказской армией генерал Врангель, куда П.С.Махров получил назначение, писал позже о нем: "Генерала Махрова я знал очень хорошо. Он долгое время состоял в Кавказской армии начальником военных сообщений. Это был чрезвычайно способный, дельный и знающий офицер Генерального штаба. Ума быстрого и гибкого, весьма живой. Он не прочь был поиграть «демократизмом»"*.

*

В р а н г е л ь П. П. Воспоминания. Часть вторая. Франкфурт-на-Майне. 1978. С.18.

А.И.Деникин вспомнил о генерале Махрове уже во время отступления Вооруженных Сил на Юге России, когда многие неудачи и поражения приписывались влиянию его на начальника штаба генерала Романовского. Когда в марте 1920 г. генерал Махров был назначен на его место, было уже поздно. Наступала новороссийская катастрофа.

Приняв командование от генерала Деникина в Крыму, генерал Врангель произвел П.С.Махрова в генерал-лейтенанты и назначил его своим военным представителем в Польше, с тем чтобы он из отступивших в Польшу частей Добровольческой армии и многочисленных перебежчиков из Красной Армии сформировал в Польше III Русскую армию. Этому плану не дано было осуществиться в силу заключения Польшей с Советской властью Рижского мира.

Перед отъездом в Польшу генерал Махров еще как начальник штаба Главнокомандующего отдал приказ по штабу от 21 июня 1920 г., где он писал, в частности: "Храни вас Господь и пошли вам силы, мои дорогие сослуживцы; работайте не покладая рук, во имя той святой идеи, за которую лучшие русские люди пролили много крови, а наши матери, жены и сестры — много слез".

В начале 20-х годов генерал Махров, получив разрешение генерала Врангеля, уехал из Польши во Францию, где началась его трудная, полная лишений, эмигрантская жизнь. Скончался Петр Семенович Махров 29 февраля 1964 г. в городе Канны.

Общество ревнителей русской истории располагает копией обширных мемуаров генерала, оригинал которых (более 700 тетрадных страниц) находится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (США). С любезного согласия администрации Бахметьевского архива мы и публикуем предлагаемые ниже отрывки из воспоминаний генерала П.С.Махрова, предполагая в недалеком будущем опубликовать их полностью отдельной книгой.

Н.Рутыч

На основании распоряжения Ставки¹ от 17 апреля я сформировал мое Управление военных сообщений, поручив ведение военных перевозок полковнику Ген. штаба Флорову. Эвакуация ценного имущества из Керчи была закончена. Я остался

без дела и решил уехать в Екатеринодар. Генерал Боровский просил меня передать лично генералу Деникину доклад о положении в Ак-Манае и в Керчи, а также о разного рода нуждах Азовско-Крымского корпуса².

26 апреля утром на стареньком пароходе "Вестник" я отплыл в Тамань. Тамань мне показалась маленьким, уютным поселком... Как приятно было видеть здоровых, статных казаков в их черкесках, с бурками, башлыками, винтовками и кинжалами. Они весело шли. Я спросил, куда они идут, молодой сотник ответил: "В Керчь". Я догадался, что они посланы на усиление гарнизона. Дальше я должен был следовать в Темрюк, где размещалась автомобильная часть, но в это время ко мне подошел полковник Керножитский, тот самый, которого мы освободили из каменоломен 12 апреля. Керножитский был мой однополчанин по 119-му пехотному полку. Мы с ним вместе провели на службе наши молодые годы. Он был очень хороший офицер и товарищ. Немедленно мы оказались в интендантском управлении* за гостеприимным столом, с самоваром и всякого рода едой. На первом месте фигурировала керченская селедка, а дальше была всякого рода холодная рыба и птица... Керножитский мне говорил, что черноморцы богаты и хорошо живут, что хлеба у них много, а также всякой птицы, которую они едят каждый день. "Когда я гляжу, как богато живет простой кубанский казак-черноморец, — говорил он, — я сравниваю нашу с тобой офицерскую жизнь в полку в годы нашей молодости, и она мне кажется жалкой и бедной". Это было верно: офицерство всегда было в долгу и всегда считало гроши. Нас можно было назвать "орден бедных рыцарей".

Ровно в 12 ч. мне подали автомобиль. Простившись с моим другом, я отправился в направлении на Темрюк. Меня сопровождал начальник автомобильной части капитан Сахнонов, ехавший по делам службы в Екатеринодар...

Около часа дня 27 апреля мы благополучно прибыли в Екатеринодар. Автомобиль катил по главной, Красной, улице в направлении Крепостной площади. Город казался шумным, на улице было много прохожих, а среди них преобладали военные. Посередине улицы навстречу нам медленно шла похоронная

*

Полковник Керножитский занимал должность интенданта Азовско-Крымской армии.

процессия. На телегах стояли гробы. У одного из них сидела молодая казачка-вдова и горько плакала. Встречные снимали шапки и крестились.

Наш автомобиль повернул на Крепостную улицу и остановился у большого одноэтажного дома, принадлежавшего богатому армавирскому мукомолу Анпеткову. Здесь после своего ранения под Ставрополем нашел радушный прием и уют мой брат — полковник Василий. Когда мы с ним распрощались в Керчи, он предупредил меня, что в Екатеринодаре трудно найти комнату, и посоветовал ехать прямо к Анпетковым, уверяя меня, что это очень гостеприимные и хорошие люди.

Я позвонил. Меня встретила маленького роста брюнетка, лет сорока, с уже посеребренной прической и с приветливым, очень приятным и добрым лицом. Это была хозяйка дома, Галина Яковлевна Анпеткова, муж которой в это время жил в Армавире, где управлял своим мукомольным делом. Узнав, что я брат Василия Семеновича Махрова, она приняла меня как родного и немедленно устроила. Когда она ушла распорядиться приготовлениями к столу, из другой комнаты вышла другая дама — сестра хозяйки Ольга Яковлевна, вдова богатого купца из Москвы... Она тоже расспрашивала меня о моем брате Василии Семеновиче, т.к. она за ним ухаживала, когда он ходил на костылях. Вскоре пришел юноша лет восемнадцати, вольноопределяющийся, Степан, сын Ольги Яковлевны, с солдатским Георгиевским крестом. Он приехал на несколько дней с фронта. За ним вбежал в гимназической блузе мальчик лет четырнадцати — Галуся, сын Галины Яковлевны. Он убежал несколько раз из родительского дома на фронт, откуда начальство отправляло его назад к родителям. Вскоре хозяйка, Галина Яковлевна, пригласила нас к столу. Когда мы сели за стол, вошел мужчина лет сорока с большими черными и пышными усами. Это был брат хозяйки — адвокат. За ним вошел стройный, красивый генерал-артиллерист с Георгиевским крестом — Андреев. Он был женат на одной из кузин Анпетковой.

Андреев принес весть о том, что Добровольческая армия восстановила свое положение на правом фланге. Большевики были отброшены на северо-восток, и станция Торговая вновь была в наших руках.

Все очень интересовались положением в Крыму и на Ак-Манайской позиции, спрашивали меня, удержится ли там ген. Боровский. Я им ответил, что при содействии английского флота там

можно рассчитывать на прочное положение, но в тылу, в самой Керчи, еще нехорошо, т.к. в каменоломнях нашли себе приют бандиты, поддерживаемые социалистическими элементами местной интеллигенции.

Адвокат по имени Иван Федорович* говорил, что эти элементы можно было бы нейтрализовать и успокоить путем демократических мероприятий, но все зависит от генерала Деникина. Я не поддержал этот разговор. Генерал Андреев возражал адвокату вместе с дамами, и, как я понял, они считали его не только либералом, но и социалистом. А все они, вся эта армянская семья, относились с любовью к Добровольческой армии и видели в ней спасительницу России. Генерал Деникин пользовался здесь глубоким уважением. Когда мы встали из-за стола, который по количеству блюд и вкусу напоминал доброе время, хозяйка указала мне мою комнату с двумя кроватями, заметив, что вторая предназначена для моего брата, Василия Семеновича, на случай его приезда.

Я отправился в город, чтобы найти штаб и навести справки, когда я могу повидать генерала Деникина для вручения ему доклада ген. Боровского. День был весенний — ясный и теплый, дышалось легко. Я почувствовал себя жизнерадостным, сильным и энергичным. Незаметно я подошел к штабу, который размещался в большом доме, недалеко от Красной улицы. Среди моих знакомых я знал там моего любимого сослуживца по 8-й армии Юго-Западного фронта, Генерального штаба полковника Николая Леонтьевича Щербицкого.

Это был отличный офицер Генерального штаба, человек большого ума философского склада, очень наблюдательный и тактичный. По натуре своей он был добрейший человек, немного сентиментальный. Лучшего товарища и друга трудно было найти. Среднего роста, крепко сложенный, с некрасивым, одухотворенным, бритым лицом, со светлыми, всегда небрежно причесанными волосами и голубыми, умными глазами, всегда элегантно одетый, он выделялся среди других офицеров. Достаточно было на него посмотреть, чтобы сказать: это оригиналь-

*

Адвокат по имени Иван Федорович, а по фамилии, кажется, Томак, принадлежал к этой же семье черкесских армян. При эвакуации Повороссийска он не покинул Екатеринодар и, несмотря на свои революционные убеждения, был расстрелян большевиками.

ный и незаурядный человек. При ближайшем знакомстве с ним нельзя было его не полюбить.

В штабе генерала Деникина он был начальником общего отдела, который ведал всеми офицерами Генерального штаба: назначениями на должности, переводами, увольнениями и пр. На такой должности — начальника отделения — должен быть беспристрастный, справедливый [человек], умеющий правильно оценить особенности каждого офицера Генерального штаба. Именно таковым и был Николай Леонтьевич Щербицкий.

Мы с ним встретились сердечно, как старые друзья, много пережившие в штабе 8-й армии генерала Брусилова, хорошо знавшие и генерала Деникина. На мой вопрос, когда я могу увидеть Главнокомандующего, чтобы передать ему доклад ген. Боровского, Щербицкий ответил, что в данное время генерал Деникин находится на станции Торговая, откуда лично управляет операциями в районе станицы Великокняжеской. Наша беседа была краткой, т.к. у Николая Леонтьевича было много посетителей. От него я отправился в Главное управление начальника военных сообщений, во главе которого стоял генерал Тихменев. Я его знал еще в мирное время, а его родной брат, полковник Юрий Михайлович, был моим сослуживцем в штабе 4-го армейского корпуса во время русско-японской войны 1904—1905 гг., и мы были с ним приятелями. Мне нужно было представиться генералу Николаю Михайловичу как моему начальнику, т.к. дела расформирования моего Управления военных сообщений еще не были сданы, и вместе с тем я решил просить его поместить меня в какой-либо следующий на станцию Торговая вагон для поездки к генералу Деникину.

Николай Михайлович Тихменев был довольно высокий, представительный мужчина с большой рыжеватой бородой. Он был известен в Генеральном штабе как специалист по военным сообщениям и считался опытным и тактичным начальником. Я представился ему официально и по окончании служебного доклада заговорил о вагоне для поездки на станцию Тихорецкую, о чем он немедленно распорядился. Тогда я спросил его о судьбе его брата — Юрия Михайловича. С грустью он ответил мне, что генерал Юрий Тихменев не смог вовремя уехать на юг и застрел у большевиков. “По некоторым сведениям, — сказал генерал Тихменев, — он был мобилизован и попал на службу в Красную Армию”.

В свою очередь я рассказал ему о моем брате Николае Семеновиче, генерале Генерального штаба. Мне было точно извест-

но, что его мобилизовали большевики и он командует не то бригадой, не то дивизией, которая действовала против Добровольческой армии.

“Все это очень печально, Петр Семенович, — сказал генерал Тихменев, — оказалось, что брат на брата пошел”. Утешительным было лишь то, что наши братья оказались против нас поневоле.

29-го апреля я побывал у дежурного генерала Трухачева, с тем чтобы узнать о моем служебном положении после расформирования моего Управления военных сообщений Азовско-Крымского корпуса. Трухачев был мой товарищ по выпуску из Академии Генерального штаба. Он показал себя как очень способный офицер, отличный администратор и организатор. В частной жизни его знали как добрейшего человека с очень общительным характером и большим юмором. Помощником Трухачева оказался наш же товарищ по Академии — генерал Николай Францевич Эрн, весьма подходивший по своему складу ума и характеру для совместной службы с дежурным генералом. Генерал Эрн был высокого роста, тонкий, стройный блондин с элегантными манерами. Видя его энергию и неутомимость, трудно было предположить, что это был мистик глубокого религиозного склада*.

Нечего и говорить, что у дежурного генерала меня встретили радушно, вспоминая нашу общую академическую жизнь. Трухачев мне сообщил, что я зачислен в резерв чинов Добровольческой армии со скромным окладом содержания впредь до какого-либо нового назначения.

В разговоре об обстановке в Добровольческой армии генерал Трухачев придавал большое значение сообщению о восстании казаков в северных станицах Донской области³. Благодаря удержанию каменноугольного бассейна добровольцами и кубанскими казаками произошло оздоровление в отступившей части Донской армии. В результате северные станицы Донской области, вкусив

*

После поражения армии генерала Врангеля генерал Эрн уехал в Парагвай, где он начал работать на ферме, испытал всю тяжесть непривычного труда. Узнав о нем, парагвайское правительство пригласило его на должность профессора военной академии. Он участвовал в войне с Боливией, отличился и был произведен в генерал-лейтенанты. Будучи глубоко религиозным, он приписывал свое благополучие милости Божией и основал недалеко от парагвайской столицы нечто вроде скита, где жили русские беженцы. Генерал Эрн издал несколько брошюр, посвященных роли церкви в строительстве новой России, в которую он всегда верил.

“сладоcти” советской жизни, восстали и теперь могли искать соединения со своими станичниками на юге.

Генералы Трухачев и Эрн с большим уважением отзывались о генерале Деникине, который, по их мнению, был единственным, кто правильно понимал создавшуюся обстановку и подходил к вопросам о военных операциях не только с чисто стратегической точки зрения, но и государственной, и политической. О генерале Романовском — начальнике штаба Главнокомандующего — оба они отзывались с большой теплотой. Романовский был, по их мнению, очень вдумчивый и трудолюбивый работник. К нему, говорили Трухачев и Эрн, надо было приходить с докладом, не только хорошо обоснованным, но и приносить с собой грудку материалов и книг Свода законов и военных распоряжений. Им казалось это порой даже недоверием к ним и мелочностью, но они оба с этим мирились, зная свойства характера Ивана Павловича Романовского. В качестве примера его стремления к поискам правды и справедливости они указывали на то, что он требовал предварительно докладывать ему все приговоры военно-полевых судов, подлежащие утверждению коменданта Ставки. Романовский тщательно их изучал, часто задерживал и представлял генералу Деникину на предмет помилования. Предлагал замену смертной казни более легким наказанием и только в случаях самых тяжелых преступлений, не вызывавших никаких сомнений, он передавал дело на утверждение коменданта Главной квартиры. Благодаря такому отношению к делу Романовский перегружал себя работой и часто переутомлялся, ибо он же с генералом Деникиным лично составлял планы операций. Генерал-квартирмейстер Ставки Плющик-Плющевский, не обладая должными качествами, часто не имел своего мнения, и у него не хватало мужества защищать свои взгляды даже тогда, когда он придерживался другого мнения.

Первого мая, следуя в поезде на Торговую к генералу Деникину, я прибыл утром на станцию Тихорецкая. Я ехал в штабном вагоне, предоставленном мне генералом Тихменевым, здесь мой вагон прицепили к другому поезду, и вскоре я оказался на станции Торговая. Недалеко, на другом пути, находился поезд Главнокомандующего, состоявший из нескольких вагонов-салонов: генерала Деникина, Романовского и генерал-квартирмейстера Плющик-Плющевского. Кругом было пустынно... Я отправился к вагону оперативного отделения, ко мне вышел молодой дежурный офицер. Я сообщил ему, что мне нужно представиться генералу Деникину. В ожидании я прогуливался вдоль железнодорожных путей

под лучами теплого весеннего солнца. Через несколько минут ко мне вышел полковник Генерального штаба Павел Алексеевич Кусонский — мой бывший помощник в оперативном отделении штаба 8-й армии генерала Брусилова. Мы встретились очень радушно.

"Зайдем ко мне в вагон, — предложил я, — я расскажу тебе, в чем дело". — "Нет-нет, никак не могу, — сказал он. — У нас сейчас такое горячее время — ждем прибытия генерала Врангеля на со-вещание".

Я вкратце поведал ему о моем поручении от генерала Боровского. "Отлично, ты подожди у себя немного, а я доложу генералу Романовскому, но думаю, вряд ли сегодня тебе удастся поговорить с Деникиным, на фронте идут тяжелые бои", — сказал Кусонский и ушел в вагон генерал-квартирмейстера.

Павел Алексеевич Кусонский мало изменился с того времени, когда мы расстались в августе 1916 г. Он только коротко подстриг свои прежде лихо подкрученные светлые усы. Это его еще больше молодило, хотя и без того ему было не больше сорока лет. Он был маленького роста, худой, светлый блондин с голубыми глазами. Но голос его звучал, как труба. Говорил он отрывистыми фразами, четко, авторитетно. С начальством держал себя в высшей степени корректно, но и независимо, мужественно отстаивал свое мнение... Как офицер Генерального штаба Кусонский отличался исполнительностью, аккуратностью, но не блистал какими-либо способностями, ни творческой мыслью в оперативной работе. Выезжать на фронт, где свистели пули, он не любил, но это был хороший товарищ и на него можно было рассчитывать.

Кусонский был женат на сестре жены Романовского, но рано овдовел. После моего ухода из штаба 8-й армии он попал в Ставку Верховного. Он любил большие штабы. В Ставке он состоял одним из помощников начальника оперативного отделения. Во время занятия Ставки большевиками Кусонский по поручению генерала Духонина отправился в Быхов для освобождения генералов Корнилова, Деникина, Маркова и других. В Ставку он уже не возвращался, а уехал на юг вслед за генералом Корниловым.

Естественно, что в Добровольческой армии Кусонский был близок к ее штабу. Деникин назначал его на должности, где нужен был хороший исполнитель. В данное время он был генерал-квартирмейстером в штабе армейской группы генерала Врангеля, на которую возлагалась задача разбить 10-ю красную армию, занимавшую позиции в районе реки Маньч⁴.

Около часа дня ко мне в вагон зашел генерал Кусонский и передал, что Главнокомандующий приглашает меня к завтраку. Я оделся по форме, и мы отправились в вагон-салон к Деникину. В салоне, кроме Деникина и Романовского, находились еще два генерала. Один из них был высокого роста, тонкий, как горец, с красивым лицом и большими, живыми, темными глазами, одетый в серую черкеску. Другой — плотный, среднего роста, с черной густой бородой, в форме какого-то добровольческого полка.

Я представился генералу Деникину. "Ну, вот и «оператор»! Господь привел нас снова встретиться", — сказал генерал Деникин. Я поздоровался с Романовским, а затем представился другим. Генерал в черкеске представился по фамилии — Врангель, а другой — Кутепов. И то и другое имя я слышал еще во время японской войны, но встретился с ними впервые.

В вагон вошел генерал Плющик-Плющевский и сказал: "Милости просим к столу — все готово". Мы перешли в другую половину вагона, где был накрыт стол. Завтрак был очень скромным. Видно было, что всем некогда было рассиживаться...

После завтрака генерал Деникин сказал мне: "Я поговорю с Вами либо вечером, либо завтра". При выходе из вагона меня ждал Кусонский. Он кратко обрисовал обстановку: на фронте положение тяжелое, висим на волоске, большевики наступают по всему фронту — на Мариуполь, на Юзовку, на Луганск, а здесь — от Великокняжеской. "Если у Великокняжеской Деникину не удастся отбросить красных, то мы попадем в мешок. Они завяжут его у Ростова, и ты понимаешь, что будет... В Каменноугольном районе командир Добровольческого корпуса⁵ вчера доносил, что у него страшные потери, фронт трещит, он просит разрешения отойти. Вот — как ты видишь — приехал Врангель. Деникин подчинил ему всю нашу конницу и приказал ему атаковать Великокняжескую. Теперь от него зависит судьба армии..." "Врангель — один из лучших генералов Добровольческой армии, — продолжал он, — это стало очевидным при очищении Северного Кавказа".

Кусонский торопился, т.к. он должен был выехать с Врангелем на фронт.

На другой день, 3 мая, около 11 ч. утра, дежурный офицер штаба доложил мне, что Главнокомандующий просит меня к себе в вагон. Генерал Деникин был один. Он сидел у стола в кожаном кресле и, протянув мне руку, указал на другое. Я подал ему конверт с докладом генерала Боровского. Главнокомандующий вскрыл его и стал внимательно читать. Воспользовавшись этим, я смотрел

на него. С осени 1916 г., когда я видел его в последний раз на фронте, в штабе 8-й армии, он сильно постарел. Его небольшая темная бородка, подстриженная клином, начала сесть на концах, а голова стала совсем лысой. Но его глаза с поволокой продолжали, как и прежде, светиться умом, энергией и были молоды.

Генерал Деникин, прочтя бумаги, отложил их в сторону, обратился ко мне и внезапно спросил: "А Боровский здорово пьет?". Я не знал, что ответить... Боровский без водки и вина за стол не садился. Однако я никогда не видел его пьяным. На вопрос Деникина я ответил: "Боровский пьет, но ума не пропивает". Я знал содержание доклада Боровского, он просил помочь войсками на Керченском полуострове, т.к. кроме обороны Ак-Манайской позиции нужно было ликвидировать "крепость" большевиков в каменоломнях у Керчи. Вместе с тем генерал Боровский докладывал о необходимости реформы управления гражданской частью, и мне лично было поручено на словах доложить о тревожном положении в Керчи и о полном бессилии начальника гражданского управления. После краткой беседы Главнокомандующий пожал мне руку, и я ушел к себе в вагон, чтобы отдать распоряжение об отправлении с первым поездом, отходящим в Екатеринодар.

У меня осталось впечатление, что генерал Деникин, как и прежде, был человеком долга. С начальством он держал себя с достоинством, с подчиненными — доброжелательно, просто и приветливо, но был сдержан и никогда не искал популярности... Исполнив поручение генерала Боровского, я в тот же день выехал в Екатеринодар, куда и прибыл 4 мая.

Я снова поселился у Анпетковых, где меня радушно встретили. Вскоре сюда приехал мой брат Василий Семенович. Он, сдав свою должность начальника контрразведки в Азовско-Крымской армии, которую занимал временно, был зачислен в резерв чинов Добровольческой армии. Он сказался в таком же положении, как и я, т.е. без всякого дела, в ожидании какого-либо назначения.

* * *

Однажды, гуляя по Екатеринодару, я встретился на соборной площади с моим старым сослуживцем — генерал-майором Генерального штаба Владимиром Николаевичем фон Дрейером. Блондин очень высокого роста, с бритым лицом и с пенсне на носу, он говорил всегда громко и не стеснясь в выражениях. С

неизменной сигарой во рту, он встретил меня дружески и сразу спросил о моем брате, служившем в бригаде Дрейера во время августовских боев в 1915 г. Эта бригада, входившая в состав 20-го корпуса, была окружена немцами и взята в плен в январе 1915 г. Генерал Дрейер, как и мой брат, скрывался в картофельных ямах и избежал плена. Я сказал ему, что брат мой живет вместе со мной, и предложил пройти к нему. Однако он, прежде чем согласиться, снял пенсне и стал громко ругать Деникина.

“Он хочет сделать из меня изменника и предателя”, — заявил он. — “В чем же дело, Владимир Николаевич”, — спросил я. — “Вы ведь знаете, — отвечал Дрейер, — что Деникин здесь учредил «чистилище» * , и только пройдя его, можно попасть в Добровольческую армию”. “Я, конечно, — продолжал он, — туда не ходил. Я обратился к Плющiku-Плющевскому с тем, чтобы он предоставил мне какую-нибудь должность в кавалерии. Представьте себе, что Плющевский заявил мне, что я должен прежде всего представить свидетельство от этого «чистилища». Тогда я плюнул и пошел прямо к Врангелю, у которого я во время революции служил начальником штаба в его 7-й кавалерийской дивизии, на Румынском фронте. Сначала генерал Врангель встретил меня очень радушно и для начала хотел назначить меня командиром бригады. Но Деникин категорически воспротивился. Я стал искать причины этого и, представьте, узнал, что меня, бежавшего из Москвы, подозревают в сношениях с немцами и что обо мне ведется расследование для предания меня суду. Я подал немедленно рапорт генералу Деникину, требуя, чтобы меня предали без всяких отлагательств военно-полевому суду. Вот и ждут этого суда, а жена моя ревет как белуга”.

Только в конце мая состоялся военно-полевой суд над генералом Дрейером. Председательствующим был генерал Экк, в числе членов — генерал Маркадеев, а делопроизводителем суда оказался мой брат, полковник генштаба Василий Махров.

Генерал Дрейер был оправдан единогласно. Однако эта реабилитация не помогла ему. Осталось в силе распоряжение штаба генерала Деникина, воспрещавшее определять генерала Дрейера

*

“Чистилищем” офицерство называло очень непопулярную комиссию, предназначенную для проверки всех офицеров, желавших поступить в Добровольческую армию. Задачей этой комиссии было не допустить в армию нежелательный элемент. В действительности это бюрократическое учреждение не достигло своей цели, а вызвало у офицеров озлобление.

ра на службу в Добровольческую армию. А жаль: Дрейер мог быть очень полезен, особенно в коннице, на командных должностях. Он был очень храбрый, с большим порывом, и в то же время умный и способный офицер Генерального штаба. Он начал службу капитаном Генерального штаба еще в мирное время у генерала Ренненкампа, а потом служил в штабе Брусилова. В начале войны он был начальником штаба 1-го кавалерийского корпуса во главе которого стоял генерал Новиков. Фактически же корпусом командовал Дрейер... Академию Генерального штаба он кончил последним. Лекций не слушал, а его любимым времяпрепровождением в Петербурге были посещения с веселой компанией ресторанов с цыганской музыкой на островах или знаменитой "Виллы Родэ". Он отлично знал достоинства вин, но никогда не был пьян. В 1911 г. он уехал в качестве военного корреспондента в Триполитанию к итальянцам*, а затем — на Балканскую войну 1912—13 гг. В 1916 г. он стал известным как храбрый и отличный командир полка. Когда я был назначен генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западного фронта, Дрейер был произведен в генералы. После Октябрьской революции он прожил в Москве и ему удалось избежать службы в Красной Армии. Он бежал на юг с женой и годовалым ребенком. После военно-полевого суда Дрейер пригласил меня с братом к себе. Он рассказал нам о своем побеге и о том, как ему удалось добраться до Крыма. Потерпев крушение в попытках поступить на службу в Добровольческую армию, Дрейер начал писать в газетах и одновременно ради существования занялся какими-то коммерческими делами. Он навсегда остался враждебно настроенным к генералу Деникину.

Встреча с генералом Дрейером, а потом и с другими моими сослуживцами по императорской армии заставили меня присмотреться ближе к генералитету Добровольческой армии.

О командном составе армии генерала Деникина генерал Келчевский, бывший до войны профессором Академии Генерального штаба, пустил крылатое словечко, что он разделяется

*

Генерал Дрейер выпустил книгу своих воспоминаний "На закате Империи", вышедшую в Мадриде в 1965 г. Генерал Врангель подтверждает в своих воспоминаниях, что он просил разрешения взять к себе Дрейера в качестве начальника штаба. В 1950 г. в Ницце во время встреч с нами В.П.Дрейер все еще не мог простить Деникину его отказ в принятии в Добровольческую армию (прим. П.Рутыча).

на "князей", "княжат" и "прочих". Под первыми подразумевались быховские узники, генералы и офицеры, арестованные еще Временным правительством по делу генерала Корнилова во главе с ним самим. Под вторыми — первопоходники, так сказать, привилегированная категория, а под третьими — остальная, большая часть всех офицеров Белой армии. Однако надо сказать, что в числе "князей" (помимо, конечно, генералов Деникина и Романовского), т.е. бывших быховских узников, был генерал Лукомский, ставший при Деникине начальником Военного управления, т.е. военным министром. Ему нельзя было отказать ни в званиях, ни в служебном опыте. Был среди них и генерал Марков, возглавлявший первый добровольческий офицерский полк и доблестно погибший на поле сражения еще в 1918 г. в должности командира бригады⁶.

К "князьям" принадлежал также полковник Неженцев, основатель Корниловского полка образованный офицер Генерального штаба, человек долга и безумной храбрости, убитый под Екатеринодаром во время Первого Кубанского похода⁷. В числе первопоходников был и бывший гвардейский полковник, отличный боевой генерал Кутепов, ставший командиром Добровольческого корпуса, генерал Казанович, начавший службу в Добровольческой армии рядовым солдатом, а к моему приезду ставший командиром корпуса⁸. Так же начали свою службу храбрейший из храбрых генерал Боровский, выдвинутый на должность потом командующего Азовско-Крымской армией, и генерал Май-Маевский, дослужившийся до должности командующего Добровольческой армией⁹.

Среди первопоходников был и генерал Дроздовский, организатор добровольческих отрядов на Румынском фронте в 1918 г. Он был известен как исключительно одаренный офицер Генерального штаба и бесстрашный боевой генерал, преждевременно скончавшийся от гангрены после ранения под Ставрополем¹⁰.

Большинство генералов-первопоходников начали свою службу в добровольческих полках, развернутых в 1919 г. в дивизии, — Дроздовском, Марковском, Корниловском и Алексеевском, являвшихся ядром Добровольческой армии. В армии их окрестили "цветными", т.к. они отличались разными цветами на околышках фуражек, чего не было в других частях армии¹¹. Эти полки отличались своей доблестью и стойкостью, что всегда отмечал Главнокомандующий.

При выборе подчиненных генерал Деникин как Главнокомандующий не допускал никакого протекционизма, руководствуясь только пригодностью того или иного лица для занятия определенной должности. За заслуги он награждал чином и продвижением по службе, в случае непригодности [пропуск в тексте. — *Ред.*].

Прибывший в армию уже после первого похода генерал Врангель был назначен командующим Кавказской армией исключительно за свои боевые заслуги.

В отношении Донской армии генерал Деникин тактично одобрил выбор атаманом Богаевским на должность командующего молодого, энергичного боевого офицера Генерального штаба Сидорина.

В Кубанском войске он допустил, несмотря на некоторые их отрицательные качества, назначение на должность командирами корпусов — за доблесть и боевые заслуги — двух генералов партизанского типа — Шкуро и Покровского, т.к. они первые начали борьбу с большевиками¹². Наряду с ними он выдвинул на должность также командиров корпусов, отличившихся своими подвигами, — полковник Улагая и Топоркова, произведя их в генералы.

Наконец, надо отметить, что генерал Деникин произвел в генералы за боевые заслуги простого казака Кубанского войска Павличенко, награжденного еще в мировую войну всеми четырьмя солдатскими георгиевскими крестами. Павличенко отлично командовал дивизией.

Из этого краткого перечня видно, что генерал Деникин не придавал никакого значения при назначении на ответственные должности ни быховским узникам, [к] которым он сам принадлежал, ни первопоходникам. Командный состав белых армий сформировался не на основе "исторического подхода" или личного выбора, а на полях сражений.

В начале мая, когда я снова зашел в штаб к Николаю Леонтьевичу Щербицкому, он спросил меня, представился ли я генерал-квартирмейстеру генералу Плющик-Плющевскому, которому по своей должности были подведомственны все офицеры Генерального штаба.

Я ответил, что не люблю ходить на поклон: "Он может подумать, что я напрашиваюсь на службу". Щербицкий рассмеялся и стал уверять меня, что Плющик-Плющевскому доставит удовольствие встреча со мной и от него зависит мое назначение. Вскоре

генерал-квартирмейстер пришел со мной поздороваться. Я встал и представился ему по всей форме военного устава. А надо сказать, что мы вместе с ним слушали курс в Академии Генерального штаба. Тогда он был поручиком гвардии, а я в том же чине — 119-го Коломенского полка.

Юрий Николаевич Плющик-Плющевский держался всегда несколько напыщенно, но, несмотря на это, был довольно добродушным товарищем. Он оказался старше меня по выпуску из Академии на год, т.к. я уехал на войну с Японией, а он остался в Академии. В войну 1914—17 гг. я его не встречал, и как он стал генерал-квартирмейстером в штабе Деникина, я не знал.

Во время нашей встречи он сказал, что он доложит обо мне начальнику штаба генералу Романовскому, прибавив: “Вам нужно будет ему представиться, о чем я сообщу вам через Николая Леонтьевича”. По тону, с каким прошел этот наш краткий разговор, я понял, что, вероятно, Романовский имеет в виду какую-либо должность, с тем чтобы назначить меня в ближайшем будущем.

В ту же первую половину мая (1919) я встретил в Екатеринодаре моего приятеля генерала Петра Анисимовича Маркодеева, с которым мы вместе покинули Полтаву 1 января 1919 года, с тем чтобы через Одессу попасть в армию генерала Деникина. Я тогда остался на службе в Азовско-Крымской армии, а он поехал дальше в Екатеринодар.

Маркодеев был талантливый офицер Генерального штаба. Он окончил вторым Академию и еще в мирное время зарекомендовал себя как блестящий офицер во всех отношениях. В войну 1914—17 гг. он был награжден георгиевским крестом за командование одним из финляндских стрелковых полков. Не имея 40 лет от роду, он к концу войны командовал корпусом на Юго-Западном фронте. Но во время революции в нем произошел душевный перелом. Из энергичного, волевого начальника он превратился в слабого, всего опасавшегося человека.

Благодаря покровительству нашего общего товарища по Академии генерала Вязьмитинова, занимавшего в штабе Деникина должность помощника начальника Военного управления, т.е. заместителя военного министра — генерала Лукомского, Маркодеев был назначен в комиссию по пересмотру военных уставов в связи с накопившимся опытом мировой войны.

Мы часто беседовали, сидя на лавочке около моей квартиры, обсуждая положение на фронтах. Маркодеев считал, что адмирал Колчак во время своего военного наступления на Волгу спас ар-

мии генерала Деникина от поражения в Каменноугольном бассейне и на Маньче.

Мы оба хорошо знали по совместной службе в Виленском военном округе командующего красным Восточным фронтом Сергея Сергеевича Каменева, отбросившего армии Колчака к Уралу. Каменев был одного выпуска со мной из Академии Генерального штаба, и мы с ним были в дружеских отношениях. Несмотря на его усидчивость, Академия давалась ему трудно. На последнем, дополнительном курсе его положение было критическим по общей сумме баллов. Для того чтобы быть причисленным к Генеральному штабу, ему нужно было получить не меньше 11 баллов за работу по стратегической теме. На его счастье, ему досталась та же тема, которую защищал мой брат Николай Семенович Махров [за] два года до него, в 1905 г.

Каменев обратился к моему брату с просьбой через меня при-слать ему срочно его доклад, что мой брат, служивший в это время уже в штабе Виленского военного округа, и сделал. Каменев вы-зубрил присланную моим братом "тему", и его доклад был оценен в 12 баллов.

Попав вместе с нами на службу в Вильну, Каменев не раз вспо-минал эту историю и сердечно благодарил нас с братом. Он был хорошим офицером Генерального штаба и отлично командовал полком в конце войны. Его политических убеждений я не знал, но во время революции он умел ладить с комитетами, а потом, по-пав в Красную Армию, он служил большевистскому правительст-ву так же честно, как и царю, и Временному правительству.

Маркодеев и Вязьмитинов, зная хорошо обстановку, считали, что, пользуясь тем, что Каменев продолжает преследовать Колча-ка, надо сосредоточить главные силы в направлении на Москву, а не искать соединения с отступающей армией Колчака, сторонни-ком чего был генерал Врангель¹³.

7–8 мая весь Екатеринодар радовался, узнав, что генерал Де-никин разбил большевиков в районе Маньч — Великокняжеская. Генерал Врангель, командовавший группой войск в этом районе, атаковал левый фланг противника, вышел ему в тыл и разгромил наголову красных, заставив их поспешно отступать к Царицину.

7 мая генерал Деникин приехал в Великокняжескую и лично поздравил генерала Врангеля с победой, произведя одного из его командиров корпусов — Шатилова — в генерал-лейтенанты за бое-вые заслуги. В то же время Главнокомандующий назначил гене-рала Врангеля командующим новой Кавказской армией, в состав

которой вошли войска, сражавшиеся на Маньч-Великокняжеском фронте, в том числе доблестные кубанские корпуса генералов Улагая и Покровского. В директиве от 8 мая генерал Деникин приказал генералу Врангелю овладеть Царицыном, генералу Эрдели — Астраханью, а Донской армии генерала Сидорова — соединиться с восставшими казаками на Верхнем Дону и выйти на линию Лихая — Царицын.

Одновременно Главнокомандующий приказал генералу Май-Маевскому, занимавшему с Добровольческой армией район Мариуполя — Юзовки, перейти в наступление на Харьков, выделив отряд генерала Виноградова для занятия крымских перешейков в тылу красных, с тем чтобы содействовать наступлению 3-го корпуса генерала Шиллинга с Ак-Манайских позиций на Керченском полуострове с целью освобождения Крыма.

Добровольческой армии угрожали с тыла и фланга части 14-й Красной Армии и шайки "батьки Махно"¹⁴. В 20-х числах мая генерал Шкуро и его начальник штаба генерал Шифнер-Маркевич, не ожидая приказа от командующего Добровольческой армией, двинули свой кавалерийский корпус против частей 14-й армии, разгромили их и отбросили отряды Махно из Гуляй-Поля далеко за Днепр. Используя эту инициативу Шкуро, 1-й Добровольческий корпус генерала Кутепова двинулся в направлении на Харьков и занял Купянск, а корпус генерала Шиллинга вытеснил большевиков из Крыма.

Благодаря всему этому поднялся авторитет генерала Деникина. Он вырос еще больше, когда генерал Деникин признал 30 мая Верховным правителем и Главнокомандующим адмирала Колчака и выразил готовность ему подчиниться.

В эти дни я часто думал о том, что, как бы ни кончилась гражданская война, имена Деникина и Колчака сохранятся в нашей истории как светлые образы русских людей.

3-го и 4-го июня я снова зашел в Ставку к полковнику Николаю Леонтьевичу Щербицкому. От него я узнал, что 1 и 2 июня генерал Врангель вел тяжелые двухдневные бои на подступах Царицына и потерпел неудачу. Красные подвезли свежие войска и встретили кубанцев Врангеля сильным артиллерийским огнем с судов и на суше. Кавказская армия понесла большие потери, в том числе 11 командиров полков и 3 командира бригад, убитыми и ранеными.

Генерал Деникин, идя навстречу Врангелю, приказал отправить под Царицын только что закончившую свое формирование

полностью укомплектованную 7-ю пехотную дивизию под командованием генерала Бредова.

На мой вопрос о генерале Врангеле Щербицкий ответил, что он, несомненно, один из лучших, если не просто лучший из генералов Добровольческой армии. Хорошо образованный, с большим темпераментом, энергичный, храбрый, умеющий подойти к солдатам, но в то же время и требовательный, и настойчивый. Все эти качества Врангель проявил во время операции по очищению Северного Кавказа. Но, продолжал Щербицкий, генерал Врангель чрезвычайно честолюбив и не стесняется адресовать свои условия, а то и поучения начальнику штаба генералу Романовскому, а бывает, и самому Главнокомандующему. "Я всегда удивляюсь долготерпению генерала Деникина", — закончил Щербицкий.

7 июня я получил от Щербицкого извещение, что генерал Романовский приглашает меня явиться в 3 часа дня по делам службы. В назначенный час я был в приемной начальника штаба и был сразу приглашен им. Я представился ему по уставу.

Генерал Романовский сообщил мне, что Главнокомандующий предлагает мне занять по моему выбору или освобождающуюся должность командира бригады Терского казачьего войска, или принять заведование передвижением войск на линии Владикавказской жел. дороги. Я предпочел последнее, т.к. был мало знаком с бытом казаков, а службу военных сообщений знал хорошо. "Ну, и прекрасно, — сказал мне начальник штаба, — представьтесь Главному начальнику военных сообщений генералу Тихменеву. От него вы получите все указания". На этом мы расстались, чтобы снова встретиться через 8 месяцев, но уже в совершенно другой обстановке.

Выйдя от Романовского, я заглянул к полковнику Николаю Леонтьевичу Щербицкому, чтобы поделиться новостью о моем назначении. Ему уже было известно, что должность заведующего продвижением войск в районе Кавказской армии будет повышена на ранг "начальника военных сообщений".

Утром 8 июня я представился Главному начальнику военных сообщений генералу Николаю Михайловичу Тихменеву. Как всегда, он встретил меня приветливо, подтвердив мое назначение начальником военных сообщений Кавказской армии. "Поторопитесь, — настаивал Николай Михайлович. — Врангель бьет тревогу, надо срочно наладить железнодорожное движение, сообщение по Волге, восстановить почтово-телеграфную связь, по-

ставить на ноги тылы". Он тут же предложил мне зайти к помощнику начальника Военного управления генералу Вязьмитинову, с тем чтобы получить разработанные штаты моего будущего Управления и теперь же подыскать соответствующих лиц для его формирования.

Я немедленно отправился к генералу Вязьмитинову, с которым мы вместе слушали курс Академии Генерального штаба и которого я полюбил с тех пор как симпатичного человека и хорошего товарища. К тому же с ним было приятно иметь дело как с умным и знающим человеком, избегавшим канцелярской бюрократии и излишней волокиты.

Когда я изложил генералу Вязьмитинову сущность моего дела, он немедленно пригласил к себе одного из начальников отделений и спросил, готовы ли штаты Управления начальника военных сообщений. Получив ответ, что все готово и уже перепечатывается на машинке, генерал Вязьмитинов попросил меня подождать четверть часа, а сам, извинившись, углубился в чтение бумаг для доклада генералу Лукомскому. "Когда он подпишет все, — сказал он, — тогда мы и побеседуем".

Я сел. Кругом трещали машинки, звенели телефоны, в полуоткрытую дверь можно было видеть суетливо бегающих писарей, а в приемной — ряд важных, престарелых генералов, ожидающих приема у генерала Лукомского. Просмотрев все бумаги, Василий Ефимович Вязьмитинов отправился с папкой в руках в соседний кабинет к начальнику Военного управления генералу Лукомскому. Возвратившись через полчаса, он протянул мне бумагу, сказав: "Вот штат вашего управления. Если по ходу дела возникнет необходимость каких-либо изменений — пишите прямо мне. Так будет скорее".

Видя, что Вязьмитинов очень занят, я уже собрался уходить, но он задержал меня, спросив о наших общих друзьях по Академии. Я рассказал о моей службе вместе с Маркодеевым и Бреслером в Полтаве у гетмана и о том, что мы все хотели избежать участия в гражданской войне. Удалось это только Владимиру Петровичу Бреслеру, который устроился в Константинополе. "Жаль, жаль, — сказал Вязьмитинов, — Бреслер, как специалист по этапно-хозяйственной службе, мог бы быть нам очень полезным в качестве начальника по снабжению, а именно эта служба хромает у нас больше всего". "Союзники, — продолжал он, — начали доставлять нам в достаточном количестве обмундирование

и снаряжение. Склады заполняются, а распределение этого имущества да и его отправка на фронт идет медленно”.

Я спросил Василия Ефимовича, как он оценивает положение на фронте. “Как вы знаете, — ответил он, — мы наступаем на фронте от Царицына до Екатиринослава. У Царицына произошла заминка, но я уверен, что генерал Врангель, вне всякого сомнения, там справится. Сплошного фронта нет. И красные, и мы занимаем только узловые центры. Полный простор для маневренной войны. Однако она требует искусства управления и главное — резервов. Если в первом деле нас упрекнуть никак нельзя, то с резервами дело обстоит плохо”. “Но самым большим местом, — продолжал Вязьмитинов, — является неустроенность нашего тыла. Я уже много раз докладывал Лукомскому, обращая его внимание на срочную необходимость создания Инспекции запасных частей, мобилизационного аппарата и, наконец, настоящего отдела снабжения, тем более что в тылу у нас имеется достаточное количество находящихся без дела офицеров и генералов. Но Лукомский все тянет, и в результате у нас до сих пор нет стройной организации тыла. То, что мы имеем сейчас, создавалось на ходу, вроде как приказы Московского государства XV века. Потребовалось провести в жизнь то или иное насущное дело ну и создавали соответствующее Управление или, что еще хуже, пристегивали его [к] какому-нибудь уже существующему учреждению. Системы не было и нет. А события на фронте происходят с такой быстротой, что существующий тыл не успевает обслуживать фронт. В результате происходит то, что называется “война питает войну”, т.е. грабеж в том числе и своего населения. И это беспокоит меня больше всего”.

— Василий Ефимович, — спросил я, — всюду слышны споры, даже среди опытных генералов, о выборе операционного направления. Какое вы считаете правильным — Харьковское или Царицынское? — “Для меня в этом вопросе нет сомнения, — сказал Вязьмитинов. — Нашей главной стратегической целью является Москва, сердце России. Поэтому основным операционным направлением остается Харьков — Орел — Москва. Теперь, когда армия генерала Колчака отошла на Урал, царицынское направление является, очевидно, вспомогательным”.

Поблагодарив Вязьмитинова, я вышел из его кабинета и тут же встретил элегантно одетого генерала с георгиевским крестом на груди. Это был генерал Лукомский. Я ему поклонился, он про-

тянул мне руку и спросил: "Ваша фамилия? Мы, кажется, с вами не встречались?"

Я назвал себя и напомнил ему, что мы встречались в доме генерала от инфантерии Петра Аркадьевича Коненович-Горбатского, в Севастополе, в 1913 году. "Вы тогда были начальником мобилизационного отдела в Главном управлении Генерального штаба, а я капитаном и старшим адъютантом штаба 13-й пехотной дивизии", — добавил я. — "А, помню, помню", — сказал Лукомский и, пожав мне руку, пошел дальше. Вскоре, в сентябре 1919 года, генерал Лукомский стал Председателем Особого совещания и помощником Главнокомандующего¹⁵. Когда генерал Врангель заменил генерала Деникина и стал Главнокомандующим в Крыму, он назначил своим представителем в Константинополе Лукомского. Там я встретил его в 1920 году, когда следовал в качестве представителя генерала Врангеля в Польшу.

Генерал Лукомский держал себя там очень важно и напыщенно, и я не знаю, насколько это соответствовало занимаемой им должности представителя генерала Врангеля при Союзном командовании. После крушения в Крыму Лукомский уехал в Париж и одно время занимал какой-то пост при великом князе Николае Николаевиче. После смерти великого князя он пытался занять одно из первых мест при генерале Миллере, но это был уже закат его карьеры.

Был обеденный час, когда я вернулся в гостеприимную квартиру Анпетковых. Как всегда, дом был полон гостей. Настроение было приподнятое в связи с успехами на фронте. Имя Деникина и особенно Врангеля, было у всех на устах. Узнав о моем предстоящем отъезде в армию генерала Врангеля, все мне желали успеха, а милая хозяйка просила меня всегда останавливаться у нее, если мне доведется приезжать в Екатеринодар.

Мой брат Василий, еще не получивший никакого назначения, просил меня устроить его на какую-нибудь должность в моем Управлении. Этого и мне хотелось, чтобы брат был со мной в гражданской войне, где очень важно иметь верных и надежных помощников, тем более, что мой брат Василий был отличным офицером Генерального штаба. Но вопрос о нашей совместной службе был очень щекотливым. Наше близкое родство могло породить разные кривотолки. Мне могли бы сказать: "Ну как не порадеть родному человечку".

Мне нужно было набрать штат служащих, приобрести пишущие машинки, канцелярские принадлежности и, наконец, по-

лучить денежный аванс, т.к. у меня не было никаких денег. После обеда я решил зайти к дежурному генералу, генералу Трухачеву, и просмотреть у него список офицеров, находящихся в армейском резерве.

Когда я с братом вышел на Красную улицу, навстречу мне попался высокий, красивый полковник с небольшой светло-русой бородкой и благородными чертами лица. Он показался мне знакомым.

Поравнявшись со мной, он отдал мне честь и представился: "Ваше превосходительство, полковник Саттеруп".

Я был рад этой встрече. Это был случай, когда говорят: "На ловца и зверь бежит". Я спросил Константина Владимировича, что он здесь делает. "Ничего не делаю, — вот случайно узнал в Управлении генерала Тихменева, что Вы назначены начальником военных сообщений в армии генерала Врангеля, и поспешил к Вам в дом Анпетковых, чтобы предложить Вам свои услуги. Ведь во время войны я служил по военным сообщениям в 12-й армии под начальством генерала Владимира Ивановича Кондратьева".

Полковника Константина Владимировича Саттерупа я знал еще по довоенной службе в Вильно, где он был начальником жандармского железнодорожного управления. С началом войны он перевелся в Управление военных сообщений в армии и прекрасно знал и железнодорожный мир, и саму службу военных сообщений. Таких специалистов, как он, у нас было мало. А помимо всего, Саттеруп был в высшей степени симпатичный человек. По происхождению он и его брат Дмитрий Владимирович были датчане, но уже сильно обрусевшие. Его брат был мой товарищ по Академии Генерального штаба, а потом мы с ним вместе служили в Виленском военном округе, где он был начальником мобилизационного отдела. Во время войны 1914—1917 гг. Дмитрий Владимирович заменил генерала Лукомского на должности начальника мобилизационного отдела в Главном управлении Генерального штаба. С приходом к власти большевиков он был мобилизован в Красную Армию и его заставили там работать в том же мобилизационном отделе. Случилось так, что два любящих брата оказались один против другого, в двух враждебных станах.

Я пригласил полковника Саттерупа присесть на лавочку в ближайшем сквере и, достав бумагу о моем назначении, дал ему ее прочесть. Тем временем мой брат отправился в штаб, а я спросил Саттерупа, сможет ли он найти подходящих специалистов

для моего Управления, а сам принять временно должность моего помощника. Я был вынужден сказать "временно" в силу того, что по штату мой помощник должен быть офицером Генерального штаба, которым не был Саттеруп.

Он принял с удовольствием мое предложение, и я тут же поручил ему отправиться в Управление Главного начальника военных сообщений, получить там денежный аванс и приступить к формированию нашего управления. Саттеруп поспешил отправиться в штаб, чтобы приняться за дела.

12 июня Добровольческая армия овладела Харьковом. Донская продолжала наступление на север, выходя на линию Балашов — Воронеж. 12 июня генерал Врангель отдал дерективу овладеть Царицыном. К этому времени он уже располагал 7-й пехотной дивизией с танками, впервые появившимися на его фронте. С рассветом 17 июня началось наступление. Большую роль сыграли танки. Часть победы принадлежала генералу Улагаю, командовавшему ударной группой, и генералу Покровскому, вышедшему в тыл красных. Несмотря на упорное сопротивление и сильный артиллерийский огонь, к вечеру 18 июня участь Царицына была решена.

В приказе по Кавказской армии, отданном 18 июня, генерал Врангель говорил, что начиная с разгрома красных под Великокняжеской 8 мая и до взятия Царицына армия захватила 70 орудий, 300 пулеметов, 2 бронепоезда и десятки тысяч пленных. Имя генерала Врангеля было у всех на устах. Главнокомандующий генерал Деникин лично прибыл в Царицын, чтобы выразить ему свою благодарность.

20 июня формирование моего управления было закончено и я получил приказ от Главного начальника военных сообщений отправиться в Царицын и поступить в распоряжение командующего Кавказской армией.

¹ Речь идет о ставке Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России (ВСЮР).

² Крымско-Азовский корпус Добровольческой армии был сформирован в декабре 1918 г. из частей, действовавших в Каменноугольном бассейне и в Крыму. В январе 1919 г. корпус был преобразован в Крымско-Азовскую Добровольческую армию под командованием генерала А.А.Боровского (в составе Вооруженных Сил на Юге России). В результате успешного наступления красных в апреле — мае 1919 г. Крым был оставлен, штаб Крымско-Азовской Добровольческой армии ("Кразармии") расформирован, а эвакуированные войска вошли затем в состав других соединений.

³ Речь идет о вооруженном выступлении казаков Верхнедонского округа против Советов, начавшемся 27 февраля (11 марта) 1919 г. в станицах Вешенская, Еланская, Мигулинская и др. В восстании участвовало около 30 тыс. человек, в том числе военнослужащие некоторых красноармейских частей. Эти выступления весьма затруднили действия Красной Армии против войск Деникина. 11(24) мая 1919 г. произошло соединение восставших с прорвавшей фронт 9-й армии конницей генерала Секретева.

⁴ 10-я армия была сформирована осенью 1918 г. из войск, действовавших в районе Царицына и Камышина. С февраля 1919 г. она под командованием А.И.Егорова участвовала в наступлении Южного фронта советских войск, действуя в основном против Донской армии. На рубеже реки Маньч 10-я армия была остановлена, заняла оборону, имея в наличии около 30 тыс. штыков и шашек.

⁵ Речь идет о генерале А.П.Кутепове.

⁶ Генерал-лейтенант С.Л.Марков был смертельно ранен в бою под Шаблевской 12(25) июня 1918 г. Его последняя должность — начальник 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии.

⁷ М.О.Неженцев был убит при штурме Екатеринодара 29 марта (11 апреля) 1918 г.

⁸ Б.И.Казанович в ходе боев за освобождение Северного Кавказа командовал 1-м армейским корпусом.

⁹ После образования Вооруженных сил на Юге России была учреждена должность Главнокомандующего. Им стал генерал А.И.Деникин, Главнокомандующий Добровольческой армией. Добровольческую армию, одну из составных частей ВСЮР, возглавил генерал П.Н.Врангель. 9(22) мая 1919 г. армия эта была разделена на Кавказскую Добровольческую армию под командованием П.Н.Врангеля и Добровольческую армию, командующим которой стал генерал В.З.Май-Маевский, занимавший эту должность до ноября 1919 г.

¹⁰ В бою под Ставрополем 31 октября (12 ноября) 1918 г. М.Г.Дроздовский был легко ранен в ногу ружейной пулей. Однако для лечения потребовалось восемь операций, началось заражение крови, 1(14) января 1919 г. он скончался в Екатеринодаре.

¹¹ Из "цветных" полков (Корниловского ударного, Марковского, Дроздовского и Алексеевского) не развернулись в дивизию лишь Алексеевцы, составлявшие летом 1919 г. двухполковую генерала Алексеева пехотную бригаду. Подробнее о "цветных" частях см. комментарии к книгам: С л а щ е в А.Я. Белый Крым в 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990; Д е н и к и н А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. М., 1990; Г и а ц и н т о в Э. Записки белого офицера. СПб, 1992 М., 1991.

¹² В.Л.Покровский в январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд численностью около 300 человек, одержавший несколько побед над частями советских войск, в частности под Энемом и Георгие-Афипской. Отряд В.Л.Покровского, численно возросший почти в десять раз, соединился с Добровольческой армией в марте 1918 г. А.Г.Шкуро в мае 1918 г. организовал восстание против Советов в Кисловодске, а затем сформировал на Кубани 10-тысячный отряд, соединившийся с Добровольческой армией в июле 1918 г.

¹³ Затянувшийся спор о стратегии боевых действий против красных в 1919 г. во многом определял сложные отношения не только

между Деникиным и Врангелем, но и между входившими в их окружение военачальниками. Аргументация сторон достаточно подробно изложена в мемуарах обоих вождей белого движения.

¹⁴ 14-я армия была создана на базе 2-й Украинской советской армии постановлением РВСР от 4 июня 1919 г. (н.ст.). В описываемое время ею командовал К.Е.Ворошилов. С февраля 1919 г. отряды "батьки Махно" входили в состав 2-й Украинской советской армии в качестве Заднепровской бригады, а затем 7-й Украинской дивизии. Под давлением добровольческих войск махновцы 6 (19) мая 1919 г. покинули фронт, выступили вскоре против большевиков, за что 8 июня 1919 г. (н.ст.) были объявлены Советской властью вне закона.

¹⁵ Генерал А.С.Лукомский сменил на посту председателя Особого совещания генерала А.М.Драгомирова, назначенного командующим войсками и главноначальствующим Киевской области.

П.В.КОЛТЫШЕВ

На страже русской чести

(ПАРИЖ, 1940 – 1941 ГГ.)

Полковник Петр Владимирович Колтышев родился 27 мая 1894 г. в Ораниенбауме под Петербургом. Окончил Павловское военное училище в 1913 г. и был выпущен подпоручиком во 2-й Финляндский стрелковый полк, входивший в состав XXII армейского корпуса.

Начавшая с сентября 1914 г. участвовал в боях в Восточной Пруссии и вскоре стал командиром 4-й роты. 6 ноября в бою под Ангенбургом был тяжело ранен ружейной пулей в ногу и остался лежать в немецких проволочных заграждениях до ночи. Был вынесен своими солдатами во главе с фельдфебелем роты подпорщиком Дорофеевым.

После излечения в лазарете императрицы Марии Федоровны, лично принимавшей его в Аничковом дворце, вернулся в полк в начале 1915 г. и, приняв командование 10-й ротой своего полка, участвовал с ней во всех боях на Австрийском фронте. В ноябре 1915 г. поручик Колтышев был вызван в штаб XL корпуса, где около года исполнял должность старшего адъютанта Генерального штаба, т.е. являлся помощником начальника оперативного отдела.

Молодой поручик, имевший уже ряд боевых наград, оправдал надежды своего бывшего командира полка генерал-майора Скобельцына, ставшего начальником штаба XL корпуса, и обратил на себя внимание ряда выдающихся генералов, с которыми ему приходилось иметь дело по службе, в том числе генерала Деникина, тогда начальника 4-й стрелковой ("Железной") дивизии, входившей в состав XL корпуса.

Много лет спустя на одном из банкетов в Париже в честь Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России ге-

нерал Деникин, обращаясь к полковнику Колтышеву, напомнил ему шутя: "А помните, Петр Владимирович, когда я командовал Железной дивизией, а Вы из штаба корпуса вызывали меня по телефону, я всегда отвечал Вам: "Слушаюсь, будет исполнено"*.

В октябре 1916 г. произведенный в штабс-капитаны Колтышев был направлен на ускоренные курсы в Николаевскую Академию Генерального штаба, успешное окончание которых давало

*

Как свидетельствует об этом в своих неопубликованных воспоминаниях генерал-лейтенант П.С.Махров, последний начальник штаба генерала Деникина.

ему право числиться среди офицеров, "причисленных к Генеральному штабу".

В связи с тем что Академия Генерального штаба была закрыта в 1914 г. с расчетом на кратковременную войну, а все ее профессора и слушатели получили назначения в действующую армию, обнаружилась острая нехватка в офицерах Генерального штаба. На открытые в конце 1916 г. курсы посылались особо доблестные офицеры, занимавшие уже должности по Генеральному штабу в войсковых штабах, а среди преподавателей были вызванные с фронта такие выдающиеся молодые генералы, как, например, георгиевский кавалер генерал-майор Сергей Леонидович Марков, отличившийся как начальник штаба, а затем командир одного из полков "Железной" дивизии.

После успешного окончания курсов причисленный к Генеральному штабу капитан Колтышев представлялся вместе с другими 24 января 1917 г. императору Николаю II в Царскосельском дворце. Однако до самого конца своих дней Петр Владимирович непременно поправлял всех, обращавшихся к нему, как к полковнику Генерального штаба: "Причисленный к Генеральному штабу", — мягко уточнял он, давая понять, что не желает присваивать себе ни лишних дипломов, ни чинов.

По возвращении на фронт капитан Колтышев снова попал в штаб XL армейского корпуса, находившийся уже на Румынском фронте. Ввиду полного разложения частей 2-й стрелковой дивизии этого корпуса в конце 1917 г., в которой капитан Колтышев исполнял должность начальника штаба, он ушел со своим штабом 1 января 1918 г. в город Батрушаны, где находился штаб 11-й русской армии. Тяжело переживая развал армии, Колтышев вскоре записался рядовым в Первую добровольческую бригаду полковника Дроздовского. В составе 3-й роты Офицерского стрелкового полка этой бригады он выступил 1 марта 1918 г. в поход из Румынии на Дон, имея в виду присоединение к Добровольческой армии.

О походе на Дон и о боях под Ростовом Колтышев оставил свои записки "От Ясс до Новочеркасска", составленные сразу после гражданской войны, равно как и о 2-м Кубанском походе, который он проделал уже в качестве начальника штаба 3-й (позднее "Дроздовской") дивизии Добровольческой армии.

После тяжелого заболевания тифом капитан Колтышев был назначен 8 августа 1918 г. в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии. Дважды капитан Колтышев был откомандирован на фронт, исполняя должность начальника

штаба сводного отряда для обороны Ставрополя, а затем Маньчжунского отряда генерала Станкевича: "Капитан Колтышев более месяца исполнял должность начальника штаба отряда. Фактически штаба не было — был один капитан Колтышев, который нес всю работу... Во время наступательной операции... в отряд входило 10 отдельных частей, и я ни минуты не испытывал беспокойства: связь и ориентировка частей никогда не отказывали. Всегда спокойный, в поле, под орудийным и пулеметным огнем, капитан Колтышев отлично разбирался в обстановке, — читаем в его послужном списке.

В сентябре 1918 г. произведенный в подполковники, а вскоре и в полковники, П.В.Колтышев был назначен старшим помощником начальника оперативного отдела Добровольческой армии, а вскоре стал фактически бессменным докладчиком по оперативной части при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России, оставаясь на этой должности до марта 1920 г.

За полтора года постоянного общения, часто по несколько раз в сутки, с генералом Деникиным между Главнокомандующим и молодым полковником сложились прочные дружеские отношения, выдержавшие все испытания, как во время гражданской войны, так и в течение нелегкой для обоих эмигрантской жизни.

"Среди немногих лиц, составлявших в свободное от занятий и объездов время... обычно мое общество, — вспоминал позднее генерал Деникин, — был и полковник Колтышев, докладчик по оперативной части, всецело живший интересами фронта"*.

С уходом генерала Деникина с поста Главнокомандующего в марте 1920 г. полковник Колтышев "по собственному желанию", как говорится в приказе генерал-квартирмейстера штаба от 14 апреля 1920 г., вернулся рядовым в свой 1-й Офицерский генерала Дроздовского полк. В ходе боев в северной Таврии летом 1920 г. он был назначен помощником командира этого полка и был дважды ранен, причем вторично в левую руку с раздроблением кости.

Эвакуация армии генерала Врангеля из Крыма застала Колтышева в севастопольском госпитале. Несмотря на раненую руку, он помогал коменданту города генералу Стогову подбирать на баркасы последние отходившие части, в том числе остатки 3-го Дроздовского полка. С последними 10 офицерами полковник Колты-

*

Д е н и к и н А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926. т.V. С.24.

шев поднялся на борт транспорта "Херсон", на который была погружена Дроздовская дивизия, и разделил с ней общую участь всех частей, высадившихся 1(14) ноября 1920 г. в Галлиполи.

Все невзгоды, болезни, голод галлиполийского лагеря он пережил вместе с солдатами и офицерами Дроздовской дивизии, сведенной генералом Кутеповым в полк. "Галлиполийское сидение" продолжалось долго. Только в январе 1922 г. части 1-й дивизии, в которую входил Дроздовский полк, были перевезены в Болгарию, где в городе Свищеве полковник Колтышев был назначен командиром 1-й офицерской роты, участвуя, как и другие, в работах на рудниках. В начале 1923 г., когда стало очевидным, что сохранять воинские части на территории чужой страны невозможно, Колтышев с разрешения командира полка уехал на работу во Францию.

Первое время во Франции Колтышев, несмотря на искалеченную под Ореховым кисть руки, работал в одной из механических мастерских завода "Ситроэн", но вскоре он, как и многие офицеры Белой армии, предпочел "пересесть" на такси. Трудовой день парижского шофера такси не был ограничен до середины 30-х годов и продолжался, как правило, 12 часов, не считая времени приема и сдачи машины в гараже. И все же большинство русских офицеров предпочитали проводить длинный рабочий день за рулем в Париже, сохраняя относительную самостоятельность и независимость, чем работать на заводе под присмотром мастера, часто ксенофоба, или батраком на ферме. Работа на такси привлекала также и тем, что она позволяла, хотя и в ущерб заработку, участвовать более активно в общественной жизни эмиграции, а такие офицеры, как полковник Колтышев, считали своим долгом продолжать состоять в своих воинских объединениях и, конечно, по мере сил помогать тем вождям Белой армии, под знаменами которых они служили.

Уже очень скоро после своего приезда во Францию полковник П.В.Колтышев начинает собирать материалы и документы по просьбе генерала Деникина, работавшего тогда над своим фундаментальным трудом "Очерки русской смуты", проживавшего тогда вдали от центра эмиграции в тихом местечке на озере Балатон в Венгрии, в условиях, граничащих с нищетой. Из многочисленных писем генерала Деникина полковнику Колтышеву* видно,

*

См.: Грани. 1983. №128; 1988. №149.

как часто он обращался к своему бывшему подчиненному с многочисленными просьбами и поручениями и как автор интересовался его мнением: "Напишите мне при случае, как Вы относитесь к главе XI ("Моральный облик армии. Черные страницы")", — писал Колтышеву его бывший Главнокомандующий 6 августа 1925 г.*.

С переездом генерала Деникина во Францию в 1926 г. его сотрудничество с полковником Колтышевым перешло в самую тесную дружбу. Сохраняя традиционную военную простоту в отношениях с младшими сослуживцами, генерал Деникин оставался всегда отзывчивым, мягким и верным другом, а его личный шарм в сочетании с присущей ему душевной теплотой навсегда оставил у П.В.Колтышева, как он сам говорил, "чувство неразрывной связи со своим Главнокомандующим".

О безотказной многолетней помощи и участии полковника Колтышева в литературной, общественной и политической деятельности генерала Деникина в эмиграции, об их совместных поездках в Прагу, Белград, Лондон свидетельствуют свыше 500 писем и записок генерала Деникина, частично опубликованных нами в №128 и 149 журнала "Грани".

Помимо писем генерала Деникина, Писарева, Стогова, Харжевского и многих других в архиве Колтышева сохранились и его записки, относящиеся, как мы уже говорили, ко времени гражданской войны, а также к периоду немецкой оккупации Парижа, когда П.В.Колтышев временно лишился возможности работать шофером такси. О положении и жизни русской эмиграции под немецкой оккупацией во Франции в 1940 — 1944 гг. до сих пор почти ничего не опубликовано. Из записок П.В.Колтышева мы выбрали две части, относящиеся к 1940 — 1941 гг. Они сохранились в толстых тетрадях, заполненных его четким, легко читаемым почерком.

Прожив без перерыва почти всю свою эмигрантскую жизнь во Франции, в более чем скромном отеле "Валлиер" на улице Луи Мишель в примыкающем к Парижу предместье Левалуа-Перре, и проработав 35 лет таксистом, П.В.Колтышев провел последние годы своей жизни в "Русском доме" для престарелых в Сен-Женевьев-де-Буа. Уже будучи в преклонном возрасте, он все также безотказно отвечал на письма и запросы А.И.Солженицына, стремясь

*

Речь идет об IV томе "Очерков русской смуты". См.: Грани. №128. С.55.

помочь ему в процессе работы над монументальным трудом "Красное колесо".

Петр Владимирович Колтышев скончался 9 августа 1988 г. и похоронен на участке Дроздовской дивизии на кладбище Сен-Жевьев-де-Буа под Парижем.

Н.Рутыч

ОТ РЕДАКЦИИ

В 1934 г. П.В.Колтышев передал Русскому заграничному архиву в Праге свои обширные воспоминания о гражданской войне, подготовленные им в начале 20-х годов в Болгарии. Эти материалы, представляющие собой как рукописные копии, так и авторские оригиналы, были выявлены нами несколько лет назад в ЦГАОР СССР (Ф.5881. Оп.2 Д.417 — 421) и частично введены в научный оборот*. Наиболее обширная часть этих воспоминаний ("Поход дроздовцев. Яссы — Дон") была полностью подготовлена для публикации в альманахе "Русское прошлое". Однако, как нам недавно стало известно, Петр Владимирович Колтышев незадолго до кончины оформил документы о передаче всего своего парижского архива в собственность Общества ревнителей русской истории с предоставлением Н.Рутычу (Н.Н.Рутченко) прав на публикацию, а также переиздание того, что было опубликовано ранее в журнале "Грани". В связи с этим редакция "Русского прошлого" отложила запланированную публикацию и приняла решение о последующем издании материалов П.В.Колтышева лишь с согласия и при участии его парижских наследников.

В.Бортневский

*

См.: Бортневский В.Г. 1) Красный и белый террор гражданской войны // Сквозь бурю гражданской войны: "круглый стол" историков/. Гл. ред. В.И.Голдин. Архангельск, 1990; 2) Дроздовский, Туркул и книга "Дроздовцы в огне" // Туркул Антон. Дроздовцы в огне. Л., 1991; 3) Белое дело. Жил человек... // Час пик. 1990. 9 сент.; 4) "...Через потоки своей и чужой крови": жизнь и судьба генерала Дроздовского // Ленинградский университет. 1990. 6 апр. — В ЦГВИА СССР находится послужной список П.В.Колтышева, составленный на 4 сентября 1917 г. (Ф.409, оп. 1, д. 85453).

ЗНАКОМСТВО С ГЕСТАПО

Первая мировая война, начавшаяся летом 1914 года, была лишь прервана разгромом Австро-Германской коалиции спустя четыре года, но фактически закончена не была. И Версальский договор принес лишь незначительную передышку народам Европы, Азии и Америки...

Белые армии одна за другой были разбиты. Но своей доблестью, многочисленными жертвами лучших сынов России они не только спасли честь и само имя России, но надолго прикрыли так называемую новую Европу и мир от красных полчищ, спасли от затопления "красной волной".

Значительная часть белого воинства оказалась на чужбине. 30 лет скитались воины по чужим странам, вызывая порою удивление, но чаще восхищение своей моральной чистотой, исключительной трудоспособностью и добросовестностью, честностью и лояльностью по отношению к приютившим их народам. Ни тяжкий труд, ни невзгоды, ни непонимание или безразличие к их судьбе не опустошили их душ и не поколебали любви к своему Отечеству и веры в Россию и русский народ.

И когда в 1940 году возобновилась мировая война, русские белые воины не пошли с врагами России — немцами, а в рядах бывших союзных армий приняли активное и широкое участие в борьбе с общим врагом — Германией Гитлера¹.

В частности, во Франции русская молодежь еще задолго до войны призывалась на военную службу наравне с французами. Декретом от 20 июля 1939 года все белые русские эмигранты подверглись регистрации на случай мобилизации, имевшей место в сентябре того же года, а весной 1940 года (апрель — май) все русские белые до 50-летнего возраста, пройдя через соответствующие комиссии, стали призываться в армию. Практически все, несмотря на ранения, полученные ими в войне 1914—1918 годов и гражданской войне 1918 — 1920 годов, были признаны годными. Русские эмигранты надели французскую военную форму и в рядах Действующей армии проявили исключительную доблесть, заслужили уважение и любовь соратников-французов и прекрасные отзывы военачальников. Немало русских, сдав необходимые экзамены, были произведены в разные офицерские чины. За отличие в боях многие получили награды. Тысячи были ранены или пали смертью храбрых на поле боя. Все они добросовестно исполнили свой моральный долг перед бывшей союз-

А.И.Деникин и П.В.Колтышев. 1934 г.

ницей национальной России — своей второй родиной — Францией.

Когда немцы заняли Париж и оккупировали большую часть Франции, среди русских эмигрантов зародилась идея дальнейшего сопротивления врагу. Вначале это сопротивление носило индивидуальный характер, но с июня 1941 года оно стало приобретать более широкие (и организованные) размеры. В Париже и во многих других местах Франции появились очаги сопротивления, в которых нередко основной организующей силой были русские. Немецкое гестапо знало об этом, и число арестов среди русских стало быстро возрастать. Концентрационные лагеря во Франции и в Германии заполнялись сотнями, а затем и тысячами русских, часть томилась в тюрьмах. Немало было расстреляно по суду или без суда, а еще больше было замучено или "пропало без вести". Они также, не в меньшей степени, исполнили свой долг.

С 1926 года во Франции проживал бывший Главнокомандующий русскими армиями Западного и Юго-Западного фронтов (1917), а затем Главнокомандующий Добровольческой армией и Вооруженными силами Юга России (1918 — 1920) генерал Антон Иванович Деникин.

Большой русский патриот, доблестный воин, славою овеянный военачальник, Главнокомандующий, не раз приводивший свои армии к победам, мудрый правитель, оберегавший честь России и достоинство русского имени, как солдат-часовой, всю жизнь стоял он на страже русской государственности. Борясь сначала с немцами, а потом с большевиками, он призывал в то же время своих соратников — белых воинов — оставаться верными обязательствам, принятым на себя старой русской властью в отношении ее бывших союзников: Франции, Англии, Соединенных Штатов Северной Америки. "Мы, русские, мира с немцами не заключили", — любил говорить генерал Деникин. И когда в 1918 году немцы предлагали свою помощь Добровольческой армии, он категорически отвергал ее. И когда в июле 1918 года немецкая кавалерия, стремясь на Кубань, занятую Добровольческой армией, стала переходить реку Ею через Кущевский железнодорожный мост, последний по приказу ген. Деникина был взорван, несмотря на то что этим Белая армия прервала свою связь с Севером.

Во Франции около генерала Деникина сгруппировались старые добровольцы, разделявшие его взгляды. Не вмешиваясь во французские внутренние дела, всегда оставаясь лояльным в отношении союзников, он вел борьбу лишь с Советской властью и открыто боролся с немецкой политикой в отношении России и славянства. С приходом к власти Гитлера, когда германская политика приняла явно агрессивный характер, направленный уже и против Франции, генерал Деникин в печати, на открытых собраниях, в меморандумах, посылаемых ответственным деятелям Франции и Англии,* в брошюрах, издаваемых на разных языках, предупреждал своих соотечественников и западный мир о нависшей над ними страшной угрозе. Голос его звучал открыто, громко, мужественно, пророчески. И те, кто шел за ним, избрали верную дорогу.

* * *

Немецкая армия подходила к Парижу. По городу разнесся слух, что французы решили сдать его без боя. Генерал Деникин со своей семьей проживал в то время под Парижем, в 5 — 6 км от него, в маленьком местечке Бур-ла-Рен. Встретаться с "победителями" или оставаться в непосредственной близости от немцев бы-

—
*

Военному министру Франции г.Даладье, гг. Черчиллю и Чемберлену и генералу Гамалену.

ло нежелательно и весьма опасно. Нужно было срочно покидать район Парижа. Хотя к северо-западу от Парижа шли еще бои и канонада доносилась до города, по настроению французов чувствовалось, что сопротивление их уже сломлено. Французы полагали, что со взятием столицы с немцами будет заключено перемирие и что дальше Луары они не пойдут.

Было решено увезти генерала в маленькое местечко Мимизан в департаменте Ланды, где проживали родственники его жены и где уже раньше он также жил летом со своей семьей. Там было совершенно спокойно, население очень доброжелательно относилось к генералу. Сравнительно недалеко была испанская граница, через которую в случае нужды открывался путь в Англию и Америку.

Первопоходник* полковник Глотов, работавший под Парижем шофером такси, любезно предоставил свою собственную машину и самого себя в распоряжение генерала и его семьи и отвез их в Мимизан.

Мне было очень тяжело расставаться вновь со своим бывшим Главнокомандующим, с которым прочно и кровно сроднилась моя наша 25-летняя служба России, в том числе совместная работа на протяжении 20 лет в период белой борьбы на Юге России и в эмиграции, сердечное отношение, безграничное доверие, личная дружба и общность взглядов в оценке международного положения и русского вопроса. В те дни второй раз в жизни я переживал душевную драму. Средств у меня не было никаких (около 200 фр.), состояние здоровья и последствия ранений не позволяли надеяться найти подходящую работу. В тягость же никому и никогда в жизни я не был. С другой стороны, оставаясь в Париже, я имел возможность быть возле своих боевых соратников, поддерживать их дух и отсюда наладить связь с генералом, ориентируя его по-прежнему во всем, что могло его интересовать и принести пользу нашему русскому делу. Эти обстоятельства вынуждали меня никуда не эвакуироваться.

Накануне вступления германской армии в Париж в почтовом отделении на улице Клер в VII арондисмане** я написал генералу в Мимизан короткое письмо, в котором заверил его, что

* Участник Первого Кубанского похода.

** 7-м районе Парижа.

и в этой обстановке, перед лицом врага, я исполню долг русского патриота. Выходя из почтового отделения, я столкнулся с генералом Твердым — председателем Объединения железных стрелков — и рассказал ему об отъезде генерала Деникина и обстоятельствах, сопровождавших его. Разговор был кратким, слезы наполнили мои глаза, спазмы душили, мы крепко пожали друг другу руки и разошлись...

Вернувшись в отель, я спешно собрал всю переписку с генералом Деникиным за 16 лет (свыше 1000 листов), меморандумы генерала к Даладье, Черчиллю, другим государственным деятелям и отвез их генералу Стогову, с которым был связан еще с 1913 года по совместной службе в городе Гельсингфорсе в 1-й Финляндской стрелковой бригаде и к которому питал полное доверие. Я просил его, чтобы в случае какого-либо несчастья со мной он передал мои архивы генералу Деникину, а если это окажется почему-то невозможным, в будущую Российскую Академию наук. Мы трогательно расстались с милейшим Николаем Николаевичем.

Париж был сдан без боя. Как вступали "победители" в "столицу мира", я, слава Богу, не видел. Но то, что я услышал потом об этом от других, что увидел впоследствии сам, вселило в меня тревогу за дальнейшую судьбу Франции и ее братского народа. Я замкнулся в себе, избегал встреч и разговоров с другими, целыми днями просиживал у открытого окна, читая или записывая что-нибудь, и лишь два или три раза за день покидал отель для краткой прогулки. Нежелание работать у немцев — а у французев работу я не находил — и тем и другим казалось подозрительным. Меня никто не беспокоил, но я стал замечать за собой слежку. Постоянно следили за мной из дома 60, что напротив отеля, наблюдали из кафе, преследовали по пятам в метро... Однажды, вернувшись с прогулки, я увидел сильные царапины на двери возле замочной скважины, то же творилось и с дверцей шкафа, в котором хранилась моя переписка с друзьями. Хозяйка отеля мадам Пиньоль, ранее прекрасно ко мне относившаяся (я жил в отеле в одной и той же комнате с 1923 года), со времени потери мною работы круто изменила свое поведение. Правда, она вообще стала предпочитать немцев, а нас всячески стремилась выселить. Переписка моя явно вскрывалась. Почтальон, мой добрый знакомый, сказал, что это делается не здесь, в Леваллуа, а в Париже, что гестапо составило списки опасных для них лиц и передало их соответствующим французским службам и вся коррес-

понденция, этим лицам адресованная или ими отправляемая, копировалась...

Шли дни, жить на одно пособие было трудно, я ослабел физически, потерял 18 кг веса, стали сдавать нервы. Когда так существовать стало больше невозможно, я решил пойти на работу к немцам и дал принципиальное согласие поручику Кондрашову, что буду сторожем на автомобильном складе. Но когда через два дня я хотел уже поехать туда, у самого выхода из отеля я встретил одного черногорца с двумя русскими, от которых узнал последнюю новость: "Немцы напали на Сербию и бомбардировали Белград..."². "Ах так, никуда я не пойду, — решил я. — Никто и ничто не сможет меня заставить теперь работать на немцев, лучше умереть с голоду". Я круто развернулся и пошел обратно в отель. В номере я посмотрел на карту Европы и подумал: началось... теперь жди войны против России, России, а не Советской власти, теперь будет решаться судьба моей Родины, судьба славянства... Крепитесь, русские люди, не ошибитесь, белые воины... Незаметно уйдя из отеля, я проведал несколько своих единомышленников, убедился, что мы по-прежнему живем одними мыслями, общими чаяниями и надеждой, что русский народ даст отпор германским варварам.

Во вторник, 6-го мая, меня встретил на улице Дроздовского стрелкового полка капитан Воевода Игнатий Максимович и пригласил зайти к нему вечером "на рюмку водки", сказал, что будут еще некоторые знакомые, любители поговорить. Мне совсем не хотелось идти, но, зная характер капитана, пообещал прийти, если позволят обстоятельства, часов в 7 вечера. Сам же, забежав к себе в номер и взяв книгу, скрылся в городской сад и просидел там часов до 9 вечера. Возвращаясь домой, я прошел незаметно возле открытого окна капитана Воеводы, из которого, на мое удивление, не доносилось никакого шума. Пошли допивать в город, — подумал я и остался доволен, что уклонился от приглашения. Не зажигая электричества, лег в постель и быстро заснул. Было уже утро, когда я проснулся от шума подъехавшего автомобиля. Затем донесся тяжелый стук сапог немецких солдат, переходивших улицу. Звук этот был уже хорошо знаком мне. "Вот и за мной приехали", — почему-то подумал я... Донеслись сильные удары в дверь отеля. Я облил голову и лицо холодной водой и снова лег в постель. Дрожь пробежала по всему телу, но я быстро взял себя в руки и лежал спокойно, думая: а может быть, это и не за мной... Но вот шаги остановились у двери моей ком-

наты и раздались такие сильные удары, что от них проснулись бы все обитатели отеля. Но я продолжал спокойно лежать, никак не реагируя. Стук повторился, затем шаги стали удаляться вниз по лестнице, и наступила тишина. “Ушли, слава Богу”, — подумал я. Но это оказалось совсем не так. За дверью раздался шорох, кто-то вставил ключ в замочную скважину, дверь открылась, и на пороге появилась мадам Пиньоль, хозяйка отеля. За дверью раздались чьи-то шаги еще, и мужской голос громко порусски произнес: “Немецкая полиция”. Хозяйку выставили за дверь, а в комнату вошли два незнакомца в штатском: один среднего роста, плотный, по-военному подтянутый, лет около 45, другой — высокий, худой блондин с рыжеватым оттенком и бегающими глазами. Я продолжал невозмутимо лежать, с удивлением рассматривая вошедших.

— Вы полковник Колтышев?

— Да, я Колтышев.

— Секретарь генерала Деникина?

— Нет, никогда не имел удовольствия быть таковым.

— Но мы имеем точные сведения, что Вы секретарь генерала.

— Я не секретарь генерала. Генерал не только не имеет возможности содержать секретаря, но часто и сам нуждается в жизненно необходимом. Я — бывший штаб-офицер для поручений при Главнокомандующем белыми армиями на Юге России.

— Вставайте, господин Колтышев. Почему не отзывались на стук?

— Я просил хозяйку отеля никого ко мне не пускать раньше 9 часов, чтобы не беспокоить соседей. По шуму я предположил, что за мной пришли загулявшие знакомые, и мне не хотелось их впускать. Если бы вы мне сказали; что вы представители немецкой полиции, я бы открыл немедленно.

— Мы должны произвести у Вас обыск и допросить Вас. Где Ваш револьвер?

— У меня нет оружия. А что именно Вас интересует?

— Мы должны забрать Вашу переписку с генералом Деникиным, еще некоторые документы, а потом Вы поедете с нами.

— Как это понимать? Вы меня арестовываете?

— Вы нам нужны как видный свидетель. Мы задержим Вас недели на две, ознакомимся с Вашей перепиской, допросим Вас.

Я встал с постели, умылся, начал одеваться, а в это время в комнате происходил обыск. Иногда “главный” задавал короткие вопросы. Открыв шкаф, он извлек адресную книжку и толстую

папку с письмами и разными документами. В книжке было записано около тысячи адресов лиц, с которыми я был в переписке (хотя бы один раз) с 1923 года. В папке находились: 1) переписка за последнее время с генералами Деникиным, Стоговым, Писаревым, письма Неволовских и полковника Глотова; 2) речь, произнесенная мною в годовщину смерти генерала Неволовского, речь на празднике Железных стрелков, а также речь при проводах уезжавшего на работу в Германию полковника Глотова; 3) краткая записка о прохождении службы генералом Деникиным, справка о взглядах его на "Русский вопрос" и на задачи эмиграции; 4) "бланки" для ходатайства об освобождении русского военнопленного, добровольца французской армии Кондзеровского — сына известного русского генерала; 5) разные просьбы, полученные через Бороздина от комитета Горчакова о помощи нуждающимся соотечественникам; 6) подписной лист в помощь нуждающимся студентам, полученный от М.М.Федорова (сбор еще не был произведен). И адресная книжка, и папка с документами были отложены на стол. Затем туда же были положены: одна из стоящих на полке книг Антона Ивановича, в которой приводилось последнее сообщение на тему "Мировые события и русский вопрос", сделанное им в Париже; две книжки из полного собрания трудов Льва Николаевича Толстого; опись содержимого сундука, приобретенного мной за несколько дней до оккупации Парижа, в который я сложил все для меня ценное на случай, если обстановка заставит покинуть город (в нем находились книги, мои воспоминания о первом периоде гражданской войны, часть писем и документов, вырезки из газет, костюмы, белье.

— А здесь что? — ткнул в извлеченную из сундука папку "главный".

— Здесь мой послужной список, аттестация начальства, свідетельства о ранениях, о причислении к Александровскому комитету³, о рождении, заграничный и нансеновский паспорта⁴, рабочие сертификаты, расписки об уплате налогов, сведения о заработках и о суммах, кои мне были должны разные лица.

— О, это очень важно.

И папка с личными документами отправляется также на стол.

— Почему у Вас так много карт и схем?

— Я много работал над историей гражданской войны, и, кроме того, как человек военный, не могу не интересоваться собы-

тиями на фронте сейчас. Все схемы и карты — вырезки из французских газет...

— А остальная переписка с генералом Деникиным уехала в ту зону?⁵ — неожиданно спросил следователь.

Я промолчал...

— А что у Вас под кроватью?

— Чемодан с теплым бельем и немного консервов. Я человек военный и привык или молчать, или говорить правду. Говорю Вам откровенно: ничего предосудительного Вы там не найдете.

Мне все же [было] предложено достать чемодан. Я говорю, что чемодан не открывался мною около года — со дня прихода немцев — и прошу помочь мне достать его. Они поднимают кровать, а я вытягиваю чемодан. Открываю: консервы, килограмм сахара, чай, сухари, сапоги и... опись всего. Следователь несколько смущен.

На этом обыск закончился.

Я переменял белье, помылся, хотел побриться, но бритву у меня отобрали. Быстро собрал саквояж. Предлагают взять шляпу, пальто. Выхожу последним. Незаметно крещусь, целую obraz, подаренный мне в 1926 году моим Главнокомандующим. С собой беру маленький образок, с которым не расстаюсь с первого дня мировой войны.

Итак, меня увозили. Я был спокоен, ибо совесть моя и перед Россией, и перед второй моей родиной — Францией — была чиста...

Машина, свернув на авеню Фош, остановилась против дома №72. Часовой у будки отдал честь следователю и пропустил нас. Мы вошли во внутренний сад дома 72 и, повернув, пошли садом в дом 74. Здесь располагался отдел гестапо, ведавший наблюдением за русскими эмигрантами. Поднялись на лифте на четвертый этаж, вошли в комнату 37, по-видимому, рабочий кабинет следователя, просто, но со вкусом обставленный. Большое окно выходило во двор. У большого письменного стола стояли два кожаных кресла и стул, на столе перед стулом стояла пишущая машинка... Предложив мне кресло слева от себя, следователь начал официальный допрос. Хотя ответы мои лишь временами записывались им, я взвешивал каждое слово, так как считал, что расположенные где-нибудь поблизости микрофоны наверняка фиксируют все здесь происходящее.

Вначале следовали обычные вопросы: имя, отчество, фамилия, год и место рождения, вероисповедание. Затем вновь после-

довал вопрос, не являюсь ли я секретарем генерала Деникина. Я снова ответил, что нет, но следователь возразил: "Мы имеем точные данные с разных сторон, что это так". Я вынужден был объяснить ему более подробно о своих взаимоотношениях с бывшим Главнокомандующим: знаю его с 1915 года, состоял при нем в должности штаб-офицера для поручений и был докладчиком по оперативным вопросам в 1919 — 1920 годах, сохранял неизменную преданность и уважение к нему в дни пребывания на чужбине, помогал ему, когда мог и чем мог. "Но генерал получал деньги от англичан", — резко сказал следователь. "Никогда!", — также резко ответил я. — "Мы имеем точные данные, что он получил и звание лорда, и пенсию от англичан", — продолжал следователь. "Это неверно, — возразил я. — Когда вынужденный обстановкой 1920 года генерал с семьей прибыл в Англию, он был тепло встречен русской колонией и англичанами. Последние приветствовали его от имени короля как высокого представителя союзной державы, оставшейся верной до конца обязательствам, данным царем и Временным правительством от имени России. Были высказаны восхищение и преклонение перед мужеством и достоинством, с которыми более двух лет он руководил борьбой белых армий против красных полчищ. Ему предложено было высокое звание пэра Англии и пожизненная пенсия, но генерал Деникин ответил на это так: «Прошу передать Его Величеству благодарность за внимание, мне оказанное. Отношу его к Белой армии, счастье предводительствовать которой выпало на мою долю. Что же касается пожизненной пенсии, то принять ее не могу, ибо русский генерал может находиться лишь на иждивении Российского Правительства». Эти слова, сказанные мною с некоторым волнением, произвели впечатление на следователя, но после некоторой паузы он снова спросил: "Но почему же генерал уехал из России в Англию, а не в Германию? Да еще на английском дредноуте?"

— "Ну, это естественно. Тогда ведь мы находились в положении державы, с вами мира не заключившей. Кроме того, и другие обстоятельства того времени вынуждали генерала воспользоваться приглашением англичан. Чтобы для вас все было ясно, я должен коснуться немного личности Главнокомандующего. Вы мне позволите?" — Следователь кивнул головой, и я продолжал: "В мировую войну генерал Деникин блестяще командовал Железной дивизией и корпусом. Это было отмечено и германской военной литературой. В дни революции занимал

еще более высокие посты начальника штаба Верховного Главнокомандующего и Главнокомандующего фронтом. Он открыто выступил против растлителей армии и народа — Керенского и большевиков. Мужественно прошел он в Бердичеве через Голгофу, претерпел сидение в быховской тюрьме и, бежав из нее с генералом Корниловым, немедленно приступил вместе с ним и генералом Алексеевым к формированию Добровольческой армии, два года состоял во главе ее, вел ее по пути чести и славы. Но не судил Господь одержать тогда нам полную победу. Англичане уже более полутора лет помогали нам в борьбе против большевиков. Но силы были слишком неравны. Мы вынуждены были отступить. Моральные переживания генерала Деникина как Главнокомандующего были особенно тяжки. Он перевел армию в Крым, уйдя на миноносце из Новороссийска последним, произвел реорганизацию армии и передал командование в другие руки. Кроме того, в Константинополе был убит его друг — начальник его штаба⁶. Это еще более усугубляло его душевные переживания. Поэтому он воспользовался предложением бывших союзников-англичан, предоставивших ему приют. Но в тот день, когда английское правительство признало де факто Советскую власть, генерал Деникин заявил протест и не счел возможным продолжать пользоваться его гостеприимством. Он немедленно покинул Англию и переехал в Бельгию”.

— Хорошо, но почему же он в день прихода немецкой армии бежал из Парижа?

— Это неправда. Генерал не бежал и бежать не собирался. Просто он, как и в предыдущие годы, в связи с продолжительной болезнью жены вынужден был летом выезжать на берег океана. И задолго до прихода немцев в Париж его друзья-добровольцы помогли ему выехать туда, где он и раньше проводил лето с семьей.

— А Вы тоже не получали деньги от англичан?

— Никогда.

— Вы с генералом англофилы? Какова ваша политическая программа?

— Ни к каким политическим партиям ни генерал, ни я не принадлежали. Генерал честно служил лишь России и всегда боролся с врагами ее. Как я вам уже говорил, он был прекрасным военачальником и блестяще дрался со своими железными стрелками и против вас, и против австрийцев. Под его водительством белые армии Юга более двух лет громили большевиков и одер-

живали такие успехи, каких не добивался никто другой, ни на одном из фронтов. И, находясь за границей, он продолжал борьбу против советской власти, правда, иными путями, но всегда с большой прямоотой и достоинством. Он поддерживал в своих боевых соратниках патриотическое чувство, призывал к национальному служению родине, направлял заблудших, иногда укоряя и будя заснувшую совесть, указывал пути борьбы. Но во внутреннюю жизнь других народов никогда не вмешивался и ко всякой их политике подходил лишь с точки зрения интересов национальной России. Поэтому никогда он не был ни англофилом, ни франкофилом, оставаясь лишь патриотом своего Отечества...

После продолжительной паузы следователь совершенно неожиданно для меня спрашивает о моей дружбе с полковником Пятницким.

— Никогда мы не были дружны. Я слышал его фамилию на Юге России, встречал его в Париже в Галлиполийском собрании, может быть, раз или два как-то и разговаривал, но вот уже несколько лет не только не разговариваю, но и не здороваюсь.

— Почему? Разве Вы с ним политические противники?

— Я политикой не занимаюсь, в политических организациях никогда не состоял, а он, если хотите, политический деятель. Но его "политику" — писания в листке "Сигнал" — я осуждаю как недостойную звания русского офицера.

— А Вы не слышали, что он работал на англичан?

— Нет. Я слышал, что он работал на вас, на немцев, что, будучи редактором "Сигнала", получал жалованье от генерала Туркула.

— Ну, хорошо, а Туркул от кого получал деньги, на кого работал?

— Не хочу повторять всякую болтовню.

— А я настаиваю. Скажите, что слышали.

— Слышал, что он работал и получал деньги от вас, от немцев...

Следователь явно смущен.

— А от большевиков он не мог получать деньги? Или от Скоблина?

— От большевиков? Не думаю, он доблестно дрался против них. А от Скоблина?.. Да, слышал.

— Но ведь это одно и то же!..

— Не совсем. Даже если и получал деньги от Скоблина, он тогда не мог знать, что тот большевистский агент, провокатор.

— Ах вы, русские эмигранты, сколько провокаторов среди вас, а вы все не знаете, не думаете...

В его голосе слышалось не то возмущение, не то сожаление. Далее он спросил меня, не знаю ли я госпожу Бессонову. Я вспомнил, и он спросил, как я расцениваю ее политическую деятельность.

— Несколько лет тому назад она действительно занималась политикой: издавала газету "Одна шестая", вообще производила всякую шумиху вокруг своего имени. Про нее говорили, что она хочет быть российской Жанной Д'Арк. Но мне кажется, что все это было несерьезно.

— А знали ли Вы генерала Дьяконова?

— Не знал, но слышал. Его имя часто упоминалось в газетах в дни похищения генерала Миллера.

— Ну, вот он недавно уехал в Советскую Россию... Ну, а то, что полковник Аметистов работает на большевиков, Вы знали?

— Нет, и этого допустить я не могу, потому что верующий человек не может так притворяться*.

— Хорошо, а насчет Скоблина тоже не думали?

— Нет, от Скоблина мы могли ожидать всего, и старые добровольцы давно уже сторонились его, не допускали в свою среду и даже не здоровались с ним.

— Все же мой Вам совет, будьте осторожны с полковником Аметистовым... Ох, уж эти доверчивые эмигранты, верят всем, а у них повсюду сидят агенты, провокаторы...

Проходит немного времени. "Ну, что ж, пока довольно", — говорит следователь и предлагает мне перейти в другую комнату. Я выхожу и остаюсь в ней несколько минут, пока он снова не приглашает меня в свой кабинет. Неожиданно он говорит мне несколько теплых слов: "О Вас хорошая справка от французской полиции, отзывы соотечественников — также... своей прямоотой и осторожностью отзывы о других Вы также оставили благоприятное впечатление... Возьмите свои вещи... Вас никуда больше не повезут. Вы свободны".

*

Все же я счел необходимым в секретном порядке рассказать об этом митрополиту Евлогию. Владыка тоже не допускал этого, объяснив все сведениям счетов с полковником. Он мне рассказал далее, что полковник Аметистов был в связи с масонами, о чем приходил каяться, и что потом быстро вышел из этой организации.

— А как же с моими письменными показаниями о деятельности генерала Деникина?

— За неделю мы ознакомимся с Вашей перепиской с генералом, и если у нас появятся вопросы, допросим Вас дополнительно. В конце будущей недели Вы зайдете ко мне.

Мы условились о дне и часе встречи. Следователь пожал мне крепко руку и вышел проводить меня. В коридоре он неожиданно спрашивает: “Почему же нам говорили, ссылаясь на Вас, что генерал Деникин в той зоне?”. Я отвечал ему, что время сейчас тревожное, а, кроме того, у него есть враги. Поэтому даже на вопросы друзей я отвечал одним, что он в районе Ниццы, другим — под Марселем, третьим — в швейцарских горах и т.п.

Мы дошли до приемной. Следователь попросил меня немного подождать и зашел в комнату №36, затем вышел и мы спустились по лестнице вниз. У ворот он вторично любезно простился со мной.

Был уже полдень. На авеню Фош много гуляющих... Медленно побрел к метро, чтобы ехать к себе в гостиницу... Хозяйка встретила меня неожиданно приветливо, сказала, что испугалась за меня и послала одного русского в русский ресторан, чтобы приняли меры к моему освобождению. Я поблагодарил ее и немедленно отправился в ресторан капитана Форумды, от которого узнал, что он уже успел позвонить и сообщить о моем аресте капитанам Веселовскому, Чижову, митрополиту Серафиму. Я принял меры, чтобы остановить “панику”.

О содержании допроса через специально посланное лицо мною было немедленно доложено генералу Деникину... Через два дня, 14 мая, я получил из Мимизана открытку, в которой Антон Иванович писал: “Жизнь — все труднее, устаю порядочно; за год сбавил в весе 11 килограмм... Но и в эти трудные дни не теряю веры в будущее, чего и Вам желаю. Это самое важное, прочее — преходяще. Ваше интересное письмо от 12-го получил. Не знаю только, кто были Ваши собеседники: немцы или французы. Сердечный привет”.

Эти несколько строк моего бывшего Главнокомандующего очень подбодрили меня...

Кроме того, один экземпляр подробного отчета о допросе секретно передавался Любви Николаевне, баронессе Швахгейм — дочери генерала Невадовского. Она прятала его в бутылку и закапывала в саду своего дома или на огороде... В 1944 году, по окончании уже войны с немцами, генерал Деникин просил

меня приехать в Мимизан и привезти сохраненный мною при содействии Л.Н.Швахгейм полный отчет о допросах меня немцами. И здесь, в Мимизане, он внес одну поправку: «Никакого «пэра» и пожизненной пенсии мне не предлагали. Предложил Черчилль «крупную сумму, которая обеспечила бы меня до конца жизни». С этим предложением прислали русского консула Ону. Я отказался».

Высказались... (17 мая 1941 г.)

На утро четверга 15 мая была назначена вторая беседа со мной немецкого следователя. Я проснулся рано, надел впервые свой летний костюм. Около 8 часов, когда я уже собрался выходить из комнаты, раздался тихий стук в дверь. Когда я открыл дверь, то неожиданно увидел перед собой следователя с его шофером. Они были на сей раз в военной форме. Предупреждая мой недоуменный вопрос, следователь сказал, что в эти дни у него было много работы и потому он не успел достаточно ознакомиться с моими документами. А чтобы я напрасно не терял время на поездку, он сам приехал ко мне предупредить, что встреча переносится на другой день. «Я могу приехать завтра», — сказал я ему. Но он просил, чтобы я пришел послезавтра, часов в 8 — 8 с четвертью. Пожелав мне всего хорошего и простившись за руку, он ушел...

В субботу, 17 мая, в положенное время я прибыл к дому №74 на авеню Фош. Калитка была закрыта, но у соседнего дома №72 стояла будка, в которой находился немецкий часовой. По-немецки я объяснил ему, что должен явиться к следователю в комнату №37. Часовой позвонил и направил меня в караульное помещение. Дежурный, сидевший там довольно долго, выяснял, кто я такой, потом звонил куда-то, наконец, дав мне провожатого, предложил пройти в кабинет следователя. Мы были еще в нескольких шагах от комнаты №37, как дверь ее открылась и на пороге возникла знакомая уже фигура следователя. Приветливо улыбаясь, он поздоровался со мной за руку, спросил о самочувствии и предложил сесть. Я сел, как и в предыдущий раз, в удобное кресло, следователь остался стоять перед письменным столом, на котором я увидел свой послужной список и личные документы. Он взял в руки послужной список, с минуту молча смотрел на него, а потом вернул его мне, сказав: «Это Вы можете взять». Вместе со списком мне были возвращены свидетельства

о ранении, аттестации начальства, последняя открытка из Петербурга, полученная мной на фронте в 1917 г., о произведении меня в капитаны, несколько писем, настенный календарь.

Беседа началась с генерала Деникина. Следователь вновь упомянул о полученном якобы им звании лорда, о пенсии, о его англофильстве, о враждебном отношении генерала к Германии. Я спокойно отвечал ему, стараясь убедить, что он введен в заблуждение, что сведения, сообщенные ему о генерале, ложные, и по существу повторил прежние доводы. Он несколько волновался, голос его был неровен.

— Хорошо, но на что же тогда живет генерал?

— Подробностей я не знаю, но то, что я видел, заставляет меня сделать вывод, что он живет отнюдь не так, как подобало бы ему по его прошлым заслугам. Часто ему нечем заплатить за квартиру или накормить семью. Нередко он вынужден был расставаться с дорогими ему по воспоминаниям такими историческими вещами, как бриллиантовое оружие, полученное им от Императора за вторичное взятие города Луцка, иконами, с которыми его встречало освобожденное от большевиков население Юга России, семейным серебром. Он печатался в газетах и журналах, издавал исторические труды о революции и гражданской войне, о старой русской армии. Ряд его книг был издан в Германии. Он даже был вынужден продать свой личный архив. Иногда, незаметно, ему помогали его друзья. Но ни от каких иностранцев — будь то англичане или французы — генерал никогда денег не получал.

— Ну, хорошо, а Вы получали деньги от англичан?

— Даю Вам честное слово, что никогда ни от одного иностранца ничего я не получал. Я даже отказывался от помощи русских, хотя и нуждался иногда. Живя во Франции, я постоянно работал, и работал много, поэтому всегда был прилично одет и сыт, правда, скопить мне ничего не удалось. Лишь последний год я не работал и жил впроголодь. Раз удалось заработать в рождественские дни, разнося пакеты и поздравления, два раза получил небольшие суммы от полковника Глотова в счет его долга в 700 франков, один раз генерал Писарев прислал 200 фр[анков], но я немедленно их ему вернул, так как он и сам нищий. Никаких расходов, кроме жизненно необходимых, я не произвожу, мэрия оплачивает мне комнату, питаюсь по карточкам.

— Но этого недостаточно для жизни.

— Конечно, но я получаю еще небольшое пособие...

Следователь вновь возвращается к личности Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России.

— Генерал Деникин — англофил. Он нападает только на Германию. Еще недавно он говорил, что эту войну затеяла Германия, хотя весь мир знает, что виновница войны — Англия. Он — враг Германии.

Я снова был принужден повторить, что генерал никогда не питал принципиальной вражды ни к одной иностранной державе, точно так же, как не питал и принципиальной дружбы. Его выступления или статьи были лишь вынужденными откликами на те или иные действия иностранцев в отношении России. Он не вмешивался во внутреннюю жизнь иностранных государств, а боролся лишь пером и словом — за национальную Россию. Он всегда оставался патриотом своего отечества. Те, кто поддерживал Советы или говорил о разделе России, естественно, не могли вызывать у него симпатии к себе. Он обрушивался и на англичан, и на французов, когда те заключали договоры с Советской властью. Он немедленно покинул Англию, когда та признала Советы. Он предостерегал и французов от соглашения с большевиками. Он всегда открыто протестовал и будил засыпающую совесть и иностранцев, и русских.

— Да, но он не нападал ни на Францию, ни на Англию так, как на Германию. Он говорил о них совсем иначе и в другом тоне, нежели о Германии.

Голос следователя повышался, становился резким, порой даже просто грубым. Он давал явно несправедливые оценки и личности генерала, и в отношении всей русской эмиграции. С его уст то и дело срывались слова: “дураки”, “обманщики”, “спекулянты”... “Он входил в переписку даже с большевиками, красными командирами”, — кричал следователь.

— Весь мир знает генерала как бескомпромиссного антибольшевика. И мне не следовало бы даже возражать Вам, но, учитывая, что Вы иностранец и потому Вам не всегда легко разбраться в русских делах, поясню: в одном из журналов генерал действительно поместил статью, в которой, говоря о том, что Сталин и его опричники предадут интересы России, если от этого будет зависеть их власть, призывал красных командиров, пока еще не поздно, сбросить интернациональное иго во имя интересов России. Поэтому подумайте, какая искусная ложь в отношении генерала Вам преподносится.

Но следователь продолжал нападки на русскую эмиграцию. Мне было тяжело слушать его, но я пытался сохранять спокойствие, и оно, видимо, несколько успокоило его. Когда он закончил, я сказал: "Я кадровый офицер старой школы. Я привык говорить правду или молчать. Хотите выслушать меня?"

— Да, говорите.

— История наших взаимоотношений сложна. Они связаны еще с эпохой мировой войны. В 1917 году Германия насадила в России большевизм, а в дальнейшем всячески поддерживала Советскую власть и проводила политику разрушения России. Я приведу ряд примеров.

В 1918 году император Вильгельм писал генералу Краснову, что "никакой единой России не будет, а будут четыре государства: Великороссия, Украина, Сибирь и Юго-Восточный Союз", что он знает о желании русских объединиться вокруг Киева, но что немцы этого не желают и не допустят.

С другой стороны, когда правительство Скоропадского просило в Берлине помощь, желая прекратить большевистский террор, министр иностранных дел Германии Гинце ответил, что "Германия воздержится от репрессивных мер против Советской власти, так как большевики учиняют не террор, а ликвидируют анархию и беспорядок".

В Москве была разгромлена тайная военная русская белая организация, симпатизировавшая немцам, было расстреляно много офицеров, а списки и адреса членов этой организации были переданы Дзержинскому старшим советником Германского посольства и начальником немецкой разведки Мюллером.

Нам известно, что дополнительным секретным протоколом к Брест-Литовскому договору немцы обещали сами выступить против Добровольческой армии, чтобы помочь в ликвидации "мятежа генерала Алексева".

Следователь прерывает меня и говорит: "Это было давно, теперь все изменилось. А что делали англичане? Они забирали у вас все, а взамен практически ничего не давали. Они обманывали вас, а не помогали".

— Это верно лишь отчасти. Союзники не захватывали русские земли. Англия же оказывала нам большую материальную помощь, без которой мы не смогли бы вести боевые действия в столь широком масштабе. Правда, они могли бы оказать белым фронтам более существенную поддержку, и тогда большевизм мог быть ликвидирован...

— Прекратим взаимные нападки. Обстановка вынуждала нас идти с большевиками, но теперь Советская власть изменилась. Но сами-то вы что делали, когда была гражданская война?! Вас было пять армий, а большевиков какая-то кучка, вы окружили их со всех сторон, но вы не дрались как следует, а спекулировали, пьянствовали, боролись друг с другом за власть и т.п.

Следователь говорил с явным озлоблением, повышая голос, я возражал, стараясь оставаться по возможности спокойным.

— Все это совсем не так. Добровольцы всегда уступали по численности большевикам, а дрались они исключительно доблестно и жертвенно, одерживали замечательные победы и вписали в военную историю страницы исключительного героизма и славы. Были, конечно, исключения и в Белой армии, но это были единичные случаи. В целом добровольцы с достоинством несли свой тяжкий крест перед Родиной. И если мы не одержали конечной победы, то в этом повинны не столько мы, добровольцы, сколько, если хотите, весь русский народ, не распознавший еще в то время большевиков и потому не поддержавший нас. Потом — наши бывшие союзники, которые не смогли выработать общую политику в отношении России и не оказали нам надлежащей помощи; наконец, весь мир, безучастно отнесшийся к русскому несчастью...

Следователь резко перебил меня: "Как я сожалею, что не арестовал Вас в прошлый раз... Когда мы пришли сюда, мы думали, что можем опереться на вас, русскую эмиграцию. Но мы ошиблись, теперь мы знаем, что она собой представляет... Доносчики, клеветники, обманщики, льстецы, каждого можно купить, неискренни, лукавы...". Тяжело мне было слушать его, но я не сдавался: "К сожалению, есть и такие, но, слава Богу, их не так много, практически единицы. 20-летняя тяжелая жизнь в эмиграции сказалась на многих из нас, и нашлись среди нас те, кто не выдержал до конца".

— Не единицы, а массы, почти все, каждого можно купить...

— Но в прошлый раз Вы сами отмечали и исключения...

Следователь замолчал, задумался, потом подошел к пишущей машинке и стал что-то медленно печатать. Закончив, предложил мне прочесть, но я не все понял по-немецки, и попросил его перевести. Он перевел и попросил подписать два экземпляра. С меня была взята подписка, согласно которой я обязывался:

- 1) не заниматься политической деятельностью;
- 2) не менять своего местожительства;

- 3) не уезжать из Парижа;
- 4) не рассказывать никому о содержании допроса;
- 5) еженедельно являться в префектуру для регистрации.

Далее было сказано, что за несоблюдение перечисленных выше требований я подлежу военно-полевому суду... "и расстрелу", — добавил на словах следователь. "Знаете, что это значит?", — как бы переспросил он. — "Знаю, — ответил я, — но во избежание недоразумений хочу предупредить Вас, что о задержании меня 7 мая и о допросе знают уже многие..."

— Мне об этом известно. А о многом Вы рассказали?

— В принципе я секрета не делал, тем более что в этот раз Вы меня не предупреждали, чтобы я держал все в секрете. Теперь же, когда я предупрежден и с меня взята подписка, я буду вести себя иначе.

— Имейте в виду, что все, что Вы расскажете, мне немедленно будет известно.

Возможно, он сказал правду, а может, просто запугивал.

Уложив подписанные мною листы в шкаф, следователь достал оттуда плотный лист бумаги и, глядя в него, спросил:

— Кстати, знаете ли Вы генерала Бригса? Переписывались ли с ним?

— Да, знаю. Он был начальником Английской военной миссии на Юге России и очень искренне помогал В.С.Ю.Р. Один раз получил от него рождественское поздравление. Как-то и сам поздравил его.

— А генерала Хольмана? И тоже переписывались?

— Знаю и его. Он также был начальником Английской военной миссии на Юге России, много помогал Белой армии. Раз или два посылал ему коротенькое поздравительное письмо, но и только.

— А генерала Нокса?

— Только слышал о нем, лично не знал и в переписке не был.

— А госпожу Вильямс Вы знаете? Переписывались?

— Да, это русская общественная деятельница. Пару раз к празднику писал и ей.

— А адмирала Смирнова?

— Знаю и его.

— И Саблина, и Гамбса?

— Да, это бывшие посол и консул.

— Так, может, Вы и с господином Брайкевичем знакомы? — с ударением и гримасой произнес он.

— Да, познакомился и с ним. Это бывший городской голова Одессы. Слышал о нем отзывы как о почтенном общественном деятеле.

— А господин Богданович?

— Это бывший русский морской офицер. Я его тоже знал.

— Ну, что ж, хорошо.

Все эти имена, начиная с генерала Бриттса и кончая Богдановичем, были, по-видимому, выписаны из моей записной книжки. Все они проживали в Англии. С большинством из них лично я познакомился, сопровождая в 1936 году генерала Деникина в Лондон. Генералы Бриттс и Хольман приезжали из провинции, из своих имений, в Лондон специально для встречи и бесед с бывшим Главнокомандующим. Они тепло принимали нас в Кавалерийском клубе, в ресторане "Карлтон". В имени генерала Бриггса мы провели несколько дней. От знакомств и времени, проведенного там с принимавшими нас англичанами и русскими соотечественниками, у нас остались самые добрые воспоминания. В Лондоне было несколько собраний, генерал Деникин дважды сделал сообщение на тему: "Мировые события и русский вопрос".

— Вы и в Советскую Россию отправляли письма?

— В 1924 или 25-м году написал одно или два письма сестре в Петроград, а с тех пор не писал, боясь подвести ее.

— А кто такой Лабунский?

— Полковник лейб-гвардии Московского полка, он женат на моей младшей сестре. С ним я даже не переписывался, боясь повредить ему.

— А почему он остался там?

— В последнем бою под Тарнополем он был тяжело ранен в голову, а также в обе руки и обе ноги. Его эвакуировали в Петроград, где он лежал в госпитале Императрицы Марии Федоровны. Там застал его переворот. Видимо, из-за ранения он и не смог попасть в Добровольческую армию.

— А кто такой Дмитриев?

— Муж моей средней сестры, Юлии, инженер, его я не помню, но, кажется, в раннем детстве видел. Поженились они уже после революции.

— С 1926 года Вы им не писали?

— Не писал.

Дальше следователь стал называть фамилии русских, живущих в большинстве в районе Парижа. Иногда деланно удивлялся, что с некоторыми я до сих пор поддерживаю знакомство.

— Вы и Жиронкина знаете? — как бы между прочим спросил он.

Я сначала не мог припомнить, о ком идет речь. Потом вспомнил этого типа, и для меня подозрительного, и сказал: “Кажется, это адвокат, раздававший как-то около церкви листки, приглашающие обращаться к нему в случае нужды за юридической помощью”.

Не мог я вспомнить, и кто такой Кондратьев. Сначала подумал, что речь идет о полковнике Корниловского ударного полка, но потом догадался, что следователь упомянул имя большого провокатора, которого связывали с убийством в Швейцарии некоего Рейса⁷. Как я выяснил потом, этот Кондратьев был участником 1-го Кубанского похода, потом, во Франции, он хотел записаться в Союз добровольцев, но ему было в этом отказано.

С презрением упомянул следователь имя госпожи Фальцвейн, помещицы из северной Таврии, как она говорила о себе. Муж или сожитель ее, бывший дроздовец, перед войной неожиданно скрылся из Парижа, сказав, что уезжает... в Японию. До этого они старались войти в доверие к председателю Союза добровольцев генералу Неводовскому, но я тогда же предупредил генерала, чтобы он был очень осторожен с ними. Так же резко отозвался следователь о главе “Имперского союза” Рузском.

Интересно то, что все эти господа — Жиронкин, Фальцвейн, Рузский и др. — были тесно связаны с немцами. И следователь, видимо, умышленно упоминал их фамилии рядом с фамилиями других лиц, безусловно честных. Поэтому я воздержусь от упоминания их имен и не буду приводить характеристики, данные им следователем. Скажу лишь, что среди называемых лиц фигурировало и имя бывшего генерала Говорова, служившего немцам...*

Наконец, следователь закончил свои комментарии, сказал, что на сегодня хватит, и предложил явиться в следующую субботу. Как будто ничего не произошло, сказал мне несколько вежливых фраз, пожал руку и, проведив немного по коридору, вновь простился. Когда я уже поворачивался, чтобы спуститься вниз, вдруг сказал: “Не пишите ничего в ту зону”. — “Да я вообще более года не писал туда”, — ответил я ему почти на ходу...

*

В дальнейшем, а может быть и еще раньше, перешедшего на службу к большевикам.

На всем пути домой я видел за собой слежку, впрочем, следили за мной постоянно, но сегодня мне это было почему-то особенно неприятно. Невеселый денек! Во что еще выльется мне эта сегодняшняя беседа? Чем все это кончится? Нервы немного сдали...

Гнев на милость. 24 мая 1941 г.

В субботу, 24 мая, я снова явился на авеню Фош, 74. Дежурный караульного помещения после ответного звонка из комнаты 37 предложил мне подняться самостоятельно. Иду. Вот знакомая мне дверь, вхожу. Следователь поднимается мне навстречу, пожимает руку, спрашивает: "Как поживаете?" — и предлагает сесть в кресло.

— Что новенького? — спрашивает он.

— Новости могут быть только у Вас, — отвечаю я, улыбаясь.

— Ну, а в газетах?

— Кроме официальных сообщений, я в них ничего не нашел.

После некоторой паузы следователь снова начинает разговор о русской эмиграции, спокойным на сей раз тоном, но по-прежнему жестко и несправедливо критикуя ее: "Ничему не научились, никому не нужны, думают только о возврате к старому, надеются вернуть поместья, чины, деньги". Продолжать защиту эмиграции было бесполезно, но мне не хотелось выслушивать все это. Подумав немного, я неожиданно для него сказал: "К сожалению, и я был в прошлый раз несправедлив. Когда Вы заинтересовались, знаю ли я генерала Дьяконова, и сказали, что он перешел к большевикам, я ответил, что «от него можно было ожидать этого». А потом узнал, что генерал в Совдепию не уезжал, а был посажен вами в тюрьму «Санте», а теперь выпущен на свободу..."

Следователь смутился и с некоторым раздражением спросил: "Откуда Вы это знаете?"

— В прошлое воскресенье об этом все говорили у церкви.

— Да, это верно, в прошлое воскресенье он был в Париже, а в понедельник уже уехал. У него уже давно была советская виза...

— На сей раз мог улыбнуться я... Следователь же сменил тему.

— Вы знаете адрес генерала Деникина?

— Конечно, но я думаю, что адрес и у Вас есть. Он на берегу океана, где неоднократно бывал и раньше.

— Напишите, пожалуйста, я бы хотел съездить к нему.

Я написал, объяснил, где и как проехать. Добавил: "Это очень хорошо, что Вы лично встретитесь с ним. Тогда Вы сами увидите, что это за человек: прямой, честный настоящий патриот". Следователь молчал. Похоже, что беседа наша уже кончалась. Тогда я спросил его, нельзя ли мне на пару дней съездить к друзьям в Кэнси.

— А к кому?

Я назвал фамилию Неводовских и умышленно попросил разрешения на субботу и воскресенье.

— В субботу нельзя... Хотя нет, поезжайте, а к нам зайдете недели через три. Если же мне что-нибудь будет нужно раньше, я сам к Вам приду.

Я поблагодарил и хотел уже уходить, как он вдруг сказал:

— Скоро Вы сможете вернуться на Родину. Вы знаете, ведь у вас там все изменилось. Коммунизма уже нет, комиссары в армии уничтожены.

Я возразил немедленно и горячо: "Если комиссары в армии и отменены, то временно. Это произошло во время войны с Финляндией под влиянием больших военных неудач. Власть же по-прежнему остается интернациональной, коммунистической, то есть бандитской, готовой предать и продать интересы Родины ради сохранения самой себя и партии".

— А Вы разве не читаете газет? Там пишут и об отмене комиссаров, и о том, что на заводы принимают уже не по политическому признаку, а по знаниям, по способностям. Вот, подождите, скоро Сталина объявят царем.

Я посмеялся: "Бандит — и царем? Покорно благодарю. Упаси Господи".

— Ну не царем, а главой государства. Там уже все эволюционирует.

Я опять возразил: "Никакой эволюции нет, да и власть, если она власть, эволюционировать не может. Она может уступать, но и то лишь временно. Во главе ведь по-прежнему стоят иностранцы, евреи, а русских — единицы.

— Верно, еврей еще есть, но их уже не так много, а скоро их совсем не будет...

Следователь в который уже раз, посоветовал мне найти работу.

— Ищу, но никак не могу найти. Может быть, Вы поможете мне устроиться?

— Да, конечно, но только не во Франции, а в Германии. Там много работы. Можно найти и такую, которую Вы с Вашими ранениями сможете вполне выполнять. У Вас есть какая-нибудь специальность?

— Специальность моя раньше была одна — воевать, теперь — шофер такси или сторож. Но в Германию уехать не могу. В Париже все мои друзья, да и инвалиды в Германии не очень-то нужны...

— Нет, во Франции я Вам помочь не могу. Сейчас заканчиваются переговоры с французами о дружеском соглашении. Мы, может быть, из Парижа уйдем. Придет французская власть, она и займется Вами.

Я узнал, что мне было нужно: по городу уже давно ходили подобные слухи. При расставании следователь снова повторил мне, что я могу уехать на ближайшую субботу и воскресенье и в течение трех недель не приходиться... Мне вновь подумалось, что предстоят какие-то большие события... Скорее всего — война на Востоке, стало ясно, что она неминуема...

Когда через три недели я явился на авеню Фош, следователя уже не было. Со мной говорила его "помощница" — "заместительница", как представилась она мне. Это была русская. Фамилии ее я не помню, но лицо показалось мне знакомым. Про следователя она сказала, что его отозвали в Берлин... Почему-то мне было жаль. Кто бы он ни был в прошлом, этот немецкий следователь, но все же я видел, что он считается с моими чувствами, и даже когда меня арестовали — в день нападения Германии на Россию — и отправили в лагерь, я не испытал в душе никаких враждебных чувств к нему...

Приняв исключительные меры предосторожности, я посетил дочь генерала Деникина Марину и попросил ее при следующей поездке к родителям передать генералу мой очередной доклад. Она охотно согласилась. Чтобы отвлечь внимание немцев, сам я отправил по почте генералу маленькое письмо, в котором писал, что слава Богу, жив-здоров, что в ближайшие дни предполагаю проехать к Неводовским*, а завтра, 26 мая, снова пойду на завод "Ситроен" и попытаюсь устроиться там на работу.

Марина поручение выполнила быстро, вернулась благополучно и обо всем мне рассказала. А через несколько дней я получил

*

1 июня съездил к Неводовским. Панвхиду служил архиепископ Никон.

от генерала письмо, отправленное по почте (9.06.41), в котором он писал: "Последнее Ваше письмо, от 25 мая, получил. Однако не знаю, как Вы сейчас? Нашли ли работу? Не беспокоят ли Вас любезные гости? Казалось бы, все — и взаимоотношения и мирозерцание, и политические взгляды настолько ясны, просты и, главное, открыты, что кривотолки могут возникнуть лишь нарочито. «Русофильство» — паки и паки, и только оно одно... Обидно только, что хозяйственная возня отнимает слишком много времени и не дает возможности заняться писанием. А сказать еще многое нужно, чтобы на исходе со спокойной совестью произнести «ныне отпускаеши»... Впрочем, так как, по счастью, кроме естественной усталости, никаких органических дефектов у меня пока нет, питаю надежду поработать еще для России не только пером...". Полученные от генерала известия, а также его мнение о военно-политической обстановке сильно меня подбодрили. Я решил протестовать против установленной за мной слежки и просить освободить от обязанности еженедельно являться для регистрации...

Я уже упоминал, что когда через три недели, 14 июня, я пришел на авеню Фош, вместо следователя мне пришлось беседовать с его "помощницей". Разговора по сути дела не было: я протестовал против слежки, просил помочь устроиться на работу, она обещала помочь... Мы довольно быстро расстались, договорившись о встрече через неделю, 21 июня.

Когда неделю спустя я вновь явился в дом №74, ни с кем встретиться я не смог. В караульном помещении чувствовалась нервозность. Солдаты сновали туда-сюда, из дома №74 выносили большие чистенькие ящики. Дежурный долго удивленно смотрел на меня, потом сказал явиться в следующую субботу.

Но следующий день был 22 июня 1941 года...

В КОМПЬЕНЬСКОМ ЛАГЕРЕ (22 ИЮНЯ — 9 ИЮЛЯ 1941 г.)

22 июня 1941 года... Первый летний день. День празднования Всех Святых, в земле Российской просиявших... Светлое, ясное, раннее утро. Подхожу к полуоткрытому окну и выглядываю на улицу. В последние месяцы в это время на улице обычно было тихо: французы уже работали, а русские, до войны на 60% заполнявшие мой и соседние отели, частью добровольно, а большей частью принудительно, были вынуждены уехать в провинцию и устроиться на работу в различных тыловых учреждениях не-

мцев. Но сегодня на улице было необычно: французы повсюду о чем-то оживленно разговаривали, а несколько русских обитателей Леваллуа стояли молча у входа в кафе "Жанжан"; быстро проехало несколько немецких открытых грузовиков, солдаты, в них находившиеся, держали в руках автоматы, направленные в сторону домов...

Быстро одевшись, выхожу на улицу. Какой-то француз крепко жмет мне руку и радостно говорит: "Русские армии напали на немцев. Конец войне. Русские спасут нас, Гитлеру капут". Я взволнован и в то же время растроган его словами. Окружившие меня русские подтверждают новость, но несколько по-другому: "Германия объявила войну Советам...". Да, началась "настоящая" война, и что она принесет России и русскому народу — неизвестно... Большинство, не скрою, считает, что как бы не развились события в дальнейшем, большевизму в России пришел конец. Другие молитвенно обращаются к Всемогущему: "Спаси, Господи, Россию и даруй русским людям победу..."

Лично я уже давно считал войну между Германией и СССР неизбежной, но предполагал, что она начнется позже, когда Германия покончит с западными демократиями и надежно и надолго обеспечит свой тыл в Европе...

Как обычно, переодевшись, я отправился в Александро-Невский собор на улице Дарю. Молящихся в храме было немного, но в церковном саду и возле храма — на улицах Петра Великого и французского военачальника Дарю — соотечественники с жаром обсуждали потрясающую их новость. Мгновенно раскупались газеты "Пари-миди", в которой сообщалось о начале войны между Германией и СССР. Сомнений больше не могло быть. Началось...

Мне захотелось остаться одному, и я стал потихоньку удаляться от церкви. На улицах было мало народу, лишь в рестораничках и кафе продолжали оживленно, хотя и с опаской, обсуждать событие с точки зрения французских интересов. Одни радовались, рассчитывая, что Россия поможет Франции и избавит ее от гитлеровской оккупации, другие, наоборот, считали, что война с Россией лишь отдалит заключение мира с Германией и тем продлит страдания французов. "Пусть повоюют с немцами русские и англичане, мы достаточно пролили нашей крови", — говорили молодые французы... О желании бороться с немцами за свою родину — Францию — тогда я не слышал ни от кого. "Русские освободят нас", — вот вывод из самых различных мнений,

высказываемых обывателями. Эти слова надолго запечатлелись в моей голове.

Я поднялся к себе. Почти сразу услышал легкий стук в дверь. Открываю. Передо мной молодой немецкий унтер-офицер. “Сегодня ночью началась война с большевиками, — говорит он. — Мы задерживаем русских”. Он показал мне пачку листов с фамилиями моих соотечественников, на верхнем была моя фамилия и адрес. “Никак не могу понять, — говорю я ему, — почему тогда вы задерживаете тех, кто дрался с большевиками еще в 1917 — 1920 годах и до сих пор остается непримиримым в отношении к Советской власти?”. Немец смутился. Взглянул на фотографию мою в военной форме с орденами на груди и шее. Продолжал: “Не волнуйтесь. Вас задерживают ненадолго, на день-два. Вы можете взять с собою вещи, только не задерживайтесь — нам нужно ехать еще за другими”.

Я быстро сложил в маленький чемоданчик смену белья, пижаму, бритву, немецкий разговорник, шахматы, перекрестился и поцеловал икону, подаренную мне моим главнокомандующим⁸ еще в 1926 году. Это, видимо, растрогало немца. Он отвернулся, чтобы скрыть появившиеся на глазах слезы, повторил: “Не волнуйтесь...”.

Без шляпы, без пальто, в лучшем своем костюме я вышел с ним на улицу. Недалеко от дома стояла немецкая военная машина. Внутри ее я увидел капитана Форумду — владельца магазина и ресторана на улице Шевалье. Он был очень бледен и взволнованно что-то сказал мне, когда я сел в машину. Я не расслышал, но понял, что он беспокоится о жене, которая не знает о его аресте. По моей просьбе нас подвезли к магазину Форумды. Я вышел из машины, чтобы предупредить ее. Пока капитану собирали кое-какие вещи и продукты, мне разрешили выпить пива...

Не застав дома еще нескольких русских, проживавших в Лувалуа, нас доставили в находящийся в центре Парижа отель “Матиньон”. Обстановка в отеле и возле него напомнила мне первые дни мобилизации Русской армии в 1914 году. Суетятся офицеры, солдаты непрерывно доставляют новых арестованных. Короткий допрос: имя, фамилия, время и место рождения, вероисповедание — и вас направляют за большую стеклянную перегородку. Там уже находится несколько десятков задержанных: русские, армяне, караимы, евреи. Их понемногу куда-то уводят. Разговаривать запрещено. Из-за жары, царящей на улице, в зале невероятно душно.

Примерно через час в хорошем автобусе отправили и нас. Провезли по Елисейским полям, площади Согласия, Большим бульварам и улице Лафайет, пока не доставили в форт "Романвиль". Здесь осматривают наш багаж, забирают, у кого на руках более 600 франков, деньги под расписку и разводят по камерам. Часть разместили в казарме, где уже находились... испанские коммунисты. Несчастье сближает людей: сутки прожили вместе "белые" и "красные" и без ссоры. Узнав, что мы "российская контрреволюция", испанцы с любопытством рассматривали нас. Никак не могли понять, почему немцы, начав войну с большевиками, задерживают "белых" русских, да еще почти сплошь стариков.

В каземате, в который я попал в числе других тридцати его обитателей, раньше помещались лошади. Теперь же, на нарах, здесь расположились бывшие люди: сенатор, депутат французского парламента, генералы, офицеры и солдаты, врачи, адвокаты, священник, простые рабочие и крестьяне — старики, пожилые и даже юноши 16 — 18 лет. В казематах было очень сыро, но зато мы не страдали от страшной в те дни июньской жары. Электрического освещения не было. Двери на ночь запирались на замок. Снаружи по двору прогуливались немецкие часовые.

Началось знакомство друг с другом. Моим соседом слева оказался доктор Чекунов, а справа — почти глухой старик, мэр города Сюризне, бывший депутат и сенатор. Несколько дней в виде протеста он отказывался принимать пищу от немцев и его, плачущего, с трудом уговорили раз съесть яйцо и кусочек хлеба, привезенные кем-то из русских из Парижа. Вскоре его куда-то увезли из лагеря русских военнопленных. Доктор Чекунов, донской казак, был специалистом по сердечным и внутренним болезням. В среде нашей эмиграции он пользовался известностью. Лечила у него сердце и Плевницкая, жена предателя Скоблина⁹. В то время оба они играли большую роль в Р.О.В.С.*; пользовались доверием генерала Кутепова и Миллера. Когда Скоблин, совершив похищение генерала Миллера, бежал, его жена явилась на квартиру доктора Чекунова, видимо, желая укрыться. Это обстоятельство бросило тень на репутацию доктора, но я продолжал относиться к нему с полным доверием, считая его человеком

*

Русский Общевоинский союз (прим.Ред.).

честным, неспособным кривить душой, безусловно антибольшевиком. В лагере он вел себя достойно, оказывал помощь больным, читал лекции. В конце лета немцы его освободили.

Увидел я бывшего ростовского градоначальника В.Ф.Зеелера, занимавшего короткое время в начале 1920 года пост министра внутренних дел правительства В.С.Ю.Р.¹⁰ Владимира Феофилактовича я знал лично и всегда считал его преданным Белому движению и основоположникам Белой армии — генералам Алексею, Корнилову, Деникину, Романовскому, Маркову. Несколько раз я приглашал его выступить на различных торжественных заседаниях, организуемых под флагом Добровольческого Союза¹¹; дважды он помещал свои воспоминания в газете "Доброволец". В России он был тесно связан с партией народной свободы, в эмиграции имел добрые отношения с кадетами, тяготел к левым, правые же относились к нему отрицательно. Перед войной он был одним из директоров созданного в основном казаками банка. Многие русские эмигранты были его вкладчиками. Однако деятельность банка потерпела крах, лишив вкладчиков почти всех их сбережений. Это обстоятельство многих настроило против него. В период оккупации он помогал евреям.

Рядом с Зеелером лежал, почти не вставая, профессор Одинец. Раньше я его лично не знал, но работа его по истории зарождения российской государственности мне нравилась. Он представлялся мне тогда сторонником единой России, враждебно настроенным по отношению к самостийникам. Когда гестапо наложило руку на Тургеневскую библиотеку — ценнейшее книгохранилище русских за границей, он, пытаясь спасти библиотеку и не видя другого выхода, решил просить Советское посольство защитить ее. Но спасти библиотеку не удалось — тысячи новеньких ящиков были заполнены книгами и увезены в Германию...¹² Я с ним несколько раз беседовал, играл в шахматы. При мне он дважды прочел лекции на исторические темы. Все в лагере относились к нему с симпатией.

Не успел я ознакомиться со всеми обитателями конюшника-каземата, как увидел через решетку группу, человек 40 русских, которых под охраной часовых вели "оправляться". Я успел заметить полковника Мацылева — генерального секретаря Р.О.В.С., капитана Григуля из Корниловского ударного полка, адвоката Курлова и главу "Имперского союза" Русского.

Полковник Сергей Александрович Мацылев уже много лет был генеральным секретарем Русского Общевоинского Союза

или, как его официально называли, “начальником канцелярии 1-го отдела Р.О.В.С.”. Кадровый офицер выпуска 1912 года из Александровского военного училища он служил в дальнейшем в инженерных войсках. Во время 1-й мировой войны за проявленную доблесть был награжден орденом Св.Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Участник борьбы Добровольческой армии на Юге России, он с частями Русской армии генерала Врангеля эвакуировался в Галлиполи, затем в 1924 году переехал на работу во Францию. Здесь долгое время был секретарем Галлиполийского общества¹³. Он считал Р.О.В.С. наследником добровольческой армии, идущим по пути, завещанному создателями Белого движения... Был он человек бескорыстный, никогда ничего не имел, нередко нуждался... Друзья его и даже те, кто резко осуждал его политическую линию поведения, сердечно любили милейшего Сергея Александровича.

Капитан Григуль — один из тех молодых офицеров, кои “без лести были преданы всякому начальству”. Жизнь для него началась, можно сказать, с Галлиполи. Долгое время он исполнял обязанности адъютанта при Скоблине. После похищения генерала Миллера, в участие в котором Скоблин он долго не мог поверить, работал кем-то у афганского посла и даже получил афганское подданство.

Адвокат Курлов с 1923 года жил во Франции, помогая по мере возможностей своим соотечественникам. В лагере был ровен и приветлив со всеми. Физически крепкий, раньше других поднимался с постели, чтобы “принять душ”, обмываясь из-под крана холодной водой.

Николай Николаевич Рузский — глава так называемого “Имперского союза” и редактор и издатель “Имперского клича” — был племянником известного генерала Рузского. Перед войной неоднократно бывал в Германии. Многие не сомневались, что он был тесно связан с немцами. Да и сам он, не стесняясь, говорил: “Не понимаю, за что меня арестовали? Я постоянно бывал в Берлине, связан с самим Гиммлером...”. Я однажды не выдержал и сказал ему: “Вот потому-то немцы Вас и посадили в лагерь, чтобы вы не только по фамилии, но и по духу были русским и служили своему Отечеству, а не врагам его”.

В это время во внутренний двор “Романвилля” ввели новую партию задержанных русских. Я успел заметить среди проходящих священника отца Константина Зомбрицкого, князя Вла-

димира Андреевича Романовского-Красинского, ротмистра графа Игнатьева.

Отец Константин Замбржицкий — бывший полковник русской армии, видный участник Белого движения на Юге России. Он прошел по всем его этапам. Поляк по происхождению, он перешел в православие, а в эмиграции принял священство и был настоятелем небольшой церкви в Клиши в предместье Парижа. Не имея средств, он из простого сарая с помощью прихожан создал храм Божий, организовал отличный хор, церковную школу, детский сад, помощь нуждающимся. Служение его и проповеди привлекали молящихся, заполнявших обычно не только храм, но и прилегающий к нему двор. И днем, и ночью спешил он туда, где была необходима его помощь как священника. Страдая от язвы желудка, он тем не менее всегда сохранял энергию, забываясь "о всех и о вся". В лагере он организовал церковные службы на открытом воздухе, а затем соорудил и церковь, получив от митрополита Евлогия облачение и все необходимое для храма. Из любителей пения составил неплохой хор. Службы совершались дважды в день. Когда они проходили на открытом поле между бараками лагеря, почти все русские выходили на молитву. Даже французские коммунисты, расположенные поблизости от нас, тесной толпой высыпали из своих помещений и становились позади молящихся русских, с большим вниманием следя за службой и слушая церковное пение.

Князь Владимир Андреевич Романовский-Красинский был сыном великого князя Андрея Владимировича. До войны состоял в Союзе младороссов¹⁴. Это обстоятельство, по-видимому, и привело его в Компьеньский лагерь. Еще сравнительно молодой человек, хорошо сложенный, увлекавшийся спортом, вообще крепкого телосложения, жизнерадостный, он впитал в себя самое дорогое — безграничную любовь и служение Родине — России. Он понимал, что на Востоке решается судьба не большевизма, а России. Успехи немцев, сильно раздуваемые ими, он болезненно переживал, но с первых дней войны и до последних глубоко верил в непобедимость русского народа. Своей верой в победу он подбадривал других, слабеющих и падающих духом.

Ротмистр граф Игнатьев попал в лагерь, видимо, в связи с отъездом в Советскую Россию своего брата-генерала, бывшего военного атташе во Франции¹⁵. Он был в большой и искренней дружбе с отцом Константином. Энергичный, он сначала страдал в лагере от того, что ему некуда было приложить силы, но

впоследствии, когда понадобилось найти кого-то, кто бы отстаивал интересы задержанных русских перед немцами, по благословению отца Константина, он был выдвинут для исполнения обязанностей коменданта. Немцы с этим предложением согласились. И вот тут граф Игнатьев развил заслуживающую всяческой благодарности кипучую деятельность. В лагере поддерживалась чистота, все, кроме стариков, больных, инвалидов и немощных, должны были работать по уборке и для общей пользы. Он неустанно хлопотал об улучшении быта для обитателей лагеря, добился предоставления помещения для церкви, читальни, душа. Немецкие часовые выходили на охрану лагеря уже без автоматов, исчезли собаки, полицейские...

Когда партия задержанных прошла мимо нас в очередной свободный еще каземат, немецкий часовой, взяв винтовку, отогнал нас от двери. Мы отправились к своим нарам. Темнело. В разных углах слышались тихие разговоры. Неожиданно все ожило: принесли суп, приготовленный для нас испанскими коммунистами, размещавшимися в доме напротив нас, и хлеб. Пища оказалась отличной. Большинство, и я в их числе, ели с удовольствием и явно с аппетитом. Затем нас вывели "оправиться". На обратном пути мы позволили себе вольность: вышли "из строя", чтобы освежить лицо и руки холодной водой. Потом часовой загнал нас обратно в конюшню, предупредив, что ночью никого выпускать "оправляться" не будут. Задержанные поворчали, особенно старики, но быстро успокоились: усталость и напряжение прошедшего дня дали себя знать, хотелось побыстрее заснуть, да и "параша" нашлась — ведро, в котором приносили нам пищу...

Ночь прошла спокойно. Утром нам выдали кофе с сахаром. С проникновением в каземат солнечных лучей, оживились и лица "арестантов". Повсюду обсуждались новости, принесенные из Парижа вместе с очередной партией задержанных...

Днем (23 июня) нам неожиданно приказали собрать свои вещи и выходить строиться в колонну по три. После почти двухчасового стояния на солнце нас начали перевозить на станцию Бурже. Старикам и инвалидам предоставили место в автобусе, остальные разместились на грузовиках.

На станции Бурже нас ожидал, уже почти заполненный такими же как мы, задержанными, особый поезд. Мы грузились последними. У дверей вагонов и купе стояли немецкие часовые с винтовками. Они нас предупредили, что будут стрелять, если

мы подойдем к окнам, поэтому попытки передать письма родным или прошения немецкому начальству были тщетны — немецкие солдаты были готовы неукоснительно исполнить приказ. Скоро поезд тронулся. Куда нас везут, мы не знали. Многие нервничали: раз далеко от Парижа, значит надолго. По солнцу я определил направление движения — на северо-восток... В пути нам выдали хлеб и мед. Наконец все выяснилось: эшелон остановился на станции Компьень, и нам приказали быстро выгружаться. Снова построили в колонну по три, и мы медленно двинулись к городу... Так мы прошли километра четыре и подошли к территории Компьеньского лагеря ("Stalag" 122). Лагерь большой — тысяч на шесть. Он был окружен забором и проволочными ограждениями, на углах виднелись вышки, где располагались часовые с пулеметами. Бараки, построенные при входе в лагерь, были заняты французскими военнопленными. Проволока и часовые отделяли их бараки от предназначенных нам, расположенных в противоположной части лагеря. Нас разместили в одном из них. Барак более чем на двести человек состоял из 7 больших и нескольких маленьких комнат, умывальной и длинного коридора. В больших комнатах, нормально вмещающих 14 человек, разместили по 24. Я оказался в комнате №10 вместе с князем Романовским-Красинским и еще несколькими офицерами, с которыми я ехал в одном купе... Получили одеяла, железную чашку, еще кое-какую столовую посуду. Только мы устроились, как нам приказали идти получать пищу. Мы получили отличный белый хлеб, вкусный суп с кусочками мяса, приготовленный французскими военнопленными, и маргарин.

Мы сами установили внутренний распорядок в бараке и комнатах. Немцы не вмешивались, быстро разобрав, с кем имеют дело. Порядок нарушался лишь переводчиком Финкельштейном, который ухитрился стать доверенным лицом немцев и пытался "управлять" нами. Его появление перед строем и попытка отдавать нам приказы вызывали у кого смех, у кого — неудовольствие, а у некоторых и обиду. Через три дня Финкельштейна заменили русским по фамилии Де Корве, он же Охроменко — такова была его фамилия в России. Когда и каким образом он сменил свою благозвучную фамилию Охроменко на иностранную Де Корве, знает, видимо, только Французская полиция... По его словам, он служил в Белой армии, был в чине капитана на Царицынском фронте у ген. Врангеля, называл себя "галлиполийцем", но никто в лагере подтвердить все это не мог, хотя лицо

его было мне все же знакомо. Может быть, по Парижу, а может быть, и по России или Галлиполи. Во Франции он одно время занимал должность помощника директора Русской оперы и балета в Париже, организовывал их выступления за границей. Был в добрых отношениях с Лифарем и другими артистами. Физически крепкий, предприимчивый и энергичный, он с тому же хорошо владел французским и немецким языками. Это, по-видимому, и послужило причиной его назначения "русским комендантом лагеря". Зла он, кажется, никому не принес. Вскоре его заменили в должности коменданта граф Игнатьев.

На следующий день по прибытии в лагерь, 24 июня, нам было приказано выйти из бараков, взяв с собой вещи. Их мы положили на столы, выставленные на площадке перед баракom, и несколько офицеров тщательно все осмотрели, отбирая книги, письма, золото, деньги. Как при первом осмотре в "Романвилле", так и здесь, у некоторых были отобраны (под расписку) довольно большие суммы, случалось, и более миллиона франков, в частности у Де Корве. Затем смирли всем рост, взяли отпечатки пальцев. В конце выдали по две открытки (для извещения родных и Международного Красного Креста*), указали каждому номер.

Нумерация была случайной, я стал числиться под номером 17.

Началась однообразная повседневная жизнь с постоянными мыслями и вопросами, за что арестовали, почему посадили в лагерь, будет ли расследование и когда. Ответов не было: с момента ареста и до самого выхода из лагеря никто нам ничего не сказал, никакого расследования не производилось, местные власти, по-видимому, ничего не знали и лишь исполняли приказ, а Париж, задержавший нас, безмолствовал...

Общего подъема в лагере не было, но в 7 часов производилась проверка: мы выстраивались перед баракom в две ширенги, кто где хотел, без определенного порядка, если кто-нибудь не откликнулся, шли искать его в барак, затем нас распускали. Около 9 часов получали теплый кофе с сахаром или сахаринom, в 13 был обед, в

*

Предназначавшуюся для родных открытку я в тот же день послал генералу Деникину. Написана она была по-немецки: "Ваше Превосходительство, пишу Вам из лагеря военнопленных, куда был неожиданно отправлен 22 июня. Чувствую себя бодрым, здоров. Как Вы поживаете? Да хранит Вас Бог! Колтышев. 24 VI 1941. Компьень".

19 —ужин. Обед и ужин состояли из какого-нибудь супа, почти всегда с кусочками мяса; по вечерам выдавали на сутки 200 — 250 грамм хлеба (внале он был белый, французский, затем серый — немецкий), иногда получали варенье или маргарин. Так питались дней около 10, потом горячую пищу стали давать лишь один раз в сутки и качество ее ухудшилось... Со временем евреи, а потом и русские стали получать посылки от родных и друзей, некоторые — наиболее сердобольные — охотно угощали других. С 10 вечера и до 6 утра мы были обязаны оставаться в бараках, а в остальное время могли свободно передвигаться по лагерю.

Перед нашим баракom была довольно большая площадка — лужайка, по которой мы прогуливались, принимали солнечные ванны, а некоторые занимались и гимнастикой. Именно на этой лужайке в течение первых двух недель по 2 — 3 раза в день отцом Константином и еще одним священником — отцом Зосимой* — совершались церковные службы**. Апостола, часы и шестопсалмие читал обычно граф Игнатьев. На второй день организовали церковный, а затем светский хор. Через три недели с благословения митрополита Евлогия в лагерь доставили церковнослужебные книги, облачение, а затем иконостас. С 9 июля службы проходили уже в закрытом помещении — во французской часовне, любезно предоставленной нам властями. В первые дни на церковные службы выходили почти все русские... Когда начиналось пение церковного хора, французские коммунисты, занимавшие бараки по соседству, становились позади молящихся и с любопытством и вниманием следили за происходящим, слушали пение. Во время Ектеньи поминали всех митрополитов — и Сергия (митрополита Московского), и нашего Евлогия, Анастасия (митрополита Русской Зарубежной церкви). Никто не возражал, лишь 73-летний отец Зосима долго никак не мог запомнить имя митрополита Анастасия.

Немецкие часовые, окружавшие лагерь и патрулировавшие в нем, быстро разобрались и хорошо поняли, с какими "заключенными" они имеют дело, и охотно разговаривали с русскими и никаких особых беспокойств нам не причиняли.

*

Говорили, что у него был советский паспорт чуть ли не с 1923 года, с которым он якобы прибыл во Францию.

**

Им помогал монах с Мурмелонского скита.

Чтобы разнообразить жизнь и несколько отвлечь от безделья находящихся в лагере, профессор Одинец организовал лекции и доклады, которые охотно посещались русскими и евреями. Лекции читались ежедневно (одна или две): проф. Одинец читал историю Русского государства, проф. Зандер — учение Достоевского, проф. Костицын — историю русской математики, проф. Дорман — лекции по химии, архитектор Поляков читал об архитектурном искусстве, В.Ф.Зеелер — о русском искусстве, доктор Чекунов — о работе внутренних желез, Чокаев — об истории Туркестана, инженер Финисов и Клягин — о русских железных дорогах. Были созданы группы по изучению немецкого языка, шахматный и спортивный кружки. С разрешением получать книги образовалась своя маленькая библиотека...

Небольшими группами в несколько человек или по одному в лагерь прибывали новые задержанные. Через 2 — 3 недели число русских дошло до 200 человек, евреев — до 60; было несколько армян, французских коммунистов — до полутора тысяч. Позже в лагерь доставили свыше 100 сербских подданных.

Состав русских по политическим взглядам был самым разношерстным. После 20-летнего пребывания вдали от родины, в условиях нередко исключительно суровых, многие теряли присутствие духа, и, хватаясь за идею как за последнее средство обрести себя, покорно плыли в разнообразных политических течениях. Не пытаясь охарактеризовать всех, я разделю запомнившихся мне на группы по их убеждениям и, стараясь не повторяться, выскажусь о наиболее, на мой взгляд, интересных.

Контр-адмирал Граф состоял в должности начальника канцелярии при великих князьях Кирилле Владимировиче и Владимире Кирилловиче, поддерживал младоросское движение. Числился финляндским подданным. Хлопоты великого князя Кирилла Владимировича¹⁶ о его освобождении успеха не имели.

Казим-Бек — бывший офицер гвардейской конницы, отец "главы младороссов", поощрявший политическую деятельность сына.

Воронцов-Вельяминов — правнук А.С.Пушкина, долго работал в большом книжном магазине на набережной Малакэ.

Шевич — сын генерала, младоросс.

И.Я.Савич — исполнял обязанности генерального секретаря Союза "молодого поколения" — "Национально-трудового", или, как называли их обычно, "нацмальчиков". Несмотря на тяжелое состояние здоровья, он всей душой отдавался делу, искренне в

него веря. На его квартире обсуждалась политическая программа Союза и тактика их действий. Союз делал ставку на немцев, думая их обмануть. Центр даже перебрался в Берлин, надеясь оттуда установить непосредственную связь с Россией, чтобы вести там пропаганду. Человек, безусловно, честный, порядочный. Я часто беседовал с ним в лагере, стараясь внушить ему ошибочность их ставки на врагов России. Действительно, позже он глубоко переживал эти свои политические ошибки.

Капитан Иегулов — служил в управлении 1-го отдела Р.О.В.С. во Франции, был тесно связан с генералом Шатиловым и состоял во “Внутренней линии”¹⁷. Потом стала активным работником Национально-трудового союза нового поколения. Способный, энергичный, ни перед чем не остановится.

Генерал П.Н.Шатилов — хорошо известен со времени гражданской войны на Юге России, где занимал высокие должности: командира 1-й Конной дивизии, командира сводного Кубанского корпуса, начальника штаба генерала Врангеля... За рубежом долгое время был в распоряжении генерала Врангеля, затем был назначен начальником 1-го отдела Р.О.В.С. во Франции. Помимо своей официальной деятельности он был одним из главных руководителей печальной памяти “Внутренней линии”, творившей сомнительные дела в рядах зарубежного русского воинства. Здоровые его силы, поддержанные генералом Деникиным, вынудили Шатилова в 1935 году отойти от возглавления Р.О.В.С. во Франции. Одно время он работал шофером такси, затем был представителем какой-то голландской фирмы во Франции. С оккупацией Франции он около года работал у немцев в одном из гаражей Парижа. Незалолго до 22 июня с ним произошел несчастный случай, и он лечился сначала в немецком госпитале, а потом дома, где его и арестовала Французская полиция, доставившая его потом в лагерь.

Адвокат Филоненко — стал известен широкой массе эмиграции во время процесса над Плевицкой, как ее защитник.

Генерального штаба полковник Аметистов — начальник канцелярии Западноевропейской Православной Русской епархии. Был так слаб здоровьем, что в первый же день пребывания в Компьене с ним произошел удар.

Генерального штаба генерал Галиовский — бывший военный атташе в Соединенных Штатах Америки. Держался замкнуто, подальше от других.

Инженер Кривошеин — личность незаурядная, сын бывшего российского министра и Председателя правительства барона Врангеля в Крыму. Был известен сильными антинемецкими настроениями...

Граф Бобринский — держался замкнуто, вел себя достойно.

Генерального штаба полковник Дуров — директор русской гимназии и председатель Союза участников войны на французском фронте 1916 — 1919 гг.

Полковник барон Вольф — бывший председатель одной из инвалидных организаций.

Причисленный к Генеральному штабу подполковник Третьяков — владелец книжного магазина в Париже. Как-то перед войной в одном из журналов появилась его статья о советской авиации.

Г-н. Альперин — один из директоров фабрики "Биотерапия" в Париже, на которой работало много русских. С 1918 года, еще до ростовских дней, был связан с Добровольческой армией, помогая ей материально. Он и во Франции занимался благотворительной деятельностью. Спокойный, всегда подтянутый, он внешне был больше похож на русского, чем на еврея.

Советский летчик Тренин — выступал перед войной на страницах эмигрантской печати...

Сидели в лагере и несколько художников*, имевших советские паспорта. И многие, многие другие**, среди которых и безобидный монах с Мурмелонского скита, старый доброволец, капитан Целибеев, никогда никакой политикой не занимавшийся.

До 8 июля сидели все вместе, а 8-го, после обеда, русских "белых" перевели в бараки, отделенные от остальных проволочными заграждениями, там жили раньше французские военнопленные. Евреев и почти всех с советскими паспортами оставили на прежних местах, чем многие были огорчены. Евреи говорили, что не хотят оставаться с коммунистами, что они и в период

*

Чухновский — художник, Владимиров — танцор балета.

**

Языков, Мозжухин — советские паспорта [так в тексте. — *Ред.*]; Мурзенко — секретарь Союза писателей и журналистов; г. Мелиа — священник Сергиевского подворья; г. Папин — секретарь Движения (Сергиевское подворье); Клячин — миллионер, работавший с немцами по подъему затонувших судов; полковник Крыжановский — рабочий в поле в районе Мурмелонского кладбища; офицеры Гвардейского объединения капитан Елачич и поручик Адамович и др.

гражданской войны, и в эмиграции были на стороне белых. Как на пример указывали на Альперина, Бунакова-Фундаминского.

Новые бараки были того же типа, но располагались мы более просторно: 14 человек вместо 24. Кроме того, нам представили отдельное помещение для библиотеки, бильярдный зал, души, кухню. Вообще местные власти старались помочь нам, чем можно. Наш непосредственный начальник — фельдфебель Кунце, эльзасец, бывший раньше военнопленным в этом лагере, пользовался нашей общей симпатией; при виде его постоянной улыбки перед строем и нам становилось как-то веселее. Через него поступали к нам письма, посылки, добрые вести. Коменданта лагеря и начальника гарнизона я за все время видел раз или два...

За это время из лагеря освободили лишь троих: барона Рауш фон Траутенберга, прибалтийского немца, Чокаева, бывшего Председателя самостийного Туркестанского правительства¹⁸, и Годованникова — биржевика и миллионера, по паспорту оказавшегося болгаринном.

Дни тянулись за днями, однообразные и, казалось, уже беспросветные. Стали чаще возникать разногласия, организовываться группы, в частности с проявлением явной симпатии к немцам. Успехи их на Восточном фронте "подливали масла в огонь". Офицер из отличного аристократического полка, всегда внешне выдержанный, сдержанный в словах, взялся сделать доклад о положении на Восточном фронте. На стене комнаты · 10 была нарисована углем карта России с обозначением больших городов и железнодорожных узлов; стрелы показывали направление главных ударов, наносимых гитлеровскими войсками. Материал для доклада он, по-видимому, получил от немецких солдат-часовых и фельдфебеля Кунце, передававшего услышанное от своего начальства или по радио данные о положении на фронте. Кратко говоря, по словам докладчика, получалось, что советские армии совершенно разгромлены, Киев, Петроград взяты, а Москва не сегодня, так завтра тоже будет взята. Советская авиация полностью уничтожена, сопротивления практически нет, захвачено уже более 10 миллионов пленных... И все в таком духе. Реакция слушателей часто была одобрительной. Я сначала с удивлением, а потом с ужасом слушал, но быстро не выдержал — лег в постель, повернулся на правый бок, закрыл глаза, временами засыпал. На душе было тяжело. Когда все разошлись, докладчик подошел ко мне со словами: "Я, полковник, особенно дорожу Вашим мнением и прошу Вас откровенно высказать свое мне-

ние об услышанном". Я ответил: "Не скрою, говорить мне на эту тему тяжело. Даже если принять за правду, что говорят немецкие солдаты, в Вашем изложении их сведения настолько преувеличены, что вывод один — все кончено на Восточном фронте... Но, если это так, не лучше ли нам, русским, помолчать об этом... Лично же я убежден, что и до Петрограда, и до Москвы еще далеко, что сопротивление будет оказано. О победе немцев еще слишком рано говорить"...

Было и еще одно, не менее прискорбное явление. Не знаю, кому первому пришла в голову мысль написать обращение к немцам с благодарностью за "освобождение России", но факт налицо: обращение было составлено, откорректировано юристами. Приступили к сбору подписей. Пришли и ко мне. Я начал читать, не дочитал до конца, пришел в ужас. "Зачем вы это делаете? Для кого? Ведь это позор для русского патриотического сознания". Мне возражали, спорили, уговаривали. Полковнику барону Вольфу было поручено уговорить меня подписать обращение, "когда я успокоюсь". Полковник Вольф — старый кадровый офицер и участник Белого движения. На Юге России ему было оказано особое доверие — военным министром В.С.Ю.Р. он был командирован в Соединенные Штаты с миссией, целью которой было добиться получения и затем отправки различного артиллерийского имущества для Белой армии. По вечерам мы часто беседовали, лежа на соседних койках, о недалеком прошлом — о героической борьбе Добровольческой армии. Он уговаривал меня: "Вы старый доброволец, Вас все знают, подпишите, а за Вами подпишут многие". "Тем паче не подпишу", — отвечал я. Попытались уговорить и другие, но тщетно. Я сам несколько раз беседовал с Мацылевым, Целибеевым, Григулем и некоторыми другими, советуя им взять свои подписи обратно. Мне отвечали несколько смущенно "да тут ничего особенного", "ни к чему это не обязывает" и тому подобное. Под влиянием моего отпора обращение несколько раз переделывалось, смягчалось, переписывалось вновь. Окончательный вариант подписало 25 — 30 человек. Стояли подписи: генерала Шатилова, адмирала Графа, полковника Мацылева, капитана Целибеева, Григуля, Де Корве, барона Вольфа, Нидермиллера, Хесса, Иегулова, Савича, полковника Третьякова и других... Обращение было послано немецкому командованию. Я счастлив, что под влиянием моего сопротивления первоначальная редакция была сильно смягчена,

но все равно этот факт наложил темное пятно на бывших участников Белого движения, томившихся в лагере Компьень.

В этой мучительной ситуации, создавшейся в связи с "Обращением", я решил вместо подписи под пожеланиями успеха врагу написать протест немецкому командованию от своего имени против содержания меня в лагере. На клочке бумаги я составил его в ту же ночь, как мне казалось, достаточно обоснованно, вежливо и ясно. Но когда я обратился к знающим немецкий язык с просьбой перевести мой протест, все пришли в ужас и категорически отказались переводить. Пришлось смягчить и сократить. Но и в новой редакции желающих перевести не нашлось. Тогда я схитрил: подходя к разным лицам, я просил о переводе лишь отдельных фраз. Это сработало! Де Корве достал мне два листа чистой бумаги и два конверта, и я мелким почерком в двух экземплярах написал свой "протест", уместив его на 26 строках каждого листа. Один я решил отправить на имя начальника русского отдела "SS", два месяца назад допрашивавшего меня как "секретаря Деникина" и как "видного свидетеля", но так как надежды на успех здесь я не чувствовал, второй экземпляр я направил по линии военного командования — Главнокомандующему немецкими армиями. Сутки я проносил этот протест при себе, за это время еще несколько человек ознакомились с его содержанием и просили разрешения переписать, чтобы потом самим протестовать в том же духе. Поздно вечером в присутствии полковника Вольфа я вручил его русскому коменданту лагеря с просьбой передать немецкому коменданту или начальнику гарнизона. В успех я, конечно, не верил — писал и отправил дальше больше для самоутешения. Привожу полный текст моего прошения по-русски:

"Милостивый государь, Вы беседовали со мной 7, 17 и 24 мая как с "видным свидетелем" и ознакомились с моей перепиской. Полагаю, что за это время Вы убедились и документально, и опросом свидетелей, что в том, что:

1. Всю мировую войну я провел на фронте, а с 1 января 1918 года и до конца дрался с большевиками в рядах Белой Добровольческой армии, с которой в октябре 1920 г. эвакуировался в Галлиполи. За обе войны получил 6 ранений. Из Галлиполи с частями Русской армии я перебрался в Болгарию, а в ноябре 1923 года прибыл во Францию, в которой и оставался в течение 17 с

половиной лет, работая на заводах Ситроена, а затем в качестве шофера такси.

2. Находясь за границей, неизменно оставался антибольшевиком.

3. Ни к каким политическим партиям никогда не принадлежал и состоял лишь в военных организациях.

4. К иностранным государствам не питал ни принципиальной вражды, ни принципиальной дружбы и всегда оставался лишь патриотом своего Отечества.

5. Как Белый русский воин сохранял неизменную преданность к своему бывшему Главнокомандующему. 22 июня началась война Германии с СССР. И в этот день, к моему большому удивлению, я в числе многих русских эмигрантов был отправлен вместе с коммунистами в лагерь.

Это для меня обидно и оскорбительно.

Полагаю, что произошла ошибка. Учитывая вышеизложенное и помня Ваше любезное отношение ко мне, надеюсь, что Вы сочтете необходимым принять меры к скорейшему освобождению меня из лагеря*.

Прошу принять уверения в совершенном почтении,

*П. Колтышев,
офицер Российской Императорской армии,
полковник.
Compiègne. Stalag 122".*

Прошла неделя, о своем протесте я стал уже забывать. Приближался день Петра и Павла (12 июля по н.ст.). Предполагал, по обыкновению, исповедаться и причаститься. Гадал, вспомнит ли кто в этот день обо мне...** А дальше все было как в сказке...

Ранним утром 9-го июля, когда в бараке все еще спали, я заступил добровольно на дежурство (меня, как и раньше, до пере-

*

В составленном мною тексте был и такой абзац, который никто не захотел перевести на немецкий язык: "24 мая, при встрече со мной (3-й допрос), Вы высказывали мысль об эволюции Советской власти и Сталина, на что я горячо возражал, заверяя, что ни большевики, ни Сталин эволюционировать не могут. События подтвердили мою правоту".

**

Позже я узнал, что милейший Б.И.Веселовский должен был в этот день доставить мне в лагерь деньги, именинный пирог и поздравления от друзей.

езда в новый барак, обитатели палаты — так мы называли нашу комнату в бараке — освободили от всяких работ, но посильно исполнял все, что было нужно), подмел двор вокруг барака, вскипятил воду для чая и хотел уже побриться, как услышал голос генерала Шатилова из окна небольшой комнаты, в которой он помещался: “Полковник Колтышев, я хочу с вами поговорить”. Я был удивлен, ибо уже с 1933 года мы не разговаривали и не здоровались. Так было и в лагере. Павел Николаевич вышел мне навстречу и, протягивая руку, сказал: “Забудем прошлые недоразумения, восстановим старые добрые отношения, какие были у нас в начале борьбы, в 1918 году, в России...”. Мы пожали друг другу руки и разошлись. Это меня несколько взволновало, так что я поднял людей на поверку раньше обычного. Затем, встретив Ивана Яковлевича Савича, ушел с ним гулять по окраине лагеря. Хотелось поделиться с ним своими переживаниями. Незаметно подошли к французской часовне. В ней впервые служил обедню отец Константин. Уже слышалось пение. Мы вошли в церковь. Быстро отвлекся от мирских дум и дел. Простоял, наверное, минут 20 — 30. Вдруг кто-то сзади дотронулся до моего плеча. Оглядываюсь и вижу русского коменданта лагеря Де Корве. “Вас давно уже ищут повсюду, господин полковник, — говорит он. — Прибыли все офицеры комендатуры, приехал и начальник гарнизона — немецкий полковник. Он просит Вас к нему... Я видел у него в руках две бумаги, подписанные Родемахером — губернатором Парижа... Кажется, Вас и меня освобождают... Поторопитесь”. Говорил Де Корве быстро, с перерывами, взволнованно.

Хотелось верить, но не верилось... Я вспомнил слова одного гвардейского офицера, прибывшего в лагерь вместе с генералом Шатиловым, о том, что в Венсенском замке помещены адмирал Кедров, генерал Гулевич и генерал Деникин. И, предвкушая радостную встречу с генералом, ответил Де Корве: “А может быть, нас повезут в Венсенский замок?..”. Я взглянул на него и мне показалось, что сомнения терзают его душу. Он торопил меня идти быстрее, но я шагал медленно, ссылаясь на ранение и усталость. С моих уст сорвалась фраза: “Большинство из нас попали сюда без всяких оснований. Люди ждали и ждут освобождения. Подождут и нас немцы”.

Вот и выход из лагеря. Я увидел с одной стороны от ворот группу немецких офицеров, а с другой стороны — фельдфебеля Кунце и солдат, а между ними, на несколько

шагов позади, пожилого немецкого полковника, начальника гарнизона лагеря. К ним приближается ушедший вперед Де Корве. "Вы — полковник Колтышев?", — спрашивает его по-немецки полковник. Де Корве называет свою фамилию и показывает рукой на меня. Когда я совсем приблизился, начальник гарнизона задает этот же вопрос и мне. Я отвечаю: — "Да, я — Колтышев". "Я рад объявить Вам, господин полковник, что по распоряжению Главнокомандующего Вы свободны". При слове "Главнокомандующего" он повышает голос, на лице его появляется улыбка, он протягивает мне руку и крепко пожимает мою. В этот момент немецкие офицеры отдают мне честь, а солдаты становятся "смирно". Я отвечаю наклоном головы и благодарю за добрую весть. "За Вами из Парижа прибыла машина с офицером штаба. Она отвезет Вас. Вы свободны, Herr Oberst", — добавляет он. Затем, поворачиваясь к Де Корве, он прощается и с ним за руку. Неожиданно Де Корве говорит, обращаясь к начальнику гарнизона: "Вы знаете, с каким полковником разговаривали? Он всю войну дрался против большевиков и 7 раз был ранен". Я поправляю Де Корве: "Всю мировую войну я воевал против немцев, и неплохо, дважды был тяжело ранен: раз в Восточной Пруссии, у Аугенбурга, был оставлен в немецких проволочных заграждениях, но в плен тогда не попал и никак не думал, что спустя 25 лет буду объявлен в Париже немецким военнопленным". Начальник гарнизона, офицеры и солдаты приветливо улыбаются. Полковник спрашивает, какая сумма денег была у меня отобрана при поступлении в лагерь и имеется ли у меня расписка. Я отвечаю, что денег у меня было всего 41 франк, которые не отбирались, но что у меня забрали письма и немецкий разговорник. "Вам это все будет немедленно возвращено", — говорит полковник. Де Корве заявляет о большой сумме, отобранной у него. Отдается распоряжение вернуть и ему. Небольшая пауза: немецкие офицеры подходят и прощаются с нами. Начальник гарнизона, снова обращаясь ко мне, говорит: "Я с удовольствием ознакомился с Вашим заявлением, один экземпляр тотчас же отослал по команде, а другой оставил в канцелярии. Что с ним делать?". Я, улыбаясь, отвечаю: "Если оно действительно Вам понравилось, оставьте его на память о тех белых русских, которые без основания были задержаны и отправлены в Компьенский лагерь". Он еще раз жмет мне руку и предла-

гает пройти в барак взять свои вещи. Нас немедленно окружают, поздравляют с освобождением, с разных сторон сыплются просьбы повидать родных и помочь освободиться из лагеря. Пока я брился, собирал вещи, карманы моего пиджака наполнились записками с адресами родных и друзей, письмами... Кто-то положил даже деньги на метро. Трогательное внимание... Несколько раз прибежал Де Корве и торопил меня, говоря, что немецкое начальство ожидает нас у ворот лагеря и не расходитя. Возбужденный всем происшедшим, я неожиданно резко сказал ему: "Передайте им, что по ранениям рук я не могу быстро побриться и переодеться, а их машина мне не нужна, я могу вернуться в Париж поездом". Он отошел, я продолжал терпеливо выслушивать всевозможные просьбы, записывать номера телефонов, принимая на ходу письма и обходя все комнаты, сердечно прощался со всеми. Наконец, сделав общий поклон и пожелав друзьям скорейшего освобождения, направился к выходу.

У ворот стояла машина, мотор был заведен. Все начальство ожидало нас. Начальник гарнизона и офицеры прощаются с нами и желают счастливого пути. Я поворачиваюсь к фельдфебелю Кунце, жму его руку и от имени русских благодарю за его доброе отношение к нам. Солдата это очень тронуло. Адъютант открывает дверцы машины, мы садимся, офицер, прибывший из Парижа, занимает место рядом с шофером, начальник гарнизона и офицеры комендатуры отдают честь, и мы трогаемся в путь. Неожиданно наша машина поворачивает назад и медленно проезжает вдоль границы лагеря, сидящий впереди немецкий офицер показывает на лагерь, мы улыбаемся и посылаем прощальный привет всем, кто еще остается там. Наконец машина ускоряет ход и мчится в Париж. Позади радость одних, зависть других и общий вопрос: "Почему их, а не меня"... Судьба.

Дорогой радостно-взволнованный Де Корве говорил много лишнего, неприлично отзывался о сидящем впереди офицере, предлагал мне деньги. Я мимикой, ударами ноги пытался остановить его, потом не выдержал, сказал, что они, может быть, понимают по-русски. Де Корве громко отвечает: "Нет, я знаю, что они не говорят"... К часу прибыли в Париж. На улице Лафайет шофер притормозил машину, повернул голову и, смотря в лицо Де Корве, произнес по-русски: "Хорошо я вас вез? 80 километров меньше, чем за час!".

Около площади Оперы адъютант любезно спрашивает, где я живу, и предлагает довезти до отеля. Я благодарю и прошу остановиться у ближайшего метро. Остановились напротив кафе "De la paix". Адъютант вышел из машины и вытянулся по-военному, отдавая мне честь. Я поблагодарил его и попросил передать губернатору Парижа, приславшего машину, нашу благодарность.

В час тридцать я прибыл в Леваллуа, где тепло был встречен соотечественниками и знакомыми французами. Только теперь я, наконец, почувствовал радость обретения свободы. Надолго ли?

В тот же день я послал своему Главнокомандующему ответственную телеграмму, а потом и подробный отчет о пребывании в Компьене. На третий день, как раз в день своего ангела, я получил от генерала Деникина письмо: "Сердечно поздравляю с освобождением и с днем ангела". Затем генерал писал: "Рад, что и это злोकочение Вы перенесли бодро и с достоинством, в чем, впрочем, никогда не сомневался..."

Доброе слово моего Главнокомандующего было лучшей наградой для меня — старого белого воина.

Французы отнеслись ко мне с большим вниманием: выдали немедленно продовольственные карточки на весь (!) месяц, выдали пособие — 168 фр. — на две недели, а через три дня добавили еще 168 фр. — за время пребывания в лагере.

Данные мне в лагере поручения я старался выполнить в первую очередь, если и произошла в отношении некоторых лиц задержка, то только лишь потому, что, не имея денег на метро (мне еще не выдали пособия), я вынужден был преодолевать большие расстояния пешком. Нередко тех, к которым я направлялся, не было дома, и это заставляло меня дважды, а то и трижды совершать одни и те же пробеги. Не считая многочисленных телефонных звонков*, я посетил:

*

В первый же день я позвонил: в Р.О.В.С. г. Осмолову и сообщил о полковнике Мацылеве; на Сергиевское подворье — сообщил о Папине; Дуровой — сообщил о полковнике, муже ее; Финисовой, Чекуновой, Курловой, Токаревой, Пидермиллер, Адамович, Елачич — всем сообщил об их мужьях; Акарьянц — сообщил о муже и сыне; Воноградовым — о сыне; в Биотерапию — А.А.Титову — сообщил об Альпине, Зселерс, Одище; графиням Щербатовой и Орловой — сообщил о графе Игнатьеве.

жену капитана Форумды, рассказал ей о муже и выразил надежду, что Федор Семенович тоже вскоре получит свободу;

профессора М.В.Бернадского, которого подробно обо всем проинформировал и просил поделиться моей информацией, в секретном порядке, с В.А.Маклаковым;

жену генерала Шатилова;

митрополита Евлогия, с которым беседовал об отце Константине Замбжицком, отце Зосиме, монахе из Мармелонского скита, полковнике Аметистове;

великого князя Андрея Владимировича, которому рассказал о сыне и долго беседовал на другие темы (о содержании беседы я не считаю себя вправе рассказывать на этих страницах, скажу лишь, что великий князь произвел на меня очень хорошее впечатление);

жену архитектора Полякова и многих других*.

Нет надобности говорить, что всех я старался успокоить, подбодрить вестью о возможном скором освобождении. Действительно, вскоре немцы образовали какую-то комиссию по рассмотрению дел задержанных русских, и их постепенно стали освобождать из лагеря.

К концу года около 100 человек было уже освобождено.

Как-то позже встретил Де Корве у церкви на улице Дарю, то спросил меня: "А знаете: что было причиной Вашего освобождения?". — И добавил, ссылаясь на губернатора Парижа Радемахера: "Поданный Вами протест и отличный отзыв о Вас начальника Русского отдела политической полиции, ведающего наблюдением за русскими эмигрантами во Франции. Ваше французское досье было столь благоприятно, что высшие немецкие власти в Берлине приказали немедленно освободить Вас". Думаю, что какая-то доля истины в его словах была, потому что позже мне как-то рассказали, что на одном из приемов у губернатора Парижа, на котором присутствовал и великий князь Гавриил Константинович с супругой, когда великий князь обратился к Радемахеру с просьбой об освобождении русских из Компьеньского лагеря, тот ответил: "Мы знаем, что в лагере среди русских

*

Жену полковника Третьякова, А.А.Титова, г. Лазарева (служившего переводчиком у немцев), В.А.Маклакова, О.М.Савич, графиню Игнатъеву, Безрукову, госпожу Вольф, жену доктора Чекунова и жену доктора Сегателова, жену и дочь полк. Дурова, жен капитана Целибсева, Масленикова, Аристову.

есть немало ни в чем не повинных людей. Мы производим строгое расследование в каждом случае. Вот недавно, например, был освобожден полковник Колтышев, о котором со всех сторон были хорошие отзывы и который в лагерь был отправлен по ошибке”.

И еще несколько слов о Де Корве. В лагере мы были почти соседями: его койка была следующей за койкой лежащего от меня справа барона Вольфа. Нередко вечерами я рассказывал по их просьбе наиболее запомнившиеся мне эпизоды из славной боевой эпопеи Белой армии на юге России. Де Корве говорил, что он был первым комендантом Царицына после его освобождения от красных, с тех пор якобы и сохранилось его знакомство и даже некоторая дружба с генералом Шатиловым. Он рассказывал также о своей дружбе с Радемахером, губернатором Парижа, а тогда начальником штаба Главнокомандующего по гражданской части и члена комиссии по перемирию с немцами в Висбадене, он постоянно де встречался с ним и часто обедал. Хвастался он большими заработками — перед арестом приобрел две машины. После нашего освобождения из лагеря он старался втянуть меня в какую-то свою деятельность, но я избегал его, подзвывая в тесной связи с немцами.

¹ Позиция русских эмигрантов, в том числе и бывших участников белого движения, в годы второй мировой войны была не столь однозначной. Оставаясь на последовательно патриотических и антибольшевистских позициях, часть эмиграции сочла возможным поддержать Германию как единственную реальную силу в борьбе против Советской власти, не до конца осознавая при этом русофобскую, человеконенавистническую сущность нацизма. П.В.Колтышев, как и А.И.Деникин, видел задачу эмиграции во время войны в борьбе “против пангерманизма и коммунизма до полного их уничтожения, [...] за восстановление национальной России — великодержавной и не ущемленной в естественных ее границах, признающей законные права соседей и народов, ее населяющих” (Грани. 1988. 149. С. 177).

² Это произошло рано утром 6 апреля 1941 г.

³ П.В.Колтышев был причислен к 3-му классу Александровского комитета о раненых 19 ноября 1917 г. (ст.ст.) (ЦГВИА СССР. Ф. 409. Оп. 1. Д. 85453. Л. 6).

⁴ “Нансеновский паспорт” — временное удостоверение личности, введенное по инициативе Ф.Нансена для апатридов и беженцев. Выдавалось Лигой Наций на основании Женевских соглашений 1922 г.

⁵ Речь идет о части территории Франции с центром в г. Виши, где с июля 1940 г. находилось коллаборационистское правительство маршала Ф.Петена. А.И.Деникин оказался в германской зоне оккупации.

⁶ Бывший начальник штаба ВСЮР генерал-лейтенант И.П.Романовский был убит 5 апреля 1920 г. в Константинополе бывшим офицером контрразведки поручиком М.А.Харузиным. И.П.Романовский пользовался нелестной репутацией среди значительной части офицерства Добровольческой армии.

⁷ Речь идет об Игнатии Рейсе (Н.М.Порецкий, псевдоним — “Людвиг”), профессиональном советском разведчике, который летом 1937 г. стал невозвращенцем, призывал к борьбе против Сталина, поддерживал троцкистский IV Интернационал. 5 сентября 1937 г. недалеко от Лозанны И.Рейс был убит сотрудником заграничного оперативного центра ГУГБ НКВД СССР.

⁸ Речь идет о генерале А.И.Деникине, главнокомандующем Добровольческой армией и Вооруженными Силами на Юге России.

⁹ Генерал-майор Н.В.Скоблин, один из героев белого движения, начальник Корниловской дивизии, и его жена Н.В.Плевицкая, известная певица, на протяжении длительного времени являлись тайными агентами советских спецслужб (Иностранного отдела ОГПУ и НКВД СССР) и были разоблачены после похищения генерала Е.К.Миллера в Париже в сентябре 1937 г. Лишь в конце 1989 г. были опубликованы документы архивов КГБ СССР, подтверждающие работу Скоблина и Плевицкой на советскую разведку (см.: Неделея, 1989. 49 — 51).

¹⁰ Речь идет о так называемом Южнорусском правительстве под председательством Н.М.Мельникова (7 февраля — 16 марта 1920 г. ст. ст.), которое заменило действовавшее после Особого совещания Правительство при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России. Это правительство явилось попыткой достичь компромисса между главным командованием ВСЮР и казачьими государственными образованиями.

¹¹ Добровольческий союз (или Союз добровольцев) — возглавляемая генерал-лейтенантом Н.Д.Иеводовским организация бывших чинов Добровольческой армии. Союз добровольцев по многим политическим вопросам занимал позицию, отличающуюся от Русского Общевоинского союза, и в значительной степени ориентировался на генерала Деникина.

¹² Речь идет о Русской общественной библиотеке, основанной в Париже в 1875 г., пользовавшейся большой материальной поддержкой И.С.Тургенева и получившей его имя после смерти. В начале второй мировой войны многие русские эмигранты передали в Тургеневскую библиотеку свои личные архивы. После оккупации Парижа в 1940 г. по приказу А.Розенберга коллекции были вывезены в Германию. Часть книг (около 5 тыс. томов) была после войны возвращена в Париж и составила основу обновленной Тургеневской библиотеки, открывшейся в 1959 г.

¹³ Галлиполийское общество (или Галлиполийский союз) — организация, объединявшая белогвардейцев, находившихся в 1920 — 1921 гг., после крымской эвакуации, в военных лагерях на территории Турции — Галлиполийском полуострове и о. Лемнос.

¹⁴ Союз младороссов был образован в 1923 г. в Мюнхене с целью подготовки “русской национальной революции”. Лозунг “Царь и Советы”, являя оппозиция Русскому Общевоинскому союзу, отказ от сотрудничества с Высшим монархическим советом — все это способ-

ствовало усилению разобщенности русской эмиграции и соответствовало задачам деятельности советских спецслужб за границей. Особенности деятельности ОГПУ — НКВД СССР по отношению к Союзу младороссов еще предстоит изучить по архивным документам.

¹⁵ Речь идет об А.А.Игнатьеве (1877 — 1954), выпускнике Академии Генерального штаба, который до революции был военным агентом (атташе) в различных странах, а с 1927 г. работал в советском торгпредстве в Париже. С 1937 г. он находился на службе в Красной Армии, в 1943 г. получил звание генерал-лейтенанта. В 1942 — 1947 гг. были впервые опубликованы два тома его воспоминаний “Пятьдесят лет в строю”.

¹⁶ Явная оговорка автора: великий князь Кирилл Владимирович умер еще в 1938 г. В данном случае речь идет о его сыне, здравствующем и поныне великом князе Владимире Кирилловиче.

¹⁷ “Внутренняя линия” Русского Общевоинского союза выполняла разведывательные и контрразведывательные задачи. Несмотря на некоторые успехи в своей деятельности, эта структура РОВС прославилась прежде всего тем, что ряд ее сотрудников был завербован Советскими спецслужбами. Информация о “Внутренней линии” оперативно доставлялась в Советский Союз, а та, в свою очередь, в значительной степени опиралась на распространяемую большевистскими агентами дезинформацию.

¹⁸ Речь идет о Туркестанском автономном правительстве, избранном в Коканде 4-м Чрезвычайным краевым мусульманским съездом в ноябре (декабре) 1917 г. и просуществовавшем до февраля 1918 г. Председателем этого правительства сначала был М.Танышбаев, а затем — М.Чокаев.

Ясское совещание 1918 г.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ
(РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ)

11 ноября 1918 г. Германия признала себя побежденной. Первая мировая война закончилась победой союзников и вместе с ней для них отпал вопрос о восстановлении Восточного фронта, рухнувшего окончательно после заключения большевиками Брест-Литовского мира.

Если до ноября 1918 г., когда речь шла о помощи в вооруженной борьбе с большевиками, вмешательство союзников в гражданскую войну в России было оправдано перед лицом их общественного мнения, как необходимое противодействие германскому влиянию в Восточной Европе, то с окончанием мировой войны, в условиях долгожданного мира, это вмешательство и, конечно, вооруженная интервенция утратили свое оправдание.

Еще 29 декабря 1918 г., через полтора месяца после перемирия, французский министр иностранных дел Пишон, выступая с правительственной декларацией в парламенте, повторял: "Все наши вмешательства в России за последний год были направлены против Германии. Все, что мы сделали против большевиков, было в действительности сделано "против Германии"*.

Еще более определенно высказался Уинстон Черчилль, подчеркивая, что с концом войны "...исчезли все аргументы, которые могли вести к интервенции"***.

В то же время дебаты во французском и английском парламентах по русскому вопросу в декабре 1918 г. показали, что

*

Journal Officiel. Decembre 1918. P. 3716 (2-e colonne).

**

Churchill W.S. The War Crisis: The Aftermath, London, 1929. P. 166.

сущность большевистской диктатуры и ее стратегическая направленность были еще далеко не осознаны на Западе.

Казалось бы, что после капитуляции Германии, когда у союзников освободились неограниченные силы для борьбы с коммунизмом, наступило наконец время для активной помощи Белому движению. В этом глубоко были уверены не только приглашенные союзниками в Яссы русские общественные и политические деятели, но и военные, в том числе и бывший командующий Румынским фронтом генерал Щербачев, и сам генерал Деникин. Недаром он еще летом 1918 г. отказался от выхода на Волгу совместно с Донской армией генерала Краснова, с тем чтобы заняв Кубань, ожидать встречи с союзниками в портах Черного моря.

Надежды на быстрый, победоносный конец гражданской войны с помощью союзников, казалось, были вполне оправданны в конце 1918 г. Достаточно вспомнить известное письмо генерала Щербачева генералу Деникину о его встрече в Бухаресте 15 ноября 1918 г. с только что назначенным французским командующим союзными войсками в Трансильвании, Румынии и на Юге России генералом Бертело. Генерал Бертело, близко знавший генерала Щербачева как фактического Главнокомандующего Румынским фронтом в 1917 г. обещал ему высадить в ближайшее время в Одессе 12 дивизий, которые, заменяя германские оккупационные войска на Украине, должны были быстро занять Киев, Харьков, Донецкий бассейн с тем, чтобы под их прикрытием могло быть осуществлено на базе Добровольческой и Донской армий "...немедленное формирование русских армий на Юге России" под общим командованием генерала Деникина. Помимо других обещаний в области снабжения генерал Бертело обязался передать в распоряжение генерала Деникина "...богатые запасы бывшего Румынского фронта".

Присутствовавший на ряде заседаний Ясского совещания начиная с 18 ноября, генерал Щербачев хорошо знал генерала Бертело, когда последний был представителем французского командования на Румынском фронте в 1917 г., и, встретив его теперь, он никак не мог сомневаться в искренности французского генерала, к тому же заявлявшего, что он доброжелательно относится к Добровольческой армии и лично к генералу Деникину.

Однако несмотря на все, казалось бы, самые авторитетные обещания, новый этап гражданской войны с участием значительных сил союзников, способных обеспечить развертывание и

снабжение белых сил, так и не наступил. В стратегической линии поведения союзников после капитуляции Германии вопрос об интервенции сколько-нибудь значительными силами и активной помощи белому движению был если не сразу, в ноябре 1918 г., то уже очень скоро, в начале 1919-го, подменен решением создания "кордона" из пограничных с Россией государств, таких, как Румыния, Польша, страны Прибалтики.* Это решение и связанная с ним новая линия поведения союзников определили дальнейшее отношение Франции, а потом и других членов Согласия к белым армиям во время решающего этапа гражданской войны в России.

Вопреки планам военных советников французского посланника в Румынии графа Сент-Олера и близкого ему майора Картье из штаба Восточной армии Франше д'Эспере, настаивавших на посылке в Одессу недемобилизуемых частей (иностранного легиона, алжирских стрелков) и добровольцев, В Одессе была высажена одна второочередная (156-я) дивизия, находившаяся в процессе демобилизации.** Но и эта десантная операция, не оправдавшая надежд Добровольческой армии даже в области снаряжения, была быстро свернута по приказу из Парижа, а поспешная и ничем не оправданная эвакуация Одессы и Севастополя французами оставила у генерала Деникина и его соратников "...тяжелое чувство горечи, обиды и возмущения"***.

Как писал известный зарубежный военный историк, полковник Генерального штаба А.Зайцов, "конец мировой войны не стал началом войны с коммунизмом ...". 11 ноября 1918 года "...оказалось траурным днем" для русского белого движения****.

И приехавшие в Яссы через 5 дней после германской капитуляции русские общественные и политические деятели, и сами пригласившие их дипломаты союзных Держав продолжали строить

*

См: Л у к о м с к и й А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т.II С. 260 – 261. См.также: Д е н и к и н А.И. Очерки русской смуги. Берлин, 1936. Т.V. С. 37 – 39.

**

Comte de S a i n t- A u l a i r e. Confession d'un vieux diplomate. Paris, 1953. P. 482.

Д е н и к и н А.И. Очерки русской смуги. Берлин, 1926. Т.V. С. 71.

З а й ц о в А. 1918 год: Очерки по истории русской гражданской войны. Париж, 1934. С. 274 – 275.

свои планы и высказываться в духе привычной им стратегии мировой войны, искренне надеясь на восстановление России в качестве полноправного члена союзной коалиции.

От имени своих коллег и от себя английский посланник сэра Барклей заявил на первом совместном совещании с русской делегацией 17 ноября 1918 г.: "После победного окончания войны, величайшей в мире, обеспечивающей завоевание культуры и свободы наций, Державы Согласия сделают все, что в их силах, для того чтобы помочь России в борьбе с большевиками восстановить свое единство, свое политическое и экономическое существование. Они желают узнать от представителей России, что, по их мнению, нужно сделать для достижения этой цели"*.

Отвечая от имени делегации, П.Н.Милоков огласил Основные принципы, выработанные накануне, 16 ноября, в основу которых было положено " ...отрицание Брестского договора и признание единой, неделимой России ... за исключением, однако, Польши **". (Позже, согласно журналу 5, к этому была добавлена оговорка, что вопросы финляндский и бессарабский "будут предметом обсуждения на мирном конгрессе"), а также "непризнание отдельных государственных образований, не стоящих на платформе единой, неделимой России, образованных фактически Германией в целях разделения России". Далее Милоков указал на необходимость единого дипломатического представительства России и единого русского командования при очищении России от большевизма, подчеркнув при этом признание " ...величайших заслуг в деле воссоздания России Добровольческой Армии".

На заседании 17 ноября русской делегацией была вручена союзным посланникам первая декларация, которая заканчивалась указанием на то, что "только немедленный приход союзных вооруженных сил (имеется в виду зона немецкой оккупации. — Н.Р.) сможет предупредить восстание антисоциальных и узконациональных элементов, которые повергнут страну в хаос анархии, сделают ее легкой добычей большевиков и лишат русские и союзнические силы необходимой базы для развития операций против Советской власти..."

*

Журнал №3. См.: Протокол совещания русской делегации с союзными посланниками 17 ноября 1918 г. в 3 часа дня, в Английской миссии.

**

Там же.

Выступивший после П.Н.Милюкова председатель Национального Центра, М.М.Федоров подчеркнул: "...борьба с большевизмом в России является не только русским делом, но и делом общеевропейским, всемирным". М.М.Федоров предостерег представителей союзников от того, "чтобы считать дело войны законченным, пока не сокрушен большевизм".

Из этого первого обмена мнениями становится очевидным, что обе стороны, встретившиеся в Яссах, будучи оторванными от главных политических центров, по инерции рассчитывали на помощь общественным и военным силам России, которые, не признав Брест-Литовской капитуляции, продолжали бороться за возрождение российской государственности.

Единственный известный нам иностранный исследователь Ясского совещания — Роберт Мак-Нил — упрекает Русскую делегацию в том, что она, оставаясь на великодержавных позициях, не учла возможности спасти Украину от вторжения большевиков с помощью Петлюры*. На это в более узком плане рассчитывал и генерал Ансельм, принявший командование над французскими и греческими войсками, высаженными в Одессе. Но, как известно, именно бывший петлюровский атаман Григорьев обратил в бегство не желавшие сражаться французские войска под Березовкой.

Разумеется, нельзя не согласиться с тем, что Ясское совещание было обречено на неуспех, но далеко не по тем причинам, которые выдвигает Р.Мак-Нил. Говоря о бесплодности Ясского совещания, нельзя упускать из виду, что Яссы, этот маленький провинциальный город, стал временной столицей Румынии, после того как немецкие войска заняли большую часть страны осенью 1916 г. Только здесь сохранились во время войны представительства союзных Держав, которые после капитуляции Румынии оказались изолированными от своих правительств. Этим союзным дипломатам нельзя отказать в смелости, когда они по своей инициативе организовали Ясское совещание. Это были французский посланник граф Сент-Олер, английский — сэра Барклей, американский — Вопичко и итальянский поверенный в делах Аурутти.

35 лет спустя, в начале 50-х годов, когда многим казалось, что холодная война может перерасти в третью мировую, граф Сент-Олер выпустил свои мемуары, где, вспоминая Ясское совещание,

*

McNeal Robert H. an early flasko of the anti-bolshevik movement //Essays in Russian and Soviet History /Ed. J.S.Curtiss. N.Y., 1963. P. 225 — 236.

писал: "Никогда за всю мою карьеру я не ощущал так остро, как в 1918 г. в Яссах, что наша судьба, все наше будущее, может так зависеть от человеческой воли". Считая, что в конце 1918 г. союзники были "...подлинными хозяевами настоящего и будущего", при условии умения использовать это свое преимущество, бывший французский посланник в Румынии признает, что, хотя "...представители союзников в Румынии не уставали повторять свои тревожные призывы, они тогда еще не представляли себе со всей ясностью картину надвигавшихся катастроф, которые все еще продолжают подобно цепной реакции: триумф большевизма в России, всеобщее им заражение, реакция на него фашизма и нацизма, и далее вплоть до советско-германского сговора и второй мировой войны ..."

Если в плане взаимоотношений с союзниками Ясское совещание, как выразился Н.В.Савич, свелось к обмену мнениями, на благоприятные результаты которого еще рано было рассчитывать, то в дискуссиях по ряду принципиальных вопросов, связанных с конструкцией всероссийской власти, делегация, как говорилось в сообщении для печати, "состоящая из представителей разных политических течений", достигла ряда общих решений.

Но прежде чем коснуться некоторых из них, следует вслед за Милюковым в его Обращении к союзникам подчеркнуть, что "... русская делегация включает помимо лиц, персонально приглашенных, представителей следующих организаций: Национального Центра, Союза Возрождения и Совета Государственного объединения России". "По своему составу, — продолжал Милюков, — все три организации объединяют почти все течения политической мысли России, за исключением крайней правой и крайней левой". (Журнал №3, протокол послеобеденного заседания в Английской миссии).

Список членов Делегации с их политической принадлежностью был составлен и приложен к протоколам секретарем Делегации Б.Ю.Малютинным, бывшим делопроизводителем Государственной Думы, и следует лишь напомнить, что Национальный Центр возглавлял М.М.Федоров, примкнувший к кадетам бывший товарищ министра торговли и промышленности, оставав-

*

Comte de Saint-anlaire. Confession ... P. 483 — 485.

шийся всегда — и в Особом совещании, и в эмиграции — близким генералу Деникину.

Союз Возрождения формально представлял на Совещании М.В.Брайкевич, бывший кадет и городской голова города Одессы, но ведущую роль в Яссах играл видный эсер И.И.Бунаков-Фундаминский, бывший при временном правительстве Генеральным комиссаром Черноморского флота, а в эмиграции — членом редакции “Современных записок”.

Совет Государственного объединения был представлен помимо своего председателя, бывшего члена Государственного совета барона В.В.Меллер-Закомельского, бывшим министром земледелия А.В.Кривошеиным, возглавлявшим в 1920 г. при генерале Врангеле гражданское управление в Крыму, являвшимся вместе с П.Н.Милюковым товарищем председателя Государственного объединения.

Среди персонально приглашенных был и земец-октябрист Н.В.Савич, записки которого, относящиеся к Ясскому совещанию, мы публикуем впервые.

Несмотря на самый широкий политический спектр представленных в Яссах организаций, на Совещании было достигнуто, как уже отмечал Н.И.Астров,* единогласие по вопросу о необходимости помощи со стороны вооруженных сил союзников. Как в Обращении к союзникам от 17 ноября, так и в Меморандуме от 23 ноября было достигнуто также полное единомыслие по вопросу сохранения единства России при восстановлении и “демократического самоуправления”, и “элементарных гражданских свобод”.

Таким образом, по этим двум вопросам позиция всех представленных в Яссах политических организаций была в целом очень близкой к позиции генерала Деникина, т.е. в том числе и по вопросу о “единой и неделимой” России, за которую так часто упрекали генерала Деникина как во время гражданской войны, так и после нее.

Разногласия обнаружились в дискуссии о конструкции единой всероссийской власти в период борьбы с большевистской диктатурой. Большинство участников от Совета Государственного объединения были сторонниками военной диктатуры. Представи-

*

См. “Ясское совещание” — единственную вышедшую в зарубежье на эту тему статью И.И.Астрова в издании “Голос минувшего на чужой стороне” (Париж, 1926. С.68 — 69).

тели Союза Возрождения — Бунаков-Фундаминский и Титов, а также некоторые участники Государственного объединения, как например Н.С.Маргулиес, настаивали на создании Директории, назначенной Особым государственным совещанием.

В формировании Директории, по мнению Бунакова-Фундаминского, должны участвовать все политические партии. Далее он утверждал, что утопично думать, что западные демократии пойдут на рекомендуемую большинством Совещания единоличную диктатуру. Выступая за Директорию, Бунаков-Фундаминский имел в виду, как и эсеры уфимской Директории, прежде всего контроль над действиями верховной военной власти. Как известно, переход власти от уфимской Директории к адмиралу Колчаку вызвал протест со стороны эсеров и даже призывы некоторой части их на Западе с требованием прекратить помощь адмиралу Колчаку.

Возражая представителям Союза Возрождения, П.Н.Милочков говорил, что "диктатура не только возможна, но уже существует ... в лице Добровольческой армии ... потому что эта армия сохранила идею непрерывности борьбы и первая выступила и встала под знамя общерусской идеи".

Однако и среди сторонников военной диктатуры не было полного единогласия. Обнаружились два течения. Все представители Национального Центра и большинство Совета Государственного объединения высказались за диктатуру генерала Деникина, напоминая, что он принял командование после гибели генерала Корнилова по воле генерала Алексева и только смерть помешала Алексеву встать во главе Директории, на что были согласны еще в Москве все участники подпольных совещаний, в том числе и от Союза Возрождения.

Небольшая группа Совета Государственного объединения во главе с Кривошеиным, к которой примкнул Н.В.Савич, выдвигала кандидатуру бывшего Главнокомандующего Русской армией в 1914 — 1915 гг. великого князя Николая Николаевича, видя в нем символ надпартийной, общероссийской власти. Возражая Милочкову, говорившему на Совещании, что "приглашение лица царской крови является в значительной степени предрешением вопроса о форме правления, которую еще преждевременно возбуждать даже с точки зрения сторонников монархии", Н.В.Савич, как видно из протокола журнала №8, горячо защищал кандидатуру великого князя. В своих записках, которые мы публикуем, он сам так резюмировал свое выступление на заседании 20 ноября: "Великий князь является старшим по своему прежнему званию Вер-

ховного Главнокомандующего генералом русской армии, назначение его на пост Главнокомандующего освободительными армиями не уязвит ничьего сомолюбия ... Он пользуется авторитетом среди офицерства и генералитета, популярностью среди части солдатской массы. Наконец, его хорошо знают союзники, его слову они могут поверить ...”.

Савич подчеркивал, что он не возражает, чтобы генерал Деникин оставался фактическим командующим в качестве начальника штаба при великом князе. Но Савич и его сторонники остались в меньшинстве. 21 ноября состоялось голосование. За кандидатуру великого князя Николая Николаевича было подано 4 голоса. 9 членов делегации проголосовали за генерала Деникина. Стронники Директории от голосования воздержались.

Все эти решения и дискуссии заняли первые 16 заседаний Русской делегации в Яссах с 16 по 23 ноября 1818 г. Передав представителям союзников 3 меморандума с призывом о помощи после победы над Германией, в которую Россия внесла свой вклад в течение первых трех лет войны, делегация выехала 25 ноября в Одессу, где имело место еще несколько заседаний, посвященных текущим вопросам в связи с ожидаемой высадкой союзных войск.

В заключение нельзя не остановиться на судьбе журнала №21. Уже в Одессе на заседании 30 ноября генерал Гришин-Алмазов сделал доклад о положении в Сибири, откуда он незадолго до того прибыл. Его доклад был запротоколирован в этом журнале.

Этот единственный опубликованный протокол заседания Ясской делегации был помещен еще М.Н.Покровским в т.5(18) журнале “Красный архив” в 1926 г. В предисловии известный историк А.И.Гуковский, заимствуя все данные о Ясском совещании главным образом из статьи Астрова в “Голосе минувшего на чужой стороне”, не говорит, каким образом этот единственный журнал 21 попал в редакцию “Красного архива”.

Если не прямо, то все же достаточно ясно на этот вопрос отвечает генерал А.И.Деникин в 5-м томе “Очерков русской смуты”, вышедшем в том же 1926 г., но на несколько месяцев позже 5-го тома “Красного архива”.

В конце апреля 1919 года, — пишет генерал Деникин, — генерал Гришин-Алмазов отправился к адмиралу Колчаку, ...направляясь Каспийским морем через Петровск-Гурьев и далее сухим путем по Сибири. Он вез большую корреспонденцию ...”. Среди прочего там было и доверительное письмо А.И.Деникина адмиралу Колчаку с резким осуждением политики французского правитель-

ства, написанное, как признает сам А.И.Деникин, " ...под свежим впечатлением эвакуации французами Одессы и Крыма"*.

Катер, на котором плыл через Каспийское море генерал Гришин-Алмазов, был внезапно захвачен у самого берега большевистским миноносцем. Гришин-Алмазов тут же застрелился. Погибли и сопровождавшие его офицеры, и экипаж катера, за исключением механика, спасшегося чудом и сообщившего об этой трагической гибели молодого генерала.

Захваченное таким образом письмо генерала Деникина адмиралу Колчаку было тогда же опубликовано в "Правде", вызвав еще большее обострение отношений между Францией и командованием Вооруженными Силами на Юге России, а среди других документов была, очевидно, найдена и копия 21-го журнала Ясского совещания с изложением его доклада.

Согласно А.И.Гуковскому, на копии этого журнала стоит гриф "секретно", которого нет ни на одной копии, ни на подлинниках в нашей коллекции. Это лишь подтверждает, что журнал №21 попал к М.Н.Покровскому в редакцию "Красного архива" тем же путем, каким было доставлено в "Правду" письмо генерала Деникина.

Копии журналов совещаний Русской делегации Ясского совещания имеются в коллекции бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге (ныне — в ЦГАОР СССР) и в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (коллекция П.Н.Врангеля, ящик 36). Парижское общество ревнителей русской истории располагает не только копиями всех журналов, но и оригиналами большинства из них с автографами председателя и секретаря Делегации, а также различными другими материалами Ясского совещания. В данной публикации оригиналы отличаются от копий наличием в конце журнала подписей В.В.Меллер-Закомельского и Б.Е.Малютина, в копиях же указаны лишь их должности по Делегации. Приложения к журналам, а также упомянутый выше журнал 21 помещены в примечаниях.

Н.Рутыч

*

См. Д е н и к и н А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. V. С. 88 — 89.

Ж У Р Н А Л 1 СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ¹ В ЯССАХ

Дневное заседание 16/3 ноября 1918 г.

Присутствовали: российский посланник в Румынии С.А.Поклевский-Козелл, российский консул в Яссах А.С.Савинов, уполномоченный Российского общества Красного Креста в Румынии С.Н.Ильин, управляющий французским вице-консульством в Киве Энно и члены делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, А.В.Кривошеин, К.Р.Кровопусков, М.С.Маргулис, барон В.В.Меллер-Закомельский, П.Н.Милюков, И.М.Новиков, А.И.Пильц, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Н.Чемберс.

Открыв заседание в 3 ч. 30 мин. дня, С.А.Поклевский-Козелл приветствовал собравшихся от имени Организационного Комитета по установлению связи между Россией и ее союзниками. Оторванный от центров русской политической мысли, Комитет испытывал чрезвычайные затруднения в своей работе; теперь его роль может считаться оконченной. Собравшаяся в Яссах Делегация призвана завязать непосредственные сношения с союзными державами. До сих пор таких обращений не было, если не считать отдельных разрозненных и неорганизованных попыток; исключение составляет лишь недавнее Обращение к союзникам от имени командующего Добровольческой армией, переданное через его, посланника, посредство и содержащее изложение тех планов и пожеланий в отношении воссоздания и объединения России, выполнение коих с помощью и в единении с союзниками армия ставит своей целью. С.А.Поклевский-Козелл огласил затем текст названного Обращения (копия Обращения прилагается к настоящему журналу).

П.Н.Милюков, поясняя упоминания Обращения о Польше и Финляндии, заметил, что первое имеет целью оказание услуги самой Польше путем требования вывода из нее германских войск, второе же основывается на чисто формальном принципе упразднения всех актов, заключенных от имени России Советской властью, т.е. после 25 октября 1917 года. Другими словами, независимо от того или иного отношения к будущему международно-правовому положению Финляндии, Обращение подчеркивает формальное отрицание ее отделения от России, состоявшегося после большевистского переворота.

Председатель делегации барон Меллер-Закомельский от ее имени выразил глубокую благодарность Организационному Комитету в лице С.А.Поклевского-Козелла и его сотрудников, сумевших в самой тяжелой обстановке поддержать и проложить дорогу идее воссоздания России в единении с союзниками; вместе с тем председатель подчеркнул то чувство глубокого удовлетворения, которое испытывают члены Совецания, получив возможность непосредственного общения с представителями союзных Держав, за успехами коих Россия, не по своей вине, а в силу рокового стечения обстоятельств выбывшая из общего строя, не переставала с волнением следить, и конечное торжество коих она горячо приветствует.

Благодаря за приветствие, французский консул в Киеве Энно выразил уверенность, что революционные бури не могли совершенно расторгнуть той дружеской связи, которая установилась у России с союзными державами, и в частности с Францией, еще до войны и которая окрепла благодаря участию в общей борьбе. Вопреки постигшим ее несчастьям Россия не утратила права на существование, и Державы Согласия готовы оказать полное и искреннее содействие возрождению единой и неделимой России, но только единой и неделимой.

М.М.Федоров отметил значение Делегации как органа, объединяющего в своем составе представителей самых разнообразных и притом наиболее жизненных течений русской политической мысли. В нее входят члены Национального Центра — организации, возникшей в Москве, т.е. в самом гнезде большевизма, и сумевшей в самых тяжелых условиях негласного существования положить начало делу воссоздания России путем сношений с союзниками и поддержки Добровольческой армии, Совета Государственного объединения России и Союза Возрождения России, располагающего разветвлениями в Киеве, Одессе и других крупных центрах Украины и делегировавшего представителей государственно мыслящих социалистических партий. Столь авторитетный состав Делегации дает ей право и возможность вступить в ответственные переговоры с представителями Держав Согласия для установления общего плана действий в борьбе с общим врагом, каковым является большевизм. Чтобы достигнуть успеха в этой борьбе, Делегация должна действовать сплоченно и не щадить ни времени, ни усилий.

М.С.Маргулис приветствовал в лице г.Энно союзников на французском языке. Он подчеркнул, какую моральную поддержку

оказывало присутствие союзнических миссий в Москве и Петрограде, когда русские общественные и политические деятели оставались среди бушующего океана большевистских страстей. Делегация счастлива и здесь чувствовать подле себя дружественную поддержку мужественных и благородных союзников, свергнувших общими усилиями германское иго.

А.А.Титов напомнил Совещанию о том сочувственном отношении, которым неизменно пользовалась со стороны союзников русская демократия. Еще в марте месяце, когда возник Союз Возрождения России, объединивший видных членов партий социалистов-революционеров, социал-демократов, "оборонцев", народных социалистов и группы "Единства", с одной стороны, и членов партии народной свободы — с другой, союзные дипломаты вошли с ним в сношения, и результатом их явилась операция по высадке десанта на Мурманском побережье². Этот образ действий внушил русской демократии уверенность, что Державы Согласия продолжают считать Россию союзником, только впавшим в несчастье, и что они ни в коем случае не допустят заключения мира за ее счет. Основываясь на этой уверенности, Союз Возрождения принял приглашение на настоящее Совещание. Весьма вероятно, что по ряду вопросов будет достигнуто полное единство взглядов между представленными на Совещании организациями и представителями демократии; если же и обнаружатся расхождения, то наличность их может быть даже полезной, давая возможность союзникам лучше ориентироваться в русских делах.

С.А.Поклевский-Козелл высказал пожелание, чтобы независимо от тех или иных оттенков мнений в среде Делегации последняя, в интересах достоинства России и успеха представляемой ей идеи, выступала перед союзниками как единое целое. В противном случае разногласия в Делегации имели бы последствием колебания и нерешительность союзников, крайне вредные для нашего общего блага.

Председатель, барон В.В.Меллер-Закомельский, предложил начать прения с фактического осведомления о происходящем на Украине, могущего быть полезным и для французского консула, ввиду его намерения сегодня выехать в Киев.

А.А.Титов, получивший слово для освещения положения, отметил прежде всего крайнюю слабость гетманской власти, окрыляющую надежды двух враждебных ему течений: националистического и большевистского. Оба эти течения готовятся к захвату власти, рассчитывая притом на поддержку железнодорожников и

некоторых других элементов, субсидируемых большевиками и руководимых Мануильским, который, главным образом ради этого, остается в Киеве³. Однако планы переворота могли бы быть разрушены при условии дружного взаимодействия имеющихся в Киеве организованных сил, хотя бы и не расположенных поддерживать существующий режим самостийной Украины. К числу этих организаций относится Союз взаимопомощи интеллигентных воинов, насчитывающий до 5000 членов, из которых до 40%, т.е. около 2000, могли бы быть легко организованы и вооружены, так как им вверена охрана арсенала. Имеются также добровольные офицерские дружины, учрежденные правительством; наконец, можно рассчитывать и просто на офицерскую массу, ныне служащую Украине, которая только ждет подходящего момента для перемены знамени. Для всего этого необходимо, однако, безотлагательное появление союзников, которое, будучи признаком наступающей перемены, ободрит все здоровые силы и сдержит все элементы беспорядка.

Французский консул г.Энно, возбудив вопрос о той линии поведения, которой ему надлежало бы следовать по приезде в Киев, куда он собирается сегодня, высказал сомнение в желательности немедленного свержения гетманской власти, хотя бы и не располагающей ни материальной силой, ни моральным авторитетом. Гетман уже предпринял сам шаги в смысле изменения прежней ориентации на союзническую; так, его недавнее письмо на имя Белецкого прямо указывает на его желание отдаться на волю союзников. Поэтому для союзников представлялось бы, может быть, полезным сохранить временно существующий порядок, с целью изменения его в подходящий момент. С этой точки зрения важно было бы выяснить, следует ли, и если да, то в какой мере, оказать немедленную поддержку гетману в создании правительства русофильской окраски.

П.Н.Милюков находил, что присутствие в Киеве французского консула имеет положительные и отрицательные стороны. Участие его в местных политических комбинациях могло бы в значительной степени способствовать безболезненному переходу к желательному для союзников и для Делегации объединению с Россией путем временного поддержания существующего порядка, но, с другой стороны, этот же факт может дать санкцию неприемлемой для нас точки зрения гетмана. Необходимо оценить, какое из этих двух соображений должно перевесить; во всяком случае же-

лательно, чтобы г.Энно мог уехать, имея в виду известный общий план действий, установленный по соглашению с Делегацией.

Г.Энно, возвращаясь к анализу положения на Украине, заметил, что оно и в освещении его агентов представляется чрезвычайно затруднительным. Украинский посланник Коростовец уже получил предписание срочно вернуться в Киев; вместе с тем правительство всеми способами добивается иметь на Украине хотя бы неофициального представителя Соглашения, в надежде таким образом получить санкцию и опору своей власти. С другой стороны, и националисты ищут поддержки союзников для своих планов переворота. При таком положении дел французский консул счел полезным дать обеим сторонам советы, имеющие целью отсрочить решение. С его ведома г.Коростовцом была послана в Киев телеграмма, что Соглашение желает сохранения существующего режима, и советует не предпринимать решительных шагов; с другой стороны, через посредство г.Дарраса дан также совет вождю националистов Винниченко воздержаться от всякого необдуманного движения.

М.М.Федоров указал на связь между националистическим и большевистским движением на Украине. По имеющимся сведениям, большевики обещали поддержку националистам при условии допущения последними свободной пропаганды большевизма. Весьма вероятно, что уклон гетмана в сторону русской ориентации ускорит попытку указанных течений овладеть властью; против этого есть только одно действительное средство — скорейшее прибытие союзных штыков. Что же касается поездки г.Энно в Киев, то ее желательно было бы отложить до более точного выяснения взглядов Делегации на предстоящую ему политическую роль.

В результате изложенных прений Делегация постановила просить г.Энно временно отложить свой отъезд в Киев, если к тому не встретится препятствий со стороны французского посланника.

Заседание было закрыто в 4 ч. 30 м. дня⁴.

Председатель Делегации: барон Меллер-Закомельский.

Секретарь Делегации: Б.Е.Малютин.

Ж У Р Н А Л 2 СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Вечернее заседание 16/3 ноября 1918 г.

Присутствовали: члены делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, А.В.Кривошеин, К.Р.Кровопоусков,

М.С.Маргулиес, бар. В.В.Меллер-Закомельский, П.Н.Милюков, И.М.Новиков, А.И.Пильц, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс.

Открыв заседание в 5 часов дня, председатель бар. Меллер-Закомельский предоставил слово И.М.Новикову для освещения положения в Киеве с точки зрения соотношения сил.

И.М.Новиков указал, что в Киеве имеется значительное количество организаций и элементов, могущих быть использованными для поддержания порядка. К числу их относится, прежде всего, Союз взаимной помощи интеллигентных воинов, члены коего несут охрану арсенала и других военных складов и потому могут легко вооружиться сами и вооружить соответствующие элементы. В своем желании вооружить членов Союза И.М.Новиков как его председатель встретил сочувствие со стороны начальника гарнизона генерала Волховского; предполагалось, что 1000 человек будут вооружены независимо от общего хода объявленной ныне мобилизации специально для охраны военных складов от всяких посягательств, какова бы ни была их политическая подкладка. К организациям, пригодным для защиты порядка, можно причислить далее чехов, которых имеется до 500 — 600 человек и которые все время считались надежным элементом. Есть еще сердюцкая дивизия, располагающая офицерскими и унтер-офицерскими кадрами и набранная из детей так называемых хлеборобов. Ее недостаток составляют недостаточно солидные унтер-офицерские кадры, подобранные по вольному найму; можно думать поэтому, что указанный дефект будет нейтрализовывать положительные качества офицерского состава. Вполне надежными можно считать гетманский конвой, состоящий из 600 — 900 человек преимущественно офицеров и юнкеров и отряда особого назначения.

Что касается варты, насчитывающей до 2000 человек, то она благодаря условиям своего комплектования содержит весьма разношерстные элементы, зачастую близкие к большевизму; однако можно отметить и случаи весьма ревностного исполнения вартой своих обязанностей, например при производстве арестов и обысков большевиков.

Присоединяя к перечисленным еще добровольческие офицерские дружины Святополк-Мирского и Кирпичева, можно считать, что силы для поддержания порядка достигают 5¹/₂ тысяч человек.

Что касается шансов противной стороны, то можно сказать, что силы ее в строгом смысле этого слова невелики. В самом Киеве

у самостийников их почти совсем нет, но кое-какие группы, образовавшиеся из бывших большевистских банд и остатков полков Шевченко и Хмельницкого, поддерживавших Центральную Раду, сосредоточиваются у Фастова, Белой Церкви, Канева и частью в Черниговской губернии. Руководят ими такие военные самостийники, как Шинкар и др. Большое число сторонников, хотя и неорганизованных, враждебные порядку течения находят в подозрительных, грабительских слоях киевского населения, определяемых, по данным германской комендатуры, в 18 — 15 тысяч человек. Только в самое последнее время, когда немцы дали свое согласие на аресты большевиков, началась борьба с этими элементами.

Благоприятным для большевиков обстоятельством является, далее, наличность среди населения нередко весьма искусно запрятанных предметов вооружения и снаряжения, не исключая пульметов и орудий; несмотря на все требования немцев, значительная часть оружия осталась незданной. Что же касается оружия, коим снабжались домовые комитеты для организации самообороны, то большое его количество попало в руки швейцаров и дворников, т.е. элемента весьма ненадежного.

Немецкие войска, состоящие из двух полков пехоты, одного конного и 2 — 3 артиллерийских батарей, заняли, как известно, нейтральное положение, на случай тех или иных выступлений, но никто не поручится за то, что этот нейтралитет не превратится в более или менее активную поддержку большевиков. Надо также иметь в виду, что немцы несут охрану артиллерийских складов наряду и совместно с членами Союза взаимопомощи интеллигентных воинов.

Имеющиеся в Киеве 9 бронированных автомобилей следует считать величиной, в лучшем случае нейтральной.

Большие затруднения для элементов порядка представляют вялость и равнодушие, с каким власть и общество встречают всякие попытки к организации обороны. Представители власти нередко отказывают в отпуске необходимых средств, но общество также обнаруживает в этом отношении очень мало отзывчивости. Студенчество, первоначально изъявившее готовность дать поддержку, после первого порыва охладело к этой задаче.

Учитывая все изложенное и принимая во внимание, что настроение в образовавшихся уже частях все же довольно бодрое, можно надеяться, что они окажутся в состоянии дать отпор всяким выступлениям и что январские события в Киеве не повторятся.

И.И.Бунаков-Фондаминский заявил, что в его глазах только что приведенные расчеты не имеют значения, так как во всех переворотах главную роль играет психология масс, изменяющаяся нередко под влиянием самых мелких с количественной точки зрения фактов. Поэтому появление хотя бы слабых союзных войск может коренным образом изменить настроение; прибытие одной миноноски в Одессу удесятерит силы сопротивления, день промедления настолько же усилит шансы возрастания (так в тексте. — *Н.Р.*).

М.В.Брайкевич, характеризуя положение Одессы, указал, что там есть элементы порядка, наблюдается и стремление их к организации вокруг Городской думы, но все такие попытки встречают препятствия или даже прямой отпор со стороны градоначальника Мустафина. В результате все темные силы, к числу которых можно отнести и Союз русского народа, насчитывающий до 500 человек, поднимают голову и могут в случае какого-либо движения активно выступить и превратить его в самый обыкновенный погром, тем более что варта в большинстве участков настроена в пользу большевиков. При такой обстановке только решительное выступление союзников и декларирование им единства России может изменить шансы сторон в благоприятном смысле, создав необходимую бодрость настроения в среде элементов порядка, которые могут в таком случае рассчитывать на поддержку офицерства, студенчества и профессиональных союзов.

М.М.Федоров, придавая большое значение только что заслушанной информации о положении на Украине, тем не менее полагал необходимым безотлагательно перейти к разрешению общего вопроса о плане действий союзников в России в сотрудничестве с Добровольческой армией как главным оплотом ее возрождения и единства.

М.С.Маргулис высказал, что при всей важности общего вопроса нельзя забывать о срочных мерах, необходимых ввиду неустойчивого положения на Украине. Положение это обязывает обратиться к союзникам с указанием на необходимость немедленной присылки военных сил в Одессу и Николаев; такое обращение могло бы быть облечено в форму телеграммы командующим флотом в Константинополь и сухопутными войсками в Салониках.

А.А.Титов высказал предположение, что промедление в прибытии сил союзников вызывается часто неосведомленностью в наших делах, частью же опасением своим приходом предreshить отношение Согласия к Украине. Дело Делегации — облегчить задачу союзников в том и другом отношении.

П.Н.Милюков заметил, что выделение вопроса об Украине в первую очередь, давая разрешение лишь одной части общего плана действий, нисколько не предрешает последнего во всем его объеме и потому может и должно быть принято.

Останавливаясь на практической стороне дела, М.С.Маргулиес полагал, что вопрос о помощи Украине может быть разрешен путем телеграфного обращения к союзникам с просьбой о присылке вооруженных сил в скорейшем времени и с указанием желательной, с точки зрения Делегации, политики союзников на Украине. При этом отрицательное отношение их к украинскому государственному строю может быть установлено путем особой декларации об единстве России, подлежащей выпуску одновременно с приходом войск; кроме того, символом признания ими единой России могло бы послужить поднятие при салютах Андреевского флага. Последняя задача облегчается тем, что даже украинские власти, по слухам, уполномочили высылаемого ими на встречу союзному флоту адмирала Максимова поднять Андреевский флаг с целью избежать возможных недоразумений. В качестве характерной справки можно добавить, что подобное же решение, уже независимо от украинских властей, принято офицерами нескольких судов в Севастополе, заранее избравшими своим командиром на случай ожидаемой политической перемены адмирала Канина. Эти суда, снабженные благодаря помощи Военно-промышленного комитета командами и средствами, готовы воспользоваться первым случаем, чтобы присоединиться к составу союзного флота.

П.Н.Милюков указал, что вопрос о технике посылки телеграммы и ее содержании подлежит выяснению по соглашению с русским посланником. Важно лишь добиться скорейшего эффекта и установить, какие войска и когда могут быть присланы. Есть данные предполагать, что авангардом союзных сил могут явиться румыны, греки и сербы, и обстоятельство это должно быть учтено при разрешении вопроса.

М.М.Федоров отметил, что ядром для посылки союзных сил должна послужить салоникская армия, насчитывающая, по некоторым сведениям, не менее 500 000 человек.

И.М.Новиков привел для справки, что, по словам представителя Добровольческой армии, с которым он сегодня беседовал, союзники предполагают выслать по одной дивизии в Одессу и в Новороссийск; что касается использования румын в качестве аван-

гарда, то оно не предполагалось, так как и сама мобилизация Румынии произошла неожиданно для союзников.

Отметив единодушие Делегации в вопросе о немедленном обращении к союзникам по поводу положения на Украине, председатель барон Меллер-Закомельский предложил избрать 2–3 лица для выработки текста обращения, а затем перейти к установлению той политической директивы, которую Делегация хотела бы дать союзникам, и в частности консулу г.Энно, для его действий в Киеве.

Совещание поручило разработку текста обращения П.Н.Милюкову и А.А.Титову.

Обращаясь к вопросу о директивах г.Энно, П.Н.Милюков высказал, что эта директива может быть определена общим образом с отрицательной стороны: во-первых, в политике союзников не должно быть допущено ни одного шага, который, прямо или косвенно, давал бы повод заключить о признании ими независимой и самостоятельной Украины; во-вторых, их действия не должны содержать ничего, что бы давало возможность Украине рассчитывать на последующее определение взаимоотношений с Россией договорным путем, т.е. на правах независимой державы.

Единогласно приняв данную П.Н.Милюковым формулу в качестве общего основания желательной политики союзников, Совещание перешло к вопросу о том конкретном участии в местных делах, какое мог бы проявить отправляющийся в Киев французский консул.

П.Н.Милюков полагал, что пока гетман не высказался определенно и искренно за союзническую ориентацию, разговоров с ним быть не должно. Есть, однако, ряд признаков, указывающих, что [он] с нетерпением ждет возможности ее обнаружить: таковы, например, приглашение в Киев союзных консулов, установление прямого провода с Добровольческой армией, допущение вербовки в последнюю, освобождение арестованных добровольческих офицеров. Ввиду этого возникает вопрос, не следует ли использовать поездку г.Энно для давления на гетмана в желательном для Делегации смысле. Если временное сохранение гетманской власти может послужить способом безболезненного перехода к объединению Украины с Россией, парализующим большевистскую и националистическую опасность и избавляющим сторонников общерусской ориентации от необходимости переворота, то консулу следовало бы, ничем себя не связывая, оказать гетману поддержку. Без нее он будет вынужден искать опоры в другом месте, например у националистов, тогда как под-

держка г.Энно может обусловить и содействие русского офицера, которое, конечно, не двинулось бы только для того, чтобы защищать гетмана от националистов и большевиков.

С.Н.Третьяков полагал, что немедленная поездка г.Энно в возбужденный Киев, не будучи достаточно подготовлена, могла бы повредить делу, особенно если он не будет в состоянии дать ответ о точном сроке прибытия штыков.

М.С.Маргулиес выразил сомнение в действительности г.Энно как средства воздействия на положение дела в Киеве. Без возможно скорого прибытия вооруженных сил и психологическое значение прибытия консула скоро изгладится.

М.М.Федоров полагал, что упомянутые вчера консулом телеграммы могут скорее оказать сдерживающее влияние, чем его личное присутствие в Киеве.

С поездкой лучше обождать 1—2 дня, тем более что за это время может получиться ответ на телеграфное сообщение Делегации к союзникам.

Необходимо так обставить поездку г.Энно, чтобы она могла дать реальные результаты; только в этом случае она будет полезна для общего дела.

И.М.Новиков выразил сомнение, не будет ли поездка г.Энно истолкована заинтересованными кругами как признание союзниками самостийности.

П.Н.Милюков возразил, что это опасение устраняется той инструкцией, которой Делегация предполагает снабдить консула, не говоря уже о том, что никогда присутствие консула не означает само по себе международного признания.

А.Я.Чемберс находил, что поездка г.Энно имела бы реальный смысл лишь в том случае, если бы с ней связывался определенный план действий, например организация сочувствующих офицерских групп.

Председатель барон В.В.Меллер-Закомельский высказал опасение, что прибытие консула, с которым сторонники русских течений в Киеве связывают столько надежд, вызовет в них разочарование, если, что весьма вероятно, окажется, что он не в состоянии, не будучи достаточно осведомлен, дать точные ответы о намерениях союзников, и в особенности о времени прибытия и численности десанта.

К.Р.Кровоусков отметил, что самый факт поддержки консулом гетмана, хотя бы и временно, может вызвать разочарование в русских кругах.

И.И.Бунаков-Фондаминский усматривал в поездке г.Энно лишний шанс избежать стихийного разрешения вопроса. Но для обеспечения этого шанса нужна программа действий, обличающая твердую волю и сводящаяся к энергичному давлению на гетмана в смысле образования им русофильского кабинета и немедленного созыва разогнанных демократических дум, вокруг которых стали бы сплачиваться демократические элементы. Сам гетман при рекомендуемой органом комбинации должен отойти в сторону, чтобы через короткое время совсем уйти.

П.Н.Милюков, возражая И.И.Бунакову-Фондаминскому, указал, что проектируемое им сохранение гетманской власти со сменой кабинета и есть, в сущности, сохранение диктатуры, хотя бы и слабой; что касается демократических дум, то опыт их деятельности достаточно показал, какой элемент разложения они вносят в политику, ввиду этого восстановление дум, состоящих из весьма разношерстных и избранных при ином настроении элементов, могло бы лишь подорвать успех той задачи, которую Делегация себе ставит.

М.М.Федоров присовокупил к доводам П.Н.Милюкова, что созыв старых дум тем менее уместен, что 1 января, т.е. через 1¹/₂ месяца, истекает срок их полномочий.

Ввиду полной выясненности вопроса о поездке г.Энно Председатель предложил разрешить его голосованием.

Совещание большинством 7 против 6 голосов высказалось за временную отсрочку отъезда консула.

Председатель барон Меллер-Закомельский возбудил вопрос, нет ли иных способов немедленного воздействия на положение в Киеве. И.М.Новиков заметил, что офицерские организации, вовсе не будучи склонны защищать гетмана самого по себе, вероятно, окажут помощь против всяких выступлений, в целях просто сохранения порядка.

Совещание признало полезным, чтобы И.М.Новиков написал в указанном смысле своим киевским единомышленникам.

В 8 часов вечера председатель закрыл заседание, объявил следующее на 17/4 ноября в 10 часов утра.

Председатель Делегации: Бар. В.Меллер-Закомельский.

Секретарь делегации: Б.Малютин.

С подлинным верно: Б.Малютин.

Ж У Р Н А Л 3 СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Утреннее заседание 17/4 ноября 1918 г.

Присутствовали: члены делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, А.В.Кривошеин, К.Р.Кровогусков, М.С.Маргулиес, бар. В.В.Меллер-Закомельский, П.Н.Миллюков, И.М.Новиков, А.И.Пильц, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс.

По открытии заседания в 10 ч. 15 м. утра был оглашен и принят с незначительными поправками текст Обращения к союзным державам, Выработанный по поручению Делегации П.Н.Миллюковым и А.А.Титовым (копии русского и французского текстов Обращения прилагаются).

Обменявшись затем замечаниями по вопросу об адресе и порядке отправки Обращения, Совецание постановило разрешить этот вопрос по соглашению с посланником и, независимо от этого, воспользоваться предстоящим в 3 часа дня приемом в Английской миссии, чтобы ознакомить с Обращением союзных дипломатов и просить их передать его своим правительствам.

М.С.Маргулиес возбудил вопрос о необходимости организовать правильное осведомление Делегации о текущих политических событиях, в настоящее время совершенно отсутствующее. В этих целях можно было бы использовать союзные миссии, румынский штаб, редакции газет и т.д.

М.М.Федоров полагал, что помимо осведомления через дипломатов и через газеты необходимо добиться права посылки шифрованных депеш по радиотелеграфу, а также просить посланника командировать в Тирасполь особого курьера, который взял бы на себя, с одной стороны, пересылку в Киев и Одессу телеграмм и почты, а с другой — доставку оттуда последних местных газет.

Заслушав ряд указаний и замечаний по этому предмету, Совецание постановило выяснить путем беседы отдельных членов Делегации с русским посланником и союзными дипломатами, а также с пребывающими в Яссах русскими офицерами, временно состоящими на Румынской службе, возможность получения правильной информации из разных источников.

Заслушав затем текст письма, написанного И.М.Новиковым киевским единомышленникам во исполнение вчерашнего постановления Совецания, последнее одобрило содержание письма,

подчеркнув, что оно тем не менее должно почитаться не официальным документом, исходящим от Делегации, а частным обращением одного из членов, хотя и действующего с ее ведома и согласия. При этом совещание признало необходимым, чтобы содержание письма было сообщено не только адресату, т.е. президиуму Союза взаимопомощи интеллигентных воинов, но и И.П.Демидову, С.Н.Маслову и В.В.Станкевичу как деятелям представленных в делегации организаций.

По предложению председателя Совещание вернулось к вопросу о поездке французского консула в Киев и о той инструкции, которой надлежало бы его снабдить.

П.Н.Милюков отметил, что по вопросу об общих отрицательных признаках, долженствующих определить будущее поведение г.Энно, соглашение уже достигнуто; что касается более детальной формулировки пожеланий, то вероятно получить общее одобрение и указание на необходимость порвать сношения консула с националистами. Это тем более необходимо, как можно заключить из вчерашних сообщений консула, что сношения эти зашли, быть может, дальше, чем следовало бы, и могли бы поэтому внушить националистам преувеличенные надежды на союзников. Остается засим вопрос об отношении консула к гетманской власти в связи с планом созыва демократических дум; последнее предположение, исходившее от И.И.Бунакова-Фондаминского, вызвало вчера разногласия.

И.И.Бунаков-Фондаминский, возвращаясь к своему вчерашнему предложению, изъявил готовность не настаивать на созыве прежних дум и удовольствоваться заявлением гетмана о назначении им в кратчайший срок новых выборов на основе всеобщего избирательного права. Такая мера, будучи возвещена одновременно с объявлением гетману о решительном переходе к русской ориентации и соответствующим изменением кабинета, произвела бы самое благоприятное впечатление на демократические массы и тем самым предупредила бы стихийное развитие событий.

В 11 ч. 45 м. председатель, в силу необходимости для членов Делегации отправиться на молебствие в Митрополию по случаю победы союзников, объявила перерыв занятий Совещания до 4 часов дня⁵.

Председатель Делегации:	бар. В.Меллер-Закомельский.
Секретарь Делегации:	Б.Малютин.
С подлинным верно:	Б.Малютин.

П р о т о к о л

Совещания Русской делегации в Яссах
с союзными посланниками,
состоявшегося 17/4 ноября 1918 года в [...] часа дня
в английской миссии

Присутствовали: посланники: английский — сэр Барклей, Соединенных штатов — Вопичка, французский — гр. Сент-Олер, итальянский поверенный в делах — Ауритти, и члены Делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, А.В.Кривошеин, К.Р.Кровопусков, М.С.Маргулиес, И.М.Новиков, А.И.Пильц, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс.

Английский посланник — сэр Барклей — от своего имени и от имени своих коллег, представляющих Державы Согласия, приветствует Делегацию России. Непосредственных и правильных общений с представителями России в последнее время не было из-за условий войны и внутреннего положения России. Для того чтобы положить начало этим сношениям, представители Держав пригласили Делегацию посетить Яссы.

После победного окончания войны, величайшей в мире, обеспечивающей завоевания культуры и свободы наций, Державы Согласия сделают все, что в их силах, для того чтобы помочь России в борьбе с большевиками восстановить свое единство, свое политическое и экономическое существование. Они желают узнать от представителей России, что, по их мнению, нужно сделать для достижения этой цели. Он передает затем слово своему французскому коллеге г. Сент-Олеру, который вполне присоединяется к точке зрения, изложенной сэром Барклеем.

От имени Русской делегации П.Н.Милюков приветствует союзников с победой и в торжестве их видит для России надежду на возрождение и установление государственного порядка, поправленного деспотизмом и произволом Советской власти.

Он благодарит союзников, взявших на себя почин непосредственного сношения с государственно мыслящими элементами России. Русская Делегация включает помимо лиц, персонально приглашенных, представителей следующих организаций: Национального Центра, Союза Возрождения и Совета Государственного объединения России.

Две первые организации возникли в Москве конспиративно, жили под угрозой большевиков и вступили уже и даже находились в регулярных сношениях с представителями держав Согласия с целью восстановления России и образования Восточного и Северного фронтов для борьбы с Германией. Последняя организация — Совет Государственного объединения России — возникла в последнее время уже в условиях более спокойной жизни на Юге России. По своему составу все три организации объединяют почти все течения политической мысли России, за исключением крайней правой и крайней левой. В частности, в Национальном Центре входят лица по признаку персонального вхождения, принадлежащие к различным оттенкам буржуазно-демократического направления. Между прочим, очень значительная часть Национального Центра пополнилась членами партии народной свободы. В Союз Возрождения, тоже по признаку персонального вхождения, вошли государственно мыслящие члены социалистических партий с.-р., н.-с., с.-д., группы "Единство", с.-д. оборонцев и видные члены партии народной свободы. Совет Государственного объединения России составлен по принципу представительства групп: Бюро Законодательных палат Государственной думы и Государственного совета, Торгово-промышленной группы, объединяющей представителей почти всей промышленности и торговли России, земские деятели, городские (не социалистические), Церковь и Сенат.

Прежде чем изложить представителям союзных Держав соображения о мерах воссоздания России и путях, которые для этого должны быть намечены и о которых представителям организации нужно еще окончательно уговориться, П. Н. Милюков считает нужным сказать о том насущном вопросе, который бесконечно волнует всех членов делегации; но прежде чем перейти к нему, необходимо отметить те основные принципы, которые для всех теперь уже ясны и которые составляют базу объединения всех групп. Принципы эти:

- 1) Отрицание Брестского договора и признание единой, неделимой России в границах августа 1914 года, за исключением, однако, Польши; воссоединение всех трех частей Польши на принципе независимого государства с выходом к морю признается и признавалось актом справедливости и союзными державами, и русским Временным правительством. Таким образом, все губернии, входившие в состав России под наименованием

Царства Польского, должны войти во вновь образуемое польское государство.

2) Непризнание отдельных государственных образований, не стоящих на платформе единой, неделимой России, образованных при помощи Германии в целях разделения России.

3) Соответственно единое дипломатическое представительство России как теперь, так и на мирной конференции.

4) Единое русское командование при очищении России от большевиков.

5) Признание величайших заслуг в деле воссоздания России за Добровольческой армией и чрезвычайно важной ее работы в деле воссоздания России.

Тот же основной вопрос, который в данную минуту всех волнует и от которого будут зависеть успех и большая или меньшая трудность очищения России от большевиков как для русских сил, так и для сил союзных Держав (каковые силы, как можно надеяться, будут даны России), это внутреннее положение Украины, угрожаемой извне большевистскими бандами.

Германия, создавшая и раздувавшая ультрашовинистические самостийные течения на Украине, практически тем не менее всегда мешала созданию на Украине прочной государственности.

В частности, войска на Украине так и не создались, и разрозненные войсковые части совершенно неспособны поддерживать при нейтралитете или уходе немцев порядок в стране.

Немецкие части представляют теперь положительную опасность, ибо находятся в состоянии разложения. Возможно, что они или объявят нейтралитет, или соединятся с большевиками, или, наконец, будут просто грабить население.

Внутренние большевистские силы, вернее элементы, грабительно настроенные и не расположенные возвратиться к мирному труду, на Украине значительны.

Все, что настроено на русскую ориентацию, — а таких громадное количество на Украине — не дает своих симпатий гетманскому правительству, которое является, до сих пор по крайней мере, символом самостийности.

При такой обстановке внутри страны извне ей угрожает большевистская армия, день ото дня делающаяся все крепче и крепче, благодаря железной дисциплине, которая там вводится, и обильному снаряжению, оставшемуся от демобилизации по заключении Брестского мира.

В полном знании обстановки мы бесконечно опасаемся, что большевики, с одной стороны, и кучка самостийников, к которым присоединятся грабительские элементы — с другой, попытаются захватить Киев, Харьков и другие важнейшие пункты. Страна снова будет подвержена всем эксцессам гражданской войны и сплошному разорению промышленных предприятий. Таким образом, территория Украины, Дона и Кубани, могущая служить плацдармом для организации русских и союзных сил для борьбы с большевиками, будет ввержена в анархию и потеряна, что повлечет за собой громадные трудности.

Важно поддержать бодрость в тех русских силах, которые могут быть мобилизованы для сохранения порядка, и для этого надо немедленно, до посылки более крупных сил союзниками, теперь же командировать несколько военных кораблей в порты черного моря, особенно в Одессу и Николаев, а также несколько отрядов в большие города и важные стратегические пункты. Сделав это надо теперь же, не теряя времени, ибо в противном случае несчастье может быть очень и очень большим. Делегация надеется, что военные корабли Держав поднимут Андреевский флаг для приветствия встречающих, среди которых так много боровшихся вместе с союзниками за общие великие цели.

П.Н.Милюков паредает Обращение союзным посланникам.

М.М.Федоров указал, что к полному освещению вопроса, представленному П.Н.Милюковым, со свойственными ему ясностью и убедительностью, остается добавить немного. М.М.Федоров хотел бы отметить, что прибывшая из России Делегация представляет не только все оттенки русской политической мысли, кроме крайней правой и левой, не только крупнейшие экономические и государственные организации в стране, но и в деле сношения с союзниками здесь, в Яссах, преемственно продолжает давно уже начатую в этом направлении работу. Отдельные члены настоящей Делегации, в том числе и сам оратор, сначала как член совета при генерале Алексееве в Новочеркасске⁶, а затем как председатель Национального Центра в Москве, были все время в самых близких сношениях с представителями союзных держав в обоих этих пунктах. Поддержка союзниками Добровольческой армии с ассигнованием на это значительных сумм, переговоры об интервенции союзников на северо-восточном фронте, об основаниях образования Уфимского правительства, велись последовательно и в полном дружественном единомыслии до самого ареста некоторых пред-

ставителей союзных Держав и выезда их из Москвы, последовавшего в начале сентября.

Все это дает Делегации особые основания авторитетно продолжать здесь от лица России переговоры с представителями союзных Держав в Яссах. Основным вопросом является не только денежная и материальная помощь, но и посылка десантных войск союзниками на Юг России и в Добровольческую армию для борьбы с большевизмом. Первое Обращение, изложенное П.Н.Милюковым и касающееся специально Украины, есть только часть общего плана, над которым делегация сейчас работает, стремясь к взаимному полному согласованию всех представленных оттенков политической мысли.

Но вопрос, на котором особенно настаивал М.М.Федоров, это тот, что борьба с большевизмом в России является не только русским делом, но и делом общеевропейским, всемирным.

Привитая России при деятельном участии Германии болезнь большевизма произвела наибольшие опустошения, конечно, в России; о прожитых и переживаемых Россией ужасах пробывший в центре большевизма Москве более полугода и только что прибывший оттуда М.М.Федоров имеет полную возможность свидетельствовать. Но болезнь успела уже заразить и тех, кто всемерно способствовал ее распространению в России. Не только в Германии, но и во всех больших городах Украины уже образовались немецкие Советы солдатских депутатов. Не только Иоффе, посол Совнаркома, возвращен в Берлин, но эти Советы уже постановляют, что они не будут препятствовать выступлениям русских большевиков на Украине, а с распространением в рядах немецких войск большевистских идей можно заранее предвидеть возможность и совместного действия с большевистскими войсками, численность которых все увеличивается, и поддерживаемая террором дисциплина крепнет. Всякое промедление поэтому в деле победы над большевизмом в России, сейчас еще вполне возможной, грозит создать условия распространения большевизма на всем Юге России и совместного действия русских и немецких большевистских войск, что потребует не только гораздо больше сил, но и может создать обстановку, почти непреодолимую для действительной победы, а, следовательно, и грозную опасность не только для Европы, но для всего мира.

Приветствуя от всего сердца победу союзных войск над германской коалицией и выражая глубокую скорбь, что Россия, положившая начало этой общей победе союзников, подвигами и

кровью своих сынов давшая возможность союзникам, в особенности Англии и Америке, собраться с силами для нанесения сокрушительного удара общему врагу, лишена была возможности принять участие в этом последнем и славном ударе, М.М.Федоров предостерегает, однако, от того, чтобы считать дело войны законченным, пока не сокрушен большевизм.

П.Н.Милюков обращается от имени Делегации к представителям союзных Держав с просьбой о признании С.А.Поклевско-го-Козелла дипломатическим представителем единой России, с представлением ему всех прав, вытекающих из такого признания.

Английский посланник заявляет от имени дипломатического корпуса, что фактически такое признание уже состоялось и что если понадобится для этого выполнение каких-либо формальностей, то он со своей стороны предпримет все необходимые шаги.

Английский посланник — сэр Барклей — сообщает от имени своих коллег, что они примут все меры, чтобы осведомить свои правительства, а также сообщить в главную квартиру в Салоники о необходимости посылки судов и войск, всемерно поддержать со своей стороны представление Делегации, и что они снова соберутся, когда Русская делегация закончит свои совещания и сообщит о желательности новой встречи.

Ж У Р Н А Л 4

СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Вечернее заседание 17/4 ноября 1918 г.

Присутствовали: русский посланник в Румынии С.А.Поклевский-Козелл, управляющий французским вице-консульством в Киеве г.Энно и члены делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, А.В.Кривошеин, К.Р.Кровоупсков, М.С.Моргулис, бар. Меллер-Закомельский, П.Н.Милюков, И.М.Новиков, А.И.Пильц, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс.

Открыв заседание в 5 часов дня, председатель бар. В.В.Меллер-Закомельский предложил продолжить обсуждение вопроса о поездке г.Энно в Киев и инструкции ему от лица Русской делегации.

П.Н.Милюков, останавливаясь на конкретном плане И.И.Бунакова-Фондаминского, находил его сегодняшнюю формулировку гораздо более приемлемой, чем первоначальная. Оставалось бы только условиться о пределах применения начала всеобщего из-

бирательного права к предлагаемым новым выборам в городские и земские самоуправления; и если бы представители левых течений согласились допустить известное повышение возрастного ценза, примерно до 25 лет, и установление некоторого ценза оседлости, то единодушие было бы полностью достигнуто и в этом пункте.

И.И.Бунаков-Фондаминский заявил, что он не встречает возражений против пересмотра вопроса о возрастном цензе оседлости.

М.М.Федоров вновь подчеркнул желательность установления тесной связи между консулом и русскими организациями в Киеве. Для этой цели, быть может, потребуются совместные совещания представителей всех подобных групп с г.Энно.

По поводу последнего соображения А.Я.Чемберс высказал сомнение в возможности таких совещаний; открытый их характер дал бы повод гетману думать, что означенные группы принимают с ведома союзников прямое участие в образовании украинской власти.

Общение консула с этими группами желательно, но только в порядке частного осведомления. Что же касается общего плана, связываемого с поездкой г.Энно, то он окажется полезным как мера временного характера, только при условии скорого появления на Украине союзных войск, в противном же случае план этот только усилит самостийников и ускорит их выступление.

М.В.Брайкевич полагал, что вмешательство консула в Украинские дела, как фактор активной политики не преминет оказать желательное психологическое воздействие, приободрив, с одной стороны, русские группы и вызвав депрессию в рядах их противников. Если бы удалось осуществить намеченный план смены кабинета и декларации гетмана о стремлении к единству России, это составило бы огромный выигрыш по сравнению с нынешним положением. Украина в этом случае перешла бы на положение Дона и других подобных временных государственных образований, а это чрезвычайно упростили бы будущую задачу собирания России.

Если сама гетманская власть как таковая при этом и не уцелела бы, то в этом не было бы беды, так как гетман мог бы остаться на положении наместника или генерал-губернатора. Такой исход был бы, вероятно, приемлем и для той части украинцев, которая не хочет полного разрыва с Россией.

М.М.Федоров, ссылаясь на замечание А.Я.Чемберса о совместном совещании русских организаций в Киеве с г.Энно, указал, что если подобные, конечно конспиративные, заседания могли проходить в большевистской Москве, то тем более они возможны

в Киеве, вопрос же о их желательности будет разрешен в зависимости от их обстановки.

С.Н.Третьяков высказал сомнение, не будет ли объявление гетмана об усвоении им общерусской ориентации означать отказ от гетманской власти.

Следовало бы изыскать формулу, которая устранила бы это сомнение.

П.Н.Милюков возразил, что изменение ориентации не равносильно упразднению существующего режима, ибо гетманская власть мыслима и в зависимой Украине.

Председатель бар. Меллер-Закомельский, полагая, что вопрос всесторонне выяснен и не вызывает разногласий, предложил, пользуясь присутствием в заседании г.Энно, теперь же огласить инструкцию, которую делегация хотела бы просить г.Энно принять к сведению и руководству.

П.Н.Милюков ознакомил г.Энно с содержанием инструкции, которая и была принята Совещанием (копия инструкции прилагается).

Г.Энно со своей стороны изъявил полное согласие с пожеланиями, изложенными в декларации, и готовность руководствоваться ими в предстоящей ему деятельности.

М.М.Федоров обратил внимание Совещания на то, что во время сегодняшнего молебствования в Митрополии по случаю победы союзников в молитве при упоминании держав Согласия, имя России было дважды пропущено. Это умолчание является оскорбительным для России, тем более что на богослужение приглашен был и русский посланник. Делегации необходимо реагировать на этот инцидент.

С.А.Поклевский-Козелл выразил сомнение, может ли быть достаточно обоснован соответствующий протест, если принять во внимание факт выбытия России из войны.

П.Н.Милюков полагал, что такой протест может быть построен на основе, может быть несколько натянутой, но все же вполне защитимой фикции, что Россия как государство не переставала существовать и из войны не выходила. Только исходя из этой фикции, можно говорить о верности союзным договорам и непрерывности участия России в войне. Результат последней является общим достоянием Держав Согласия и в значительной мере обусловлен жертвами и участием России до большевистского переворота; но даже оставляя почву фикции, нельзя забывать о том, что действия Добровольческой армии сохранили фактически прием-

ственность русского участия в общем деле. На той же точке зрения постоянно стояли и союзники, неоднократно подчеркивающие, что они продолжают считать Россию существующей. Что касается существа инцидента, то, конечно, он является шиканой* — особо в связи с нашим требованием признания русского посланника. Но так как с точки зрения дипломатических отношений официальный протест мог бы поставить посланника в неловкое положение, то правильнее и тактичнее избрать более мягкий способ. П.Н.Миллюков готов, пользуясь предстоящим ему посещением Братиано по приглашению последнего, обратить в частной беседе его внимание на неприятное впечатление, вызванное инцидентом в среде членов Делегации.

М.С.Маргулиес подчеркнул, что юридически выход России из войны не может быть обоснован, хотя бы уже потому, что союзники никогда не давали своего признания Советской власти.

К.Р.Кривоусов заметил, что Румынии, не только выбывшей из войны, но и заключившей формальный мир, менее всего приличествало бы указывать на выбытие России. По существу же поддержание и подчеркивание предложенного П.Н.Миллюковым построения необходимо проводить при каждом удобном случае, так как только на нем можно обосновать право России на восстановление ее единства и на достойные условия мира.

Совещание, вполне соглашаясь с высказанными П.Н.Миллюковым соображениями, поручило ему сделать Братиано соответственное заявление.

По предложению М.М.Федорова Совещание, останавливаясь на вопросе об ориентации делопроизводства, постановило возложить на секретаря Делегации Б.Е.Малютину ведение журналов ее заседаний и командировать ему в помощь, с согласия русского посланника, русского консула в Бухаресте А.С.Барановского.

П.Н.Миллюкова Совещание просило принять на себя наблюдение за редакцией журналов.

В 7 часов вечера председатель закрыл заседание, объявил следующее на 18/5 ноября в 10 часов утра⁷.

Председатель делегации: бар. Меллер-Закомельский.

Секретарь делегации: Б.Малютин.

С подлинным верно: Б.Малютин.

*

От фр. *chicaner* — ("нарушающий процедуру"). — *Ред.*

Ж У Р Н А Л 5

СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Утреннее заседание 18/5 ноября 1918 г.

Присутствовали: российский посланник в Румынии С.А.Поклевский-Козелл и члены Делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, А.В.Кривошеин, К.Р.Кривошусков, М.С.Маргулиес, бар. Меллер-Закомельский, П.Н.Милюков, И.М.Новиков, А.И.Пильц, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс.

Заседание открыто в 10 ч. 30 м. утра.

Ввиду приезда из Екатеринодара В.В.Шульгина, привезшего новые сведения, и ожидаемого к вечеру генерала Щербачева снимается с очереди военный вопрос о роли Добровольческой армии в деле освобождения России от большевизма и степени содействия ей со стороны союзников.

Совещание перешло к обсуждению вопроса об отношении к тем новым государственным образованиям, которые существуют в настоящее время в России.

П.Н.Милюков, указав на общий принятый Делегацией принцип отрицания всех мер, проведенных большевиками после 25 октября 1917 года, и признания их ничтожными, предложить выставить лозунгом воссоздание единой неделимой России в ее пределах к 25 октября 1917 г., т.е. за исключением Польши, с полным объединением в первую очередь военного командования и дипломатического представительства.

М.М.Федоров внес поправку о точном определении границ Польши пределами б[ывшего] Царства Польского (не включая Литвы и Белоруссии) и желательности объединения также таможенного и финансового.

И.И.Бунаков-Фондаминский высказался за необходимость выделения вопросов финляндского и бессарабского путем оговорок, что эти вопросы подлежат разрешению мирного конгресса.

А.В.Кривошеин считал желательным не выделять этих вопросов и ограничиться формулой возможно общей, а более точную формулировку принять лишь в случае, если то будет потребовано союзниками.

С.А.Поклевский-Козелл ознакомил Делегацию с точкой зрения союзников на бессарабский вопрос и возможное их отношение к России в этом вопросе.

М.С.Маргулиес предложил, не выделяя вопроса о Финляндии и Бессарабии, как подлежащего якобы обязательному обсуждению на мирной конференции и в то же время не закрывая к этому пути, ограничиться формулой приблизительно следующего содержания: "Совещание, однако, предусматривает, что некоторые вопросы, затрагивающие интересы союзных государств, будут предметом обсуждения на мирной конференции".

После дальнейшего обмена мнениями касательно целесообразности особого выделения вопросов финляндского и бессарабского, председатель бар. Меллер-Закомельский, резюмируя вышесказанное, предложил остановиться на формуле следующего содержания: "Россия, за исключением Польши, понимаемой в пределах б. Царства Польского, восстанавливается единой и неделимой в ее границах, существовавших к 25 октября 1917 г. Все государственные образования, созданные при содействии Германии, не признаются. Делегация, однако, предвидит возможность того, что некоторые вопросы, касающиеся управления отдельными частями России и затрагивающие интересы союзных государств, будут предметом обсуждения на мирном конгрессе".

Совещание затем перешло к обсуждению положения в областях, объявивших себя самостоятельными в России.

Остановившись прежде всего на Донской области, П.Н.Миллюков установил отрицательное отношение к генералу Краснову войскового круга, генерала Деникина и местных демократических кругов, но указывал и на его заслугу — поддержание порядка, почему отношение к нему Делегации лучше всего выражается формулой, что ни содействовать, ни препятствовать свержению его не следует.

А.А.Титов обратил внимание Совещания на то, что сохранение генерала Краснова нежелательно с точки зрения его внутренней политики на Дону, принявшей явно реакционный характер и вызывающей общее недовольство, которое может повредить и чисто военным целям привлекаемых к общим действиям областей.

П.Н.Миллюков возразил, что оценка направления внутренней политики в отдельных областях, неизбежно ведущая к разногласиям, не может и не должна играть решающей роли в вопросе о военном их сотрудничестве; последнее должно основываться исключительно на готовности этих областей содействовать объединению России путем совместных военных операций. В частности, способствование свержению генерала Краснова с точки зрения

внутренних дел на Дону тем менее необходимо, что об этом позаботятся восковой круг и др. недовольные его политикой элементы.

С.А.Поклевский-Козелл ознакомил Делегацию с отрицательным отношением союзников к генералу Краснову и с принятыми с их стороны мерами к объединению Добровольческой армии с донскою под начальством генерала Деникина.

Относительно Крыма П.Н.Милюков указал на всероссийское направление его представителей, которые просили генерала Деникина о присылке отряда на смену уходящих германских войск и инструкторов. Керчь уже занята отрядом Добровольческой армии.

На Кавказе создано серьезное положение ввиду непримиримой позиции, занятой Грузией, необходимости сговориться с англичанами по вопросу об Азербайджанской республике, созданной Германией⁸, предстоящего выяснения взаимоотношений всех народов Кавказа. Особое место занимает армянский вопрос, в котором Россия не может не иметь своего голоса. Делегацией признано необходимым отнестись отрицательно к требованиям грузин и не поднимать вопроса о присоединении армян к России.

На Кубани отмечены сильные трения между местным правительством и Добровольческой армией, не признающей за краевым правительством права участия в верховной власти. Начатые переговоры не привели к желательному результату, но вопрос естественным путем может быть улажен, когда Добровольческая армия уйдет с Кубани и когда он станет в более общей форме.

Заседание объявлено закрытым в 1 час дня.

Председатель делегации: бар. В.Меллер-Закомельский.

Секретарь Делегации: Б.Малютин.

С подлинным верно: Б.Малютин.

Ж У Р Н А Л 6 СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Утреннее заседание 19/6 ноября 1918 г.

Присутствовали: российский посланник в Румынии С.А.Поклевский-Козелл, быв[ший] помощник Главнокомандующего армиями Румынского фронта ген. Д.Г.Щербачев, члены делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, А.В.Кривошеин, К.Р.Кровоусков, М.С.Маргулиес, бар. В.В.Меллер-Закомельский, П.Н.Милюков, И.М.Новиков, А.И.Пильц, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс.

Заседание открыто в 11 часов утра.

Председатель бар. В.В.Меллер-Закомельский приветствовал генерала Щербачева и просил его сообщить Совещанию имеющиеся у него сведения о Добровольческой армии.

Генерал Щербачев доложил Совещанию о внутреннем положении Добровольческой армии, ее попытках установить сношения с союзниками через Яссы, Персию и Варну, о недостатке, испытываемом ею в средствах, снарядах и предметах обмундирования. Генерал указал на оставшиеся в Румынии русские склады, которые необходимо использовать для снабжения Добровольческой армии. Первая попытка уже сделана, и 100 тысяч снарядов и 10 миллионов патронов отправлены в Новороссийск. Часть запасов, конечно, придется уступить румынам, но с этим нужно мириться.

Барон В.В.Меллер-Закомельский указал на громадные запасы воинского снаряжения на Украине, расхищаемые и распродаваемые по низкой цене.

М.С.Маргулиес дополнил это сообщение пояснением, что по соглашению с австрийцами $3/5$ этих запасов передается австрийцам, а $2/5$ остается украинцам. Необходимо приостановить эту передачу.

А.А.Титов указал на роль в этом отношении Главных Комитетов Всероссийского Земского и Городского Союза, уже заявивших протест украинскому правительству и принявших меры к возобновлению своей деятельности на Украине.

А.В.Кривошеин сообщил Совещанию о последних известиях, полученных из Киева, о движении в Бело[й] Церкви, возглавляемом Петлюрой, Поршем и Винниченко в ответ на занятие гетманом его новой позиции, о возможности похода на Киев, где царит сильная тревога. Есть сведения о частичных забастовках в некоторых министерствах, главным образом в Министерстве иностранных дел. На германские войска нельзя рассчитывать, в них идет разложение. Необходимо возможно скорое занятие союзными войсками Одессы и Киева.

Заслушав сообщение бар. В.В.Меллера-Закомельского, П.Н.Милюкова и М.С.Маргулиеса, а также доклад полковника Новикова о тех силах, Совещание пришло к заключению о необходимости нового сдешного обращения к союзникам с просьбой о скорейшей присылке войск на Украину. Решено по предложению М.С.Маргулиеса также обратиться к союзникам с просьбой о предупреждении Германии, что на нее возложена бу-

дет ответственность за поведение германских войск, если последние активно примкнут к восставшим или передадут им арсенал и охраняемое ими оружие. Постановлено также, согласно предложению М.С.Маргулиеса, просить французского посланника в Румынии разрешить г.Энно, выезжающему в Киев, обратиться по прибытии туда к населению с заявлением о скором прибытии союзнических войск. От возможного обращения к румынам за помощью ввиду отправления их войск на Украину Совецание единогласно постановило отказать, ввиду того, что румыны больших сил теперь отправить не в состоянии, а за свою помощь намерены обусловить уступкой им Бессарабии. В заключение решено просить маркиза Белуа, заведующего политической частью Французской миссии, явиться в 3 часа дня на заседание Совецания, дабы выслушать его пожелания.

Явившийся на заседание французский консул Энно сообщил о получении в Яссах от испанского консула Васильяди весьма тревожных сведений и об обращении г.Васильяди к союзникам с просьбой о немедленной присылке войск в Киев.

Ввиду сего собрание в 12 ч. 10 м. объявлено закрытым для составления текста обращения к союзникам.

При закрытии заседания получено известие о прибытии в Яссы В.И.Гурко, В.Я.Демченко, Н.Ф. фон Дитмара, Н.В.Савича, В.П.Рябушинского и Н.Н.Шебеко и их желаний принять участие в Совецании. По обсуждении этого вопроса Совецание постановило допустить на свои заседания В.И.Гурко, Н.В.Савича как имеющих формальные полномочия от организаций в качестве равноправных членов, а остальных — с правом совещательного голоса.

Председатель Делегации.

Секретарь Делегации.

Ж У Р Н А Л 7

СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Вечернее заседание 19/6 ноября 1918 г.

Присутствовали: российский посланник в Румынии С.А.Поклевский-Козелл, военный атташе и начальник политического отдела при французской миссии маркиз Белуа, военный атташе при английской миссии ген. Баллард, бывший помощник Верховного Главнокомандующего армиями Румынского

фронта ген. Д.Г.Щербачев, управляющий французским вице-консульством в Киеве г-н Энно, члены делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, К.Р.Кровоупусков, М.С.Маргулиес, бар. В.В.Меллер-Закомельский, П.Н.Милюков, И.М.Новиков, А.И.Пильц, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс, участвующие с совещательным голосом В.Я.Демченко, Н.Ф. фон Дитмар, В.П.Рябушинский и Н.Н.Шебеко.

По открытии заседания в 3 ч. 45 м. дня слово было предоставлено П.Н.Милюкову, который ознакомил присутствующих военных представителей Англии и Франции с положением дел на Украине и с соображениями Делегации о тех мерах, которые желательны со стороны союзников для поддержания порядка.

В.И.Гурко обратил внимание Совещания на крайне опасное положение Харькова, почти лишенного охраны. Фронт с северной стороны уже открыт, большевики заняли Белгород и идут на Волчанск, который спешно эвакуируется.

Взятие ими Харькова означало бы разделение пополам Украинны по стратегической линии Никитовка — Мариуполь и переход в их руки всего Донецкого бассейна. Поэтому в дополнительное сообщение союзникам надо непременно включить упоминание о Харькове и северо-восточной Украине. Необходимо также указать на то, что на германские войска полагаться нельзя, так как значительная часть их находится в состоянии полного разложения. Что касается размера просимой помощи, то таковая должна, по мнению Добровольческой армии, составить не менее двух корпусов, причем присланы они должны быть в самый короткий срок. Если он затянется, то борьба окажется весьма продолжительной.

Маркиз Белуа указал, что он уже больше месяца тому назад, будучи осведомлен о положении дел на Украине и предвидя возможность посылки туда вооруженных сил, принимал меры к тому, чтобы облегчить эту задачу. В этих целях он просил адмирала Ненюкова прислать ему русского офицера с документами о расположении мин в Черном море. Просьба эта была исполнена, офицер прибыл и выехал из Ясс 22 октября с.г., из Одессы в Варну — 2 ноября; однако дальнейших сведений о нем не имеется. Независимо от этого по просьбе французского адмирала в Константинополе к нему был отправлен в Одессу доверенный румынский офицер с теми же данными. Вопрос о минах очень су-

ществен потому, что только минная опасность задерживает приход союзного флота в Черном море.

Что касается того, что следует предпринять сейчас, маркиз Белау находит нужным телеграфировать в Париж, а также командующему союзными армиями на Балканах генералу Форанше д'Эсперэ. Кроме того, для более точного выяснения последнего положения и настоятельной необходимости в срочных мерах, делегация могла бы командировать к нему офицера в сопровождении, если нужно, политического уполномоченного.

Российский посланник в Румынии С.А.Поклевский-Козелл указал, что таким военным делегатом мог бы явиться находящийся в Яссах генерал Голиевский, бывший военный агент в Вашингтоне, выражающий готовность ехать.

П.Н.Милюков полагал, что весьма желательна была бы командировка полковника И.М.Новикова, не только хорошо знакомого с обстановкой в Киеве, но и посвященного в дела Делегации, в качестве ее члена.

Совещание, признавая мысль маркиза Белау о посылке уполномоченных к союзному командованию правильной, постановило просить И.М.Новикова и генерала Галиевского взять на себя исполнение этого поручения.

М.М.Федоров со своей стороны находил нужным послать третьего уполномоченного в Одессу, для того чтобы он организовал содействие союзному флоту со стороны русского общества пароходства и торговли. Последнее могло бы отправить 2 судна: одно в Константинополь для сопровождения флота, другое в Аккерман (до этой гавани Черное море свободно от мин) навстречу ему. Содействие состояло бы в указании флоту безопасного в отношении мин пути, хорошо известного агентам общества.

Соглашаясь с соображениями М.М.Федорова и пользуясь изъявленной К.Р.Кровопусковым готовностью, Совещание постановило возложить на него указанное поручение.

Заслушав засим проект дополнительного обращения к союзникам по поводу событий на Украине, Совещание приняло текст, выработанный М.С.Маргулиесом, и постановило немедленно сообщить его английскому, французскому и итальянскому посланникам (копия обращения прилагается). Равным образом Совещание одобрило составленный П.Н.Милюковым проект сообщения о деятельности Делегации для представителей печати.

Маркиз Белуа довел до сведения Совещания, что им уже приняты возможные в его положении меры к выполнению Делегации, т.е. посланны телеграммы в Париж и генералу Франшэ д'Эсперэ.

По предложению г-на Энно Совещание заслушало составленный им совместно с М.С.Маргулиесом проект заявления от имени Союзных Держав, которое он предполагает сделать по прибытии в Киев для оповещения населения о характере политики союзников на Украине, и приняло таковой с незначительными поправками, указывая на желательность придать заявлению самую широкую гласность.

Бар. В.В.Меллер-Закомельский передал затем председательствованию П.Н.Милокову, который предложил перейти к обсуждению стоящего на очереди вопроса о командовании объединенными русскими армиями и организации военных операций.

И.И.Бунаков-Фондаминский, получивший слово по этому вопросу, начал с замечания, что, в сущности, военный вопрос почти невозможно отделить от политического. Так, приход союзных судов в Одессу будет сам по себе военной операцией, вместе с тем является и политическим актом, так как оно связано с выяснением отношения союзников к Украине. Точно так же и отказ от румынской помощи имеет определенное политическое значение.

По существу важно, прежде всего, знать силы врага. В этом отношении важнее всего не приуменьшать качеств Советской Армии. Целый ряд обстоятельств способствовал ее сплочению и усилению. Прежде всего полная апатия масс в Великороссии, изживших свою революционную энергию и потому легко подчиняющихся советской дисциплине, покоящейся на терроре и кормлении голодных. Если прежде всего многие шли в армию в надежде взрывать ее изнутри или предать ее [в] подходящий момент, то теперь эта надежда исчезла. Сказанное особенно относится к офицерству: часть из них, видя крушение своих расчетов, покинула ряды армии, оставшаяся же стала искать того или иного идеологического оправдания своего поведения или же подчиняется поневоле. Важным фактом усиления армии является, далее, обнаруженное Советской властью понимание природы власти и умение ею пользоваться для установления суровой военной дисциплины; наконец, и ряд одержанных успехов поднял дух советских войск. Все сказанное подтверждается не толь-

ко показаниями штатских наблюдателей, но и мнениями военных специалистов.

Что касается сил нашей стороны, то армия Учредительного Собрания оказалась малобоеспособной и теперь распущена, причем часть ее влилась в Сибирскую. Объясняется это тем, что в населении местный большевизм еще не изжит, поэтому и набор не оправдал ожиданий. Сибирская армия под командой ген. Болдырева очень хороша и значительная; вместе с японцами, чехами и союзниками она достигает 500 тысяч человек⁹. К набору Сибирское правительство приступило лишь после высадки японцев, и он дал прекрасные результаты. Добровольческая армия хороша, но она состоит на 75% из кубанских казаков, которых трудно двинуть за пределы Кубани на разрешение общерусских задач, так как они озабочены прежде всего истреблением большевизма у себя дома. Численность армии равняется 60—100 тысяч человек¹⁰. Наконец, на Украине сил нет, и их надо еще создавать, но это крайне трудно, так как в отличие от Великороссии украинские массы охвачены брожением и настроены анархично.

Все сказанное приводит к бесспорному в глазах оратора тезису. Наши силы недостаточны для предпринимаемого дела объединения России, поэтому нужна помощь союзников, притом очень быстрая и значительная. Если она запоздает, то большевизм усилится и потребуются, может быть, годы для его преодоления; желательный срок прихода войск мог бы быть определен в 2 месяца, тогда можно было бы надеяться через 3—4 месяца покончить с врагом. Равным образом помощь должна быть крупной, исчисляясь не тысячами и даже не десятками тысяч. Надо исходить из расчета, что мы соберем на Юге своих 200 тысяч, тогда и союзники должны дать столько же. Оратор предвидит возражения технического свойства, но полагает, что преодоление технических трудностей зависит в значительной степени от сознания опасности.

Американцы сумели организовать переброску во Францию огромных сил, отчего им не сделать то же для России. Отсюда вытекает только, что надо со всей возможной настойчивостью изобразить союзникам размеры опасности и недостаточность наличных средств борьбы с ней. Но во всяком случае приходится, по ряду единодушно разделяемых Делегацией соображений, отвергнуть помощь румынской армии и настаивать на скорейшем вводе немецких войск.

М.М.Федоров, соглашаясь в общем с оценкой большевистских войск, данной предыдущим оратором, полагал, однако, что они могут легко распасться после одного-двух крупных поражений, так как они спаяны только дисциплиной террора, а отнюдь не воодушевлением и сознанием цели и долга. Оставляя в стороне Сибирскую армию, пока не отрезанную от прочих фронтов, М.М.Федоров усматривал центр тяжести всего плана действий в Добровольческой армии. В качестве свидетеля ее первых шагов оратор указал, что армия эта, состоявшая из 800 полуголодных и плохо одетых людей, выдержала ряд тяжелых боев, добилась крупных успехов против численно превосходящего врага; теперь эта армия, ни разу не изменившая русской ориентации, превратилась в крупную и хорошо организованную силу с боевым опытом и воодушевлением. Правда, кубанские казаки, образующие часть ее состава, не расположены идти сражаться за общерусскую идею, но [это] обстоятельство является лишним мотивом в пользу приглашения союзников. Помощь последних нужна также в отношении снаряжения и снабжения. Только тогда Добровольческая армия получит возможность двинуться вперед и этим самым быстро пополниться и нанести врагу тот удар, после которого все колеблющиеся и до сих пор нейтральные элементы, как например идущие всегда за силой донские казаки, не замедлят примкнуть к ней и ее усилить. Но, разумеется, все это осуществимо лишь при условии немедленного и серьезного воздействия союзников, важного с точки зрения их собственных интересов, так как большевизм является злом не русским только, но и общеевропейским, и объединением всех русских и иностранных сил под единым командованием, и непременно русского генерала. Ввиду центрального положения Русской армии ее вождь должен быть главнокомандующим всех сил в России.

В.И.Гурко, обращаясь к приведенным на Совещании фактическим данным об армиях, сказал, что не все они достаточно достоверны. Так, относительно Сибири: по сведениям, только что доставленным в Екатеринодар генералом Гришиным-Алмазовым, японцев в Сибири всего 5 дивизий — 1 жандармская, 3 пехотные и 1 конная; притом эти войска дошли только до Читы и дальше двигаться не собираются; другими словами, они только что оккупировали Восточную Сибирь. Союзные прошли дальше, но их очень немного, а именно: 10 тысяч американцев, 2 тысячи англичан, 1 тысяча французов и около 500 итальянцев без артиллерии и снаряжения; снаряжения для нашей армии они не при-

везли. Ядром Сибирской армии послужили первоначально добровольческие дружины; дальнейшим средством ее пополнения явился принудительный набор, поддержанный офицерскими пулеметными дружинами в качестве карательных отрядов, которым, однако, почти не пришлось пускаться в ход силу. Численность Сибирской армии определяется не в 500, а только в 200 тысяч штыков. Чехословаки надежной силы уже не представляют; они подверглись разложению и думают только о возвращении домой.

А.А.Титов просит заметить, что сведения, только что сообщенные В.И.Гурко, относятся к концу сентября.

Н.В.Савич, соглашаясь с оценкой советских сил, указал, что одним из способов их образования послужила германская помощь. Немцы не только снабжали большевиков винтовками, но и инструкторами и кадрами в лице военнопленных; что касается союзной помощи, то желательность ее быстроты вызывается еще и отчаянным положением Севера, который иначе будет буквально вымирать; помощь должна выразиться и в средствах, и в людях, последних — в значительном количестве, не менее 12 дивизий; появление даже и численно небольших отрядов производит впечатление, так как престиж союзников сегодня, как прежде германцев, в массах необычайно велик.

В 7 ч. 45 м. вечера заседание было закрыто и следующее было назначено на 20/7 ноября в 10 ч. утра¹¹.

Председатель Делегации.
Секретарь Делегации.

Ж У Р Н А Л 8 СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Утреннее заседание 20/7 ноября 1918 г.

Присутствовали: русский посланник в Румынии — С.А.Поклевский-Козелл, бывший помощник Верховного Главнокомандующего армиями Румынского фронта генерал Щербачев, уполномоченный Российского общества Красного Креста в Румынии полковник С.Н.Ильин и члены Делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Маргулиес, бар. Меллер-Закомельский, П.Н.Милюков, И.М.Новиков, А.И.Пильц, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс и участвующие

с совещательным голосом В.Я.Демченко, Н.Ф. фон Дитмар, В.П.Рябушинский и Н.Н.Шебеко.

По предложению П.Н.Милукова Совещание постановило привлечь к участию в своих трудах полковника С.Н.Ильина как бывшего члена Организационного Комитета по установлению связи с союзниками.

Получивший затем слово по военному вопросу Н.В.Савич указал, что ко всем доводам в пользу единого командования можно еще прибавить необходимость равномерного распределения между армиями имеющихся в разных местностях запасов военного снаряжения, что, очевидно, недостижимо при отсутствии единой направленной воли. Но командование не может быть иностранным уже потому, что, по мнению большинства членов Делегации, командующий армией должен быть вместе с тем и диктатором, т.е. вестись и внутренним управлением, что недопустимо для иностранца. Близкое к союзным армиям лицо могло бы скорее занять пост начальника штаба.

Что касается личных кандидатур в Главнокомандующие, то их имеется две: Великого князя Николая Николаевича и генерала Деникина. Великий князь пользуется большой популярностью в среде крестьянства, мелких землевладельцев и промышленников; о его роли в войне слагаются легенды, ему приписываются все успехи русского оружия, тогда как неудачи относятся к измене Сухомлинова. Кроме того, что особенно важно, простой люд видит в Николае Николаевиче не барина, не пана и не генерала, а лицо, стоящее выше господствующих классов, с ними не связанное и не могущее быть сменным, как все выборные правители; поэтому в случае обещания амнистии, необходимой, по мнению оратора, в отношении мобилизованной массы крестьян, его слову поверят, тогда как все подобные шаги выбранных лиц встречались и будут встречаться с недоверием. Кандидатура генерала Деникина, сколько известно, популярна в офицерской среде, массам же он неизвестен, и именно это обстоятельство и делает ее менее выгодной. Сверх того, между командующими разными армиями наблюдаются соперничество и борьба самолюбий. Так, гетман категорически высказывается против генерала Деникина. При таких условиях вряд ли последний легко получит общее признание. Соперничество генералов может быть устранено лишь в том случае, если во главе будет стоять лицо, перед которым они все одинаково преклоняются, а

таким лицом может быть только великий князь. Правда, последний не обладает необходимыми личными качествами диктатора и не отличается очень сильным характером, но это несущественно, так как роль его должна быть главным образом символическая. Фактическое же ведение операций может быть возложено хотя бы и на генерала Деникина в качестве начальника штаба. Что же касается времени приглашения великого князя, то оно должно состояться не раньше, чем явится полная уверенность в приходе союзников.

П.Н.Милюков заметил, что опасения местнического [соперничества] сводятся, в сущности, к именам гетмана и Краснова. Но первый также легко оставит свою непримиримую позицию в этом случае, как это произошло с ним в вопросе о самостоятельности; еще меньше значения следует придавать претензиям Краснова, который может быть в любой момент смещен. Кандидатуру Деникина важно поддержать уже потому, что она принята, к ней начали привыкать и даже союзники уже склоняются к ее признанию. Менять уже намеченную линию ради символа, может быть, приятного одним, но отталкивающего других, было бы весьма нецелесообразным. Нельзя скрывать от себя, что приглашение лица царской крови является в значительной степени предрешением вопроса о форме правления, который еще преждевременно возбуждать даже с точки зрения сторонников монархии.

М.М.Федоров находил, что кандидатура генерала Деникина, выдвинутая генералом Алексеевым, поддержанная Добровольческой армией и получившая признание союзников, предопределена, таким образом, самим ходом вещей и должна быть непременно сохранена. Вопрос о местничестве в отношении гетмана и Краснова уже разъяснен, что же касается Сибирской армии, то командующий ею генерал Болдырев еще весной в беседе с представителями Национального Центра изъявил полную готовность подчиниться авторитету генерала Алексеева. Выдвижение великого князя, являясь предрешением формы будущего строя, только повредит монархической идее; главнокомандующий армиями должен будет в качестве диктатора проявить значительную степень суровости и беспощадности, от коих следовало бы [его] уберечь, с точки зрения в особенности тех, кто уже теперь предрешает вопрос о монархии, всякое лицо, связанное с династией.

В.И.Гурко сообщил, что кандидатура великого князя поддерживается определенным большинством Совета Государственного объединения в Киеве. По существу она необходима как единственное реальное средство против местничества. Может быть, претензии гетмана и Краснова легко устранить, но беда в том, что чуть не ежедневно возникают новые государственные образования, а с ними новые претензии и самолюбия. В самой Добровольческой армии генералы Лукомский, Драгомиров и С.Д.Сазонов совершенно определенно высказались за великого князя. Южная армия вверена генералу Иванову, и имеется ввиду, что эта армия будет представлять юго-восточный союз областей, объединяющий Дон, Кубань и Терек¹². Из Сибири генерал Гришин-Алмазов привез письмо генерала Болдырева Главнокомандующему Добровольческой армией, в котором он сообщает, что состоит Верховным Главнокомандующим всех русских сил. Наконец, на Севере образовалась армия под командой генерала Келлера¹³, и отношение ее к Деникину еще не выяснено.

Все эти факты и могущие впредь обнаружиться им подобные повелительно выдвигают необходимость остановиться на имени, которое всем импонировало бы, а таким именем может быть только имя великого князя. Разумеется, фактическое ведение операций должно быть при этом поручено ген. Деникину, авторитет коего в военной среде велик.

В.П.Рябушинский привел для справки, что в состав южной армии, командование коей поручено Красновым генералу Иванову, входят только воронежская армия, состоящая из 1 дивизии, сороатовская, состоящая из 1 бригады, и астраханская.

М.С.Маргулис добавил, что южная армия носит на себе печать германского происхождения; немцы материально способствовали ее образованию.

Генерал Щербачев сообщил, что несколько времени тому назад Краснов предлагал ему через прибывших в Румынию генералов взять на себя командование южной армией, но отклонил, будучи сторонником беспримесной русской ориентации и предпочитая принести свою долю пользы путем поездки во Францию для личной защиты наших интересов в тамошних кругах.

Касаюсь фактической стороны речи В.И.Гурко, П.И.Миллюков заметил, что в бытность его в Екатеринодаре генерал Лукомский считал вопрос о кандидате в Главнокомандующие открытым. Отношением к вопросу Краснова можно пренебречь. Южная армия невелика, и возможность ее пополнения в будущем представляет-

ся проблематичной, так как план набора при помощи продвигаемых вперед, а затем возвращаемых домой частей не выдерживает критики.

В.П.Рябушинский заметил, что, по словам генерала Драгомирова, генералу Деникину, при всех его огромных достоинствах, недостает охоты к властвованию, необходимой для диктатора.

Н.Ф. фон Дитмар указал, что если некоторыми плохо знающими атамана генерала Краснова ставятся ему в вину сношения его с верховной германской властью, то это оправдывается злой необходимостью, и это теперь всем понятно; неверно отрицательное мнение об образуемых им армиях; наоборот, эти армии очень целесообразно организованы.

С.Н.Третьяков находил необходимым при решении вопроса исходить из личных характеристик кандидатов, между тем данных для этого пока сообщено не было. Реально вопрос о признании Россией того или иного лица Верховным Главнокомандующим будет решен тем, кому из генералов, по нашему указанию, союзники дадут военные материалы.

В.И.Гурко находил указание С.Н.Третьякова не вполне правильным, так как некоторые армии и без содействия союзников достаточно снабжены.

И.И.Бунаков-Фондаминский полагал, что соглашение о командовании было бы возможно при условии признания, что речь пока идет только о Южном фронте.

Так как вопрос ставится сейчас, он несомненно переходит в более широкую область общего вопроса о верховном управлении; такво именно смысл кандидатуры великого князя. Правильно поэтому приурочить прения о командовании к общему вопросу об организации верховной власти.

П.Н.Миллюков констатировал единодушие Сочещания в признании того, что командование должно быть единым и русским. Вопрос о лице мог бы быть отложен, согласно предложению И.И.Бунакова-Фондаминского, до решения вопроса об организации власти. Для правильного его освещения важно, однако, быть в точности осведомленным, тем долее что прения обнаружили разноречия даже в информации; надо поэтому сделать попытку использования радиотелеграфных сообщений.

А.А.Титов, внося поправку в фактические соображения М.М.Федорова, указал, что генерал Болдырев был намечен Союзом Возрождения наравне с генералом Алексеевым в кандидаты в члены директории из 3 лиц с правами Верховного Главнокоман-

дующего. Сам оператор был командирован к генералу Алексееву для выяснения его отношения к вопросу; генерал Алексеев высказал, что лучше было бы остановиться на более молодом и бодром лице, но что он готов, если интересы Родины требуют, посвятить ей остаток своих сил. К несчастью, смерть генерала Алексеева помешала этому. Таким образом, нельзя говорить о согласии генерала Болдырева подчиниться наследнику генерала Алексеева.

М.М.Федоров, возражая А.А.Титову, указал, что в силу весеннего соглашения между Национальным Центром и Союзом Возрождения, директория должна была состоять из 3 лиц, из коих одно военное; на последнюю роль было намечено 3 кандидата, а именно: Алексеев прежде всего, а затем Болдырев и Колчак.

А.А.Титов заметил, что ему неизвестно о частной беседе генерала Болдырева с указанными М.М.Федоровым лицами. Что же касается старшинства кандидатов, то на заседание Союза Возрождения таковое старшинство было установлено лишь по отношению к кандидатурам гражданским, военные же кандидатуры считались совершенно равноценными. Вполне естественно поэтому, что выбранным оказался присутствовавший на совещании генерал Болдырев, причем Алексеев был поставлен на первое место. Болдырев в беседе с оператором выразил готовность подчиниться авторитету ген. Алексеева. Впоследствии указанное соглашение было нарушено Уфимским Совещанием, образовавшим Директорию в составе пяти, а не трех лиц, причем кандидатура Алексеева была устранена.

По предложению председателя Совещание постановило просить посланника и А.А.Титова выяснить вопрос о возможности пользования радиотелеграфом для сношений с Сибирью, Кубанью и др.

Отметив затем, что члены Совещания сходятся в признании необходимости единого общерусского военного командования, власть коего должна принципиально, если пока еще нет к тому фактической возможности, распространяться на все русские армии, председатель предложил прения о кандидате приурочить к общему вопросу о верховной власти, который будет поставлен в вечернем заседании.

По принятии Совещанием предложения председателя заседание было закрыто в 1 час дня.

Председатель Делегации.
Секретарь Делегации.

ЖУРНАЛ 9

СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Вечернее заседание 20/7 ноября 1918 г.

Присутствовали: российский посланник в Румынии С.А.Поклевский-Козелл, бывший помощник Верховного Главнокомандующего Румынским фронтом генерал Д.Г.Щербачев, члены Делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондамижский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Маргулиес, бар. В.В.Меллер-Закомельский, П.Н.Милуков, А.И.Пильц, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс и участвующие с правом совещательного голоса В.Я.Демченко, Н.Ф. фон Дитмар, В.П.Рябушинский и Н.Н.Шебеко.

М.С.Маргулиес, сообщив Совещанию о ликвидации и продаже за бесценок комиссией Молова на Украине весьма ценного военного имущества, принадлежащего военным и общественным организациям, предложил послать от имени Совещания телеграмму Председателю Совета Министров в Киеве с просьбой восстановить деятельность общественных организаций на Украине, отменить декрет о ликвидации имущества, снять арест с принадлежащих общественным организациям денег и отозвать уполномоченных ликвидационных комиссий.

Проект этот встретил возражение со стороны Н.В.Савича, считавшего что нежелательно воскрешать общественные организации в том составе, который образовался путем постепенных демократизаций и со стороны Н.Ф. фон Дитмара, высказавшего мысль, что ликвидация является лучшим обеспечением имущества, которое этим путем берется на учет и охраняется до передачи действующим армиям, и сообщившего, что на Украине образовалась новая организация "Центроснабжение", скупающая это имущество в целях предупреждения его расхищения.

А.А.Титов сделал сообщение о нынешнем положении на Украине Всероссийских земского и городского Союзов, преследовавшихся украинской властью, но, несмотря на это, продолжающих свою работу при Добровольческой армии. Главный Комитет земского и городского объединения делегировали на Юг своих членов, среди которых много старых работников. Этим лицам часто приходится испытывать большие неприятности от украинцев за отказ передать им имущество организаций.

Ввиду заявления В.И.Гурко и В.Я.Демченко о необходимости снятия с очереди этого вопроса, подлежащего разрешению не в Яссах, вопрос поставлен был на голосование и большинством голосов решено вопрос в части разрешить в Яссах и отправить телеграмму С.Н.Маслову в Киев с просьбой принять меры к приостановлению ликвидации имущества казенного и общественных организаций.

После этого Совецание перешло к обсуждению вопроса о создании единой всероссийской власти.

П.Н.Милюков изложил в кратких чертах историю этого вопроса, возникшего из соглашения Национального Центра с Союзом Возрождения России, в силу коего предположено было создать в Сибири единое всероссийское правительство при условии передачи власти триумvirату, состоящему из военного, представителя партии к.д. и социалиста и непризнания Учредительного Собрания старого состава. Уже намечены были кандидаты на три лица от партии и три военных. Однако Уфимское Совецание нарушило это соглашение тем, что, во-первых, генерал Алексеев был им назначен не в составе Директории, как было условлено, а лишь заместителем, а во-вторых, признало законность Учредительного Собрания старого состава, решив создать его в январе или феврале 1919 года. Тем временем изменились обстоятельства, и новый центр образовался при Добровольческой армии в Екатеринодаре, где возникло Особое Совецание, имеющее представить ядро всероссийского правительства. Ввиду несомненных заслуг Уфимского правительства, объединившего большую часть территории России, располагающего довольно значительной армией и, по-видимому, признанного союзниками (хотя это обстоятельство до сих пор подтверждено лишь телеграфным сообщением из Харькова). Недавний съезд партии народной свободы в Екатеринодаре постановил, не предрешая вопроса о признании этого правительства, принять меры к сближению с ним. Близкое к этому положение занял и генерал Деникин, отказавшийся принять Уфимское правительство в качестве единого всероссийского, но согласившийся войти с ним в сношения. Весьма желательно, чтобы союзники признали единый всероссийский правительственный южный центр, образовавшийся в Екатеринодаре в лице Особого Совецания, состоящего при верховном командовании Добровольческой армии.

Н.В.Савич находил, что диктатура Ленина и Троцкого покоится вовсе не на усталости масс, а на военной организации, за-

интересованной в торжестве Ленина, а также на воле и энергии, проявляемой этими лицами. Первый вид диктатуры ведет к абсолютизму, поэтому если мы хотим обеспечить более свободный строй, например конституционно-монархический, то должны противопоставить организованной диктатуре большевиков свою диктатуру. Кандидатура великого князя вовсе не опасна с точки зрения возможности превращения ее в абсолютную монархию именно потому, что страна еще не погрузилась в полную апатию. Поэтому и диктатура его может быть поставлена в известные рамки и ограничена сроком.

А.А.Титов сообщил, что вопрос о конституции всероссийской власти уже начиная с марта был предметом обмена мнений между Союзом Возрождения и правым центром, а в мае по этому предмету состоялось соглашение между Национальным Центром и Союзом Возрождения. Было решено, что власть должна быть сильной, но не единоличной, и избрана форма трехчленной Директории, как наиболее приемлемая для демократии в ее глазах [она] является гарантией против восстановления монархии. В июне последовала известная вербальная нота союзников, в которой говорилось, что они вскоре начнут высадку в Архангельске и Владивостоке для образования восточного фронта и окажут помощь снабжением и продовольствием, но что их приход не означает посягательства на нашу территорию или навязывания нам того или иного правительства, они не свяжут себя с какой-либо политической партией, но готовы поддержать всякую национальную власть, которая создастся для борьбы с анархией и с германской коалицией. При этом они указывали на триумvirат и на созыв Учредительного Собрания на одно или два заседания для санкционирования временной власти; окончательная же форма правления будет установлена лишь всенародно избранным национальным собранием. Указанная нота была сообщена французским послом Нулансом от имени всего дипломатического корпуса. К сожалению, в Уфе не удалось полностью осуществить предположения, намеченные Союзом Возрождения и Национальным Центром; благодаря отсутствию на Совещании видных членов партии к.д., в частности Н.И.Астрова, намеченного в составе директории, и народных социалистов, и силы, участвовавшие в Уфимском совещании, сложились в иной пропорции, чем было предположено. Созданное затем правительство явилось равнодействующей этих сил, причем вместо трех членов Директории было избрано пять, для того чтобы дать

место представителям Сибирского правительства. Избрание Директории было единогласным, при участии представителя центрального комитета к.д. партии. Вполне естественно, что в составе Директории был избран генерал Болдырев, присутствовавший на совещании, а генерал Алексеев, связь с которым была невозможна, был выбран заместителем. Что касается допущенного в Уфе расширения роли Учредительного Собрания по сравнению с первоначально намеченным в Москве, то оратору неизвестно, чем это расширение было вызвано; возможно предположить, что существует какое-либо условие между комитетом членов Учредительного Собрания и Уфимским правительством, ограничивающее компетенцию этого собрания. Поэтому Союз Возрождения продолжает стоять на точке зрения признания Уфимского правительства всероссийской властью; с открытием Черного моря обстоятельства резко изменились, и Юг приобретает громадное значение для общей борьбы. Желание образовать новое правительство на Юге поэтому вполне законно, но ни в коем случае нельзя признавать его всероссийским, а лишь "временным правительством Юга России"; при слиянии Южного и Восточного фронтов должно произойти пополнение или слияние Уфимского с Южным правительством. Такое слияние было бы весьма легким при условии придания южной власти надлежащей формы. Делегаты Союза Возрождения продолжают настаивать на трехличной директории, получающей всю полноту власти от государственного совещания, конечно, менее многочисленного, чем прошлогоднее московское, состоящее из представителей краевых правительств, местных демократических союзов и общественных политических организаций. При директории должен быть образован деловой кабинет министров. Роль Совещания ограничивается учреждением власти. Такого рода способ образования власти имеет чрезвычайно важное значение, так как устраняет возможное недовольство рабочих масс и создаст для власти надежную опору.

В.И.Гурко высказал мнение о создании единоличной диктатуры как единственного средства справиться с анархией. Уфимское правительство не имеет реальной силы, оно не есть результат соглашения, а образовалось под давлением союзников, отказавшихся вести переговоры для образования правительства.

В.П.Рябушинский и Н.Ф. фон Дитмар высказали ту же мысль, доказывая, что для подавления анархии не годится коллектив, примером чему служит Временное правительство.

И.И.Бунаков-Фондаминский начал с извинения за то патристическое волнение, которым будет проникнута его речь под влиянием тревоги за судьбы России. Предлагаемый большинством Сопещания проект оправдывает эту тревогу, и притом с точки зрения не только демократической и социалистической, а прежде всего государственной. Есть форма диктатуры, допускаемая демократией, это диктатура общенационального объединения, диктатура Цинцинната и Вашингтона. Но у нас нет лица, на котором сосредоточивались бы общенародные чаяния, это все понимают, и разговор здесь идет о другом. И.И.Бунаков-Фондаминский понимал бы и такой разговор, если бы думал, что наступил момент неизбежности, необходимой для диктатуры. Но если бы этот момент наступил, то не было бы надобности совещаться; когда почва для диктатуры созрела, ее делают и заставляют ей подчиниться, а не говорят о ней, да еще с левыми партиями. Диктатура возможна, когда весь народ устал и ожидает власти, а наверху борются между собой партийные кружки. Таково положение в Великороссии; но на Украине и даже на Дону и на Кубани еще идет глухое и сильное брожение, еще кипят политические страсти. Демократические организации Юга крепнут по мере того, как слабеет власть. При таких условиях то, что делается, есть только попытка создать диктатуру и притом попытка с негодными средствами. Россия не изолирована, она вовлечена в мировой круговорот, и общемировое возбуждение не может пройти для него бесследно. Оно же определит отношение к вопросу союзников. Оратор гордится принадлежностью к организации, которая первой обратилась к союзникам с приглашением восстановить восточный фронт и помочь в борьбе с большевизмом. Но эта просьба была исполнена лишь в результате настойчивых усилий разъяснить положение союзникам, не перестававшим опасаться, что их приход явится недопустимым с точки зрения западных демократий вмешательством в наши внутренние дела. Утопично поэтому думать, что Державы Соглашения пойдут на рекомендуемую большинством Сопещания, с точки зрения будто бы реальной политики, единоличную диктатуру железной воли. Если даже допустить маловероятный случай, что благодаря неосведомленности союзники пойдут за Деникиным, то и тогда неизбежно вновь встанет вопрос о соглашении на Кубани. Факты вроде ареста Шрейдера, при диктатуре неизбежные, будут повторяться, они вызовут волнение и протесты со стороны демократии, и дело кончится обращением демократиче-

ских организаций с соответствующими воззваниями к западным демократиям. Последние, в свою очередь, поднимут агитацию в парламентах, и эта агитация приведет к тому, что правительства вынуждены будут уступить потому, что всякой стране свойственно желать для другой своих порядков, и западная демократия никогда не примирится с мыслью, что ее штыками в России под видом диктатуры насаждается монархия. А отсюда единственный выход, что союзники потребуют тех демократических гарантий, на которых настаивает левая часть Совещания и заставляет пойти на соглашение. Между тем дорогие для борьбы время и силы будут потеряны и возможность соглашения будет бесконечно затруднена.

М.М.Федоров, выслушав взволнованную речь И.И.Бунакова-Фондаминского, считал необходимым вернуться к более спокойному обсуждению основного поставленного на очередь вопроса о структуре власти. Он напомнил, что Национальный Центр стоял и во время переговоров в Москве на единоличной диктатуре как единственно правильном выходе из создавшегося в России положения. Только признаваемое им чрезвычайно выжым для дела объединение фронта всех государственно мыслящих политических элементов в стране, от правого до социалистического левого партийного крыла включительно, заставило Национальный Центр, ввиду неуступчивости в этом вопросе Союза Возрождения, пойти на компромисс директории из 3-х лиц при условии отказа от всякой роли Учредительного Собрания в создании, осуществлении и контроле имеющей возникнуть власти.

В Уфе это соглашение было существенно нарушено в вопросе и о составе власти, и об Учредительном собрании. И тем не менее Национальный Центр, получивший официальное известие о создании уфимской власти, самый факт объединения за уральским фронтом всех возникших там новых государственных образований в единое русское правительство признал фактом большой государственной важности, о чем циркулярно поставили в известность все организации, оговорив, однако, в этом циркуляре, что власть эту он признает только частью будущей все-российской власти, которая должна образоваться путем сношения уфимской власти с остальными частями России и с той российской властью, которая по ходу событий должна неизбежно образоваться на Юге России, куда сейчас переносится центр деятельности по восстановлению российской государственности. Рядом с этим в циркуляре определительно и мотивированно вы-

сказано совершенно отрицательное отношение Национального Центра к установленному в Уфе отношению к Учредительному собранию. Переходя к вопросу о той российской власти, создание которой на Юге, и притом совершенно незамедлительно, диктуется всем положением вещей в России, М.М.Федоров сказал, что откладывать решение этого вопроса из-за того, что в Уфе создано всероссийское правительство, которое даже, если бы оно создано на совершенно правильных основаниях, будучи вполне и вероятно надолго отрезано от остальной России, значило бы подчинять каким-то теоретическим построениям насущные нужды государства, самое его спасение; в связи с победой союзников и открытием для них кратчайшего доступа в Россию через Черное море обстоятельства складываются так, что при энергическом действии еще быть может быстро восстановлена единая русская государственность на всем обширном богатом русском Юге и спасение гибнущих от ужасов террора и голода Москвы, Петрограда и остальной большевизии. Ясно, что здесь, на Юге, надо, отбросив всякие споры и колебания, создавать сильную власть, опирающуюся на все организовавшиеся уже здесь русские военные силы, на те, которые создаются под ее кровом, и на те, которые приведут в качестве сильного заслона союзники. Какова же должна быть структура этой власти? Здесь придется разойтись с И.И.Фондаминским. Эта власть должна быть диктаторской. Необходимость такой власти в пределах измученной террором большевизии и сам И.И. не отрицает, но такая власть необходима и в южной России, разделившейся на части и для своего объединения требующей также сильной власти, причем неизбежное еще здесь революционное брожение далеко уже не имеет того характера, как это представляется г-ну Фондаминскому. Но, конечно, выбор лица для осуществления выдвигающейся на очередь национальной задачи будет иметь решающее для успеха дела значение. И здесь не надо заниматься измышлением, а надо строить решения на исторически слагающемся фундаменте. Таким фундаментом является Добровольческая армия. Я принимал близкое участие в работах по созданию этой армии, имя творца которой М.В.Алексеева останется славным в русской истории, я не терял с ней связи и следил за ней, когда вернулся в Москву. За время ее легендарного отхода из Ростова-на-Дону в глубь донских и кубанских станиц, когда шла непрерывная борьба с неравными силами объединившегося противника — большевиков и немцев, когда отступали почти без

особого боевого материала в отношении 1 на 10 врагов, армия эта не только уцелела, но и вооружилась за счет противника и выросла численно почти в 20 раз. Здесь творился величайший, может быть, в истории национальный подвиг, руководил которым как военачальник г. Деникин, командовавший фактически этими войсками. Ореол этого подвига ложится и на него, в этом смысле его скорее, чем когда-либо, признают тем национальным героем, которого, так тщетно ищет г.Фондаминский для желательной ему диктатуры 1-го типа. Здесь правильно было сказано, что если нет еще сложившейся армии, то во всяком случае скелет ее всеми признан налицо в Добровольческой армии, а я прибавлю, что скелет этот быстро обрастет мясом, как только подход союзников даст возможность этой армии двинуться и по пути к ней должны [присоединиться другие], как только почувствуют в ней реальную и грозную силу. Вот мотивы, по которым необходимо признать, что в связи с Добровольческой армией неизбежно должно слагаться всероссийское правительство, имея во главе диктатора Деникина. Это единственно правильное решение вопроса, но Национальный Центр по-прежнему придает такое важное значение объединению всех сил, что он не возражал бы и против директории из трех лиц, если главой этой директории стал бы генерал Деникин и если бы на этом действительно все и сам генерал Деникин сговорились. При диктаторской власти должно быть образовано и сильное деловое правительство, приглашаемое диктатором, при наличии двух качеств, требуемых от членов правительства, — сильной личной воли (хребта) и знания той отрасли управления, к руководству которой приглашается данное лицо. Во главе этого правительства может быть поставлен и председатель совета министров, но, однако, не по принципу партийной ответственности или ответственности за все министерство перед диктатором или иным учреждением. Наконец, надлежало бы иметь при диктаторе и совещание политических и общественных деятелей, по типу нашей Делегации, но состав которой должен быть всесторонне взвешен и обдуман. Задача этого совещания помогать диктатору в обсуждении неизбежно имеющих возникнуть серьезных государственных вопросов для правильного их решения.

В заключение нельзя не остановиться на указании г.Фондаминского, что если положительное влияние социалистических партий в России сейчас ослабло, то отрицательное очень велико. Протест против диктатуры будет воспринят союзниками неиз-

бежно как разрушение диктатуры в известных случаях и разрушит все диктатуры. Не говоря о том, что едва ли правильно и патриотично в условиях, какие переживает Россия, ставить вопрос в такую плоскость, по мнению М.М.Федорова, либо у союзников существует преувеличение значения социалистических партий. Интересы союзников, и их все больше, с самим ходом событий, ознакомлением с обстановкой дела России заставляют полагать, что диагноз г. Фондаминского неточен, что отношение союзников к диктатуре будет совсем иным даже и в случае протеста представителей русских социалистических партий, чем это ему кажется.

С.И.Третьяков констатировал, что делегаты Союза Возрождения отвергают единоличную диктатуру по двум причинам: отсутствия Цинцинната и недостаточной апатии масс. Относительно первого основания можно признать, что оно фактически неоспоримо, но отсюда следует лишь то, что подходящих людей надо искать и создавать, подготавливая почву для проявления их сил. Что касается довода об апатии, то, принимая его, пришлось бы заключить, что надо ждать, пока апатия охватит всю Россию. Диктатура, и притом необычайно суровая, уже есть в Великороссии. Остается решить, следует ли допустить ее распространение на Россию, или же надо противопоставить ей свою. Социалисты боятся слов, и эта боязнь погубила Россию, определив, например, их отношение к Корнилову; стоит вспомнить резолюции, выносившиеся против него демократическими Думами.

Что касается выбора между директорией и единоличной диктатурой, то, казалось бы, можно принять первую форму, если есть возможность подобрать согласных между собой лиц. Беда, однако, в том, что И.И.Бунаков-Фондаминский предполагает избрание директории и контроль над нею, другими словами, заранее ослабляет создаваемую власть введением элемента политической борьбы. Опыт революции показывает, к чему это приводит: власть лишается твердости и энергии в момент, когда надо решительно действовать. Сейчас положение еще опаснее, потому что разгорается мировой пожар, угрожающий охватить и союзные страны.

И.В.Савич изложил свой план организации власти. При диктатуре должны состоять помощники по военной и гражданской части. Последний, в качестве премьера, составляет кабинет. Местные правительства ему подчиняются, с сохранением значительной автономии для местных дел, однако краевые представи-

тели не должны быть допускаемы в состав кабинета. Вопрос об общерусской власти получит разрешение после слияния Сибири с остальной Россией.

П.И.Миллюков, возражая И.И.Бунакову-Фондаминскому, усматривал центр тяжести его мысли в том, что установление единоличной диктатуры привело бы к недовольству демократических элементов, жалобам с их стороны союзникам и, в результате, либо к отказу последних от вооруженного содействия России, ввиду необходимости считаться с западными парламентскими настроениями, враждебными подавлению демократии в России, либо к требованию обставить диктатуру теми демократическими гарантиями, на которых настаивает сам И.И.Бунаков-Фондаминский. Следует, однако, задаться вопросом, к чему может привести осуществление компромиссного плана оратора, состоящего в образовании трехличной диктатуры, опирающейся на демократические коллективы. Опыт революции дает на этот вопрос достаточно ясный ответ. Он показывает, что по мере того, как социалисты, становясь ближе к власти, начинали обнаруживать чутье действительности и отказываться от тех или иных иллюзий, они неизбежно утрачивали свое влияние и авторитет в массах, шедших по линии наименьшего сопротивления, или, дорожа этим влиянием, покидали ответственные посты. Сам И.И.Бунаков-Фондаминский, пытавшийся в качестве комиссара Черноморского флота проводить государственные взгляды, мог заметить, что, в сущности, он является лишь номинальным представителем номинальной власти, между тем как стихийные настроения масс развиваются своим чередом. И в настоящем случае можно опасаться, что, поскольку И.И.Бунаков-Фондаминский становится на точку зрения государственности, он заранее обрекает себя на осуждение товарищей по партии и стоящих за ним кругов. Что это так, показывает хотя бы содержание записки, сообщенное союзникам единомышленником оратора Рудневым, пытающимся заручиться их благоволением к так называемым демократическим организациям. Другими словами, Руднев и теперь поступает подобно тому, как он действовал в качестве московского городского головы, когда, во время октябрьской борьбы русской молодежи с большевиками, он, договариваясь и торгуясь с последними, погубил дело защиты Москвы. Этот пример повторяет в малых размерах опыт всей революции. Точно так же и сейчас принятие мысли о поддержке демократических коллективов вызвало бы неизбежные разговоры об их со-

ставе, об ограничении представительства так называемых цензовых элементов, об ответственности министров перед этими коллективами и перед партиями и т.д. Не давая ничего положительного, эта политика, волнуя массы, подрывала бы силу и действительность той твердой власти, необходимость которой признает сам И.И.Бунаков-Фондаминский. Последний присоединяет к своим соображениям еще и довод, носящий на себе отпечаток исторического фатализма. Он полагает, что настоящая диктатура возможна лишь тогда, когда она неизбежна, а именно, когда политическая энергия масс иссякла и они погружены в апатию, дающую весьма удобную почву для проявления твердой власти. Такого рода почвы у нас будто бы нет, так как массы еще активны. С соображением этим П.Н.Милюков решительно не согласен. Пока революция развивалась, массы действительно были полностью вовлечены в процесс брожения, что особенно ярко можно наблюдать на примере деревни. Тогда крестьянство целиком, за круговой порукой, убивало, отнимало землю, защищаясь. Теперь положение резко изменилось: деревня разрослась, большая ее часть устала от революционных потрясений и жаждет порядка, и только меньшая, состоящая из выбитых из колеи психологическим воздействием военных переживаний антисоциальных элементов, продолжает волноваться. Но это брожение знаменует уже не подъем и накопление, а догорание и угасание революционной психики. Таким образом, даже с точки зрения И.И.Бунакова-Фондаминского шансы диктатуры должны быть признаны очень значительными: она будет опираться на апатию неорганизованного большинства, страдающего от насилия организованного меньшинства и ищущего "хозяина" для водворения порядка.

Но диктатура не только возможна, она уже существует, и возможна именно потому, что существует. Все разновидности власти, образовавшейся для борьбы с большевизмом, являются не чем иным, как диктатурами, независимо от степени их силы и происхождения. Сейчас поэтому речь идет не о создании новой диктатуры, а выборе между существующими. Если в России нам не найти Цинциннату, то это еще не значит, что никого нельзя найти. Такое заключение было бы очень печально, ибо содействовало бы [мнению], что у нас нет даже инстинкта самосохранения. По счастью, это не так, надо только пользоваться имеющимся под руками материалом, хотя бы он состоял из Красновых и Скоропадских; но, продолжая поиски, мы находим и высший

вид диктатуры в лице Добровольческой армии, высший потому, что эта армия сохранила идею непрерывности борьбы и первая выступила и встала под знамя общерусской идеи. Вот почему наш выбор и должен остановиться на этой уже возникшей власти, нам остается только ее поддержать и надлежащим образом обставить.

Итак, можно, в сущности, только выбирать между двумя путями: или следуя печальному примеру пяти коалиционных правительств¹⁴, создать соглашения, открывающие простор для "демократии, а следовательно и условия для повторения прежнего краха, или стремиться к образованию действительно сильной единоличной власти. Что эта власть будет зачастую вынуждена поступать сурово и даже беспощадно, не подлежит сомнению, как несомненно и то, что такие ее действия не понравятся представителям левых течений, но если они в самом деле ищут, прежде всего, спасения государственного, то должны были бы заранее признать неизбежность подобных проявлений власти и с ними примириться, ибо, когда пролагаются широкие исторические просеки нет времени думать о деталях.

Остается довод об отношениях союзников. И здесь Бунаков-Фондаминский глубоко заблуждается, когда утверждает, что они не пойдут на диктатуру и на все вытекающие из нее последствия. По мнению П.Н.Милюкова, они на это пойдут, если только поймут, что этот исход неизбежен и необходим в их же интересах. Есть все данные думать, что они начинают понимать положение дела, если уже не поняли, и в первую голову это относится к французам, не только большим реалистам, но иногда циникам в политике. Быть может, труднее убедить американцев, но и это дело не безнадежное. Во всяком случае, если полного понимания нашего положения у союзников еще нет, надо его им дать, и в этом состоит одна из задач делегации. И.И.Бунаков-Фондаминский говорил, что французские политические деятели очень склонны оглядываться на избирателей и потому не пойдут на водворение в России диктатуры и монархического строя; в действительности они сделают все, что диктуется обстановкой, и только, может быть, потребуют известной демократической декорации. Однако с точки зрения политической честности надо сказать им, что декорации эти неуместны и что, принимая сущность, надо принимать и формы. Верно, конечно, то, что социалистические круги во Франции и в Англии могут поднять крик против якобы насильственного вмешательства в Русские внут-

ренные дела, но это еще ничего не значит; те же элементы делали оппозицию во время войны, порою доходя чуть ли не до большевистских резолюций. Однако правительства этим не смутились и им не уступили. Исполнение указаний И.И.Бунакова-Фондаминского означало бы повторение ошибки Церетели, который серьезно воображал, что, приняв на словах формулу демократического мира, союзники в самом деле истолкуют ее так, как это желательно Церетели. Все сказанное приводит к заключению о глубокой ошибочности предлагаемого левой частью Совещания плана. Если же И.И.Бунаков-Фондаминский прав, то придется признать, что революция не закончилась и будет еще продолжаться годы.

Заседание было закрыто в 8 часов вечера¹⁵.

Председатель делегации.

Секретарь делегации.

Ж У Р Н А Л 10

СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Утреннее заседание 21/8 ноября 1918 г.

Присутствовали: посланник в Румынии С.А.Поклевский-Козелл, члены Делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Моргулес, бар. Меллер-Зокомельский, П.Н.Милюков, И.И.Пильц, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс и участвующие с совещательным голосом В.Я.Демченко, Н.Ф.фон Дитмар, В.П.Рябушинский и Н.Н.Шебеко.

Заседание открыто в 10 ч. 30 м. утра.

А.Я.Чемберс, возражая на речь И.И.Бунакова-Фондаминского в предыдущем заседании [говорил], что образование совещания для выбора диктатора было бы опасным повторением уже бывших примеров. Состав совещания был бы случайным, поэтому авторитет его не мог бы быть велик, между тем всегда это совещание могло бы принести много, так как существовала бы опасность, то оно стало бы претендовать на контроль над диктатором. Задача диктатора — война, для этого необходима единая воля, единая власть. Поэтому форма триумvirата представляется неподходящей. Надо полагать, что самая мысль о триумvirате возникает в связи с желанием различных партий иметь в составе высшего управления своих представителей, которые

должны будут известным образом влиять на направление власти. Нельзя не представить, что такое положение создаст трения, которые ослабят энергию власти.

В.И.Гурко во многом соглашается с И.И.Бунаковым-Фондаминским. На Юге России, действительно, еще нет апатии, необходимой для диктатуры, нет и сильной личности в России. Но для свержения большевиков нужна сильная власть, и такую может дать одна лишь диктатура. Вопрос ныне сводится к способу создания диктатуры, но теперь нет места средним решениям. Теперь существуют лишь крайности: большевизм или буржуазия. Значение социалистов велико, но оно отрицательно, они могут расшатать любую власть, но создать ничего не могут, почему им теперь лучше отойти в сторону, дабы сохранить свои силы. Что же касается личности диктатора, то нужно такое лицо, которое импонировало бы массам. Имя Деникина мало что говорит народу. Оно мало известно в широких массах. Более целесообразным было бы назначение диктатором великого князя Николая Николаевича, имя которого весьма популярно в солдатских массах. Назначение это могло бы произвести впечатление на воображение народа и могло бы вызвать внутренний сдвиг населения и в глазах союзников послужить оправданием таких действий, к которым придется прибегнуть диктатору.

М.В.Брайкевич находил, что создание диктатуры как военного командования и безусловного распоряжения в зоне военных действий является своевременным, так как в массах замечается разочарование, тоска по власти. Назначение Николая Николаевича, однако, было бы нецелесообразным, так как он за время революции отошел от жизни, более для роли диктатора подходил бы генерал Деникин, безусловно популярный в рядах Добровольческой армии без различия индивидуальных политических оттенков ее, близкий массам и вместе с ними переживший революцию, неся тяжесть походов и постоянного риска.

Вряд ли союзники изменят образ действий в зависимости от того, признаем мы директорию или диктатуру; так они, если придут в Россию, то сделают это как в интересах культуры и человечества, ибо невозможно, чтобы культурные народы не прекратили систематическое избиение интеллигенции и творческих сил России большевиками, так и в своих собственных интересах. Государственно мыслящие элементы России должны договориться с союзниками и доказать, что в России есть еще практические политические деятели, умеющие воссоздать государство, в

противном случае на русском политическом смысле и самостоятельной русской государственности будет поставлен крест, и союзники будут, пожалуй, действовать в России, как в своих колониях. При существовании диктатуры военной необходимо избежать эксцессов не только со стороны демократических слоев, но и со стороны цензовых, как, например, было при наведении порядка на Украине немцами. Поэтому следовало бы создать гарантии перехода от обстановки зоны военной к гражданскому управлению на территории, где изгнание большевиков будет считаться законченным. В этих целях М.В.Брайкевич считал бы учреждение директории из трех лиц весьма рациональным. Во главе этой директории должен стоять тот же диктатор военный, т.е. Деникин, и два члена по соглашению с Деникиным, которые работали бы с ним в полном согласии и взаимном понимании. Из этих двух диктаторов один, конечно, может быть социалист, но для однородности власти самим социалистам не следовало бы даже с партийной точки зрения на этом настаивать. Если бы социалисты отказались от своей партийной кандидатуры, остальные группы должны были бы избрать двух директоров и взять на себя ответственность за то, что директория будет стремиться перейти к нормальному демократическому строю.

Таким образом, верховная власть во всех военных вопросах принадлежит Деникину единственно, в гражданских директориях под его, Деникина, представительством; министры назначаются директорией.

В помощь Совету Министров в качестве исключительно совещательного органа для того, чтобы министрами чувствовался пульс жизни страны, должно быть создано государственное совещание из небольшого количества членов (человек 60), избранных участвующими в настоящей Делегации организациями. По мере отнятия у большевиков новых территорий состав совещаний может быть увеличен до 100—140 лиц.

А.В.Кривошеин напомнил, что безудержно распоряжающаяся в России диктатура пролетариата, поголовно истребляющая и без того тонкий слой русской интеллигенции и в корне разрушающая русскую культуру, поддерживается главным образом наемными латышами и китайцами. Единственный способ борьбы с таким строем — борьба за культурные лозунги, но таким же оружием. Иных способов у раздробленной и терроризированной России пока, к прискорбию, нет. Необходимо, следовательно, обратиться за помощью к союзникам и в интересах мировой куль-

туры призвать их войска для борьбы со всемирным злом. Но для успеха обращения необходима полная сплоченность всех партий. Только единство политического фронта, хотя бы по главным вопросам, может наглядно доказать, что такое обращение продиктовано не классовыми интересами буржуазии, а является криком отчаяния всего культурного слоя России. Только при этих условиях помощь союзников будет оказана не в гомеопатических, а в действительно широких размерах. К сожалению, единства фронта в Совещании нет. Косвенным образом оно уже нарушено выступлениями Руднева, обратившегося к союзникам с отдельным заявлением. Теперь выдвинулось разномыслие в самом Совещании. Все, по-видимому, согласны, что для воссоздания России необходима сильная власть, и спор сводится к тому, должна ли эта власть быть единой диктатурой или коллективной директорией из трех—пяти лиц. Директория — это самая осужденная историей форма власти. По существу это или то же разновластие, или же диктатура в замаскированной форме, но диктатура, ослабленная и осложненная неизбежными трениями между членами директории. Разъединиться на таком вопросе, и притом в первом же обращении к союзникам, нежелательно и более того — опасно. Настаивая поэтому на необходимости единства политического фронта, А.В.Кривошеин находил, что если бы такого единства в Совещании достигнуто все же не было, то во всяком случае было бы целесообразнее вопрос, вызвавший разногласие, из декларации исключить. К тому же вопрос этот, по мнению А.В.Кривошеина, не является первоочередным. Вместе с тем А.В.Кривошеин полагал, что если не созрела окончательная мысль о форме власти, то тем более не созрела мысль о лице, которое могло бы быть диктатором, а потому следовало бы и этот вопрос отложить по крайней мере до возвращения из Ясс.

М.М.Федоров в дополнение к сказанному ранее считал необходимым привести только соображения против выдвинутой В.И.Гурко и Н.В.Савичем кандидатуры великого князя Николая Николаевича на пост Верховного Главнокомандующего и диктатора. Он прежде всего отметил, что при неоднократных поездках из Москвы на юг и обратно, по станицам донским и кубанским, по многим городам большевистской России и Украины, когда создавалась возможность близкого общения с народом, нельзя было не наблюдать резкого изменения настроения населения. Все более определенно сказывающееся отрицательное отношение к

большевизму, все усиливающееся тяготение к возврату хозяина-царя, как единственному пути для восстановления порядка на Руси — таковы главные сейчас течения народной мысли. Но рядом с этим в народе, конечно, засела мысль о том, что от своего положения хозяина создавшейся обстановки он легко не отступится, что он ждет народного царя, который это его положение укрепит, и что возврата к старому не будет. И надо помнить, что, опираясь временно на иноземные штыки для свержения большевизма, серьезным политическим деятелям можно строить будущее только считаясь с психологией масс и опираясь на них.

Диктатура будет и должна быть беспощадна в борьбе со своеволием и разнузданностью, но опираться она должна в своей положительной программе на широкие демократические реформы и на чаяния народные. Если она хочет построить прочно государственное здание, считаясь с этими чаяниями, она должна предвидеть, что народным решением в России создается конституционная монархия как наиболее вероятная форма государственного устройства. Исходя из этого положения, М.М.Федоров считает своим долгом очень предостеречь лиц, стоящих на монархической платформе, от мысли предложить члену царского дома принять на себя бремя верховного командования и диктатуры, в данных условиях неизбежно сливающихся в одном лице, так как даже удачное решение этой задачи может в конце концов вооружить против него народные массы в связи с теми мерами, какие потребует восстановление порядка в стране, взбудораженной до самых основ своих. Еще более пагубной была бы неудача диктатуры. Подвергать этому риску лицо, связанное с династией, значит заранее наносить непоправимый удар тому выходу из положения, который в конечном счете может оказаться и необходимым, и, может быть, даже единственным.

А.А.Титов полагал, что выступление Руднева, которое осуждается П.Н.Милюковым, не нарушило общего единения, так как он обратился к союзникам лишь с просьбой об ограждении демократических завоеваний революции.

Роль, которую П.Н.Милюков приписывает Рудневу в московских событиях, совершенно не соответствует действительности. Соглашателями явились "Викжель" и Рябцов, а Руднев до конца боролся вместе с защитниками Москвы от большевиков¹⁶. И зачем припоминать то, что было в прошлом году, когда по отношению к другим политическим деятелям мы забываем ошибки, сделанные два месяца назад.

П.Н.Милюков в своей речи указал, что в Уфе допущены были правонарушения, что договор заключенный между организациями, расторгнут. Быть может, нужно радоваться тому, что партия к.-д. благополучно вышла из того рискованного положения, в которое она поставила себя этим договором. Быть может, большинство согласно с П.Н.Милюковым, что нельзя создавать твердой власти путем соглашения с социалистами. Но тогда ни к чему и участие социалистов в этом Совете. Нужно прямо сказать себе, что дело спасения России должны взять на себя партия к.-д. и более правые группы, отбросившие в оппозицию всех тех, кто старается сохранить для народа хотя бы небольшую часть прав, полученную им во время революции. Но едва ли все держатся такого непримиримого взгляда на демократию и так стремятся к устранению всего, что могло бы помешать восстановлению монархии. В этом случае возможно попытаться вернуться к московскому соглашению и привлечь к созданию власти более широкие круги. Демократия значительно отрезвела. В Крыму социалистические местные самоуправления выбрали правительство из одних почти к.-д. Можно быть уверенным, что в государственном совете значительное большинство станет на нашу точку зрения, которая является государственной. Выбранная директория будет бесконтрольна, она должна лишь обещать не уничтожить всеобщего избирательного права и назначить выборы в Учредительное Собрание. Но если центр и правое крыло Делегации не пойдет на этот минимум уступок, то придется формулировать два мнения. В Союзе Возрождения социалисты упорно боролись против классовой точки зрения и отстаивали общенациональную. Отбрасывая демократию и вместе с нею большую часть интеллигенции, большинство Совета неминуемо попадет на отстаивание интересов имущих классов. Но и в среде большинства нет единства — даже в вопросе о личности диктатора.

Но как велика опасность в будущем, если Уфимское правительство не согласится признать ту диктатуру, которую большинство создает как преддверие монархии. Таким образом, создается возможность гражданской войны.

Проектируя диктатуру, большинство Совета даже не имеет лица, которое удовлетворяло бы требованиям, предъявляемым диктатору. Один из кандидатов — великий князь Николай Николаевич, по собственной характеристике представителя большинства, — человек со слабой волей и должен поддаться

другими лицами, которые будут фактическими диктаторами, неся ответственности. Другой кандидат — генерал Деникин — прекрасный воин, но отнюдь не политик и до последнего времени даже не был в курсе политики. Он будет делать то, что ему предскажет Совецание, т.е. опять-таки руководство политикой будет находиться в руках безответственных лиц. При таких условиях предпочтительна директория из трех ответственных лиц, с которой примирится демократия и легко столкнется Уфимское правительство.

И.И.Бунаков-Фондаминский доказывал, что социалистические партии признают сильную власть, но требуют, чтобы она была общенациональной, для чего в ее создании должны участвовать все политические партии; она должна быть назначена особым государственным совещанием. Власть должна олицетворять это национальное единство, такую властью и будет директория из нескольких лиц (3—5). Что же касается до условий, необходимых для диктатуры, то таковых на Украине нет; там идет не перегорание, не ликвидация сил, а оживление революционных настроений, сдерживаемых только немецкими штыками. При уходе немцев неизбежно вспыхнет революция, ввиду озлобления крестьянских масс против помещиков. Также все южные диктатуры возможны лишь при наличии германских войск — уйдут эти войска, и диктатуры падут. Союзники вряд ли будут насаждать в России диктатуру, так как, по французским понятиям диктатура равнозначна монархии, а трудно предполагать, чтобы французская Республика утверждала в России монархию. Обыкновенно всякое государство стремится установить за границей свой собственный государственный строй. Это прекрасно понимали те общественные деятели, которые, считая монархическую форму правления наиболее подходящей для России, ориентировали свою политику на Германию. Притом союзники по рукам и ногам связаны своим соглашением с демократическими организациями, они не могут на Юге России установить другой строй, чем на Севере. Они выдали демократическим организациям известные обязательства, существует нота, написанная ими. В случае же если бы они согласились на диктатуру в России, им нужно будет определенно заявить, что диктатура для нас непримлема.

М.М.Федоров призвал членов Совецания, и в особенности левое его крыло, к соглашению, напоминая присутствующим всегдашние настроения союзников на необходимости единения

русских политических деятелей как условия широкой активной помощи союзников. Положение все осложняется, срочность и серьезные размеры выступления союзников все больше становятся единственным средством спасения, а потому долг всех русских людей — устранить все, что может помешать этому, и прежде всего остановить на время всякие партийные разногласия.

Заседание было закрыто в 1 час. дня.

Председатель Делегации

Секретарь Делегации

Ж У Р Н А Л 11

СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Вечернее заседание 21/8 ноября 1918 г.

Присутствовали: российский посланник в Румынии С.А.Поклевский-Козелл, бывший помощник Верховного Главнокомандующего Румынского фронта генерал Д.Г.Щербачев, уполномоченный Российского общества Красного Креста в Румынии полковник С.Н.Ильин, члены делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Маргулиес, барон В.В.Меллер-Закомельский, П.Н.Милюков, А.И.Пильц, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс и участвовавшие с совещательным голосом В.Я.Демченко, Н.Ф.фон Дитмар, В.П.Рябушинский, Н.Н.Шебеко.

Заседание было открыто в 3 ч. 30 м. дня.

М.С.Маргулиес констатировал, что левая и правая часть совещания сходятся в признании того, что первоочередной практической целью является преодоление большевизма, по возможности в течение ближайших 3—4 месяцев. Но если так, то казалось бы, что разногласие по вопросу о первых шагах к созданию власти могло бы быть сведено к минимуму. С этой точки зрения опасение социалистов о том, что последствием диктатуры может быть установление монархического строя, не может быть поставлено в ряду основных возражений. Если большевизм не будет побежден, то до вопроса о желательной для населения формы правления и не дойдет, переходя от предложения И.И.Бунакова-Фондаминского об установлении триумvirата. Нужно заметить, что для военных целей он не только бесполезен, но и определенно вреден. Исторические примеры военных триумvirата

тов: Цезарь, Красс и Помпей, Цезарь, Антоний и Октавий говорят решительно не в пользу такой комбинации.

Следовательно, триумвират, а точнее два ассистента военному диктатору приставляются для гражданских нужд, но тут нужно заметить, что в условиях действительности теперь все гражданские дела тесно связаны с военными, ибо и характер этих дел, территория действия этих гражданских властей связаны с постоянным передвижением армии, как например снабжение армии, устройство отвоеванной территории. И все это, разумеется, должно подлежать компетенции военного начальника. Речь может идти в этом случае лишь о большем и меньшем размере военной зоны; если же всюду в тылу армии будет наблюдаться брожение, то последует введение повсеместного военного положения, т.е. опять-таки сосредоточение власти в военных руках. При таких условиях определенный состав директории никакой гарантии не дает для левых течений, но в таком случае незачем цепляться за фикцию. Если уж искать каких-либо гарантий, имеющих целью дать удовлетворение социалистической демократии, то целесообразнее было бы искать этих гарантий не в многоличности диктатора, а в способе конструирования правительства; именно, можно было бы допустить избрание министров тем коллективом, о котором говорил А.А.Титов (при этом, разумеется, коллектив, совершив избрание министров и только их одних, немедленно прекращает свое существование).

Что касается отношений союзников к направлению нашей внутренней политики, то в согласии Франции на единоличную диктатуру и вытекающие из нее последствия вряд можно сомневаться. Как известно, французы очень настойчивы в защите своих экономических интересов; ценности во Франции распределены очень равномерно; крестьянство весьма зажиточно и буржуазно; французские сбережения обращаются не на текущие счета, а в ценные бумаги; держателей русских ценностей во Франции очень много. Эта цепь совершенно бесспорных фактов приводит к столь же бесспорному заключению, что французская армия, состоящая преимущественно из крестьян, отлично поймет, что она будет защищать в России свои кровные интересы. Отношение Америки менее ясно, но именно поэтому на нее надо возможно скорее и энергичнее воздействовать; опасаться можно только того, что если мы из-за разногласий опоздаем, то после заключения мира союзные страны просто не пожелают расхо-

вать свои военные силы и отзовут их совершенно независимо от наших внутренних дел.

П.Н.Милюков указал, что в развернувшихся по вопросу о власти прениях обнаружилось два основания для уступок правой части Совещания левой: с одной стороны, указания И.И.Бунакова-Фондаминского на предрешенность отношения союзников к единоличной диктатуре, с другой — обещание А.А.Титова, что проектируемая им демократическая опора диктатуры не будет для последней помехой. Что касается первого аргумента, то его нельзя не признать прямой угрозой тем, кто высказывается против демократической схемы диктатуры. Если бы эта угроза была действительной, то оставалось бы только сделать выбор: либо подчиниться угрозе, либо отойти в сторону, предоставив дело возрождения России тем элементам, которым союзники, по видимому, больше верят; лично П.Н.Милюков высказался бы за второй исход. По счастью, однако, ни угроза не страшна, ни альтернативы, в действительности, нет. Исторически неверно, будто всякая страна, вмешиваясь во внутренние дела другой, стремится установить ее строй по своему образу и подобию. Притом есть все основания полагать, что союзники начинают разбираться в наших делах и понимают русские особенности. Самому П.Н.Милюкову пришлось слышать от французских деятелей заявления, что, если понадобится, они пойдут на установление в России конституционно-монархического строя. Характерна также в этом отношении статья известного Семба по поводу германской ориентации П.Н.Милюкова; Семба объяснял ее, во-первых, пессимистической оценкой П.Н.Милюковым военного положения; во-вторых, его стремлением к монархии, которую легче обеспечить путем сговора с Германией. Вывод Семба был, что если далеко не реакционные русские деятели склоняются к монархии, то союзникам надо над этим серьезно призадуматься.

Если таково направление мысли у союзников, то Делегации вообще русским организациям остается им в этом только помочь.

Формальная ссылка И.И.Бунакова-Фондаминского на состоявшийся в Москве договор о характере будущей власти неосновательная. Из чтения соответствующего документа вытекает лишь, что [он] является просто вербальной нотой, содержащей поощрение одной стороне и угрозу другой, в приложении к злободневному тогда вопросу о создании Восточного фронта. Иного

истолкования этому документу дать нельзя, и во всяком случае нельзя считать, что он является формальным договором.

Дальнейшее указание И.И.Бунакова-Фондаминского допустительно как на один из факторов создания Добровольческой армии фактически правильно, но это указание бьет дальше цели, так как свидетельствует лишь о том, что одно из условий образования диктатуры является необычным, но нисколько не может служить ни отрицанием факта ее существования, ни доводом против ее желательности. Если ушла германская сила, на которую диктатура косвенно опиралась, то приходится думать о замене исчезнувшей поддержки новой. Сами социалисты к этому стремятся путем создания демократической базы, но такая база отнюдь не стирает печати первоначального происхождения диктатуры; в этом смысле план А.А.Титова не превращает искусственную диктатуру в естественную или национальную.

По существу проектируемая опора А.А.Титовым содержит некоторый соблазн для компромисса; казалось бы, на него следовало бы пойти, если бы уверенность, что предлагаемое А.А.Титовым государственное совещание в самом деле ограничит свою задачу санкцией диктатуры. Но можно опасаться, во-первых, что если роль Совещания будет чисто декоративным выполнением заранее состоявшегося сговора, то это вызовет серьезное недовольство не только демократических масс, но, может быть, и партийных верхов; и во-вторых, что под влиянием этого недовольства и следуя примеру демократических организаций революционного времени, Совещание будет стремиться к расширению своей компетенции и заговорит о постоянном контроле над диктатурой, ее ответственности и т.д., другими словами создать почву ослабления и разложения власти.

Желание левой части Совещания диктатуры национальной понятно и законно, нельзя только упускать из виду, что формы правления национального характера власти могут быть весьма различны. При развитом народовластии основой власти является правильно организованное правительство, но такого народовластия у нас нет, и самый проект А.А.Титова говорит лишь о крайне несовершенном суррогате представительства.

При отсутствии же народовластия и в условиях гражданской войны национальный характер власти может быть установлен лишь через фактическое общее признание. Если Деникин его получит, то он будет национальным диктатором. Большинство Де-

легации, поддерживая его, тем самым стремится сделать лишний шаг по пути создания фактов.

Обращаясь к замечаниям об организации гражданского управления, П.Н.Милуков полагал, что схема Н.В.Савича, предлагающего отделить военного диктатора от командования и окружить его двумя помощниками, главнокомандующим и премьер-министром, вряд ли практична. Неудобно устранять стоящее во главе военное лицо от принципиального и общего руководства операциями, хотя бы последние, разрастаясь, и вверялись ряду командующих армиями. Нельзя далее превращать деловое министерство в парламентское, связанное солидарной ответственностью и возглавляемое "премьер[ом]". Что касается поправок М.С.Маргулиеса, то предоставление министрам права отказываться от контрассигновки лишено реального значения, так как ясно, что поступившие таким образом министры должны будут уйти, права же подавать в отставку никто и нигде не лишен.

Относительно избрания государственным совещанием министров надо опять-таки признаться, что оно внесло бы в дело элемент ослабления власти политической борьбы; между тем министерство при диктатуре, как было предположено, должно быть чисто деловым; поэтому можно допустить в самой широкой степени рекомендацию и указания кандидатов партиями и организациями, но назначение должно исходить только от диктатора. Мысль о совещательном органе при диктатуре сама по себе вполне целесообразна, и ее следует серьезно разработать, но орган этот должен быть именно только совещательным, и вопрос о нем не является первоочередным.

Весьма желателен тот или иной вид участия во власти местных элементов, т.е. представителей, присоединяющихся краевых правительств. По мысли [так в тексте. — *Ред.*] назначения статс-секретарей в Совет министров, хотя надо сознаться, что это придает управлению несколько громоздкий характер. Делать из них избирателей власти, как намечает А.А.Титов, было бы опасно, так как повело бы к поощрению местных притязаний, которые должны, напротив, подлежать сокращению.

Останавливаясь в заключение на вопросе о лице, П.Н.Милуков считал необходимым разрешить его теперь же, так как мнение Делегации будет способствовать устранению наблюдаемых в самой Добровольческой армии колебаний, выяснению положения.

Н.В.Савич полагал, что если сведения И.И.Бунакова-Фондаминского об отрицательном отношении союзников к единичной

диктатуре верны, то все разговоры на эту тему становятся излишними. В действительности это не так: государство, устанавливающее внутренний порядок в другом, устраивает его не по своему образцу, а так, как того требуют его интересы. Это будет и в случае с Россией, особенно ввиду большевистской опасности, приобретающей общий характер.

Диктатура, возникающая на Юге и ныне обсуждаемая Советским правительством, отличается теми же чертами преднамеренности и целесообразности, как и ленинская, обе покоятся на сознании поддерживающими их силами общего интереса, определяемого опасением общей ответственности и в случае успеха противника.

Возражая П.Н.Милокову относительно устройства власти и отстаивая свою схему, Н.В.Савич усматривал ее преимущество в ее практичности. Диктатор уже потому не будет в состоянии все свое время [уделять] руководству военными операциями, что его внимание будет поглощено переговорами с союзниками, участием России в мирном конгрессе и общими вопросами по внутреннему устройству освобождаемых от большевизма пространств. Вот почему ему необходим помощник по военной части, исключительно направляющий военные операции и олицетворяющий единое командование. Вопрос о том, будет ли это командование в руках Добровольческой или Сибирской армии, разрешится реальным соотношением сил, а это последнее будет определено союзниками.

М.С.Маргулис, вновь коснувшись вопроса об отношении союзников, высказал, что признание ими Уфимского правительства вовсе не связывает их и не предвещает поддержки им определенной формы внутреннего строя в России. Верно, что союзники плохо осведомлены в наших делах, особенно американцы, но наше дело познакомить их с положением, и это ознакомление заставит их прийти к правильным выводам.

Искать сейчас чисто демократической базы для власти — вещь совершенно невозможная. В сущности, и уфимская, якобы демократическая, власть возникла путем сговора, проект А.А.Титова относительно конструкции правительства нельзя даже назвать фиговым листиком, это просто паутина.

Для разрешения вопроса о личности диктатора наиболее убедительный материал дан Н.В.Савичем. Высказываясь за великого князя, он в то же время отмечает его слабование, но какой же толк в слабовольном диктаторе? Сомнительна и популярность Николая Николаевича в солдатских массах новейшей формации, а те, кто с ним сражался либо в плену, либо в могиле.

Резюмируя прения, председатель бар. В.В.Меллер-Закомельский указал, что по вопросу о конституции власти в Совещании обнаружилось два основных течения. Одно из них усматривает наилучший исход в установлении единоличной диктатуры, при которой учреждается деловое министерство; при этом предлагаются две несколько несходные технические схемы, защищаемые П.Н.Милюковым и Н.В.Савичем. Другое течение, представленное делегатами Союза Возрождения, высказывается за трехчленную директорию, избираемую неким коллективом, именно государственным совещанием. За отсутствием соглашения между отмеченными течениями и ввиду того, что решение вопроса путем голосования в силу конструкции и характера Совещания не имело бы смысла, и представлялось бы наиболее целесообразным отметить в меморандуме союзникам оба течения.

По обоим замечаниям предложение председателя было принято.

Переходя к вопросу о схемах, наметившихся внутри первого течения, Совещание согласилось с соображениями по этому предмету П.Н.Милюкова, полагавшего, что схемы могут быть сближены и объединены, если Н.В.Савич согласился признать, что должность премьера его схемы лишена политического значения и министерский пост замещается назначением диктатора.

По предложению председателя Совещание перешло засим к вопросу об отношении к Уфимскому правительству.

Н.В.Савич высказал убеждение, что вопрос о первенстве Уфимского и Южного правительств разрешится в зависимости от того, которое из них раньше дойдет до Москвы.

П.Н.Милюков находил, что в этом пункте желательно было бы сговориться с левым течением Совещания. Почва для соглашения как будто имеется. Сам оратор и его единомышленники видят в образовании уфимской власти положительный шаг на пути к объединению России, несмотря на то что при устройстве его было нарушено соглашение, состоявшееся весной в Москве. С точки зрения сторонников южной диктатуры было бы важно лишь, чтобы Уфимское правительство не притязало на права Всероссийского. В таком случае и они готовы были бы признать, что Южное правительство является лишь элементом будущей общерусской власти. Такое соглашение относительно ближайшего момента оставило бы открытым вопрос об окончательном устройстве всероссийской власти, сейчас не стоящий на очереди. Впрочем, из этой отсрочки следовало бы сделать изъятие для вопроса о дипломатическом представительстве как не терпящего отлагательства;

можно было бы признать, что единое дипломатическое представительство образуется немедленно по соглашению Уфимского и Южного правительств.

Что касается единого командования, то, будучи в принципе безусловно необходимо, оно до смыкания восточных и южных сил неосуществимо, поэтому и говорится о нем преждевременно.

М.В.Брайкевич, взывая к патриотизму левых членов Совещания, просил их принять во внимание, что Юг России во много раз богаче Сибири и культурными средствами, и материальными ресурсами, столь необходимыми для общей задачи борьбы с большевизмом, поэтому следовало ожидать от них признания возникшей на Юге власти равноценной по крайней мере уфимской.

М.С.Маргулиес полагал, что сотрудничество левых течений с южной диктатурой должно было бы вытекать из чисто физической необходимости, так как Уфа отрезана и распоряжения оттуда приходят раз в месяц или даже реже, тогда как южная власть действует непрерывно, и всякое течение, не желающее ей вредить, должно было бы ее поддерживать.

И.И.Бунаков-Фондаминский, не возражая против предложения П.Н.Миллюкова относительно общего дипломатического представительства, указал, что соглашение по вопросу о взаимоотношениях между Уфимским и Южным правительствами невозможно, пока у левой части Делегации нет уверенности, что организация власти при Добровольческой армии не послужит поводом для конфликта ее с уфимской. В данном случае вопрос о форме власти настолько непосредственно предопределяет политическую суть дела, что дать свою санкцию равноценности правительств оратор не может: это заранее услило бы авторитет могущей возникнуть на Юге диктатуре.

С.П.Третьяков полагал, что пока между Уфой и Кубанью нет связи и последняя лишена реальной возможности влиять на первую, настоящий спор является бесплодным пререканием о словах и мог бы быть разрешен в порядке редакционном.

П.В.Савич предложил следующую формулу, которая, по его мнению, могла бы удовлетворить оба течения Совещания: Южное правительство является российским правительством, при котором стоят дипломатические миссии, считая за принцип представительство, согласованное с уфимским, вопрос о создании Всероссийского правительства определяется с того времени, когда цель борьбы с большевиками даст возможность регулярных сношений с силами, которые находятся на Востоке.

Формулировка Н.В.Савича принимается членами Совещания, стоящими на первой точке зрения (необходимости диктатуры).

Совещание затем перешло к выяснению точки зрения сторонников диктатуры на личность предполагаемого Верховного Главнокомандующего.

В.И.Гурко полагал, что вопрос этот должен быть отложен, формально потому, что организации, представленные в Делегации, кандидатур еще не касались; по существу же — ввиду недостаточной осведомленности Делегации о том, что делается в России.

М.М.Федоров возразил, что организации, пославшие Делегацию, не связывали ее членов ограничительными директивами, по существу же время не терпит и вопрос должен был немедленно решен.

Генерал Д.Г.Щербачев сообщил что, по полученным им вчера сведениям 300 офицеров Генерального штаба, служащих на Украине, и масса рядового офицерства численностью 30 000 всецело придерживаются русской ориентации и признают авторитет Деникина. С точки зрения обозрения этой силы и прекращения колебаний, вызываемых неопределенностью положения, важен скорейший выбор кандидата.

Большинство членов Делегации, стоявших на точке зрения диктатуры, десятью голосами высказывалось за немедленное разрешение вопроса, девятью голосами против четырех, поданных за великого князя Николая Николаевича, признано желательной кандидатурой в Верховные Главнокомандующие генерала Деникина.

В 8 ч. 45 м. вечера заседание было закрыто.

Ж У Р Н А Л 12

СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Утреннее заседание 22/9 ноября 1918 г.

Присутствовали: российский посланник в Румынии А.С.Поклевский-Козелл, бывший помощник Главнокомандующего армиями Румынского фронта, генерал Д.Г.Щербачев, уполномоченный Российского общества Красного Креста в Румынии полковник С.Н.Ильин, члены делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Маргулис, барон В.В.Меллер-Закомельский, А.И.Пильц, Н.В.Са-

вич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс и допущенные к участию в совещании В.Я.Демченко, Н.Ф.фон Дитмар, В.П.Рябушинский, Н.Н.Шебеко.

Заседание открыто в 10 ч. 45 м. утра.

Барон В.В.Меллер-Закомельский внес предложение, чтобы по возвращении Делегации в Россию она сохранила свое существование и имела бы в Одессе и при высшем командовании союзных войск своих представителей, которые бы отражали все политические течения, представленные в Делегации. Также в высшей степени важно иметь при российском после в Париже одного или нескольких представителей Делегации для лучшей информации посла, уже свыше года лишенного всякой связи с Россией и, может быть, не вполне осведомленного о том, что происходило в ней за это время. Крайне важно также, чтобы союзники образовали собой Комитет по русским делам. Комитет этот должен, очевидно, находиться в Париже, и при Комитете должны также находиться представители Делегации.

М.М.Федоров полагал, что в Яссах должен быть оставлен один из представителей Делегации в целях информации. В том же смысле высказываются русский посланник и союзные дипломаты.

М.С.Маргулис сообщил, что вопрос о посылке представителей в Париж обсуждался Советом Государственного объединения и Советом Законодательных палат, которые при выборе настоящей Делегации уже уполномочили своих представителей, в случае если уже в Яссах выяснится необходимость поехать в Париж, послать туда представителей прямо из Ясс.

Необходимо теперь же, в Яссах, запастись выбранным лицом, заграничным паспортом и иностранными визами, так как это легче и скорее сделать, чем на Украине.

Совещание признало необходимым оставление временного представителя в Яссах и отправление в Париж нескольких делегатов.

А.В.Кривошеин подчеркнул настоятельную необходимость обратить внимание союзников на Север России, и в особенности на Петроград, где населению угрожает голодная смерть. Помочь Петрограду необходимо как можно скорее, безотлагательно. Это наш первый долг. За войсками союзников должны следовать транспорты с продовольствием, как делают англичане на Севере. Операция на Петроград ввиду морского пути могла бы быть завершена в короткое сравнительно время и не потребовала бы значительных сил, так как там во всех слоях петроградского населения

замечается крайнее озлобление против большевизма и союзные войска были бы встречены с единодушным восторгом.

Н.В.Савич предложил составить записку о голоде в Петрограде, причем М.В.Брайкевич советовал подчеркнуть в этой записке, что в руках большевиков голод является политическим орудием для массового истребления интеллигенции и буржуазии (3-я и 4-я категории по продовольствию). М.В.Брайкевич указал при этом на большое количество военнопленных, проходящих ныне через Яссы, и о необходимости оказания им быстрой и действительной помощи.

Но для успеха этой операции надо приступить к ней безотлагательно, иначе морозы ее сделают крайне затруднительной, а быть может, и невозможной.

Н.А.Хомяков пояснил, что помощь эта должна равным образом оказываться и в Одессе, куда прибывает большое количество военнопленных.

Заседание закрыто в 12 ч. 30 м. утра.

Председатель Делегации

Секретарь Делегации

Ж У Р Н А Л 13

СОВЕЩАНИЕ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Дневное заседание 22/9 ноября 1918 г.

Присутствовали: российский посланник в Румынии А.С.Поклевский-Козелл, бывший помощник Верховного Главнокомандующего армиями Румынского фронта генерал Д.Г.Щербачев, бывший начальник штаба армий Румынского фронта генерал Геруа, уполномоченный Российского общества Красного Креста в Румынии полковник С.Н.Ильин и члены Делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Маргулиес, барон В.В.Меллер-Закомельский, А.И.Пильц, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс и участвующие с совещательным голосом В.Я.Демченко, Н.Ф. фон Дитмар, В.П.Рябушинский и Н.Н.Шебеко.

Заседание открыто в 3 ч. 30 м. дня.

По просьбе Совещания и предложению генерала Щербачева генерал Геруа сделал Совещанию доклад о положении на большевистском фронте. Доклад этот сводится к следующему: у большевиков армия не превышает 300 тысяч человек. Из этого количест-

ва всего 16 000 сосредоточено на Северном фронте; 3 тысячи, под начальством генерала Снесарева, стоят на Западном фронте, 192 000, под командованием генерала Сытина, действуют против Украины и Дона, а до 60 тысяч, под начальством некоего Каменева, занимают Юго-Восточный фронт. Полковник Генерального штаба — латыш Вацетис — является у большевиков Главверхом, его центр в Серпухове. В армии идет теперь переорганизация, и она перестраивается согласно последним указаниям военной науки. Особенное внимание обращено на артиллерию и пулеметы, которыми в изобилии снабжены большевистские отряды. Армия состоит из 27 дивизий, формируется еще две, но набор идет туго, и на этой почве наблюдаются стычки с населением. Для свержения большевиков, по мнению генерала Геруа, достаточно присылки союзниками 4 корпусов на Украину и 2 дивизии на Кубань.

Что же касается до Украины, то силы ее весьма незначительны. Единственной силой на которую может рассчитывать Киев, является сердюцкая дивизия численностью не более 5 тысяч человек. Существует еще запорожская дивизия, но дисциплина в ней непрочно. Формируется 8 корпусов, но существуют одни кадры; в конце ноября предполагается произвести призыв.

В.И.Гурко указал на японские и английские отряды, действующие в Сибири и Туркестане, и на необходимость использовать их в борьбе с большевиками.

Совещание обратилось к генералу Щербачеву с просьбой о поездке в Бухарест к генералу Бертело в целях передачи последнему меморандума, составленного Делегацией, и подкрепления его словесными доводами для всяческого ускорения присылки войск в Одессу.

Заседание закрыто в 5 часов дня¹⁷.

Председатель Делегации
Секретарь Делегации

Ж У Р Н А Л 14

СОВЕЩАНИЙ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Вечернее заседание 22/9 ноября 1918 г.

Присутствовали: российский посланник в Румынии С.А.Полклевский-Козелл, бывший помощник Верховного Главнокомандующего армиями Румынского фронта генерал Д.Г.Щербачев, уполномоченный Российского общества Красного Креста полк.

С.Н.Ильин, члены Делегации И.И.Бунаков-Фондаминский, М.В.Брайкевич, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Маргулиес, барон В.В.Меллер-Закомельский, А.А.Титов, П.Н.Миллюков, А.А.Пильц, Н.В.Савич, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс и участвующие с совещательным голосом В.Я.Демьяненко, Н.Ф.фон Дитмар, В.П.Рябушпинский и Н.Н.Шебеко.

Заседание открыто в 9 часов вечера.

П.Н.Миллюков огласил проект составленного им совместно с А.А.Титовым по поручению Совещания третьего Обращения к союзникам с подробным изложением взгляда Делегации на средства воссоздания и объединения России.

М.М.Федоров высказал по существу проекта мысль, что союзникам должно быть определено указано, что приглашая их к борьбе с большевизмом и настаивая на срочном ими осуществлении намеченного плана, русские политические деятели служат интересам не только своей родины, но и для спасения европейской, может быть, более того мировой культуры. То, что происходит в Германии, до такой степени напоминает происшедшее недавно в России, опасность не только нейтралитета находящихся в городах России немецких войск в случае наступления большевиков на Украину, но и возможного в будущем объединения немецких и русских большевистских сил, настолько серьезна и велика, что если большевизм не будет быстро раздавлен в России, то еще вопрос, удастся ли с ним в дальнейшем справиться объединенным союзническим силам, особенно если яд большевизма под влиянием усталости от войны и других причин проникнет и за пределы Германии.

Войну нельзя считать оконченной, пока большевизм не раздавлен, и наша обязанность сказать это прямо союзникам, даже поставить этот мотив в текст нашего обращения к ним.

Согласившись с возражениями В.И.Гурко и П.Н.Миллюкова, что было бы осторожнее и тактичнее при всей правильности этой мысли не включать ее в официальный документ и, обменявшись затем мыслями по поводу отдельных редакционных поправок к тексту Обращения, Совещание поручило В.И.Гурко и П.Н.Миллюкову изготовить окончательный текст, приняв во внимание сделанные на Совещании и одобренные им указания.

Заседание закрыто в 12 часов ночи.

Председатель Делегации

Секретарь Делегации

СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Утреннее заседание 23/10 ноября 1918 г.

Присутствовали: М.В.Брайкевич, Н.И.Бунаков-Фондаминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Маргулиес, бар. В.В.Меллер-Закомельский, А.И.Милюков, А.И.Пильц, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров и Я.Я.Чемберс и участвующие с совещательным голосом В.Я.Демченко, Н.Ф.фон Дитмар, В.П.Рябушинский и И.И.Шебеко.

Заседание открыто в 12 часов дня.

Утвердив окончательный текст третьего Обращения к союзным державам, представленный В.И.Гурко и П.Н.Милюковым (копия обращения прилагается), Совещание по предложению председателя перешло к возбужденному ранее М.С.Маргулиесом вопросу о командировании Делегацией своих представителей в Париж.

М.С.Маргулиес напомнил Совещанию его мнение, что посылка делегатов в Париж должна иметь цель: во 1-х, осведомление русского посла Маклакова и французских политических кругов и, во 2-х, широкую пропаганду необходимости союзного вмешательства, для чего следовало бы создать особый... [фраза не закончена. — *Ред.*]

Для выполнения этих задач необходимо остановить выбор на лицах, имеющих связи в политических, промышленных и др. влиятельных сферах Парижа. Пункт этот намечается потому, что в нем в настоящее время сосредоточивается политическая деятельность Держав Согласия.

М.М.Федоров обрисовал задачи предполагаемой делегации несколько шире; по его мнению, она должна составить постоянный орган, действующий в тесной связи с русским послом и поддерживающий непрерывное общение с русскими дипломатами. Часть делегатов можно набрать сейчас же, но затем пополнить выборы на более правильных основаниях в Киеве, предоставив произвести их всем трем организациям, в числе от каждой, сообщенными установленном.

И.И.Бунаков-Фондаминский полагал, что немедленное избрание делегации представлялось бы нежелательным и с фор-

мальной стороны, и по существу. Нельзя забывать, что французские политические круги отнесутся к уполномоченным с необходимым вниманием лишь в том случае, если эти лица будут представлять разнообразные и авторитетные течения общественной мысли. Между тем организации, образовавшие Ясскую Делегацию, полномочий в этом смысле не давали. Ввиду всего этого дело только выиграет, если избрание делегации состоится в России, тем более что из Одессы легче и скорее можно проехать в Париж, чем из Ясс.

В.И.Гурко также полагал, что в интересах самого дела требуется установление состава парижской делегации и ее полномочий в согласии со всеми русскими общественными организациями. Немедленно можно было бы послать курьера с определенно ограниченной целью осведомления.

Бар. В.В.Меллер-Закомельский и М.С.Маргулиес пояснили, что, поскольку речь идет о Совете Государственного объединения, последний, командируя своих представителей в Яссы, вместе с тем уполномочил их в случае надобности ехать дальше. Что такая надобность существует, об этом, как полагал М.С.Маргулиес, не может быть двух мнений. Немедленная посылка нескольких лиц в Париж была бы самой реальной и важной из всех мер, принятых Делегацией.

П.Н.Милюков находил, что вопрос о посылке делегации в Париж должен быть разрешен в зависимости от того, будет ли принята мысль М.С.Маргулиеса или более широкий план М.М.Федорова. В первом случае нет препятствий к избранию делегатов теперь же, во втором — следовало бы предварительно точнее условиться о полномочиях Делегации как постоянного органа, а это возможно лишь по соглашению с русскими организациями в Киеве и в Одессе. В противном случае делегаты рискуют оказаться в неловком положении простых просителей.

М.М.Федоров заметил, что при всей правильности сомнений Н.П.Милюкова промедление едва ли желательно ввиду все ухудшающегося положения на Украине. Затруднение могло бы быть устранено разделением выборов, как уже сказано, на две очереди: нескольких лиц можно было бы избрать теперь же, а по возвращении в Россию, с одной стороны, пополнить состав делегации, с другой — точнее очертить ее задачи и полномочия.

А.А.Титов заявил, что по соображениям уже приведенным И.И.Бунаковым-Фондаминским, делегаты Союза Возрождения в выборах участия не примут. При этом А.А.Титов подчеркнул,

сто делегация во всяком случае должна быть составлена по принципу группового представительства.

Согласившись с соображениями М.М.Федорова, большинство Соповещания приступило к выборам 3 делегатов путем подачи записок. Записки подавали и участники Соповещания, права решающего голоса не имеющие. Избранными оказались С.Н.Третьяков, Н.Н.Шебеко и В.И.Гурко.

По предложению Председателя Соповещание постановило просить русского посланника С.А.Поклевского-Козелла взять на себя постоянное представительство Делегации после ее отъезда из Ясс.

Заседание было закрыто в 1 час дня.

Председатель Делегации

Протокол

2-го совещания русской делегации в Яссах
с союзными посланниками,
состоявшегося 23/10 г. в Русском консульстве

Присутствовали: английский посланник сэр Джордж Барклей, французский посланник гр. Сент-Олер, посланник Соединенных Штатов Вопичка, итальянский поверенный в делах Ауритти, военный атташе и начальник политического отдела при французской миссии маркиз Белуа, английский военный агент ген. Баллард, Российский посланник в Румынии С.А.Поклевский-Козелл, быв. помощник Верховного Главнокомандующего армиями Румынского фронта ген. Д.Г.Щербачев, уполномоченный Российского общества Красного Креста полк. С.Н.Ильин, члены Делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Маргулис, бар. В.В.Меллер-Закомельский, П.Н.Милуков, АИ.Пильц, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков, А.Я. Чемберс и участвующие с совещательным голосом В.Я.Демченко, Н.Ф.фон Дитмар, В.П.Рябушинский и Н.Н.Шебеко.

Заседание было открыто в 6 ч. 30 м. вечера.

По предложению председателя П.Н.Милуков огласил текст третьего Обращения Делегации к союзным Державам по вопросу о помощи России.

Французский и английский посланники указали, что они вполне разделяют высказанные в прочтенном документе опасения относительно дел в России и, со своей стороны, принимали и продолжают принимать все меры, чтобы пойти навстречу пожеланиям Делегации. Дело, однако, затрудняется тем, что румынским правительством установлены серьезные ограничения телеграфных сношений, вследствие чего каждая из союзных миссий имеет возможность передавать не более 200 слов в сутки. При таких условиях не может быть уверенности, что телеграммы посланников, в которых они передавали содержание первых двух обращений Делегации, были отправлены по назначению. Можно, впрочем, надеяться, что в скором времени действие телеграфа в обычном объеме будет восстановлено.

В.И.Гурко просил предоставить ему слово, чтобы осветить перед союзными правительствами вопрос о мировой опасности большевизма. Вопрос этот остался незатронутым в меморандуме потому, что Делегация тщательно избегала вводить в него аргументы, которые могли бы иметь характер или быть понятыми как известного рода застрашивание. Кроме того, если бы отмечаемой оратором опасности и не существовало, Делегация все равно обратилась бы к союзным державам с просьбой о присылке военной помощи.

Переходя к существу вопроса, В.И.Гурко высказал глубокое свое убеждение, что большевизм, в настоящее время имеющий лишь местное значение, грозит распространиться и заразить даже и более культурные страны. Нельзя забывать, что и в более отсталой России проповедь Ленина была первоначально встречена насмешливо, даже враждебно, той самой толпой, которая затем полностью восприняла его учение. Сами немцы, привившие России этот яд через посредство действовавших на их средства вождей большевизма, считали себя застрахованными от его действия, однако на наших глазах совершилось и продолжает развиваться заражение большевизмом германского государственного организма. Правда, судя по доходящим сведениям, в настоящее время наблюдается некоторая задержка в распространении заразы, но подобные задержки неизбежны в ходе всякой революции.

Все сказанное является некоторым предостережением и для других народов.

Разумеется, трудно ожидать вспышки большевизма в странах, торжествующих только что одержанную блестящую, иск-

лючительную в истории победу. Но никто не может поручиться, что после первого упоения успехом не наступят обстоятельства, которые, в связи со скорбными итогами войны, в смысле жертв людьми и средствами, могут создать благоприятную почву для развития идей большевизма.

Если эти соображения правильны, а в этом В.И.Гурко глубоко убежден, — то в них союзники могут почерпнуть лишний довод в пользу необходимости борьбы с большевизмом как с мировым злом.

В заключение В.И.Гурко обратил внимание на частный вопрос о возможности использования для действий в России японских войск, находящихся в Сибири, и английских, расположенных в районе Каспийского моря.

Председатель бар. В.В.Меллер-Закомельский, указав на важное значение Ясс и Бухареста как ближайшего к России местонахождения официальных представителей союзных правительств и на необходимость постоянной осведомленности этих представителей о всем происходящем в России, обратил внимание на отсутствие телеграфных сношений между Россией и Румынией вследствие перерыва проводов между Тирасполем и Бендерами. Восстановление этой телеграфной линии, по мнению Делегации, является существенно необходимым.

Вполне разделяя эту точку зрения, представители союзных миссий взяли на себя оказать соответственное воздействие на румынское правительство для скорейшего восстановления указанной телеграфной линии.

Председатель бар. В.В.Меллер-Закомельский обратился к представителям союзных Держав с вопросом, не найдут ли они возможным воздействовать на румынское правительство в том смысле, чтобы оно позаботилось о пропитании проходящих ежедневно через разные пункты Румынии в числе до 500 человек русских военнопленных, возвращающихся из Австрии. Быть может, и сами союзные Державы могли бы помочь в этом отношении. Само собою разумеется, что в обоих случаях помощь будет возмещена натурой и деньгами.

Французский посланник гр. Сент-Олер и военный атташе при Французской миссии маркиз Белуа разъяснили, что бедственное положение русских пленных им известно и они готовы всецело содействовать его облегчению. Вопрос этот подлежит разрешению в связи с теми мерами, которые принимаются союзниками, чтобы иметь возможность получить и вывозить с Северного Кав-

каза обратными рейсами судов, отвозящих туда воинское снаряжение, хлеб и другие зерновые продукты. Вопрос этот озабочивает и французское правительство, которое уже просило известную фирму Дрейфуса взять на себя организацию дела.

П.Н.Милюков от имени Делегации сообщил, что последняя считает своевременным и весьма желательным установление постоянного дипломатического представительства между Добровольческой армией, с одной стороны, и представителями Держав Согласия с другой.

Сочувственно отнесясь к заявлению П.Н.Милюкова, посланники Держав Согласия взяли на себя сделать соответствующие представления своим правительствам.

Поблагодарив представителей союзных Держав за внимание к заявлениям и просьбам Делегации, председатель в 7 час. вечера объявил заседание закрытым¹⁸.

Председатель делегации:	бар. В.Меллер-Закомельский
Секретарь делегации:	Б.Малютин.
С подлинным верно:	Б.Малютин.

Ж У Р Н А Л 16 СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Заседание 25/12 ноября 1918 г. (в Одессе)

Присутствовали: члены Делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Маргулиес, В.В.Меллер-Закомельский, П.Н.Милюков, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.; М.Федоров, Н.А.Хомяков и А.Я.Чемберс и участвующих с совещательным голосом В.Я.Демченко, Н.Ф. фон Дитмар, В.П.Рябушинский, Н.Н.Шебеко.

По открытии заседания в 4 ч. 30 мин. дня члены Делегации обменялись фактическими сообщениями о положении дел в Одессе и вообще на Украине.

При этом выяснилось, что в городе царит весьма тревожное настроение, заставляющее опасаться возможности вооруженных столкновений на почве попыток захвата власти. Положение осложняется начинающейся двухдневной забастовкой протеста против действий властей, и особенно градоначальника Мустафина.

Насколько можно заключить из имеющихся сведений, политика краевых властей в самом деле представляется излишне суро-

вой и совершенно недальновидной. Так, нельзя подыскать никаких разумных оснований для ареста гласных Городской думы и массового задержания студентов и др. лиц, совершенно не причастных к большевизму.

Что касается сил, коим может быть поручено охранение порядка в случае волнений, то таковые имеются, по-видимому, в достаточном количестве, но затруднение состоит в том, что эти силы подчинены четырем различным властям, между которыми нет надлежащей связи, не говоря уже об единстве командования.

Заслушав изложенные сообщения и обменявшись взглядами по поводу положения дел, Совецание пришло к заключению, что серьезность обстановки требует от Делегации принятия мер в двух направлениях: во-первых, в смысле установления единства власти в городе и отказа ее от ненужных репрессий и, во-вторых, в смысле ускорения прибытия союзной помощи.

А.А.Титов высказал сомнение, не явится ли обращение членов Делегации к представителям власти в городе по вопросу о единстве командования формальным превышением полномочий Делегации, вредным и по существу ввиду неполной ее осведомленности в обстановке.

После обмена мнениями по возбужденному А.А.Титовым вопросу Совецание признало, что избранные им лица должны действовать не в качестве официального представительства Делегации как таковой, а в порядке частных бесед, хотя и с ведома Делегации.

Исходя из указанных соображений, Совецание постановило:

1) Поручить М.В.Брайкевичу, В.И.Гурко, А.В.Кривошеину, бар. Меллер-Закомельскому и Н.В.Савичу войти в сношения с местными властями, в частности с командующим корпусом Секлицим и представителем Добровольческой армии адм. Кононовым, и указать им на желательность установления строгого единства военного командования и отмены не вызываемых необходимостью репрессий.

2) Отправить радиограмму Союзному Морскому командованию в Константинополь и Севастополь с просьбой незамедлительно выслать несколько судов (копия телеграммы, составленной В.И.Гурко, прилагается).

В 6 часов вечера заседание было закрыто.

Председатель Делегации.

Секретарь Делегации.

Ж У Р Н А Л 17
СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Заседание 26/13 ноября 1918 г. (в Одессе)

Присутствовали: управляющий французским вице-консульством в Киеве г-н Энно и члены Делегации И.И.Бунаков-Фондаминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Маргулиес, бар. В.В.Меллер-Закомельский, П.Н.Милуков, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров, Н.А.Хомяков, А.Я.Чемберс и участвующие с совещательным голосом В.Я.Демченко, Н.Ф.фон Дитмар, В.П.Рябушинский, Н.Н.Шебеко.

Открыв заседание в 4 часа дня, председатель бар. В.В.Меллер-Закомельский предоставил слово В.И.Гурко, имевшему беседу с только что прибывшим из Галаца в Одессу на английском миноносце "Beager" ген. Баллардом.

В.И.Гурко сообщил со слов ген. Балларда, что союзные представители в Яссах, внимательно ознакомившись с меморандумом русской Делегации, врученным им 23/10 ноября, и вполне разделяя приведенные в означенном документе, а также в устных сообщениях русских делегатов доводы о критическом положении дел на Украине и необходимости безотлагательной помощи союзников в деле водворения порядка в России, решили всеми имеющимися в их распоряжении средствами поддержать просьбу Делегации.

Войдя посему в немедленное соглашение с командующим союзными войсками на Балканском полуострове ген. Бертело, союзные дипломаты выяснили, что, несмотря на все технические и иные затруднения, можно рассчитывать на присылку сто-тысячной армии, прибытие которой начнется самое позднее через 2 недели; при этом в состав этой армии, вероятно, войдут и небольшие румынские части; обстоятельство это, однако, не должно быть истолковано Делегацией в том смысле, будто румынским войскам вверяется какая-либо специальная роль, санкционирующая или предрешающая политические притязания Румынии, так как войска эти будут подчинены общесоюзному командованию.

Что же касается тех мер, которые следовало бы принять немедленно, в ожидании прибытия вышеупомянутых сил, то ген. Баллард полагал, что надлежит теперь же вызвать из Константинополя в Одессу часть союзного флота. Чтобы добиться этого результата, ген. Баллард готов был бы сам отправиться в Кон-

стантинополь на доставившем его в Одессу миноносце; но он опасается, что его отъезд мог бы быть истолкован элементами беспорядка в городе как признак известного колебания и неуверенности, между тем как он, напротив, ставит себе целью проведение в Одессе решительной политики, основанной на принципе признания единства и неделимости России. Поэтому ген. Баллард считал более целесообразным ограничиться посылкой в Константинополь телеграммы, ближайшее же освещение вопроса о положении дел и о размерах и способах союзной помощи могла бы, по его мнению, взять на себя Делегация, отрядив 2 — 3 своих членов в Константинополь командующему союзным флотом.

Все эти соображения ген. Баллард передает на заключение Делегации с просьбой сообщить в кратчайший срок ее решение.

М.В.Федоров, вполне разделяя доводы ген. Балларда, предложил Совещанию: 1) просить ген. Балларда немедленно отправить в Константинополь телеграмму о необходимости срочной присылки союзных судов, 2) просить ген. Балларда остаться самому в Одессе и не увести миноносца; 3) командировать В.И.Гурко и П.Н.Милюкова в Константинополь для более подробного осведомления союзного командования о положении. Совещание единогласно приняло предложение М.М.Федорова и постановило просить В.И.Гурко, П.Н.Милюкова немедленно сообщить ген. Балларду о принятых Делегацией решениях, М.М.Федоров выяснит вопрос о возможности использовать для поездки в Константинополь один из пароходов Русского Общества пароходства и торговли.

А.А.Титов возбудил вопрос об объеме полномочий посылаемых в Константинополь делегатов.

Совещание постановило считать, что задача В.И.Гурко и П.Н.Милюкова сводится к полному и всестороннему выяснению военных вопросов в целях добиться от союзного командования скорейшей присылки помощи; политические вопросы могут быть при этом затронуты лишь в пределах содержания трех обращений Делегации к союзным державам, ею единогласно принятых. Если же делегатам будут поставлены вопросы, выходящие за указанные пределы, то они, разумеется, могут отвечать на них лишь от себя лично, но ни в коем случае не от имени Делегации.

Заседание было закрыто в 4 ч. 30 м. дня.

Председатель Делегации.

Секретарь Делегации.

Ж У Р Н А Л 18
СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Заседание 27/14 ноября 1918 г. (в Одессе)

Присутствовали: члены Делегации М.В.Брайкевич, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Маргулиес, бар. В.В.Меллер-Закомельский, П.Н.Милюков, А.И.Пильц, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров и А.Я.Чемберс и участвующие с совещательным голосом Н.Ф. фон. Дитмар и В.П.Рябушинский.

Заседание открыто в 3 ч. 30 м. дня.

По предложению председателя Совещания вернулось к обсуждению возбужденного на одном из предыдущих заседаний вопроса о посылке особой Делегации в Париж и о пределах возлагаемых на нее задач.

С.Н.Третьяков полагал, что все связанные с этим вопросом затруднения отпадут, если будет решено первоначально ограничиться посылкой, так сказать, малой делегации, которая должна будет продолжать дело, начатое ясской Делегацией, т.е. хлопотать об ускорении военного содействия союзников. Если же будет решено, что желательно с Парижем иметь постоянный орган с более широкими задачами, то надо о них предварительно условиться и избрать делегатов можно будет только после сговора с соответствующими организациями. По существу цели малой делегации представляются весьма спешными, поэтому ее следовало бы избрать теперь же.

М.М.Федоров, соглашаясь с предложением Третьякова, заметил, однако, что и полномочия первой миссии нельзя заранее слишком суживать, так как при обсуждении чисто военных дел неизбежно возникнут и другие стороны, на которые ей нельзя будет не дать ответа.

М.В.Брайкевич находил, что, избрав немедленно первую миссию, так сказать, военного характера следовало бы теперь же перейти к организационным переговорам о составе и полномочиях второй, более ответственной делегации.

П.Н.Милюков указал, что посылка "военной миссии", или "малой Делегации", не вызывает с его стороны возражений, если она будет образована по тому же принципу, как и Ясская Делегация, т.е. в виде представительства трех организаций. Важно поэтому знать, согласен ли Союз Возрождения принять в ней участие. Кроме того, желательно снестись с Деникиным, чтобы

вести в состав миссии представителя Добровольческой армии, и с союзными представителями, которые иначе не будут знать с кем и почему имеют дело.

Что касается второй и постоянной Делегации, то организовать ее гораздо труднее, так как проектируемая широкая пропаганда по русским делам потребует и больших средств и обеспечения телеграфных сношений, и главное, предварительного соглашения не только о составе и функциях Делегации, но и по вопросам внутреннего устройства России. Между тем соглашение это, как можно опасаться, вряд ли наладится.

А.А.Титов заявил, что если по вопросу об объеме полномочий "малой Делегации" будет достигнуто соглашение, то он будет поддерживать мысль об этой Делегации, составленной из представителей всех трех организаций, подобном тому как поддерживал и общую работу на Ясском совещании. Если же соглашение не состоится, то он опасается, что Союз Возрождения возбудит вопрос о самостоятельной командировке своего представителя.

М.В.Брайкевич полагал, что соглашение может быть легко достигнуто, если все организации изъявят готовность придерживаться содержания трех Обращений Ясской Делегации, единогласно ею принятых.

Резюмируя прения, председатель бар. Меллер-Закомельский констатировал, что Совещание, по-видимому, единодушно сходитса в признании необходимости командировать теперь же в Париж небольшую Делегацию со строго определенной целью добиваться ускорения военного содействия союзников. В состав Делегации должны входить представители всех организаций, принявших участие в Ясских совещаниях, и пределы ее полномочия определяются содержанием трех яских Обращений к союзным Державам. Остается выяснить, насколько необходимы предварительные сношения с ген. Деникиным и с союзными представительствами.

Соглашаясь с данной председателем формулировкой задач и полномочий Делегации, Совещание признало также необходимым осведомить о ней генерала Деникина и союзные правительства, не ставя, однако, срок ее отъезда в зависимость от получения ответов.

Перейдя затем к определению состава Делегации, Совещание наметило в качестве ее членов, в дополнение к уже избраным в Яссах В.И.Гурко, С.Н.Третьякова и Н.Н.Шебеко, еще

П.Н.Милокова как председателя Национального Центра, и одно лицо по указанию Союза Возрождения.

М.В.Брайкевичем был возбужден вопрос об осведомлении печати о деятельности Делегации. Казалось бы, нет препятствий к опубликованию некоторых из ее документов, например всех 3-х Обращений к союзным Державам; по существу же оно желательно, во избежание основанных на слухах и ложных сведениях нападок.

Соглашаясь с М.В.Брайкевичем, Совецание поручило П.Н.Милокову и А.А.Титову установить для сообщения печати точный русский текст документов Делегации, составленных на французском языке.

Далее, заслушав заявление М.М.Федорова о предстоящем завтра отъезде его в Добровольческую армию, Совецание поручило ему подробно ознакомить генерала Деникина с деятельностью и итогами Ясских Совецаний.

Заседание было закрыто в 5 ч. 30 м. дня.

Председатель Делегации.

Секретарь Делегации.

Ж У Р Н А Л 19

СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Заседание 28/15 ноября 1918 г. (в Одессе)

Присутствовали: представитель Добровольческой армии в Одессе адмирал Ненюков, управляющий французским вице-консульством в Киеве г-н Энно, члены делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, М.С.Маргулиес, бар. В.В.Меллер-Закомельский, П.Н.Милоков, А.А.Пильц, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.Н.Третьяков, М.М.Федоров и А.Я.Чемберс и участвующие с совещательным голосом В.Я.Демченко, Н.Ф. фон Дитмар и Н.Н.Шебеко.

Открыв заседание в 11 ч. 45 м. утра председатель бар. Меллер-Закомельский предложил Совецанию заняться обсуждением вопроса о довольствии и размещении ожидаемых в Одессе союзных войск. М.В.Брайкевич ознакомил Совецание с планом организации дел в Одессе. Намечается учреждение при командующем корпусом по образцу существовавших во время войны двух комитетов по довольствию и размещению, действующих в

союзе с местными властями и при участии представителей общественных организаций.

Управляющий французским вице-консульством в Киеве г-н Энно обратил внимание Сопровождающего на то, что в России будут присланы, вероятно, союзные войска, расположенные в Болгарии и Сербии; эти части уже давно находятся на фронте, мало пользовались отпусками и перенесли много лишений, в настоящее время испытывают жилищную нужду и недостаток в продовольствии, так как занятые ими местности сильно опустошены, поэтому представляется особенно важным обеспечить их на Украине в этом отношении, для того чтобы вся десантная операция была как следует успешно проведена. Необходимо иметь сведения об имеющихся на Украине, и в частности в Одессе, запасах хлеба и других продовольственных продуктов, военном снабжении, транспортных средствах, угле, нефти и смазочных маслах; обо всем этом г-н Энно предполагает по получении точных данных телеграфировать в Константинополь, в уверенности, что, узнав о достаточном количестве продовольствия на Украине, союзное командование ускорит посылку войск.

Из последовавшего засим обмена замечаниями и сообщениями выяснилось, что г. Одесса может довольно легко и удовлетворительно разместить до 12 000 людей. Что касается продовольствия, то на Украине его, вообще говоря, имеется вполне достаточное количество. Так, излишки хлеба исчисляются в 120 миллионов пудов. Из них Германия по мирному договору должна была получить 9 миллионов до 1 декабря, но фактически вывезла до сих пор не более 10% этого количества. Таким образом, значительные запасы сохранились в стране; однако использование их весьма затрудняется полным расстройством транспорта, а в последние дни и восстанием Петлюры, нарушившим железнодорожные сообщения. Поэтому представляется желательным, по крайней мере на первое время, закупить хлеб на Кубани, тем более что там дешевле и что на Черном море довольно судов для его перевозки. С Кубани же может быть без труда доставлено мясо и масло. Что касается организации дела, то, разумеется, надо не импровизировать, а нужно действовать в связи и в согласии с украинским Министерством продовольствия, наладившим свою работу довольно хорошо, а также с другими краевыми властями, т. е. Крымской, Кубанской и с Добровольческой армией, также имеющей свой закупочный аппарат. В настоящее время все перечисленные власти действуют каждая в своих интересах,

причем в некоторых местах существуют даже внутренние таможенные границы.

В отношении нефти и угля на Украине ощущается большой недостаток, поэтому возникает необходимость доставки нефти с Кавказа, что вполне возможно, если действует Бакинский нефтепровод.

В итоге сделанных сообщений выяснилось, что есть полное основание считать, [что] продовольствие имеющихся прибыть союзных войск обеспечено.

Ввиду изложенного Совецание постановило:

1) Признать желательным, не ломая существующих продовольственных организаций, действовать в связи с ним, для чего обратиться к Украинскому, Донскому, Крымскому и Кубанскому правительствам и к командованию Добровольческой армии с предложением установить соглашение по продовольственному вопросу, и в первую очередь внутренние таможенные границы.

2) Просить г-на Энно сообщить в точности, куда и сколько прибудет союзных войск.

Далее Совецание по предложению С.Н.Третьякова постановило обратить внимание как украинских, так и союзных Держав на необходимость наблюдать, чтобы германские войска, уходя с Украины, не увезли с собой значительного количества хлеба.

Заседание закрыто в 1 час дня.

Председатель Делегации.

Секретарь Делегации.

Ж У Р Н А Л 20

В своем 20-м заседании, состоявшемся в Одессе 29 ноября, Русская делегация в Яссах, заслушав доклад члена Делегации К.Р.Кровопускова, командированного ею еще из Ясс в Константинополь с целью добиваться скорейшей присылки союзных войск в порты Черного моря и на Украину.

Сущность доклада К.Р.Кровопускова сводится к нижеследующему. По прибытии в Константинополь К.Р.Кровопусков был немедленно принят Командующим союзной эскадрой адмиралом Аллетом; как на этом приеме, так и при последующих беседах с адмиралом, его начальником штаба и ген. Франше д'Эсптрэ русский представитель встретил со стороны союзного командования самое любезное и внимательное отношение и готов-

ность оказать полное содействие в осуществлении возложенной на него задачи. Этот характер приема еще более подчеркнул тем сдержанным отношением, которое союзное командование проявило к украинским дипломатам; переговоры с последними, притом довольно редкие, возлагались на второстепенных чинов. Из этого факта, равно как и из прямых заявлений союзного командования, можно было определенно заключить, что им устроен и неуклонно проводится принцип признания лишь единой и неделимой России.

Что касается, однако, самого существа дела, т.е. об оказании России вооруженного содействия, то в этом отношении К.Р.Кровопускову пришлось констатировать весьма слабую осведомленность союзных представителей о целях, значениях и способах содействия. Однажды ему был даже предложен вопрос, на чем именно основываются русские надежды на такую помощь? К.Р.Кровопусков ответил ссылкой на факты приглашения Русской делегации в Яссы для переговоров именно по этому предмету и на уже состоявшееся военное вмешательство союзников на Севере.

Дальнейшие более подробные беседы, материалом для коих послужил представленный К.Р.Кровопусковым письменный доклад, обнаружили, что главными затруднениями для немедленной присылки вооруженных сил являются, во-первых, отсутствие прямых указаний из Парижа, необходимых потому, что отправка той или иной части в Россию выходила за пределы полномочий командующих лиц, и, во-вторых, недостаток транспортных средств.

Первое препятствие было, по-видимому, вскоре устранено, т.к. при последующих беседах союзные военачальники стали проявлять интерес к разным техническим подробностям предприятий, как-то к вопросу о перевозочных средствах, топливе, размещении и продовольствии войск и т.п., что едва ли могло иметь место, если бы к этому моменту не было получено из центра принципиального согласия на оказание помощи.

В конце концов выяснилось, что флот может быть отправлен немедленно, что же касается сухопутных частей, то в присылке их неизбежно некоторое промедление, вызываемое рядом технических трудностей, в частности отсутствием на Ближнем Востоке крупных сил ввиду того, что большая часть Салоникской армии отвлечена оккупацией огромного пространства Балканского полуострова.

В дальнейшем переговоры свелись к чисто техническому обсуждению подробностей дела, главным образом к вопросу о транспорте. По почину К.Р.Кровопускова было организовано совещание при участии оказавшегося случайно налицо представителя комитета совладельцев Черноморского бассейна, составившего черновой, но более или менее полный список русских торговых судов, могущих быть реквизированными для надобностей перевозки.

Дальнейшие подробности вопроса подверглись выяснению и обсуждению по прибытии в Одессу миноносца, на котором приехал и сам К.Р.Кровопусков, при содействии председателя комитета судовладельцев П.П.Регира.

В заключение своего доклада К.Р.Кровопусков отметил, что некоторые из союзных представителей заинтересовались и политической стороной вопроса, в частности будущим государственным устройством России. Не будучи уполномочен говорить от имени Делегации, еще не успевшей до его отъезда затронуть эти вопросы, К.Р.Кровопусков от себя лично выразил уверенность в том, что Россия может быть возрождена и объединена лишь на демократической основе и что восстановление монархии представлялось бы с этой точки зрения вредным.

Председатель Делегации.

Секретарь Делегации.

Ж У Р Н А Л 22*¹⁹

СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Заседание 2/19 декабря 1918 г. (в Одессе)

Присутствовали: член Совещания при командующем Добровольческой армией В.А.Степанов, члены Делегации М.В.Брайкевич, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, К.Р.Кровопусков, М.С.Маргулиес, бар. В.В.Меллер-Закомельский, А.И.Пильц, Н.В.Савич и А.А.Титов и участвующие с совещательным голосом В.Я.Демченко, Н.Ф. фон Дитмар и Н.Н.Шебеко.

*

Журнал №21, опубликованный "Красным архивом" (1926. Т.5 (18)), редакция "Русского прошлого" поместила в примечаниях к данной публикации (см. с.).

Открыв заседание в 4 час. 30 мин. дня, председатель бар. В.В.Меллер-Закомельский указал, что, как выяснилось при обсуждении в Совещании вопроса о снабжении ожидаемых союзных судов углем, нефтью и смазочными материалами, представляются крайне желательным объединить в одних руках распоряжение морским транспортом. В качестве подходящего для этого лица местные власти и заинтересованные организации выдвигают контр-адмирала Шрамченко. Необходимо просить генерала Деникина согласиться на назначение упомянутого лица.

Разделяя соображения председателя, Совещание постановило отправить ген. Деникину соответствующую телеграмму (копия телеграммы прилагается).

Председателем затем был поставлен на очередь вопрос о дальнейшем существовании и деятельности Делегации в связи с выполнением главной лежавшей на ней задачи и отъездом значительного числа ее членов в Париж.

Н.В.Савич полагал, что каковы бы ни были формальные сомнения в правомочности Делегации продолжать свою деятельность по существу, это представляется безусловно необходимым. Если Делегация ликвидируется, то отправленная ею в Париж "военная миссия" окажется без опоры и связи с Россией. Кроме того, Делегация призвана играть роль естественного посредника между генералом Деникиным, гетманским правительством и его агентами и союзниками, причем эта роль не может закончиться раньше образования общей власти.

М.С.Маргулиес добавил к выводам Н.В.Савича указание на то, что наличность Делегации, быть может, является до известной степени сдерживающим фактором для петлюровцев и др. элементов беспорядка.

И.И.Бунаков-Фондаминский находил, что существование авторитетного органа для объединения и согласования действий, связанных с прибытием союзных сил, представляется безусловно желательным. Но для того, чтобы этот орган был действительно авторитетным в глазах власти и населения, необходимо установить его состав и полномочия по соглашению организаций, образовавших Яскую Делегацию; если, ввиду отсутствия железнодорожного сообщения с Киевом, сношения с упомянутыми организациями представляются пока невозможными, то можно ограничиться сговором между бюро этих организаций, достаточно представленными в Одессе. Что же касается Яской Делегации в ее настоящем составе, то, выполнив главную и ос-

новную часть своей задачи, она не имеет права расширять свои полномочия и должна ограничиться техническим продолжением дела, начатого в Яссах.

А.В.Кривошеин высказал, что все формальные соображения должны в данном случае отступить на задний план перед этой ролью, которая выпадает Делегации, как неоспоримому моральному центру русского дела.

А.А.Титов обратил внимание на те нападки и нарекания, которые вызывает уже теперь состав Делегации. Нарекания эти, несомненно, еще усилятся, если окажется, что, несмотря на выполнение своей главной задачи и выбытие ряда членов, Делегация тем не менее будет продолжать свои занятия. В интересах самого дела обновление ее состава по соглашению организаций безусловно необходимо. Против технического завершения работ, начатых в Яссах, возражений нет, но в случае, если бы вопрос был решен в этом смысле, Союз Возрождения желал бы иметь в Делегации заместителя отбывающих в Париж А.А.Титова и К.Р.Кровопускова в лице гр. П.М.Толстого.

По дальнейшем обмене мнений Собрание признало, что Делегация в прежнем, сокращенном, составе будет продолжать свои занятия, поскольку таковые непосредственно вытекают из задач, поставленных, но еще не вполне завершенных в Яссах; при этом гр. П.М.Толстой будет допущен к участию в совещаниях в качестве представителя Союза Возрождения; что касается вопроса о пополнении или изменении состава Делегации для разрешения задач на которые она формально не была уполномочена, то таковой должен быть разрешен по соглашению бюро всех образовавших Делегацию организаций.

Заслушав далее сообщение председателя о неопределенном положении в Одессе офицерских дружин Добровольческой армии, лишенных организации и дисциплины и даже отказывающихся от борьбы с петлюровцами под предлогом нежелания хотя бы косвенно поддерживать гетмана, Собрание постановило просить В.А.Степанова по проверке этих обстоятельств сообщить о них генералу Деникину на предмет распоряжений с его стороны.

Заседание было закрыто в 5 час. дня.

Председатель Делегации	бар. В.В.Меллер-Закомельский.
Секретарь Делегации	Б.Малютин.
С подлинным верно	Б.Малютин.

Ж У Р Н А Л 23
СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Заседание 5/22 декабря 1918 г. (в Одессе)

Присутствовали: члены Делегации А.В.Кривошеин, бар. В.В.Меллер-Закомельский, А.И.Пильц, Н.В.Савич, гр. П.М.Толстой и участвующие с совещательным голосом В.Я.Демченко и Н.Ф. фон Дитмар.

Открыв заседание в 12 час. дня, председатель бар. В.В.Меллер-Закомельский сообщил, что, по полученным от французского консула сведениям, приезд командующего союзными десантными войсками ген. Бертело откладывается на неопределенное время, в ближайшие дни ожидается лишь прибытие части означенных войск. Так как ген. Бертело в силу его положения будет принадлежать очень видная роль в подготовке и развитии военных организаций, то представлялось бы желательным теперь же подробно ознакомить его с положением дел на Юге России. Ввиду этого следует вновь выдвинуть на очередь уже возникавшее ранее предположение о командировке к нему в целях осведомления одного или нескольких членов Делегации.

Обменявшись замечаниями по поводу возбужденного председателем вопроса, Совещание признало командировку уполномоченного к ген. Бертело желательной и избрало таковым А.И.Пильца.

Заседание было закрыто в 1 час дня²¹.

Председатель Делегации	бар.В.В.Меллер-Закомельский.
Секретарь Делегации	Б.Малютин.
С подлинным верно	Б.Малютин.

Ж У Р Н А Л 24
СОВЕЩАНИЙ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Заседание 5/22 декабря 1918 г. (в Одессе)

Присутствовали члены делегации А.В.Кривошеин, М.С.Маргулиес, бар. В.В.Меллер-Закомельский, Н.В.Савич, гр. П.М.Толстой и участвующие с совещательным голосом В.Я.Демченко и Н.Ф. фон Дитмар.

Заседание было открыто в 12 час. 30 мин. дня.

По предложению председателя Совещание приняло следующее постановление, подлежащее вручению ген. Бискупскому:

“Заслушав словесное заявление командира 3-корпуса генерала Бискупского о необходимости открытия Одесской конторой Государственного банка в его распоряжение кредита в размере до 10 миллионов рублей на содержание воинских частей в Одессе и расходы, сопряженные с ожидаемым прибытием союзнических войск, и принимая во внимание полную отрезанность Одессы от Киева, Ясская делегация, в соответствии с принятыми в Яссах постановлениями, считает своим долгом поддержать означенное заявление командира 3-го корпуса ген. Бискупского”.

Заседание было закрыто в 12 час. 45 мин. дня.

Председатель Делегации бар. В.В.Меллер-Закомельский.

Секретарь Делегации Б.Малютин.

С подлинным верно Б.Малютин.

¹ Основные задачи Делегации и ее статус достаточно определенно были изложены в “Записке о международном представительстве”, оригинал которой вместе с журналами Совещания хранится в Обществе ревнителей русской истории:

“Основной задачей момента является создание представительства России в международных отношениях. Это представительство должно быть едино для всей России. При нынешнем положении каждая область, каждая политическая и общественная организация считает себя в праве и обязанной действовать от имени всей России, шлет послов к союзникам и представляет им записки. Образуется даже для этой цели новые политические соединения. Рядом с этим аккредитованные при союзнических странах российские послы и посланники также считают своим долгом выступать с теми или иными заявлениями, причем неизвестно даже, объединены ли они для общих действий или каждый из них действует на свой страх и риск. И чем дальше, тем более будет нарастать это стремление отдельных областей, групп и лиц исполнять то, для чего не оказывается единого авторитетного органа.

При этом необходимо иметь в виду, что единственным более крупным государственным образованием, известным союзникам и имеющим притязание на всероссийское представительство, является Уфимское правительство, что, судя по газетным сведениям, оно избрало уже своих представителей для международных сношений и что, если не будут приняты срочно меры, это представительство, в избрании которого не участвовал весь Юг России и сношения с которым по меньшей мере затруднены, будет признано единым представительством России.

Что такое решение было бы губительно для интересов России и что Юг России, располагающий в настоящую минуту значительными интеллектуальными и политическими силами, привлекающий к себе всеобщие симпатии деятельностью своего военно-политического центра, коим является Добровольческая армия, имеющая, наконец, в ближайшем будущем прийти в соприкосновение с союзниками, что этот Юг должен принять активное участие в важнейшем моменте международной жизни России — это едва ли приходится доказывать.

Но по вопросу о видах этого участия не существует единомыслия. Бесспорно, что Добровольческая армия по положению своему должна стать центром

организации международного представительства в России. Однако при отсутствии государственной власти, имеющей право назначать своих представителей, почин Добровольческой армии может встретить всеобщее признание лишь в том случае, когда представительство это будет состоять из лиц, известных России, политически авторитетных, пользующихся большим общественным доверием. При отсутствии верховной власти и народного представительства нужно создать орган независимый и авторитетный, могущий руководить деятельностью официальных представителей прежних или вновь назначенных органов, могущий нести ответственность перед Россией за то или иное решение ее судьбы, окруженный всеми лучшими политическими и техническими силами страны. Добровольческая армия как таковая едва ли сочтет возможным взять на себя руководство внешней политикой России. На пути к воссозданию целостности России и ее международного положения лежат неимоверные трудности, созданные как захватом власти большевиками, так и отторжением от России целого ряда областей и не улегшимися еще в них тенденциями к окончательному разрыву [с] Россией. Без преувеличения можно сказать, что едва ли какая-либо из воюющих держав явится на мирный конгресс с такой бесконечно сложной задачей, как Россия. И пред лицом такой задачи нужно сделать величайшее напряжение для того, чтобы орган, руководящий разрешением всех многочисленных проблем, возникающих на пути к нашей основной цели, удовлетворял указанным условиям полной авторитетности, независимости и компетентности. Представительство должно быть создано по почину Добровольческой армии как представительствами Дона, Кубани, Крыма, и с привлечением в состав его представителей Украины, после того как явятся достаточные гарантии искренности и стремлений ее представителей к воссозданию единой России. Образованная таким образом делегация для международных отношений, избранная Югом, руководимая Главкомандующим Добровольческой армии не из местных, а из всероссийских крупных политических деятелей, импонировала бы всем разрозненным политическим притязаниям и устранила бы конкуренцию в деле с е н а р о д н о г о п р е д с т а в и т е л ь с т в а . А для Уфимского правительства был бы открыт путь для соединения своего представительства с делегацией Юга, в результате чего образовалась бы единая Всероссийская делегация, действующая независимо от организаций, участвующих в ее образовании, поддерживаемая всеми государственными элементами страны, — единственная, могущая до образования единой государственной власти нести ответственность перед Россией за решение ее судьбы на мирной конференции. И можно думать, что такая организация, с общими объединительными тенденциями, была бы признана союзниками даже до момента присоединения к ней Уфимского правительства.

Образование такой делегации, выделяя международные отношения из всей сложной проблемы об образовании единой власти в России, устранило бы на время тягостный вопрос об отношениях к Уфимскому правительству в качестве Всероссийского. Для настоящей минуты, в сущности, безразлично, кто именуется правительством на Востоке России и каковы его действия в порядке внутреннего управления. Важно лишь чтобы государственное образование на Востоке, возникшее при содействии союзников, но сделавшее себя неприемлемым для значительных общественных групп вследствие установленной им зависимости от Учредительного Собрания, не явилось помехой к организации единого представительства в России.

А эта помеха устранилась с выделением из спорной области общих вопросов управления Россией той задачи, относительно которой нет по существу разногласия между Южными и Восточными центрами.

Образование делегации облегчит также самое объединение областей Юга, устанавливая на началах, приемлемых и для Кубани, и для Дона, и насколько

можно предполагать, для имеющего образоваться с приходом союзников правительства Крыма, участие всех этих областей в образовании международного представительства в России.

Порядок образования и объем деятельности международной Российской делегации мыслится в следующем виде: Добровольческая армия намечает список лиц; числом от пяти до семи, и представляет его правительствам указанных областей. По достижении соглашения (путем ли общего сговора или путем предоставления каждой из областей наметить по одному делегату рядом с четырьмя делегатами Добровольческой армии) о составе Делегации доводится до сведения союзников.

Председательствование в делегации принадлежит Главнокомандующему Добровольческой армии.

Дальнейшее положение Делегации, по наступлении на Украине соответственного изменения политических условий, производится путем пополнения ее двумя представителями Украины. С момента образования делегации принимаются меры к установлению сношений с Уфимским правительством на предмет объединения обеих делегаций в единую Всероссийскую делегацию.

Делегация привлекает к участию в своей работе специалистов военного дела, а также представителей торгово-промышленного класса.

Делегация представляет Россию во всех международных отношениях. Она участвует в полном составе или через избранных делегатов в переговорах, предшествующих мирной конференции; она организует правительство России на мирной конференции; она дает руководящие указания представителям России, назначает и смещает послов и вообще ведет всю иностранную политику России.

Делегация приступает к деятельности с момента доведения до сведения союзников о ее образовании.

Впредь до дальнейших изменений местопребыванием Делегации является Екатеринбург".

² О контактах членов Союза Возрождения России с представителями Антанты на Севере подробнее см.: Воспоминания В.И.Игнатьева //Красная книга ВЧК/ Науч.ред. А.С.Велидова. М., 1989. Т.2. С.94 — 131.

³ Д.З.Мануильский был членом советской делегации на мирных переговорах с Украиной, которые происходили сначала в Курске, а после прихода к власти гетмана в Киеве.

⁴ Два приводимых ниже документа составляют приложение к журналу первого заседания Русской делегации в Яссах: "Обращение Добровольческой армии к союзникам" и "Заявление Главного комитета Всероссийского земского [и] городского объединения".

"Обращение Добровольческой армии к союзникам

По сложившейся международной обстановке, в связи с выступлением центральных Держав по вопросу о мире, приходится считаться с возможностью в ближайшем времени международных переговоров. Так как по ходу этих переговоров будут, без сомнения, обсуждаться вопросы о русских делах, необходимо предупредить возможность принятия решений, не соответствующих пожеланиям России. Было бы поэтому в высшей степени полезно установить теперь же соглашение между Державами Согласия и теми русскими элементами, которые, держась союзнической ориентации, стремятся к воссозданию России на основе целостности территории и образования общерусского управления и строя, наиболее способного укрепить порядок внутри и обеспечить России положение, достойное великой державы. Быть может, французский представитель в Яссах не откажется передать своему правительству нижеследующее в спешном порядке.

При Добровольческой армии образовано Правительствоное (Особое. — В.Б.). Совецание в составе Главнокомандующего армией генерала Деникина, председателя Совецания генерала Драгомирова, заведующего военной частью генерала Лукомского, членов Государственной думы Шульгина и Степанова, бывшего товарища министра иностранных дел Нератова и др. Привлекаются к работам Сазонов, Астров, Бернацкий и др.

По твердому убеждению этого Совецания, цели, преследуемые Добровольческой армией, вполне согласуются с задачами Державы Согласия. Добровольческая армия является единственной организованной силой, отстаивающей с самого начала внутреннего кризиса с чрезвычайными усилиями и неисчислимыми жертвами идею борьбы с германофильскими течениями и единения с Державой Согласия. Ныне она значительно возросла в численности и сосредоточена в областях Северного Кавказа. Со стороны местных и соседних населений проявляется уже стремление к установлению с нею внутренней связи в целях борьбы с большевиками и германским засилем.

Таким образом, не представляется неосуществимым скорое объединение всего Юго-Востока России под эгидой Добровольческой армии, если последняя будет обладать достаточными денежными средствами и военными припасами в широких размерах. Правительствоное совещание рассчитывает на то, что Державы Согласия придут на помощь армии в этом отношении.

Добровольческая армия особенно оценила бы решение направить в Черное море союзнические морские силы с некоторыми воинскими частями, для образования в Новороссийске опорной базы. Такое решение возымело бы желаемое действие среди колеблющихся еще элементов в общем плане продвижения армии к северу. Оно благополучно бы отразилось на настроении масс на Украине и в Крыму, где иначе в случае ухода германских и австрийских войск можно ожидать новой вспышки большевизма.

Нынешнее украинское правительство, опирающееся на германские войска, очень озабочено своей судьбой вследствие создавшихся для Германии внутренних и внешних затруднений, но, само собой разумеется, что попытки, уже проявляемые этим правительством, установить общность действий с Добровольческой армией остаются без внимания. Такое же отношение Добровольческой армии и к центробежным течениям в других окраинных областях.

Особо стоит вопрос о деятельности Сибирского правительства, которое, по слухам, пользуется некоторой поддержкой союзников и близко стоит по своим целям к Добровольческой армии. Находясь лишь в случайных сношениях с Сибирью, Добровольческая армия не считает возможным теперь же определить взаимоотношения ее и Омского правительства, но, во избежание раздробления сил, Совецание надеется, что к Добровольческой армии будет направлена преимущественная поддержка союзников, которые, несомненно, по достоинству уже оценили политическую устойчивость армии.

Что же касается самого вопроса о мире, то Правительствоное Совецание полагает, что было бы существенно, чтобы союзник и, идя навстречу пожеланиям Добровольческой армии, согласился на следующие предварительные пункты.

1) Единство представительства России на мирной конференции с исключением из него делегатов большевистских и тех территориальных образований, которые в своих основных принципах расходятся с целями Добровольческой армии.

2) Аннулирование политических и экономических договоров, заключенных Германией или ее союзниками, также самостоятельных их актов о введении в занятых областях того или иного порядка управления; восстановление нарушенных таковыми договорами или актами прав, возмещение причиненных этим путем убытков (возврат золота, военного и торгового флота, предметов вооруже-

ния, подвижного состава и пр.) и прекращение вывоза из России продуктов и имущества. Это требование, само собой разумеется, не имеет в виду соглашений, заключенных с другими Державами Согласия.

3) Очищение Германией и ее союзниками русской территории в пределах границ 1914 года, включая Финляндию. Таковое требование признается необходимым и в отношении Польши.

4) Занятие на русских территориях, оккупированных германскими и австрийскими войсками, главнейших пунктов, железнодорожных и других, важных в стратегическом отношении, русскими частями, или же, временно, союзническими до момента формирования достаточно сильных русских отрядов.

5) Немедленный приступ к обмену военнопленными.

6) Обязательство Германии и ее союзников не препятствовать каким бы то ни было способом водворению в Россию единого прочного строя.

Правительственное совещание считает особенно необходимым, в видах согласования деятельности Добровольческой армии со взглядами и решениями Держав Согласия, установление непосредственного общения телеграфическим путем между армией и Парижем, тем более что не должна быть исключена возможность посылки к Державам Согласия для сотрудничества с российским послом в Париже особого лица с широкими полномочиями по политическим вопросам.

Нет надобности еще добавлять о твердой уверенности Добровольческой армии, что союзные Державы не допустят к себе представителей большевистской власти, а также тех государственных образований, которые обосновали свою политику на поддержке Германии.

Подписал:

Нератов

14/27 октября 1918 года.

(В.Челноков)".

"Заявление Главного комитета Всероссийского земского и городского объединения [земско-городского. — *Ред.*]

Ввиду предстоящего вступления союзных войск в пределы южной России делегация Главного комитета Всероссийского земского и Городского объединения в заседании своем от 10 ноября постановила довести до сведения представителей Держав Согласия и Северо-Американских Соединенных Штатов о нижеследующем.

Всероссийские земский и городской союзы возникли с первых же дней войны. Начав с оказания помощи больным и раненым воинам в тылу, а затем на фронте, союзы дальнейшим развитием событий были вынуждены взять на себя организацию не только санитарной помощи, но и ряда других работ на фронте: строительных, по транспорту и пр., а с 1915 г. в широких размерах организовали изготовление предметов вооружения и снаряжения армии. И если Русская армия вновь с окрепшими силами еще в течение 2 лет верно делила с союзниками всю тяжесть борьбы против германской коалиции, то значительная роль в этом должна быть признана за общественными силами, сплотившимися вокруг земского и городского союзов.

Но и после происшедшего в феврале 1917 г. обновления политического строя России земства и городские думы, избранные всеобщим голосованием, неизменно признают необходимость дальнейшей борьбы в единении с союзниками против императорской Германии в этой войне, которую русское общественное мнение никогда не понимало иначе, как оборонительную. Неизменными оставались политические устремления и деятельность местных самоуправлений и их союзов и тогда, когда в октябре 1917 г. молодая и неокрепшая русская демократическая государственность пала под предательскими уда-

рами кучки насильников. Избранные всенародным голосованием городские думы и земства не признали и не подчинились власти большевиков. Единодушным взрывом негодования и возмущения были встречены местными самоуправлениями и позорный Брест-Литовский мир, порвавший связь России с союзными державами и разбивший ее на ряд вассальных по отношению к Германии мелких государств.

Демократическим самоуправлениям, единственным защитникам народных прав, пришлось выдержать жестокий натиск как большевистской тирании в Великороссии, так и реакционных правительств, насажденных Германией на Юге России. Разгромленными грубой физической силой в одних местах и ограниченными в своих правах в других вышли они из этой борьбы, но не побежденными морально и не павшими духом. Пусть в Великороссии народное самоуправление заменено административным произволом советских чиновников, пусть правительства германских ставленников — Скоропадского, Сулькевича, Краснова — распускают местные самоуправления и пытаются отнять всеобщее избирательное право — везде народные самоуправления являются живым центром, к которому тянутся все сознательные демократические элементы, одинаково чуждые и большевистской идеологии, и реставрационным поползновениям справа. Главные комитеты земского и городского союзов, образованные в 1917 году на съезде представителей, избранных всеобщим голосованием городских дум и земства, слившись для большого успеха своей деятельности в единую организацию "земско-городское объединение", поставившее себе целью сплочение местных самоуправлений в борьбе за восстановление единой, независимой и внутренне свободной России, считают своим долгом изложить для сведения представителям Держав Согласия и Северо-Американских Штатов преобладающие в земских и городских самоуправлениях настроения и ожидания, связанные с предстоящим появлением союзников на Юге России. Последнее обстоятельство ставит на очередь ряд крупных вопросов внутренней политики России, правильное и своевременное разрешение которых представляет чрезвычайную важность не только для народов России, но и с точки зрения интересов союзников. Изложенные ниже соображения единодушно поддерживаются также и состоявшимся 26 — 27 ноября в г. Одессе совещанием представителей следующих земских и городских учреждений и организаций: Главного комитета Всероссийского земского и городского объединения, Союза городов северной Украины, Областного бюро земско-городского объединения юга Украины и Крыма, городов Петрограда, Москвы, Киева, Одессы, Елизаветграда, Ростова, Симферополя, Екатеринослава, Харькова, а также Харьковского, Таврического и Екатеринославского губернских земств.

Происшедшие еще несколько месяцев назад высадка и продвижение союзных войск в разных местах на территории России — на Дальнем Востоке, на Мурмане, в Архангельской [губернии], Туркестане и на Кавказе с целью борьбы с Германией с Востока, сопровождавшиеся торжественными заявлениями Держав Согласия о ненарушимости суверенитета России и о невмешательстве в ее внутренние дела, были приняты русским общественным мнением как естественное по сохранению союзных отношений с Россией последствие положения, создавшегося на русском фронте.

Естественные при других условиях совместные действия России и ее союзников тягостно осложнились отсутствием в России общепризнанной государственной власти наряду с образованием на территории ее ряда государственных единиц, своим возникновением и существованием прямо или косвенно обязанным Германии. Главный комитет земского и городского объединения с удовольствием констатирует, что в настоящее время такая общероссийская власть содалась на Уфимском Государственном Совещании. Эта власть, явившаяся пло-

дом соглашения большинства российских политических партий и общественных групп, освободившая от большевизма и объединившая области Северо-Востока, России, создавшая собственную армию, поставившая себе подлинную национальную и демократическую программу деятельности и действующая в согласии с союзниками, может и должна в свое время включить представителей тех государственных образований, которые в остальных областях России поставили или поставят себе ту же задачу воссоздания единой независимой России. Главный комитет не сомневается, что и происходящие в настоящее время военные операции на Юге России производятся по соглашению союзных держав с Уфимским правительством, которое одно только в глазах широких демократических слоев населения может представлять Россию в международных отношениях.

Здесь, в южной и центральной России, отрезанной от Уфимского правительства большевистским фронтом, основные политические задачи, которые ставит себе демократия, носят по необходимости временный характер. Сейчас не может быть решено окончательное устройство обновленной России, в которой государственное единство, целое, покоящееся на общности культурных и экономических интересов ее народов, оставит за ними все гарантии автономного развития национального характера каждого из них. Это государственное устройство, равно как разрешение коренных социальных и политических проблем, принадлежит будущему Учредительному Собранию, избранному со всеми гарантиями его всенародного значения.

По глубочайшему убеждению подавляющего большинства деятелей земского и городского самоуправления относительно безболезненного разрешения чрезвычайно сложной проблемы возрождения единой независимой России, [оно] мыслимо единственно и исключительно лишь при условии проведения последовательной демократической программы объединенными силами всех тех партий и групп, которые бы приняли ее во имя общенационального блага. Нельзя скрыть, что большевизм далеко еще не окончательно и не всюду изжит в народных низах. Последние события в Германии и Австро-Венгрии, столь по внешнему облику сходные с пережитыми еще недавно в России, способны лишь оживить иллюзии, которыми увлекал за собою несознательные массы большевизм. На Юге России недовольство народных масс имеет к тому же законный источник в реакционной политике поставленных Германией правительств. Чисто механическое подавление большевизма без одновременной твердо, неуклонно и искренне проводимой демократической политики являлось бы средством совершенно бесплодным и способным лишь скомпрометировать как общественные группы, ставшие на этот ложный путь, так и дело союзников в России.

Только под знаком борьбы с пережитками германской губительной политики в России за восстановление ее единства и независимости, только во имя утверждения подлинного народолюбия сочувствием и признательностью будет встречена помощь союзников в широких кругах демократии. Главный Комитет земско-городского объединения не склонен преувеличивать силы организованной демократии в России; к тому же здесь, на Юге, лишь приближение союзников, ослабившее полицейский режим, дало возможность демократии приступить к мобилизации своих доселе распыленных сил.

Тем не менее остаются бесспорными принципы, до сих пор руководившие политикой Держав Соглаasia по отношению к России, что всестороннее содействие союзников возрождению России может быть плодотворным лишь при условии самостоятельности самих общественных сил ее, что разрешение одной из поставленных на очередь политических, национальных и социальных проблем немислимо вне непосредственного участия в них широких народных масс.

Видя поэтому основной смысл помощи, оказываемой союзниками России, в создании условий, при которых раскованные общественные силы народов Рос-

сии могли бы проявить максимум самостоятельности, Главный комитет земско-городского объединения позволяет себе в заключение [назвать] ряд конкретных задач ближайшего будущего, которые, по его мнению, должны быть разрешены на Юге России частью самими общественными силами, отчасти при содействии или исключительно влияния союзников.

1) Выведение, с прибытием достаточных сил союзников, всех без исключения австро-германских и турецких войск из оккупированных ими областей. Оставление в России этих вражеских сил наряду с союзниками придало бы дружественной помощи союзников в глазах общественного мнения не присущий ей характер оккупации, что угрожало бы перенесению и на войска Согласия части той вражды, которую поселили в населении своими насилиями, и [это] естественно, австро-германцы и турки.

2) Немедленное восстановление в местностях, где появляются союзники, демократического самоуправления, элементарных гражданских свобод и строго законного порядка.

Желательное достижение объединения краевых правительств Юга и Запада России могло бы произойти на государственном совещании их представителей местного самоуправления и общественных групп, аналогичных построению уфимского.

Такое правительство, снабженное самыми широкими полномочиями впредь до воссоединения Юга России с северо-восточными областями, имело бы все преимущества перед режимом единоличной военной диктатуры. Установление последней при данной конкретной обстановке могло бы исходить из домогательства лишь незначительных групп населения и чрезвычайно малопопулярно в широких общественных кругах; в народных же массах оно возбуждало бы опасения готовящегося восстановления монархии и старого дореволюционного строя, чем косвенно укрепилось бы влияние большевизма.

Таковы в общих чертах настроения земских и городских деятелей и той демократии, которая группируется вокруг органа местного самоуправления.

Главный комитет Всероссийского земско-городского объединения считает своим долгом поставить о них в известность представителей Держав Согласия в надежде, что учет союзниками наряду с другими также и этих данных облегчит крайне желательное сотрудничество союзной и русской демократии в деле возрождения единой и независимой и внутренне свободной России.

По уполномочию делегации Главного комитета Всероссийского земско-городского объединения московский городской голова — В.Руднев.

1918 г. Ноября 12 дня".

⁵ На этом совещании Русская делегация приняла "Обращение к союзным Державам", которое было вручено их дипломатическим представителям в Яссах в тот же день. Текст этого документа гласил:

"Нижеподписавшиеся участники Делегации русских политических организаций — Совета Государственного объединения России, Национального Центра и Союза Возрождения России, а также лица, персонально приглашенные на Совещание в Яссах, включающие представителей всех главных политических течений, за исключением крайних правых и крайних левых, приступая к работам, горячо приветствуют союзников, давших им возможность войти в непосредственное с ними сношение.

Не дожидаясь результатов этих работ, все члены Делегации спешат единодушно засвидетельствовать перед союзниками о следующем обстоятельстве первоочередной важности, не терпящем ни малейшего отлагательства. Юг России переживает тяжелое переходное время. Слабость местной власти, сознательное

наследие германской оккупации ставит население перед ужасами возобновления кровопролития и гражданской войны. Только немедленный приход союзных вооруженных сил сможет предупредить восстание антиобщественных и узкононациональных элементов, которые повернут страну в хаос анархии, сделают ее легкой добычей большевиков и лишат русские и союзные силы необходимой базы для развития операций против Советской власти. Для поддержания бодрости среди русских сил, способных к организованному сопротивлению, необходима уверенность, что помощь союзников не замедлит. В ожидании, пока посылка более крупных сил станет возможной, некоторое количество судов, появившихся немедленно в гаванях Черного моря, как Одесса и Николаев, несколько отрядов войск в больших городах и в главнейших стратегических железнодорожных узлах было бы достаточно, чтобы на первое время поддержать эту надежду и удерживать от выступления беспокойные элементы.

Но нужно, чтобы эти первые проявления союзной помощи появились теперь же, в ближайшие дни. Делегация ожидает при этом, что первые вооруженные силы союзников принесут с собой твердое решение не признавать отдельных государственных образований, созданных Германией в целях раздробления России, и поднимут Андреевский флаг — символ ее единства.

С подлинным верно:

Б.Милютин".

⁶ Речь идет об образованном в декабре 1917 г. Донском гражданском совете, возглавлявшемся "триумvirатом" — М.В.Алексеевым, Л.Г.Корниловым и А.М.Калединым. В этот орган входило еще 14 человек, представлявших различные течения антибольшевистской политической мысли. Просуществовал вплоть до февраля 1918 г.

На вечерней части этого заседания была принята "Вербальная инструкция Русской делегации в Яссах управляющему французским консульством в Киеве господину Энно":

"Делегация признает желательным, чтобы по прибытии в Киев господин Энно руководствовался в своей политике в отношении Украинской власти общим принципом признания единства и неделимости России. Исходя из этого общего плана, определенно принятого и неоднократно подтвержденного Державами Согласия, господин Энно должен воздержаться в своей деятельности от всяких шагов, которые могли бы дать повод кому бы то ни было считать, что союзники признают государственную независимость Украины или допускают возможность определения в будущем отношения Украины к России договорным путем.

Что касается более точных указаний относительно направления политики г-на консула в Киеве, в частности впредь до того момента, когда явится возможность провести в полном объеме объединительную программу Делегации, то таковое, по мнению Делегации, должно определяться всецело условиями обстановки, причем представляется полезным, чтобы как при ознакомлении с положением дел, так и при понятии [так в тексте — *Red.*] тех или иных вытекающих из него мер и решений г-н консул использовал связи и активную поддержку имеющихся в Киеве русских организаций, как представленных в настоящей Делегации, так и других, ей близких и сочувствующих.

Переходя к ближайшему анализу открывающихся в настоящее время политических возможностей и комбинаций, Делегация полагает, что г-н Энно должен в решительной форме пресечь всякие надежды националистических украинских кругов на содействие союзников, которые могли бы возникнуть у первых из факта завязавшихся между сторонами отношений и переговоров.

Что касается отношения к гетману, то в случае сохранения политического *status quo* политика консула с достаточной ясностью вытекает из вышеприведен-

ных общих положений отрицательного характера; если же гетман обнаружит твердое и недвусмысленное намерение повернуть свою политику в сторону союзнической ориентации путем, например, образования умеренного русофильского министерства, то г-н консул может оказать ему в этом случае известное содействие и снабдить его советами в соответствующем смысле; при этом гетману может быть указано на желательность издания, при образовании министерства, декларации, которая содержала бы определенное заявление о признании единства России и обязательство по возможности безотлагательно назначить новые выборы в городские и земские самоуправления на основе всеобщего избирательного права, введенного в разумные пределы, т.е. с установлением более ограниченного возрастного ценза и ценза оседлости. Однако все шаги и советы в этом смысле не должны в какой бы то ни было мере связывать свободу союзнической политики в будущем, имеющей в виду радикальное изменение политического режима на Украине в направлении объединения с Россией. В силу сказанного и общее отношение г-на консула к могущему образоваться умеренному русофильскому кабинету должно оставаться отрицательно-выжидательным, с опорой на реальную силу в виде прибывших или имеющихся союзных войск.

Если бы, однако, оказалось, что еще до прибытия г-на Энно в Киев или после такового и вопреки его усилиям гетманская власть не могла бы удержаться и была бы опрокинута переворотом, то здесь пришлось бы различать две возможности. Первая состояла бы в победе националистических кругов и восстановлении власти Центральной Рады без участия и содействия большевиков и с уклоном в сторону Согласия; в этом случае политика г-на Энно должна была бы носить отрицательный характер по отношению к новой власти и одновременно стремиться при поддержке русских кругов к изменению создавшегося положения. Вторая комбинация, сводящаяся к совместной победе Рады и большевиков, означала бы полную невозможность для г-на консула официально вмешиваться в течение событий и ввела бы для него необходимость либо отъезда, либо пассивного пребывания в здании консульства”.

⁸ 14(27) апреля в Константинополе было заключено секретное германо-турецкое соглашение о разделе сфер влияния: Турция отводилась занятая территория Грузии и почти вся Армения, остальная часть Закавказья — Германии. 14(27) мая на основе решения фракции мусаватистов Закавказского сейма была провозглашена независимая Азербайджанская республика. К сентябрю 1918 г. при поддержке Турции войска Азербайджанской республики заняли Баку, полностью ликвидировали власть Советов на территории Азербайджана.

⁹ Эта цифра не соответствовала действительности: осенью 1918 г. численность Сибирской армии совместно с японскими, чехословацкими и другими союзническими войсками не превышала 200 тыс. человек.

¹⁰ В июне 1918 г., в начале Второго Кубанского похода, Добровольческая армия насчитывала немногим более 12 тыс. штыков и сабель, после освобождения Северного Кавказа ее численность возросла до 30 — 35 тыс. В конце 1918 г. в результате разнообразных организационных и политических меро-приятий генералу Деникину удалось развернуть силы до 100 тыс. человек, однако лишь приблизительно 40 тыс. из них составляли воины, принимавшие непосредственное участие в боевых действиях. Рост бюрократии, необоснованная раздутость тыловых служб стали одной из причин последующих неудач белогвардейцев.

¹¹ На этом заседании было принято второе “Обращение к союзным Державам”, которое на следующий день было вручено их дипломатическим представителям в Яссах. Текст этого документа гласил: “В дополнение к телеграмме, посланной 3/16, мы считаем необходимым спешно сообщить следующее. 1) Крайне националистические украинские элементы подняли в окрестностях Киева вос-

стание, в котором, кроме многочисленных самостийников, приняли участие добровольно многочисленные анархистские и большевистские банды. 2) Это восстание представляет тем большую опасность, что австро-венгерские войска находятся в состоянии разложения и что возможны местные прорывы большевистской армией Северного фронта. 3) Непосредственным следствием такого прорыва с севера может быть разрыв линии сообщения между Украиной и Доном. В последнем случае Донецкий каменноугольный бассейн со своими богатствами, необходимыми для железных дорог и промышленности, с металлургическими заводами и весьма значительными военными складами попадает в руки большевиков.

Мы считаем необходимым спешно прибегнуть к следующим мерам. 1) Ускорить десант союзных войск, хотя бы в небольшом количестве, в Одессу и приступить немедленно к занятию Киева и Харькова. 2) Опубликовать декларацию, заявляющую ясно и определенно о твердом решении союзников опираться на элементы порядка. 3) Предупредить германское правительство, что союзники возлагают ответственность на германские войска за всякие волнения, в которых они примут участие либо путем продажи и передачи оружия восставшим, либо путем запрещения офицерским организациям, поддерживающим порядок, использовать оружие киевского склада.

Если не состоится немедленное вмешательство, то подавление восстания в будущем может потребовать более значительных сил и более продолжительного промежутка времени.

С подлинным верно.
Секретарь Делегации”.

¹² Южная армия под командованием генерала Н.И. Иванова формировалась с июля 1918 г. на территории Богучарского и Бобровского уездов Воронежской губернии, освобожденной от красных Донской армией. Монархические цели открыто не провозглашались, но не составляли секрета. Начато было формирование корпусов, которые предполагалось развернуть позднее в армии. Значительных успехов Южная армия не имела, а по мере новых и новых побед Добровольческой армии ее авторитет падал. В начале 1919 г. части Воронежского корпуса были разбиты наступавшей на Дон Красной Армией, а чины других корпусов перешли в Донскую и Добровольческую армии Вооруженных Сил на Юге России.

¹³ Северная армия стала формироваться в августе 1918 г. по инициативе германского оккупационного командования на территории Псковской и Витебской губерний. Монархическая антиантантовская ориентация Северной армии была вполне определена. Командующему генералу Ф.А.Келлеру до капитуляции Германии удалось провести лишь первоначальные организационные мероприятия. В декабре 1918 г. Ф.А.Келлер, командовавший некоторое время гетманскими войсками, был расстрелян вступившими в Киев петлюровцами.

¹⁴ Речь идет о правительствах периода так называемой “демократической контрреволюции” (весна — лето 1918 г.), когда в авангарде антибольшевистских сил находились прежде всего эсеры и меньшевики.

¹⁵ В тот же день от имени делегации за подписью В.В.Меллер-Закомельского была отправлена в Киев телеграмма С.П.Маслову, члену Совета Государственного Объединения России, с просьбой “принять спешные меры к прекращению ликвидации [...] военного имущества казенного и общественных организаций на Украине ввиду крайней нужды в этом имуществе”.

¹⁶ В ходе октябрьских боев 1917 г. в Москве городской голова В.А.Руднев был председателем Комитета общественной безопасности, избранного Город-

ской думой. Полковник К.И.Рябцев, командующий Московским военным округом, был членом этого комитета.

¹⁷ На этом заседании была подготовлена "Записка, адресованная союзному командованию":

"22 ноября 1918 года Державы Согласия через своего особо уполномоченного французского консула в Киеве г. Эшно торжественно заявили о своем непоколебимом решении не допускать никакого нарушения в деле восстановления порядка и реорганизации России и о своем намерении в самом непродолжительном времени поддержать свое решение вооруженной силой.

Питая глубокое доверие к великодушным и благородным стремлениям наших союзников, мы считаем чрезвычайно важным, в подкреплении принятого Державами Согласия решения, сообщить данные, свидетельствующие о том, что помощь России должна быть оказана действительно в самом непродолжительном времени и как можно более безотлагательно. Это одинаково вытекает как из задачи восстановления общеевропейского мира, так и из необходимости оказать поддержку русским патриотам в деле спасения их Родины от величайших бедствий и страданий.

Германия, насадившая большевизм в России и до самого последнего времени поддерживающая с большевиками явные и тайные связи, не учла той опасности, которую большевизм представляет для нее самой. Как всякая демагогия, опирающаяся на слепые страсти и смутные инстинкты толпы, большевизм, как опасная зараза, распространяется там, где народ оказывается усталым, ослабевшим и неудовлетворенным. По счастливому выражению г. Энно, это болезнь слабых и обессиленных. Эта тяжкая болезнь несет с собою скорые разочарования и, как показывает пример северной России, чем долее большевизм существует, тем более он становится ненавистным. Но для новых областей, где большевизм еще не водворился как практика ежедневной жизни, где не знают еще истинной природы, где судят о нем издали как о господстве масс, сулящем счастье, богатство и преобладание всем трудящимся, он кажется заманчивым и привлекательным. Даже на Юге России, где большевизм еще не изжит и является угрожающим бедствием, крестьяне и рабочие не знают, что нет губернии В Северной России, в которой за последние месяцы не было бы крестьянских восстаний, вызванных жестокостью и несправедливостью большевистского режима и беспощадно подавленных большевиками при помощи массовых расстрелов.

Они издали знают лишь о том, что задавлена буржуазия и что господствуют представители рабочих и солдат, но совершенно не представляют себе того, что эти мнимые представители народа самым жестоким образом разоряют и угнетают крестьян, что не только город, но и деревня стонут под их игом, что вследствие общего расстройтва экономической жизни быстро растет число безработных и голодающих. Всего этого не видно издали; увлекательной кажется лишь цель — овладеть и властью получить господство. И когда красноречивые ораторы бросают в недовольные массы лозунги мировой социальной революции, которая принесет счастье всем, они находят для себя подготовленную почву. Толпа покорно идет за ними, и стихийный взрыв темных страстей побеждает голос предостерегающего разума.

Иноким образом не следует преуменьшать опасности этой губительной разазы, тем более что в Москве и Петрограде она имеет за собой все ресурсы огромных агитационных средств и бесконечных денежных субсидий. Никогда еще такие колоссальные ресурсы не ставились на поддержку такого губительного замысла. Германия первая дала щедрые средства на культивирование большевизма в России, прекрасно учитывая его разлагающую и мертвящую силу, но она не предвидела, что действие этого яда распространится и на нее и что она сама может оказаться в опасности разрушения своего культурного строя от наплыва большевистских идей.

В настоящее время происходит борьба германского демократического правительства с большевизмом, и в условиях того упадка духа и той неудовлетворенности, которую переживает германский народ, борьба эта встречается с величайшими трудностями. Когда народ, утратив доверие к старой власти, свергает ее, колеблется все основы порядка и дисциплины. Развитие анархических противогосударственных стремлений является при этом неизбежным. Это и есть та почва, на которой вырастает большевизм, как система бессовестного демагогического обольщения масс несбыточными обещаниями.

Такие же затруднения борьба с большевизмом встречает и в Польше. Это государство, только что вновь образовавшееся, не окрепло еще в своих основах. Здесь не создалось пока твердой власти, получившей общее признание и имеющей за собой силу традиции и авторитет законности. Происходит борьба за власть, причем сильные в Польше социалистические партии обнаруживают склонность к интернационализму и большевизму. Положение создается сложное и опасное. При этом в Польшу, как и в Германию, проникает из России большевистская пропаганда, поддерживаемая всеми денежными ресурсами Советской власти. В Москве, как и в Петрограде, среди большевиков польские элементы очень влиятельны. Они, конечно, усиливают влияние русской пропаганды в Польше. Точно так же из германских военнопленных созданы готовые кадры для пропаганды в Германии. По сведениям, идущим из Москвы, большевики затрачивают на цели мировой революции сотни миллионов. Агитаторы в их распоряжении имеются из разных национальностей.

При таких условиях для всего Востока Европы, включая сюда Германию, Польшу, а может быть и некоторые части бывшей Австрии, назревает опасность большевизма. Для Держав Согласия, только что достигших блестящей победы над утопиями милитаризма, вырастает новая перспектива бороться с утопиями анархизма, грозящими культурным ценностям всей Европы. И эта борьба будет тем более трудной и кровопролитной, чем долее будет оставаться в силе то гнездо общей заразы, которое при покровительстве Германии создано в Москве. Мир, которого жаждет все человечество, может оказаться надолго недостижимой целью, если кучка авантюристов, преступно пренебрегающих всеми велениями совести и чувствами человечности, будет из Москвы вести свою губительную работу. Год тому назад справиться с ней какой-либо силе не стоило большого труда. К сожалению, Добровольческая армия лишена была тогда средств, чтобы выполнить эту задачу. Теперь большевистская власть при помощи жестоких и беспощадных репрессий усилилась, и для ее устранения нужны более значительные силы.

Указывая на мировую опасность, которую представляет собой большевизм и которая требует самого решительного и самого быстрого устранения, мы не можем не привести здесь данных относительно состояния России. Бедствия и страдания ее достигли таких пределов, о которых страшно думать и описать.

Целые местности Северной России голодают. Петроград в буквальном смысле вымирает от голода и истощения. Смертность детей и людей слабых и старых не обращает на себя внимания и не вызывает общего ужаса только потому, что данные этого рода не проникают в печать. Даже и Москва, сравнительно более обеспеченная продовольствием, близка к тому же состоянию истощения своих ресурсов. Судьбу больших городов разделяют и северные деревни, жившие и ранее привозным хлебом и лишённые теперь необходимого подвоза. Те же деревни, которые сохранили еще известные запасы, подвергаются непосильным реквизициям и также приводятся к общему голодному уровню. Этим объясняется страшная все возрастающая ненависть крестьянства к большевикам, получающая для себя новые и не менее важные основания со времени принудительных наборов в войска. Отсюда постоянные восстания в различных частях России.

Жестокие казни и расстрелы без суда и разбора, следующие за такими восстаниями, увеличивают эту ненависть до последних пределов.

Работа некогда крупных предприятий вследствие общей дезорганизации экономического оборота прекращается или сокращается. Масса безработных выбрасывается в деревню и увеличивает собою число нуждающихся. Опыт национализации промышленности и торговли привел к тому, что разрушен старый аппарат администрации, парализована личная предприимчивость и при грандиозном увеличении расходов предприятий несобойно сократилась их производительность. Предприятия, прежде питавшие государство уплатой крупных налогов, теперь сами живут на средства государства и ложатся тяжким бременем на государственную казну. Пасторские рабочих медленно, но прочно отходит от большевизма, по мере того как разоблачается его подлинная сущность.

Если казни и расстрелы являются самым главным основанием господства большевиков, то денежные подачки и систематические подкупы составляют вторую основу их политики. Едва ли в каком-либо другом государстве мира есть столько лиц, находящихся на службе у власти и столь щедро оплачиваемых, как в Советской республике. Система привлечения путем денег практикуется здесь с тем большей расточительностью и последовательностью, чем менее авторитета и внутренней силы имеет Советская власть. Бюджет этого года не был опубликован. Но по размеру трат можно судить, что он превышает всякую меру вероятности. Средства добываются одним путем: при помощи неслыханно быстрого и обильного печатания денежных знаков. Таким образом, на будущее государственное казначейство России налагаются такие траты, которых выдержать оно не может. Бюджет большевиков построен на соображении: после нас хоть потоп. Он представляет собою преступное и хищническое пользование кредитом русского народа. Каждый день промедления стоит России очень дорого и ведет ее к неслыханному финансовому краху, ставящему под серьезную угрозу возможность правильного выполнения ее международных обязательств.

Известны те великие притеснения, которые постигли религиозное сознание русского народа, гонения, воздвигнутые на церковь, положение которой невыносимо. Пастыри церкви подвергаются унижениям, преследованиям и казням, верующие испытывают бесконечные нравственные терзания. Недавнее послание патриарха Тихона служит ярким выражением тех чувств, которые переживает церковь.

О школе можно сказать, что она существует только по имени. Старые школы, гордившиеся образцовою постановкою учебного дела, разрушены. Школы с различными программами и различными уровнями знаний соединены вместе; в университетских студентах слушают лекции наряду с безграмотными. Изгнаны учебники и приготовление уроков. Дети отлучаются от труда и от уважения к школе, в которой воцарились распушенность и праздность.

Велики и безмерны нравственные страдания народа, живущего под этим режимом самой жестокой и бессмысленной тирании. Во имя гуманности, во имя сострадания, во имя жертв, принесенных русским народом на общее дело борьбы с Германией, во имя будущего России и человечества мы полагаем, что помощь, которая должна быть оказана России, не может быть отсрочена. Генерал Алексеев совершенно правильно полагал, что после двух-трех оглушительных военных ударов большевики рассеются как дым. Это мнение как нельзя более верно. Армия большевиков насчитывает свыше 1 200 000 человек; она держится в узде жестокой дисциплиной, но внутри ее нет нравственной связи и воодушевления, если не считать немногих отдельных групп фанатиков большевизма. При малейшей крупной угрозе она растает на дезертиров и перебежчиков и путь па Москву будет открыт. Вожди большевиков в подавляющем большинстве случаев

кроме величайшей наглости отличаются еще и столь великой трусостью; они разбегутся при первой серьезной опасности.

Мы не сомневаемся в том, что союзниками уже выработан ряд мер, столь же решительных, сколько и мудрых, для устранения язвы большевизма. Со своей стороны мы позволяем себе высказать некоторые соображения, быть может, бесполезные при обсуждении общего плана,

1) Германия первая повинна в том, что в своем злом замысле разрушения России она насадила в ней большевизм. На нее должна быть возложена обязанность, возникающая для нее притом же в ее собственных интересах, принести свою долю для борьбы с большевиками. Ввиду этого все ее интендантское имущество, все склады и военные запасы, находящиеся в России, главным образом на Украине, должны быть оставлены в общее пользование союзников.

2) Японские и американские части, уже придвинувшиеся, по-видимому к Уралу, должны быть как можно скорее двинуты в дело.

3) Мурманский десантный отряд должен быть немедленно усилен

4) Должен быть осуществлен новый десант в Прибалтике.

5) Немедленно после накопления на русской территории крупной военной силы большевикам должен быть поставлен ультиматум о сдаче, причем принятие этого ультиматума облегчается, если будет указано, что жестоких репрессий не будет.

6) Для успешного своего действия военные силы на русской территории должны быть поставлены под единое командование.

7) Вместе с тем по мере продвижения военных сил в местностях, занятых большевиками, должен быть обеспечен подвоз хлеба голодающему населению. Если будет известно, что за военной силой идет хлеб, то это послужит могущественным тактическим средством в борьбе с большевиками.

8) Наконец, по мере очищения от большевиков отдельных областей в низ должен возможно скорее водворяться нормальный порядок, вносящий удовлетворение в широкие массы населения.

Не следует упускать из виду, что все надежды большевиков, согласно их собственным заявлениям в Москве на съезде и в печати, основаны на том, что удар против них будет отложен до весны. Тогда им удастся разжечь пожар в Польше и Германии, поднять восстание среди народов Австрии и перенести свою работу и в страны Согласия. Для этого они уже приступили к разработке проекта о создании социалистической армии в международном масштабе и разослали своих агитаторов во все концы мира, снабдив исключительно крупными средствами. При изучении настроений в Германии и Польше можно сказать, что расчеты большевиков не лишены серьезных оснований и что в случае отсрочки удара против них до весны, чего, конечно, они и желают, дело восстановления общего мира будет необычайно затруднено. Порядок в Европе должен разжечь пожар раньше, чем начнутся переговоры о мире, иначе мир, только что заключенный, будет немедленно нарушен взрывом международных соединенных сил анархии и большевизма, грозящим одичанием и обнищанием всей Центральной и Восточной Европы. В Северной России большевизм уже теперь изжил себя и держится только кровавым террором кучки фанатиков и авантюристов. В Германии и Польше он только что входит в силу. Необходимы экстренные и решительные меры, чтобы предотвратить величайшие бедствия и осложнения, грозящие всей Европе".

18
Третье "Обращение к союзным Державам" было в тот же день вручено их дипломатическим представителям в Яссах:

"Представители русских политических кругов, приглашенные в Яссы при посредничестве представителей союзных Держав, принадлежат к трем русским политическим группировкам, а именно: Национальный Совет Государственного объединения России, так называемый Национальный Центр и Союз Возрожде-

ния России. Два последних, Национальный Центр, представляющий правое крыло и центр общественного мнения, включая конституционно-демократическую партию, и Союз Возрождения России, состоящий кроме представителей последней партии из кооператоров и представителей различных социалистических течений, а именно партии народных социалистов, группы "Единство" (покойного Плеханова), социалистов-революционеров и социал-демократов-"оборонцев", уже начали переговоры с союзниками в начале этого года в Москве. Третья организация — Национальный Совет Государственного объединения России — образовался только недавно на Юге России и охватывает в настоящее время семь групп, представляющих членов законодательных палат, Думы и Государственного Совета, Сената, церкви, несоциалистов — представителей земств и городских дум, избранных перед революцией, организаций, объединяющих представителей промышленности и торговли, банков, финансов и сельского хозяйства.

Эти три организации считают, что есть несколько оснований для нового обращения к союзникам от имени возражающей России, даже в момент, когда заключено перемирие, а борьба кажется законченной. В России эта борьба еще продолжается между сторонниками национального единства, временно потерянного в непомерных усилиях ради общей победы, и последним союзником Германии — большевистским правительством — продуктом одной из военных махинаций германского изобретения, при помощи которых Германия пыталась обрести господство над миром. Эта зараза недавно оказала воздействие даже в стране тех, кто сам посеял эти семена.

Поражение немецких агентов в России будет последним этапом мировой войны. Оно должно сопровождаться совместной союзной акцией, как это было обещано в устной ноте г. Пуланса в июне 1918 года.

Продолжение дела России вопреки ее внезапному исчезновению из разряда государств — вот тезис, который никогда не подвергался сомнению нашими союзниками. Этот тезис был далеко не просто теорией или юридической фикцией и имел свой видимый символ и, так сказать, воплощение в действиях Добровольческой армии покойного генерала Алексеева, который собрал под знаменем русского единства десятки тысяч патриотов-энтузиастов, пламенная вера которых оказалась сильнее мшморго германского завоевания. В оставшемся верным своему знамени уголке России эта армия все еще продолжает свое героическое сражение с большевистскими толпами. Она имеет право ожидать, что помощь союзников, обещанная ей с момента ее первого появления в ноябре 1917-го, будет ей предоставлена и создастся объединенный центр для организации похода против оплота большевизма — Москвы. Тот, кто обладает Москвой, тот господствует в России. Умиравшая Россия, умирающая буквально ввиду недостатка необходимых продуктов питания, ждет с нетерпением своего освобождения от большевистского ига и террора. Все ужасы осажденного города не заслоняют мысль о том, что Центр и Север России страдают в руках убийц и разбойников, прикрывающихся именем авангарда международного социализма.

Это гужашное дело должно быть организовано и воплощено немедленно и без отсрочки. Шесть месяцев назад Красная Армия, которая могла бы этому сопротивляться, не представляла серьезного военного препятствия. Но благодаря немецкой помощи ее сила росла с каждым днем; мобилизация частично закончилась успешно, военное обучение прошло в назначенные сроки, и даже начал появляться некоторый корпоративный дух как следствие первых успехов. Если хотим ускорить исход борьбы и избежать лишнего кровопролития, нужно действовать быстро и значительными силами. Россия обладает необходимым для борьбы человеческим материалом, но, чтобы организоваться, новые воинские формирования должны находиться в безопасности. Чтобы их наступательные действия стали возможными, защитой им должна служить армия прикрытия.

Армия прикрытия необходима также и для того, чтобы спасти от большевистского нашествия те регионы России, где власть еще не захвачена Советами ввиду германской оккупации, от которой они тоже пострадали и ощутили тяжелые последствия; но в то же время эта оккупация спасла их от большевистского разбоя. Теперь, когда германская армия распадется, союзные и русские силы должны в спешном порядке занять их место, для того чтобы не был нарушен порядок и чтобы осколки национальной мощи могли быть предохранены там, где криминальные эксперименты большевиков не имели места.

Со времени, когда в ходе переговоров в Москве было принято решение о создании Восточного фронта на пути из Центра в Сибирь, обстоятельства очень изменились. Энергично продолжая операции в направлениях от Мурманска, Архангельска и из Сибири, где под прикрытием союзных армий значительные русские силы сформировались и участвуют в общей борьбе, нужно серьезно думать о новых действиях, ставших возможными со времени завоевания Балтийского и Черного морей. Именно здесь, где сосредоточено наибольшее национальное богатство, где уже вложены капиталы союзных стран, должна произойти решительная подготовка похода на Москву. Именно здесь находится становящаяся отправной точкой борьбы армия Деникина, которой должны быть подчинены все прочие, разбросанные на большевистской грабнице — на Дону, Украине и т.д., — силы. Согласно мнению наших военных специалистов, военная помощь союзников не может быть меньше 150 тысяч штыков. Первоочередную важность приобретает в таком плане совместных действий общее командование. Россия имеет право ожидать, что командование будет поручено одному из тех военачальников, которые уже ведут борьбу за освобождение.

Ниже следуют главные пункты, в которых единодушно общественное мнение всей России — консервативной, буржуазной или социалистической.

1) Территориальное единство России и как следствие этого принципа — точка зрения о допустимости только тех независимых государств на ее территории, которые уже существовали до большевистского переворота. Проблема отдельного представительства этих государств в международных отношениях. Тем временем единство России должно осуществляться без ущерба для различных регионов, составляющих Россию.

2) Согласованная с союзниками и с этими целями борьба против большевизма.

3) Немедленная и значительная помощь Добровольческой армии генерала Деникина.

4) Немедленная замена немецких и австрийских гарнизонов русскими и союзными войсками с целью сохранить порядок и послужить прикрытием для формирования русских армий.

5) Эффективная помощь с целью получить в короткий промежуток времени возможность предпринять наступление на Москву и Петроград.

6) Единство командования, доверенного русскому генералу.

Изложив кратко свой взгляд на способы воскрешения России, а также на преследуемые цели, русские политики, собранные в Яссах, считают своим долгом повторить, что только немедленная помощь войсками и военными материалами сможет спасти Россию. Если страны Согласия желают видеть новую Россию крепкой и здоровой, членом семьи цивилизованных народов, если эти страны не хотят того, чтобы население Севера России умирало сотнями тысяч от голода, который там свирепствует, и чтобы все богатство Юга и Востока России не было уничтожено, если, наконец, эти страны признают, что Россия в течение первых лет войны претерпела в ней огромное и славное участие, внося, следовательно, большой вклад в окончательную победу, и что именно ввиду ее усилий, направленных на победу над общим врагом, усилий не взошедших националь-

пые силы, она испытывает все невыразимые несчастья, которые ее подавили, — одним словом, если победное Соглашение непоколебимо решило возродить Россию, помощь, которую они России окажут, не должна ни опоздать, ни быть незначительной.

Три вышеупомянутых организации непоколебимо уверены, что их усилия, направленные на внутреннюю целостность, будут приняты союзными державами как новое доказательство нашего доверия к их твердому решению объединиться со всей цивилизованной и демократической Россией в деле справедливости и гуманизма.

Подлинное за подписями членов Делегации.

С подлинным верно: секретарь Делегации. [Подпись]”.

19 Ж У Р Н А Л 21

СОВЕЩАНИЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЯССАХ

Заседание 30/17 ноября и 1/18 декабря 1918 г. (в Одессе)

Присутствовали: управляющий французским вице-консульством в Киеве Энно, бывший военный министр Сибирского Временного Правительства ген. А.И.Гринин-Алмазов, члены Делегации М.В.Брайкевич, И.И.Буцаков-Фон-Даминский, В.И.Гурко, А.В.Кривошеин, К.Р.Кровопусков, М.С.Маргулес, бар. В.В.Меллер-Закомельский, П.И.Милюков, А.И.Пилец, Н.В.Савич, А.А.Титов, С.И.Третьяков, А.А.Чемберс и участвующе с совещательным голосом В.Я.Демченко, П.Ф. фон Дитмар, П.И.Шебеко.

По открытии заседания в 11 час. 45 мин. утра Совещание заслушало сообщение г. Энно о положении дел в Киеве и о мерах, принятых им для воздействия в желательном смысле на поведение расположенных там германских воинских частей. Г-н Энно сообщил затем, что в ближайшем будущем в Одессу прибывает ген. Бертело, получающий назначение начальника всех союзных сил на Юге России.

В связи с известием об ожидаемом приезде ген. Бертело в Совещании возник вопрос, не следует ли отложить отъезд отправляемой в Париж “малой Делегации” до свидания с ген. Бертело в целях взаимного осведомления.

По обмену замечаний по этому предмету Совещание, однако, признало желательным возможно скорейший отъезд “малой Делегации” и наметило днем такого вторника 3/20 ноября.

А.А.Титов сообщил, что Союз Возрождения желал бы ввести в состав Делегации не одного, как первоначально предполагалось, а двух своих представителей, именно его, А.А.Титова, и К.Р.Кровопускова, и поставил Совещанию вопрос, не встречает ли оно препятствий против такого расширения представительства.

Совещание единогласно постановило считать К.Р.Кровопускова и А.А.Титова представителями Союза Возрождения в отправляемой Делегации.

Председателем было затем представлено слово А.И.Гринину-Алмазову для сообщения о положении дел в Сибири, где он до сентября с/г занимал должность военного министра в Сибирском Временном Правительстве.

Ген. А.И.Гринин-Алмазов заметил, что его сообщение распадается на три части: 1) история освобождения Сибири от большевиков, 2) освещенное политическое положение Сибири и 3) впечатления от поездки из Сибири в Добровольческую армию.

Обращаясь к первой части сообщения, ген. А.А.Гринин-Алмазов подчеркнул, что большевизм в Сибири к началу года был в полном расцвете, с тем, однако, существенным отличием от общерусского образца, что сибирское зажи-

точное и крепкое крестьянство его почти не испытало, так как временная его волна, нахлынувшая с возвращением солдат с фронта, очень быстро спала. Попытки избавления от большевизма шли с двух сторон: Комитета членов Учредительного собрания, располагавшего вооруженными силами их офицеров, и сибирских правительств, которых насчитывалось одно время не менее шести и которые прибывали в Харбин. Сам ген. Гришин-Алмазов, бежавший в это время из большевистской тюрьмы, задался целью создать военную силу из офицеров и затем при ней учредить власть, но задача эта оказалась невыполнимой вследствие полной невозможности найти общий для офицерства политический лозунг. Пришлось поэтому сойтись на поддержании самой идеи власти, хотя бы данное ее содержание и представлялось неприспособленным.

Первой властью явилось Временное Сибирское правительство, избранное Областной думой в Томске на основе популярной тогда формулы, и от народных специалистов до большевиков включительно. В действительности большевиков в нем не было, и возглавлялось оно социалистом-революционером Дербером, человеком весьма изменчивых взглядов.

Офицерские дружины удалось организовать на всем пространстве от Камска до Челябинска. Средства были получены от кооперации, а торгово-промышленный класс отзывчивости не обнаружил. Организация была закончена к середине мая, но еще не успела приступить к действиям, как на политической сцене появился новый, весьма важный фактор в лице чехословаков, заслуживающий особого внимания.

Чехословацкий корпус образовался еще во время войны из плешных, но вышше, а частью и средние командные должности в нем занимали русские. Корпус очень отличился при защите в последнем периоде войны Юго-Западного фронта, а по окончании мира намерился покинуть Россию через Владивосток, чтобы принять участие в борьбе на Западном фронте; это намерение осуществилось бы, если бы не систематическая провокация большевиков. Последние еще при выходе чехословаков из Киевской губернии потребовали снятия погон у офицеров, и затем в Пензе чехословакам был поставлен ультиматум о выдаче оружия. По указанию Чехословацкого национального совета с проф. Масариком во главе, руководившего политическим корпусом, требование было частью исполнено. Но в конце апреля со стороны Советской власти последовало новое распоряжение — остановить на месте все чехословацкие эшелоны, которые к этому времени растянулись по всей линии Пенза — Владивосток, за исключением небольшой части, уже успешной сесте на суда. Под влиянием этих повторных вызовов у чехословаков начал складываться план показать большевикам свою силу, чтобы заставить их, таким образом, пропустить корпус на родину. Учитывая настроение чехословаков, ген. Гришин-Алмазов вошел в сношение с их командованием, но последнее неизменно отвечало, ссылаясь на проф. Масарика, запретившего всякое вмешательство во внутренние русские дела. Однако в низах и среди части офицерства ген. Гришин-Алмазов встретил более сочувственное отношение, которым и решил воспользоваться для совместной борьбы с большевиками. Первое выступление состоялось в ночь с 25 на 26 мая в гор. Повопиколаевске и увенчалось неожиданно легким успехом; одновременно произошло свержение Советской власти и в Мариинске. После этих первых удач началось постепенное движение на запад, юг и восток, приведшее к занятию Томска и другим успехам, несмотря на первоначальный подавляющий численный перевес большевиков.

Одновременно казалось, что на чешскую помощь больше нельзя будет рассчитывать как уже было упомянуто, среди чехословаков все время наблюдалось общее настроение против вмешательства, смешившееся с противоположным вследствие провокаций большевиков. Учтя это обстоятельство, Советская власть стала соблазнять чехословаков возможностью пропуска на родину с оружием в

руках; с другой стороны, этому же всячески способствовала приехавшая из Владивостока американская железнодорожная миссия, неизвестно почему взявшая па себя дипломатическую роль, и американский консул Гаррис. Однако после встречи с ген. Гришиным-Алмазовым консул, пораженный, по-видимому, выправкой и дисциплиной офицерской дружины, которой ген. А.И.Гришин-Алмазов произвел па его глазах смотр, изменил свой взгляд и обещал, что чехословаки останутся, пока в них будет надобность для поддержания порядка. Насколько это было необходимо, показывают примеры Иркутска и Верхнеудинска, где после ухода чехословаков были устроены погромы офицерства и интеллигенции.

После упомянутого разговора с Гаррисом совместные действия офицерских дружин и чехословаков уже не нарушались и привели после ряда бодрых и легких побед к полному очищению Сибири от большевиков. Роль чехословацкого корпуса в этом деле представляется очень значительной, и можно сказать, что успех наполовину достигнут благодаря им.

Надо, однако, сказать что содействие чехословаков в известной степени ослаблялось, а под конец и свелось почти на нет благодаря причинам политического свойства. Их поведение все время определялось исключительно двумя мотивами: во-первых, их собственными целями и соображениями, а во-вторых, болезненным опасением прослыть за контрреволюционеров. Эти обстоятельства в связи с общим, довольно левым политическим уклоном корпуса, толкали чехословаков на путь вмешательства во внутренние дела, с одной стороны, а с другой — побудили их предпринять замену русского командования своим, малоопытным в военном деле, и частичное проведение так называемой демократизации в устройстве корпуса. Неопытность командования имела последствием ряд небудеманных военных операций, вроде занятия крупных пунктов без достаточной опоры в тылу и вне связи с общим планом, а демократизация вызвала постепенное разложение в самом корпусе, в настоящее время уже далеко от первоначальной безупречной дисциплины.

Все изложенные данные заслуживают, по мнению ген. Гришина-Алмазова, особого внимания Делегации и ввиду того, что чехословаки находятся в тесной связи и пользуются поддержкой и расположением союзников, которые на многое происходящее на Восточном фронте склонны смотреть глазами чехословаков.

После перерыва заседания, продолжавшегося от 1 часа 15 мин. до 3 час. 30 мин. дня, ген. А.И.Гришин-Алмазов перешел ко второй части своего сообщения, а именно к характеристике политического положения и властн в Сибири. К моменту образования Уфимской Директории на пространстве за Восточным фронтом существовало 5 правительств.

Первое, Временное Сибирское, в состав которого вошел и ген. А.И.Гришин-Алмазов в качестве военного министра, являлось официально социалистическим, в действительности же вело весьма разумную и умеренную политику. Первыми шагами его были: 1) аннулирование всех советских декретов, 2) упразднение всяких Советов и 3) восстановление частной собственности. После этих мер поднялось настроение офицерства, впервые за время революции увидевшего, что ему есть за что сражаться и страдать. Положение правительства представлялось прочным благодаря поддержке добровольческой офицерской армии, достигшей численности в 50 тысяч человек. Только после окончательной организации этих сил и восстановления действий военных присутствий ген. А.И.Гришин-Алмазов счел возможным приступить к набору, причем призваны были лишь не зараженные большевизмом сроки 1919 — 1920 годов и обеспечением принудительности набора служили офицерские пулеметные отряды; всякие призывы и уговаривания были категорически запрещены.

В финансовом отношении положение правительства было также вполне благоприятно благодаря разрешению свободной торговли. В города нахлынула масса сельскохозяйственных продуктов и обнаружился сильный приток вкладов в Государственный банк.

Екатеринбургское правительство возникло после освобождения Екатеринбург и под началом к-д, члена Учредительного собрания, Л.А.Крача для обслуживания территории горного Урала, ввиду якобы своеобразия местных условий. Представители Сибирского правительства были против этого новообразования, по, считаясь с поддержкой, оказанной ему чехословаками, вынуждены были пойти на компромисс. Ими же было выговорено, что военное дело, финансы и пути сообщения остаются в ведении сибирской власти.

На востоке Европейской России действовало правительство, организованное Комитетом членов Учредительного Собрания. В него первоначально входили Авксентьев, Аргупов и даже оренбургский атаман Дутов, но вскоре оно свелось к однородному составу черновского толка. В соответствии с этим правительство занялось дальнейшим углублением революции во всех направлениях. Созданная ими армия комплектовалась путем воззваний, причем были призваны сроки 1917 и 1918 годов, т.е. самые большевистские, и были организованы на демократических основаниях, имели комиссаров, красное знамя с надписью "За землю и волю" и т.п. вполне естественно, что такая армия не могла представить реальной силы и что в борьбе с большевиками она терпела жестокие поражения, сдавалась целыми полками, будучи вынуждена отдать ряд важнейших пунктов, как Казань, Сызрань, Кинель и др. Мало-помалу армия распалась, и сейчас ее вовсе не существует.

Оренбургское правительство обладает крепкой властью, возглавляемой Дутовым, и войсковой круг оказывает ей полное доверие и поддержку на Урале, единственном месте, вовсе не испытавшем большевизма. Можно видеть курьезный факт наличия социалистического правительства при явно монархическом настроении казачьей массы, состоящей из крепких и твердых старосеров. Обстоятельство это объясняется, по-видимому, полным безмолвием войск, не выдвинувших ни одной сильной личности.

Из всех перечисленных правительств самым сильным является, разумеется, Сибирское, поэтому к нему и обратился Комитет членов Учредительного Собрания, когда задумал создание общерусской власти. Для переговоров, происходивших в Челябинске, из Сибири были отправлены ген. А.И.Гришин-Алмазов и Михайлов, выдвинувшие идею единоличной военной диктатуры при Добровольческой армии. Однако ввиду непримиримости другой стороны и главным образом вследствие настояний чехословаков, пришлось сойти с этой позиции и согласиться на созыв предварительного Государственного Совещания, имеющего определить структуру будущей власти.

Означенное Совещание состоялось в конце июля в Челябинске. На него съехались не только представители вышеперечисленных областных правительств, но и уполномоченные таких экзотических образований, как Башкирия, Киргизия и т.д., привлеченные Комитетом членов Учредительного Собрания для придания себе большего веса; кроме того, в Совещании приняли участие делегаты всех партийных комитетов. Решено было для окончательного образования власти созвать новое Государственное Совещание, причем по вопросу о месте его голоса разделились поровну: правое крыло отставало Челябинск, левое — Самару. В результате как компромисс намечена была Уфа. Делегатами на новое Совещание Сибирское правительство вновь назначило ген. А.И.Гришина-Алмазова и Михайлова, добавив к ним Патушинского. Последний, впрочем, отказался ввиду очевидной невозможности сговориться с товарищами по вопросу о характере будущей власти. Вызванные этим разногласия, однако, не улеглись, а только обо-

стрились, и долго сдерживавшая себя левая часть правительства новела определенный поход против военного министра, который, однако, решительно отказался выйти в отставку. Одновременно против ген. А.П.Гринина-Алмазова повел штурм английский консул Престон, роль которого вообще представляется довольно загадочной. Кончилось тем, что к военному министру явился ген. Иватов и заявил, что он, Иванов, вступил на его место. Ген. А.П.Гринину-Алмазову оставалось признать факт и уйти со сцены.

После указанного эпизода и представительство Сибирского правительства было изменено. Делегатами его на Уфимском совещании, начавшемся 7-го сентября, явились Сапожников и Серебрянников. Ввиду этого ослабления представительства самой прочной до того власти, растерянно-пассивного отношения к делу казачьих делегатов, правое крыло Совещания было поставлено в невыгодные условия; левое, напротив, весьма энергично готовилось к Совещанию и, заручившись косвенной поддержкой мелких консульских чинов союзных Держав, успешно провело свою точку зрения, и Совещание закончилось образованием Директории из 5 лиц и правительства с участием Авксентьева, Савинова и др. Вместе с тем было принято и известное решение о созыве Учредительного Собрания прежнего состава. Насколько можно судить, вновь образованная власть вряд ли располагает реальной силой. Характерны в этом отношении двухнедельные колебания правительства в выборе местопребывания: в Омск оно не решилось ехать из опасения ареста, а Уфа представлялась слишком неудобной в смысле размещения учреждений. Такие же затруднения наблюдались и при распределении портфель ввиду отсутствия подходящих людей.

Что касается Сибирского правительства, то оно к этому времени распалось.

Описанные плачевные результаты Совещания сильно повлияли на правое его крыло и стоящие за ним круги. Офицерство и большая часть интеллигенции окончательно убедились в том, что все так называемые демократические опыты устройства власти, за которые им уже не раз приходилось расплачиваться своею кровью, ни к чему доброму не приведут и что единственная надежда на возрождение России может заключаться лишь в Добровольческой армии.

Ввиду необходимости для докладчика покинуть по делу Совещание заседание было прервано в 5 час. 30 мин. дня.

По возобновлении заседания 1/18 декабря в 10 час. 30 мин. утра ген. А.П.Гринин-Алмазов коснулся вкратце отношения союзников к событиям в Сибири. Надо заметить, что Державы Соглашения были представлены там очень слабо, располагая, кроме генеральных консулов, французского и американского в Иркутске, лишь второстепенными консульскими агентами, притом малоосведомленными и неавторитетными. Это не мешало им временами играть видную роль, благодаря главному образом чехословакам, всецело основавшим свое поведение на союзнической ориентации. На Уфимском совещании присутствовали все союзные представители, причем их закулисное влияние способствовало образованию Директории.

С освобождением Владивостока все силы, боровшиеся против большевизма, связывали надежды на помощь снаряженным и вооруженным, но эти надежды оказались обманутыми; союзники ограничились присылкой своих небольших отрядов. Что касается японцев, то высаженные ими войска в составе 5 дивизий растянулись от Владивостока до Читы и действовали так, как будто они находились в оккупированной местности.

Образовавшаяся в Уфе Директория в стремлении укрепить свое положение всеми способами добивается хотя бы косвенного признания со стороны союзников. Однако ей это, по-видимому, плохо удастся, так как действия и заявления второстепенных союзных агентов не могут иметь большого значения в этом отношении. Когда же в Сибирь прибыл чрезвычайный английский посол сэр

Чарльз Эллиот, то он, соединившись прямым проводом из Омска с генералом Болдыревым, ограничился вопросом, где находится генерал Алексеев и как вступить с ним в сношение.

Переходя к впечатлениям своего 38-дневного путешествия из Сибири на Кубань, ген. А.П.Гришин-Алмазов указал, что по дороге ему пришлось столкнуться с целым рядом разнообразных властей и режимов, начиная с Оренбургского и Уральского казачества, продолжая диктатурой старшины Бичерахова и кончая Терским казачеством и кавказскими горцами. Всюду, вступая в беседы с властями и с населением, ген. А.П.Гришин-Алмазов задавал вопросы об отношении к Директории и к Добровольческой армии. Результат этой анкеты безусловно в пользу последней. Представители власти, правда, не везде склонны ее поддерживать. Так, Уральское социалистическое правительство относится к ней довольно холодно; Бичерахов, действующий в согласии с англичанами против турок, считает эту борьбу своей существенной задачей, выступать вместе с Добровольческой армией против большевиков не желает, считая такое выступление гражданской войной; наконец, в некоторых случаях сочувствие того или иного руководителя целям Добровольческой армии не высказывается откровенно по политическим соображениям. Но совершенно несомненно, что всюду есть множество элементов, которые все свои надежды возлагают на Добровольческую армию и только ждут ее призыва, чтобы подняться и организоваться. К числу этих элементов относятся казачьи массы на Урале и на Тереке, что особенно курьезно, потому что во главе управления этими областями стоят левые элементы, явно не отвечающие настроению населения. Интересно отметить, что всюду наблюдается интерес к тому, кто будет в России царем, самый вопрос, восстановится ли у нас в России монархия, считается как бы предпринятым. Все сказанное приводит ген. А.П.Гришин-Алмазова к заключению, что уже сейчас Добровольческая армия располагает огромным числом сторонников и сочувствующих, но число это во много раз возрастет и превратится в мощную силу, когда вожди армии выступят с решительным призывом к спасению России. Что же касается элементов, ей враждебных, то нет сомнения, что они быстро успокоятся и покоятся, как только увидят проявление твердой и уверенной в себе власти.

По предложению председателя Совещания выразило ген. А.П.Гришин-Алмазов благодарности за его интересное и содержательное сообщение.

Заседание было закрыто в 12 час. дня.

Председатель Делегации.

Секретарь Делегации“.

²⁰ В тот же день в Екатеринбург была отправлена т е л е г р а м м а:

“Генералу Деникину

Ввиду ожидаемого прибытия значительных вооруженных сил союзников выдвигается на первую очередь вопрос о морском транспорте, связанном с ним обеспечением флота углем, нефтью и смазочными материалами. Единственные значительные склады угля находятся в Мармуполе, грозит опасность скорого замерзания Азовского моря, и требуются экстренные меры. Желательно объединить распоряжение морским транспортом в одних руках. По соглашению с заинтересованными организациями и представителями союзников Ясская делегация просит Вас согласиться на назначение на такую должность контр-адмирала Шрамченко, снабдив его необходимыми полномочиями.

Бар. В.Меллер-Закомельский.

Верно: секретарь Делегации“.

²¹ В качестве приложения к этому журналу в документах Русской делегации Ясского совещания имеется "Записка адмирала Капина":

«Необходима помощь союзников в деле объединения и возрождения России должна свестись в настоящее время к ряду мер, которые, способствуя активной борьбе с большевизмом, с одной стороны, могли бы, с другой, послужить установлению законности, порядка и возможного благополучия на Юге России как центре зарождающейся государственности и широкой базе для активной борьбы с большевизмом в Центре России.

Меры эти в части их, входящей в сферу компетенции морского командования, заключаются в нижеследующем.

1. Отказ от увода русских судов за границу с установлением за ними их [союзников — *Ред.*] контроля, давая в руки союзникам все необходимые им гарантии, избавил бы их вместе с тем от принятия меры, которая а) лишила бы Добровольческую армию средств, необходимых ей для борьбы с большевизмом; б) сильно поколебала бы популярность союзников в массах населения и дала бы лишний козырь в руки демагогов, проповедующих, что союзники в конце концов такие же захватчики и грабители, как и немцы; в) произвела бы удручающее впечатление и нанесла бы незаслуженную обиду тем слоям русского общества, и в частности офицерству, которые всегда оставались верными союзным обязательствам и без того претерпели уже достаточно в кошмарные дни прошедшей зимы; г) оставила бы без места личный состав этих судов, что усилило бы кадры недобровольных существующими порядками.

2. Отставление в виде временной меры в портах Крыма и Украины союзных судов и замена в этих портах немецких гарнизонов отрядами союзных войск. Без таких отрядов, хотя бы и незначительных, но опирающихся на суда своих флотов, порядок в портах Крыма и Украины совершенно еще не может быть гарантирован.

3) Организация морского транспорта. Лучшим и едва ли не единственным средством для прочного замирания края и обеспечения в нем порядка является снабжение населения предметами продовольствия и мануфактурой. То и другое появится в различных областях Юга России немедленно же с установлением правильного морского транспорта по Черному морю (продовольствие, нефть) и с заграницей (мануфактура). Главными препятствиями к организации морского транспорта являются в настоящее время отсутствие угля и осветительных материалов для маяков, наличие в море минных заграждений, а также отсутствие единого органа, который регулировал бы торговое мореплавание и транспортировку грузов, но осветительные материалы появятся вместе с организацией транспорта, а с получением угля могут быть налажены работы и по тралению мин и т.п. Единственным препятствием к организации морского транспорта является отсутствие угля, с одной стороны, и органа, регулирующего мореплавание, с другой. Ежемесячная потребность в угле для всех русских черноморских пароходных обществ простирается до 20 000 т., а наличие не превышает 30 000 т. угля плохого качества при ничтожной добыче его и подвозе к портам.

Настоятельно необходимым является поэтому предоставление нам из ближайших союзнических портов на первое время 20 000 т. угля с разрешением для удовлетворения дальнейших потребностей вывозить уголь или грузиться им в портах Великобритании.

Наряду с этим и также необходимым является немедленная же замена германской комиссии, занимающейся исключительно лишь насаждением германского каботажного на берегах Черного моря, соответствующим органом при участии русских и союзных представителей и с русскими адмиралами во главе.

4. Включение русских судов (хотя бы и одного миноносца, который нетрудно будет приготовить для этой цели) в состав союзной эскадры. Это как нельзя

лучше подчеркнуло бы полную солидарность союзников с нами и произвело бы большое впечатление на русские области с сепаратическими или германофильскими тенденциями (Грузия).

5. Немедленное предоставление в непосредственное распоряжение русского командования русских миноносцев, необходимых ей для поддержки высаживаемых десантов, срочных сообщений и борьбы с контрабандой.

Адмирал Канин».

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абашидзе Борис — князь, штаб-ротмистр, убит в Керчи в мае 1919 г. 62, 82, 85, 87

Абашидзе Дмитрий Ростомович (1856—?) — князь, выпускник Лазаревского института восточных языков, Тифлисского пехотного юнкерского училища и офицерской кавалерийской школы, ветеран русско-турецкой войны 1877—1878 гг., генерал от кавалерии, в 1917 г. — командир 18-го драгунского Северского полка

Абашидзе Юрий — князь, офицер, сослуживец А.А.Столыпина 59, 61, 62, 82, 92

Абхазала — штаб-ротмистр, георгиевский кавалер 67, 68

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943) — один из основателей партии эсеров, член Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1905 г., политический массовик. В 1917 г. — председатель ЦИК Совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел во 2-м коалиционном правительстве, председатель Предпарламента в октябре 1917 г., с мая 1918 г. — член "Союза Возрождения" в сентябре — ноябре 1918 г. председатель Уфимской Директории. Арестован во время колчаковского переворота в Омске 18 ноября 1918 г. и выслан за границу. Один из редакторов журнала "Современные записки" (1920—1940 гг.). В 1930-е гг. возглавлял в Париже русскую эмигрантскую масонскую ложу "Северная звезда", с 1940 г. — в США. Умер в Нью-Йорке 345, 346

Адамович — поручик 212

Александр I (1777—1825) — российский император с 1801 г. 99

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии императорской армии, выпускник Московского пехотного инженерного училища и Академии Генерального штаба, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., русско-японской и Первой мировой войны. С начала войны в 1914 г. — начальник штаба Юго-Западного фронта, с августа 1915 по март 1917 гг. и в сентябре — октябре 1917 г. — начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандующего, с 1 апреля по 3 июня 1917 г. — Верховный главнокомандующий. 2 ноября 1917 г. в Новочеркасске создал "Алексеевскую организацию", ставшую организационным ядром Добровольческой армии. С августа 1918 г. — Верховный руководитель Добровольческой армии и председатель Особого совещания. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре, похоронен в Белграде 65, 101, 107, 184, 191, 203, 272, 275, 276, 280, 334

Али-Раза-Бей — комендант Батума 74

Альерин — предприниматель 212, 213

Амашукели Захар Васильевич — подполковник 16

Аметистов Тихон Александрович (?-1941) — Генерального штаба полковник; окончил два класса Академии Генерального штаба в 1914 г.; во время Первой мировой войны — капитан Генерального штаба, исполняющий должность начальника штаба 9-й кавалерийской дивизии; с конца 1918 г. — в Крымско-Азовской Добровольческой Армии, начальник разведывательного отдела штаба армии; с 1922 г. — в эмиграции во Франции. Умер в Париже, похоронен на кладбище в Сен-Женевьев де Буа 211, 221

Анастасий — митрополит Русской Зарубежной церкви 209

*

Составители указателя благодарят петербургского историка Алексея Павлова за весьма ценные замечания и дополнения.

Андреев Михаил Пиканорович (1867—?) — генерал-майор, выпускник Михайловского артиллерийского училища и Михайловской артиллерийской академии, во время Первой мировой войны — командир 50-й артиллерийской бригады, георгиевский кавалер 144, 145

Андрей Владимирович (1879-1956) — великий князь; двоюродный брат Николая II, генерал-майор; выпускник Михайловского артиллерийского училища и Александровской военно-юридической академии; участник Первой мировой войны; в 1917 г. — командир лейб-гвардии конной артиллерии; в Париже возглавлял "Гвардейское объединение". Умер 30 октября в Мадриде, похоронен на кладбище в Сен-Женевьев де Буа 221

Ансельм Д' — французский генерал, командующий союзными войсками в конце 1918 — начале 1919 г. на Юге России 229

Анпетков Галуся — сын Г.Я.Анпетковой 144

Анпетков Степан — вольноопределяющийся 144

Анпеткова Галина Яковлевна — домовладелец в Екатеринодаре 144

Анпеткова Ольга Яковлевна — вдова купца 144

Антоний Марк (ок.83-30г. до н.э.) — римский политический деятель, участник 2-го Триумвирата (43 г. до н.э.) 293

Апраксин Петр Матвеевич (1659-1728) — русский государственный и военный деятель 99

Аргунов Андрей Александрович (1866-1939) — член ЦК партии эсеров, политический масон, один из основателей "Союза Возрождения", входил в состав Комитета членов Учредительного Собрания, кандидат в министры Уфимской Директории, после событий 18 ноября 1918 г. в Омске арестован и выслан за границу. В 20-е гг. возглавлял вышедшую из состава партии эсеров группу "Крестьянская Россия" 346

Аристов — капитан 221

Астров Николай Иванович (1863—1934) — член ЦК партии кадетов, юрист, московский городской голова (1917 г.), председатель Главного комитета союза городов; после Октябрьского переворота — один из учредителей Союза Возрождения России и Национального центра, член Уфимской директории, входил в состав Особого Совета при генерале Леникине. Автор "Воспоминаний" (Париж, 1940). Умер в Праге 127, 133, 134, 135, 136, 137, 231, 329, 346

Арутюни — итальянский поверенный в делах в Румынии 229, 308

Балашев — корнет 83, 98

Баллард Колин Роберт (1868—1941) — британский бригадный генерал; участвовал в ряде боевых экспедиций в британских колониях, отличился в боевых действиях на Западном фронте во время Первой мировой войны; в 1917—1918 гг. — военный агент в Румынии и член британской военной миссии; в 1920—1923 гг. — президент союзной комиссии по полицейским силам в Константинополе; с 1923 г. — в отставке 313, 314

Басиев — корнет 83

Баратов Николай Николаевич (1865—1932) — генерал от кавалерии, выпускник 2-го военного Константиновского училища, Николаевского инженерного училища; участник русско-японской войны; в 1914—1917 гг. начальник 1-й Кавказской казачей дивизии, командующий группой войск на Кавказе, командующий русским экспедиционным корпусом в Персии; в 1918—1919 гг. — представитель Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России на Кавказе, в марте — апреле 1920 г. — министр иностранных дел Южнороссийского правительства. В эмиграции с 1920 г., с 1930 г. — Председатель Зарубежного Союза русских военных инвалидов, главный редактор газеты "Русский Инвалид" (выходит с февраля 1930 г.). Умер 22 марта 1932 г. в Париже 9

Барбович Иван Гаврилович (1874–1947) — полковник; выпускник Елизаветградского кавалерийского юнкерского училища; участник русско-японской и Первой мировой войны, в 1917 г. — командир 10-го гусарского Ингерманландского полка. В период гражданской войны — командир 2-го конного генерала Дроздовского полка и Добровольческой армии, начальник кавалерийской дивизии в ВСЮР в чине генерал-лейтенанта — командир конного корпуса в Русской армии Врангеля. Начальник сводной кавдивизии в эмиграции, затем Председатель Общества единения Кавалерии и Конной артиллерии. Умер в Мюнхене 9

Барк Петр Львович (1869–1937) — окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, занимал разные должности в министерстве финансов, в 1911 г. назначен товарищем министра торговли и промышленности. С января 1914 г. — управляющий министерством финансов, а с марта 1914 до февраля 1917 г. — министр финансов. С декабря 1915 — член Государственного Совета. Умер в США 128, 129

Барклай (Барклай) Д. — английский посол в Румынии в 1918 г.

Беднягин Алексей — казак-хорунжий 82, 83

Безрукова — графиня 217

Бек — корнет 18, 50

Белецкий (Белеский, Белоруссов) Александр Станиславович (1859–1919) — родственник, позже — кадет, публицист и писатель, до революции был в ссылке, затем в эмиграции в Париже; член Совета Общественных деятелей и Национального центра, участник гражданской войны на Дону и в Сибири, в Уфе и Екатеринбурге издавал газету "Отечественные ведомости", председатель созданной колчаковским правительством комиссии по выборам в Учредительное собрание. Умер в Иркутске

Белуа — маркиз, сотрудник французской миссии 264, 308

Бенецкий — штаб-ротмистр 83

Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1945) — профессор-экономист гласный Петроградской городской думы, кадет; в 1917 г. — управляющий отделом труда Министерства торговли и промышленности Временного Правительства, министр финансов в последнем (третьем) коалиционном Временном правительстве; в 1919 г. — министр финансов в составе Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР; в марте 1920 г. — министр финансов Южнорусского правительства, после упразднения которого 30 марта 1920 г. и до объявления 4 апреля Врангеля преемником на посту главнокомандующего ВСЮР, возглавлял гражданское управление, затем начальник управления финансов правительства Врангеля. В эмиграции — руководитель Российского центрального объединения, до Второй мировой войны проживал в Париже 220, 329

Бертало Анри Маттиас (1861–?) — французский генерал, с сентября 1916 г. начальник военной миссии в Румынии. С июля по октябрь 1918 г. — командовал 5-й армией; в ноябре 1918 г. — командующий Дунайской армией; в 1919 г. — командующий союзными войсками на юге России 226, 304, 313, 323, 324, 343

Бессонова 186

Бискупский Василий Викторович (1878–1945) — генерал-майор, выпускник 2-го кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища, участник русско-японской войны, георгиевский кавалер, будучи офицером, служил некоторое время вместе с Врангелем в лейб-гвардии Конном полку. Во время гражданской войны ориентировался на Германию и русские монархические организации, в 1918 г. как представитель гетмана командовал войсками в Одессе, в июле — сентябре 1919 г. возглавлял Западнорусское правительство, образованное в Берлине. Один из руководителей общества "Ауфбау", созданного в Мюнхене для развития торго-промышленных сношений германских промышленных кругов с Югом России после падения большевизма, с 1936 г. — начальник

управления по делам русской эмиграции в Германии. Умер 18 июня 1945 г. в Мюнхене 324

Бичерахов Лазарь Федорович — полковник Терского казачьего войска, участник Первой мировой войны; в первой половине 1918 г. с отрядом казаков находился в Иране, затем подчинил отряд Бакинскому Совнаркому, но в июле увел его в Дагестан, чем способствовал захвату Баку англичанами, произведен в генералы английской армии. Командовал войсками проанглийского правительства "Диктатура Центрокаспия и Временного исполнительного комитета Совета", возглавлял союзное кавказско-каспийское правительство. В начале 1919 г. воинские части Бичерахова были расформированы англичанами. Умер в эмиграции 348

Бобринский — видимо имеется в виду: Бобринский Георгий Александрович (1863—?) — граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии; выдержал офицерский экзамен при 2-м военном Константиновском училище, участник русско-японской и Первой мировой войны 212

Богаевский Абрикан Петрович (1872—1934) — Генерального штаба генерал-майор (с августа 1918 г. — генерал-лейтенант); выпускник Донского кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища; участник Первой мировой войны. В начале 1918 г. при атамане Каледине командовал войсками Ростовского района, в Добровольческой армии — партизанским полком и 2-й бригадой. С мая 1918 г. председатель Донского правительства, с февраля 1919 г. и до смерти — войсковой атаман Всевеликого Войска Донского. Умер в Париже 30 февраля 1934 г., похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 65, 155

Богданов Николай Николаевич (1875—?) — кадет, землевладелец, член II Государственной думы, учился в Рижском политехническом институте, за политическую деятельность выслан, был членом Московской губернской земской управы; в 1917 г. — комиссар Временного правительства в Тверской губернии; после Октябрьского переворота участвовал в антибольшевистском движении — участник 1-го Кубанского похода, министр внутренних дел в Крымском краевом правительстве 1918 г. Умер в эмиграции 127

Богданович — морской офицер 194

Болдырев Василий Георгиевич (1875—1933) — Генерального штаба генерал-лейтенант; выпускник военно-топографического училища, участник русско-японской войны, с 1911 г. — профессор Академии Генерального штаба; во время Первой мировой войны — командир 30-го Полтавского пехотного полка, с сентября 1916 г. — генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта. С сентября 1917 г. командовал V армией, в середине ноября 1917 г. арестован за неподчинение назначенному Главкомверхом Н.В.Крыленко, 14 декабря 1917 г. предстал перед судом революционного трибунала по обвинению в саботаже, приговорен к 3-м годам тюремного заключения, амнистирован в мае 1918 г. В период гражданской войны участвовал в деятельности "Национального Центра" и "Союза Возрождения России", — главнокомандующий войсками Уфимской Директории ("Временного Всероссийского правительства"); с сентября 1918 г. после Омского переворота выслан в Японию, в апреле 1920 г. вернулся во Владивосток, участвовал в антибольшевистской борьбе на Дальнем Востоке, входил в правительство Дальневосточной республики. После занятия Владивостока в октябре 1922 г. Красной Армией арестован, в тюрьме в Новониколаевске изъявил желание служить Советской России. Летом 1923 г. амнистирован, занимал ряд должностей в инспекции планово-экономических исследований сибирского Крайплана, один из инициаторов-учредителей "Общества изучения Сибири". Автор воспоминаний "Директория. Колчак. Интервенты" (Новониколаевск, 1925). Арестован 8 февраля 1933 г. по обвинению в участии в повстанческой организации "Белогвардейский заговор", 5 августа Коллегией ОГПУ осужден к высшей мере наказания и расстрелян 20 августа 266, 271, 272, 273

Боровский Александр Александрович (1877—1938) — Генерального штаба генерал-майор, окончил Павловское военное училище и два класса Академии Генерального штаба; во время Первой мировой войны — командир 8-го Сибирского стрелкового полка. В Добровольческой армии с первых дней, командир “Студенческого батальона”, начальник 2-й пехотной дивизии, с января 1919 г. — командующий “Крымско-Азовской Добровольческой армии”, сведенной позже в отдельный корпус, произведен в генерал-лейтенанты, с конца 1919 г. — главнокомандующий в Закаспийской области. Умер в эмиграции 142, 144, 145, 146, 150, 152, 154, 155

Бороздин 181

Брайкевич Михаил Васильевич — кадет, предприниматель, председатель Одесского Военно-промышленного комитета (1915 — весна 1918 гг.), товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства, после Октябрьского переворота — член Совета Государственного объединения и “Союза Возрождения”; в 1918 г. — городской голова Одессы, участник Яского совещания, затем — в эмиграции в США 193, 231, 235, 239, 242, 247, 249, 254, 258, 260, 263, 268, 274, 286, 293, 299, 300, 301, 303, 304, 306, 308, 311, 312, 314, 316, 317, 321, 343

Брандт (Брант) Александр Федорович (1881—?) — Генерального штаба полковник; выпускник Императорского Александра III кадетского корпуса, Михайловского артиллерийского училища; участник русско-японской войны; в 1917 г. — командующий войсками и начальник гарнизона Калуги. Эмигрировал в 1922 г., проживал в Берлине 36, 37, 40, 41, 42, 47, 51, 53, 102

Бредов Николай Павел Константинович (1883—?) — Генерального штаба генерал-лейтенант; выпускник 1-го Московского кадетского корпуса и П-го военного Константиновского училища; штаб-офицер для поручений при штабе Кавказского военного округа; участник русско-японской и Первой мировой войны, в 1917 г. — командующий 21-м армейским корпусом. Активный участник гражданской войны на Юге России, начальник 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, в Одессе; эвакуировался с войсками Врангеля. В 1930—1931 гг. состоял в распоряжении председателя РОВСа. Умер в эмиграции в Болгарии 10, 97, 103, 159

Бриггс Чарльз (1865—1941) — генерал-лейтенант; участник британских боевых экспедиций в Южной Африке; в 1916—1918 гг. — начальник армейского корпуса, затем командующий британскими силами в районе Салоник (Греция); с февраля по 12 июня 1919 г. — начальник британской военной миссии на Юге России; с 1923 г. — в отставке 193, 194

Брусиллов Алексей Алексеевич (1853—1926) — генерал от кавалерии, выпускник Пажеского Его Величества корпуса, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Первой мировой войны, с февраля 1916 г. — главнокомандующий Юго-Западным фронтом, войска которого осуществили прорыв австро-германского фронта; в мае — июле 1917 г. — Верховный главнокомандующий, затем советник при Временном правительстве. С мая 1920 г. — председатель Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Республики (РСФСР), в дальнейшем на инспекционных должностях в РККА 15, 19, 21, 22, 100, 101, 149

Буденный Семен Михайлович (1883—1973) — бывший вахмистр, участник русско-японской и Первой мировой войн, полный кавалер знака отличия ордена Св. Георгия; с июня 1918 г. на службе в Красной Армии — помощник командира 1-го Социалистического кавалерийского полка, 1-й Донской Советской кавалерийской бригады и 1-й Советской кавалерийской дивизии. В январе 1919 г. назначен командующим 1-й бригадой 1-й сводной кавалерийской дивизии, участвовавшей в боевых действиях в Крыму; с ноября 1919 г. по октябрь 1923 г. командует 1-й Копной армией; с 1935 г. — маршал Советского Союза 10

Бунаков-Фундаминский (Фондаминский) Илья Исидорович (1880—1942) — глава ЦК партии эсеров, в 1917 г. — Генеральный комиссар Черноморского флота, депутат Учредительного собрания, член Союза Возрождения России; участник Ясского совещания. В эмиграции — редактор журнала "Современные записки" (1920—1940 гг.); в 1940 г. во Франции арестован нацистами, 19 сентября 1942 г. погиб в газовой камере в концлагере в Аушвице 122, 213, 231, 232, 235, 239, 242, 246, 247, 248, 249, 254, 255, 258, 260, 263, 265, 268, 272, 274, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 292, 293, 294, 295, 297, 299, 303, 304, 305, 306, 308, 311, 317, 321, 322, 343

Бурджалов Эдуард Николаевич (1906—1985) — советский историк, автор работ по истории русской революции 1917 г. 99

Валуев Аркадий Михайлович (1861—?) — Генерального штаба генерал-майор; выпускник Варшавского юнкерского училища, военный губернатор Амурской области, наказной атаман Амурского казачьего войска; в Первую мировую войну — командующий 10-й армией на Западном фронте, а в 1917 г. — главнокомандующий Западным фронтом 24

Варун-Секрет Сергей Тимофеевич (1868—?) — депутат I, II Государственной думы от Херсонской губернии, товарищ председателя ЦК Государственной Думы, член партии октябристов, помещик, земский деятель

Васильяди — испанский консул в Киеве 123

Вахвахов Давид Асафонович — князь, полковник 15-го Переяславского Драгунского полка 83

Вацетис Иоаким Иоакимович (1873—1938) — Генерального штаба полковник, выпускник Виленского военного училища; участник Первой мировой войны. С апреля 1918 г. — начальник Латышской стрелковой дивизии; позже — командующий Восточным фронтом, Главнокомандующий Вооруженными силами Республики, член РВСР. Репрессирован 304

Вачнадзе Шалва — князь, сослуживец А. А. Столыпина 317

Вашингтон Джордж (1732—1799) — первый президент США (1789—1797 гг.) 278

Велидов А. С. — советский историк, автор работ по истории ВЧК 328

Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873—1946) — участник Первой мировой войны, капитан 1-го ранга, командовал крейсером "Адмирал Макаров"; в 1917 г. с марта — начальник дивизии подводных лодок, вице-адмирал, начальник штаба Балтийского флота, в июне — июле — командующий Балтийским флотом, 7 июля отстранен от должности и отдан под суд за невыполнение приказов Временного правительства; с 30 августа — морской министр в Директории и затем в последнем (третьем) коалиционном Временном правительстве. После Октябрьского переворота — эмигрант, перед смертью принял советское гражданство; умер в Париже 29

Верховский Александр Иванович (1886—1938) — выпускник Пажеского Его Величества корпуса и Академии Генерального штаба, участник русско-японской и Первой мировой войны, подполковник, в июне — августе 1917 г. командовал войсками Московского военного округа; 30 августа 1917 г. — военный министр в Директории Керенского, а затем в последнем (третьем) коалиционном Временном правительстве, произведен в генерал-майоры; 22 октября вышел в отставку в связи с отклонением Предпарламентом его предложений (о выходе России из войны, демобилизации армии и др.); в 1918 г. арестован за участие в петроградской военной организации Союза Возрождения России, с 1919 г. — на службе в Красной Армии, с 1921 г. — на преподавательской работе в Военной Академии РККА, Академии Генерального штаба РККА. Репрессирован 29, 101

Веселовский Александр Петрович — капитан 187

Веселовский Б. Н. 216

Вилинский — корнет 83

Вильгельм II (1859—1941) — в 1888—1913 гг. — германский император 191
Вильямс Ариадна — см. Тыркова
Вильямс Гарольд (1876—1928) — английский журналист, корреспондент в Петербурге, муж А. В. Тырковой 193

Винавер Максим Моисеевич (1863—1926) — член ЦК партии кадетов, адвокат в Петербурге, председатель гражданского отделения Юридического общества Петербургского университета; министр внешних сношений в Крымском краевом правительстве, образованном в ноябре 1918 г., эвакуировался с французской эскадрой в апреле 1919 г. Автор книг: "Недавнее" (Париж, 1926), "Наше правительство (Крым, 1918—1919 гг.)" (Париж, 1928). Умер во Франции 122, 129

Виноградов Михаил Николаевич (1868—?) — Генерального штаба генерал-майор, выпускник Михайловского Воронежского кадетского корпуса, 1-го Павловского училища, участник русско-японской и Первой мировой войны, георгиевский кавалер; в 1919 г. командовал в Добровольческой армии различными подразделениями 158

Владимир Кириллович (1917—1992) — Великий князь, правнук Александра II. С 1938 г. принял на себя обязанности главы Российского императорского дома. Умер в США. Похоронен в Великокняжеской усыпальнице Петропавловской крепости 210, 224

Владимиров — танцовщик балета 212

Внуков Лев Дмитриевич — конюх 62

Воевода Игнатий Максимович — капитан Дроздовского стрелкового полка 179
Волконская Паталя 69

Волконский Юрий — сосед А. А. Столыпина 71, 73, 77

Волховский Михаил Николаевич (1868—?) — Генерального штаба генерал-майор; выпускник Владимирского-Киевского кадетского корпуса, Константиновского училища 147

Вольф Готланд Фердинандович — барон, подполковник 17-го Уланского Псковского полка; во время гражданской войны — в Добровольческой армии, полковник 212, 214, 221

Вопичко — американский посол в Румынии 308

Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) — во время гражданской войны командир 1-го Луганского социалистического отряда, командующий царьцынской группой войск, заместитель командующего и член Военного совета Южного фронта, командующий 14-й армией и внутренним Украинским фронтом, член РВС 1-й Конной армии 166

Воронкова Светлана Владимировна — советский историк, автор работ по источниковедению истории России 137

Воронов 84

Воронцов-Вельяминов 210

Врангель Петр Николаевич (1878—1928) — барон, специального военного образования не получил, по окончании Горного института выдержал специальные испытания при Николаевском кавалерийском училище и произведен в корнеты гвардии, окончил курс в Академии Генерального штаба в 1910 г.; участник русско-японской и Первой мировой войн, в 1914—1917 гг. прошел путь от ротмистра, эскадронного командира, до генерал-лейтенанта, георгиевский кавалер, в 1917 г. — командующий 7-й кавалерийской дивизией VIII — армии, начальник Сводного конного корпуса. В Белое движение пришел в августе 1918 г., начальник 1-й конной дивизии, командир 1-го Кубанского корпуса; в 1919 г. командовал Кавказской армией и Добровольческой армией; из-за разногласий с Деникиным отстранен от командования и выслан в Константинополь, в марте 1920 г. возглавил Белое дело на Юге России, Главнокомандующий Русской армией и Правитель Юга России. Находясь в эмиграции, предпринимал попытки воспрепятст-

водить распылению русской армии, возглавлял созданный в 1923 г. Русский Общественный союз. Умер в Брюсселе 25 апреля 1928 г., похоронен в Белграде 10, 82, 83, 98, 103, 106, 141, 147, 149, 150, 152, 155, 157, 158, 159, 162, 164, 165, 166, 211, 231, 234,

Вязмитинов Василий Ефимович (1874—1929) — выдержал офицерский экзамен в Одесском пехотном юнкерском училище и Николаевской Академии Генерального штаба; участник русско-японской и Первой мировой войны, в 1917 г. — генерал-лейтенант, командир 6-го Сибирского армейского корпуса, участник гражданской войны, в марте 1920 г. заменил Келчевского на посту военного и морского министра Южнорусского правительства, в Русской Армии — соратник Врангеля, начальник военного управления в его правительстве. В эмиграции — видный деятель РОВСа. Умер 29 января 1929 г. в Белграде 156, 157, 160, 161

Гавриил Константинович (1887—1955) — Великий князь. Умер во Франции 221

Гагарин — князь, офицер, сослуживец А.А.Столыпина 16, 18, 40, 52, 54, 55, 56, 57, 82

Галебс — русский дипломат

Галин — военный комиссар Временного правительства 41

Гамелен Морис Гюстав (1872—1958) — французский генерал, в 1916—1918 гг. — начальник Генерального Штаба при главнокомандующем французскими Вооруженными Силами, в 1931—1935 гг. — начальник Генерального Штаба, в 1935—1940 гг. — заместитель Председателя Высшего военного совета, в сентябре 1939 — мае 1940 гг. — главнокомандующий союзными войсками во Франции 176

Гаррис Чарльз — сотрудник американского консульства в Иркутске до августа 1916 г.; в 1917 г. — представитель Народного городского банка Нью-Йорка; с мая 1918 по 1919 гг. — генеральный консул США в Иркутске 345

Гашимбеков Измаил — офицер, сослуживец А.А.Столыпина 31, 38, 39, 42, 51, 52, 54, 56, 57, 59

Гвоздилов — драгун 56

Гедванов Алексей Константинович (1870—?) — князь, выпускник Тифлисского кадетского корпуса, 1-го Павловского училища и Николаевской Академии Генерального штаба, в описываемое время полковник, комендант Батумской крепости 74

Гейдер Василий — поручик 17-го Драгунского Нижегородского полка 82

Гербель Сергей Николаевич (1858—?) — гофмейстер, член Государственного Совета с 1 января 1912 г.; председатель Херсонской губернской земской управы, Харьковский вице-губернатор и исполняющий обязанности Харьковского губернатора; с 1904 г. — Начальник Главного управления по делам местного хозяйства 315, 319

Геруа Борис Владимирович (1876—?) — Генерального штаба генерал-лейтенант; выпускник 1-го кадетского корпуса, Пажеского Его Величества корпуса, участник русско-японской войны; с 1909 г. — на службе в Главном управлении Генерального штаба, профессор Императорской Николаевской военной академии Генерального штаба; во время Первой мировой войны — в штабе Юго-Западного фронта, командир 123 пехотного Козловского полка, начальник штаба 31-й пехотной дивизии — командир лейб-гвардии Измайловского полка, генерал-квартирмейстер в штабе XI (Особой) армии, в 1917 г. — начальник штаба XI-й (Особой) армии; после октябрьского переворота — в эмиграции во Франции. Автор "Воспоминаний о моей жизни" (Кн. 1, Париж, 1969; Кн. 2, Париж, 1970) 303, 304

Гиммлер Генрих (1900—1945) — с 1929 г. — руководитель СС, с 1936 г. — шеф гестапо, с 1943 г. — министр иностранных дел Германии, с 1944 г. — командующий резервной армией 204

Гинденбург Пауль фон (1847—1934) — германский генерал-фельдмаршал; с августа 1916 г. — начальник Генерального штаба, 1925—1934 гг. президент Веймарской республики 113

Гинтце фон Отто — адмирал, министр иностранных дел Германии 191

Гитлер Адольф (1889—1945) — вождь нацистской партии и единоличный диктатор Германии 174, 176

Глonti Михаил Александрович (1858—?) — полковник, выпускник Елизаветградского юнкерского училища, участник русско-японской войны 17, 75

Глотов — полковник 177, 181

Говоров — генерал 195

Годованников — предприниматель 213

Голиевский (Голевский) Николай Лаврентьевич (1878—?) — Генерального штаба полковник, выпускник Нижегородского кадетского корпуса, Николаевского кавалерийского училища, участник русско-японской войны, до Первой мировой войны — военный атташе в США 211

Голыцын Борис Львович — князь произведен в 1904 г. из Елизаветградского кавалерийского юнкерского училища, поручик 16, 18, 82, 92, 95

Готтер Василий — корнет 42

Граф Геральд Карлович (1885—1966) — контр-адмирал; в 1917 г. — капитан 2-го ранга, командовал эскадренным миноносцем "Новик". В эмиграции — начальник канцелярии Великого Князя Кирилла Владимировича. Автор "Па "Новике" (Балтийский флот в войну и революцию)" (Мюнхен, 1922). Умер в США 210, 214

Грей Мария Антоновна — дочь А.Н.Денкина, журналистка, жила в Париже 198

Григорьев Николай Александрович (1878—1919) — штабс-капитан, участник Первой мировой войны, служил в войсках Центральной рады, а затем у гетмана Скоропадского в 1917—1918 гг. В декабре 1918 г. присоединился к петлюровцам, после поражения которых 2 февраля 1919 г. перешел на сторону Красной Армии, разбив наступление на Херсон и Одессу, командовал 1-й Заднепровской бригадой, а с апреля — 6-й Украинской стрелковой дивизией. Вопреки приказам командования самовольно отвел дивизию в район Елизаветграда, а 7 мая поднял мятеж. В июле присоединился к Махно, но 27 июля был убит по его приказу 229

Григуль (1892—1971) — капитан, служил в Корниловском ударном полку 203, 204, 214

Гримм Давид Давидович (1864—1941) — статский советник, доктор права, специалист по римскому праву, профессор Петербургского университета (1901—1913), был ректором и деканом юридического факультета Петербургского университета, член ЦК партии кадетов, с 1907 г. — член Государственного Совета по выборам от земств, возглавлял в нем академическую группу, редактор "Вестника Европы"; товарищ министра просвещения в 1-м коалиционном Временном правительстве; арестован Петроградской ЧК 5 сентября 1919 г., после освобождения в 1919 г. — уехал в Киев, затем в эмиграции, был профессором Русского Юридического факультета в Праге (1920—1927) и Юрьевско-Тартусского университета (1927—1934), член Главного Совета Российского Центрального Общества (до выхода в ноябре 1927 г.) 111

Гришин-Алмазов (настоящая фамилия — Гришин) Алексей Николаевич (?—1919) — полковник (1917 г.), организатор нескольких подпольных офицерских групп в Сибири под псевдонимом Алмазов. Накануне подхода к Поволжско-Кавказу чехословацких войск под командованием Гайды в ночь на 27 мая 1918 г. захватил местный Совет и всю власть в городе; военный министр Западносибирского комиссариата; после образования в Омске Временного Сибирского правительства произведен в генерал-майоры, командующий Сибирской армией. Ввиду разногласий с представителями союзнических сил отозван из Сибири на юг в Добровольческую армию, был командантом Одессы; застрелился, избегая плес-

на во время плавания через Каспийское море, будучи послан Деникиным к Колчаку 233, 234, 267, 271, 343, 344, 345, 346, 347, 348

Гродский К.М. — меньшевик, комиссар Временного правительства во 2-й армии в 1917 г. 25

Гуковский Алексей Исаевич (1895—1969) — советский историк, автор работ по всеобщей истории и истории гражданской войны в России 233, 234

Гулевич Арсений Анатольевич (1866—1947) — Генерального штаба генерал-лейтенант; выпускник 3-го Московского кадетского корпуса, 3-го военного Алексеевского училища; почетный профессор Николаевской Академии Генерального штаба, командир лейб-гвардии Преображенского полка (1908—1913 гг.), начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа; во время Первой мировой войны командующий 42-го армейского корпуса, георгиевский кавалер; после Февральской революции — командующий 21-го армейского корпуса, отставлен от командования после Корниловского выступления; с декабря 1918 г. принимал участие в Финляндии в организации похода добровольческих формирований на Петроград; в эмиграции — член РОВС, Председатель Союза Преображенцев, читал лекции на курсах военных знаний при Парижском университете. Умер в Париже 12 апреля 1947 г., похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 217

Гурко Владимир Иосифович (1863—1927) — помещик, монархист — действительный статский советник, камергер; конституционалист, в 1906 г. — товарищ министра внутренних дел, с 1912 г. — член Государственного Совета от Тверского земства, входил в бюро Прогрессивного блока. После Октябрьского переворота эмигрировал в Петроград; в эмиграции — член РОВС, Председатель Союза Преображенцев. Умер в Париже 105, 119, 267, 307, 343

Даладьё Эдуард (1884—1970) — французский политический деятель, один из лидеров радикал-социалистической партии. В 30-е годы занимал различные министерские посты. После капитуляции Франции в 1940 г. арестован правительством Виши, а затем интерприрован фашистскими войсками 176, 178

Данилов Николай Александрович (1867—?) — генерал от инфантерии; выпускник 1-го Московского кадетского корпуса, 3-го военного Александровского училища, Николаевской Академии Генерального Штаба; участник Русско-японской войны, исполняющий должность начальника Штаба главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами; начальник канцелярии военного министерства, почетный профессор Императорской Николаевской Академии Генерального штаба. Во время Первой мировой войны — командир 10-го армейского корпуса. С 1918 г. — в Красной Армии, в мае 1920 г. вошел в состав Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами республики 109, 110, 111

Дедов — поручик 13

Дейша — офицер, сослуживец А.А.Столыпина 31, 42

Демидов Игорь Платонович (1873—1947) — член ЦК партии кадетов, член IV Государственной думы от Тамбовской губернии, политический масон, журналист, внук В.И.Далы; окончил дворянский институт императора Александра II в Новгороде и юридический факультет Московского университета, вице-президент Московского общества сельского хозяйства; во время гражданской войны — один из сотрудников "Азбуки", с 1920 г. в эмиграции, жил в Париже, ближайший помощник редактора "Последних новостей" П.И.Миллюкова 248

Демченко Всеволод Яковлевич (1875—?) — октябрист, член IV Государственной думы от г. Киева, в 1917 г. — председатель Киевской земской губернской управы, Киевский городской голова 116, 119, 120, 126, 263, 268, 286, 293, 301, 303, 305, 306, 308, 311, 313, 315, 321, 324, 343

Ден Петр Владимирович (?–1971) — полковник 17-го драгунского Нижегородского полка, последний командир полка, в 1900 г. выпущен из Пажеского корпуса. Умер в Риме 14, 16, 18, 19, 20, 46, 51, 59, 61, 62, 96

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — Генеральный штаба генерал-лейтенант; выпускник Киевского пехотного училища; участник русско-японской и Первой мировой войн, кавалер многих орденов. В 1917 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего, Главнокомандующий армиями Западного и Юго-Западного фронтов, арестован по “делу Корнилова”. 19 ноября 1917 г. бежал из Быховской тюрьмы и тайно прибыл на Дон, где стал одним из организаторов Добровольческой армии. После гибели генерала Корнилова 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром принял командование армией. С 25 сентября 1918 г. — Главнокомандующий Добровольческой армией, с 26 декабря — Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России. В марте 1920 г. эмигрировал, за границей активной политической деятельностью не занимался. Во время Второй мировой войны, проживая на юге Франции, занимал антинацистскую позицию, надеялся, что Красная Армия, победив немцев, свергнет затем Советскую власть. Автор “Очерков русской смуты” (5 тт.), “Путь русского офицера” (П-й, 1953) и др. Умер в США и похоронен на православном кладбище в Джаксонсе, штат Нью-Джерси 101, 103, 117, 118, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 158, 159, 162, 164, 165, 166, 167, 168, 171, 172, 175, 176, 178, 180, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 189, 190, 194, 196, 198, 203, 208, 211, 217, 222, 225, 227, 232, 233, 234, 271, 272, 281, 287, 288, 301, 315, 316, 321, 322, 335

Денисов — штаб-ротмистр 83

Дербер Петр Яковлевич (1888–1929) — эсер, член Учредительного Собрания, входил в состав созданной в декабре 1917 г. Сибирской областной думы, председатель и временно министр земледелия подпольного Временного Сибирского правительства, образованного 27 января 1918 г. в Томске; в марте 1918 г. с рядом членов правительства эвакуировался в Харбин, после занятия чехословацким корпусом Владивостока с 29 июня по 30 июля 1918 г. — первый председатель Временного правительства Автономной Сибири 344

Держинский Феликс Эдмундович (1877–1926) — социал-демократ, с VI съезда РСДРП(б) — член ЦК, 20 декабря 1917 г. назначен председателем ЧК (позже ОГПУ), с 1921 г. — нарком путей сообщения, председатель ВСИХ (с 1924 г.) 191

Димитров — драгун 50, 55

Дитмар фон Николай Федорович (1865–?) — член Государственного Совета (партия центра), инженер железнодорожного дела, организатор Статистического бюро Съездов горнопромышленников Юга России, гласный Харьковской городской думы, товарищ председателя съезда Представителей промышленности и торговли 119, 263, 268, 286, 293, 301, 303, 305, 306, 308, 311, 313, 315, 321, 324, 343

Дмитренко — сослуживец А.А.Столыпина 18

Дмитриев 75

Дмитрий Павлович (1851–1942) — Великий Князь, флигель-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, за участие в убийстве Распутина выслан в Персию. Умер в Швейцарии 123

Долгорукий — видимо имеется в виду: Долгорукий Петр Александрович — князь, штаб-ротмистр Конной гвардии, умер в ноябре 1925 г. в Париже 51, 82, 83

Дорман — профессор 210

Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1956) — генерал от кавалерии; выпускник Пажеского Его Величества корпуса и Николаевской Академии Генерального штаба, участник русско-японской и Первой мировой войн, в 1917 г. — главнокомандующий Северного фронта, с августа 1918 г. — помощник Главнокомандующего Добровольческой армией и заместитель председателя Особого совеща-

ния, с сентября 1918 г. — председатель Особого совещания при Главнокомандующем Добровольческой армией (ОСЮР), с сентября 1919 г. — главноначальствующий и командующий войсками Киевской области. В эмиграции — активный деятель РОВСа, председатель общества офицеров Генерального штаба. Умер во Франции в Ганьи 130, 134, 139, 166, 270

Дрейер фон Владимир Николаевич (1876—1967) — Генерального штаба генерал-майор; выпускник 2-го Оренбургского кадетского корпуса, Павловского военного училища, старший адъютант штаба III корпуса Виленского военного округа, участник Первой мировой войны — начальник штаба 1-го кавалерийского корпуса; в 1917 г. — начальник штаба 7-й кавалерийской дивизии VIII-армии и начальник штаба Сводного Конного Корпуса Врангеля. После Октябрьского переворота жил в Москве, с лета 1918 г. — в Екатеринодаре, затем уехал в Крым, по подозрениям в сношениях с немцами было отказано в приеме в ВСЮР. Автор очерка гражданской войны на Юге России — “Крестный путь во имя Родины” (Берлин, 1921). До 1952 г. проживал во Франции, затем в США, где и умер 22 февраля 1967 г. 151, 152, 153

Дроздовский Михаил Гордеевич (1881—1919) — Генерального штаба полковник, выпускник Павловского военного училища, участник русско-японской и Первой мировой войн, георгиевский кавалер. В начале 1918 г. сформировал “Отряд русских добровольцев Румынского фронта”, который в феврале—апреле совершил поход из Ясс в Новочеркасск и соединился с Добровольческой армией, с ноября 1918 — генерал-майор, на основе отряда была сформирована бригада, а затем дивизия, одна из самых боеспособных. После смерти Дроздовского от ранения 1 января 1929 г. многие воинские части, сформированные на основе чинов его отряда, получили шефство 154, 165, 169

Дударев Ахмет Ельмурзович 48

Дирасов, — офицер, сослуживец А.А.Столыпина 31, 42, 52

Дуров Борис Андреевич (1879—?) — Генерального штаба полковник; выпускник 2-го кадетского корпуса, Николаевского инженерного училища, Михайловского артиллерийского училища 212

Дурова — жена Дурова 221

Дутов Александр Ильич (1879—1921) — Генерального штаба полковник, выпускник Николаевского кавалерийского училища, участник Первой мировой войны, командир 1-го Оренбургского казачьего полка; в 1917 г. — председатель Казачьего союза и атаман Оренбургского казачьего войска, член Учредительного собрания. С конца октября 1917 г. руководил борьбой против Советов на Южном Урале. Позднее — генерал-лейтенант, служил в Народной армии Комуча и войсках Колчака, был командующим Особой Оренбургско-Юго-Западной (и Оренбургской) армий, походным атаманом всех казачьих войск, генерал-лейтенант. Убит чекистами 6 февраля 1921 г. в китайском городе Суйдин 101, 346

Духонин Николай Николаевич (1876—1917) — генерал-лейтенант, выпускник Владимирского-Киевского кадетского корпуса 3-его военного Алексеевского училища; с сентября 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 1 ноября 1917 г. временно исполняющий должность Главноверха, отказался подчиниться распоряжению СПК 8 ноября о переговорах с немцами, способствовал освобождению содержащихся в Гьихове генералов во главе с Корниловым. 20 ноября убит толпой солдат в Могилеве 49, 50, 103, 149

Дынин — драгун 52, 55

Дьяконов Павел Павлович (1878—?) — выпускник Казанского юнкерского училища; полковник Генерального штаба; с января 1916 г. — командующий 2-м Особым пехотным полком во Франции; в период гражданской войны непродолжительное время был на службе в Красной Армии, затем участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции 186, 196

Евлогий (Георгиевский Василий Семенович) (1868–1946) — митрополит, люблинский епископ, окончил Духовную академию, в 1895 г. принял монашество, член II и III Государственных Дум (фракции умеренных); в начале 20-х гг. назначен управляющим русскими православными церквями за границей. Длительное время придерживался советской ориентации, в начале Второй мировой войны призывал эмигрантов к возвращению в Россию. Получил советское гражданство. Автор воспоминаний "Путь моей жизни" (Париж, 1947). Умер в Париже, похоронен в крипте православной церкви на кладбище Сен-Женевьев де Буа 186, 209, 221

Егоров Александр Ильич (1883–1939) — полковник, выпускник Казанского пехотного юнкерского училища; участник Первой мировой войны, в 1918 г. — член РКП(б) — в Красной Армии на различных командных должностях 165

Елагич — капитан 212

Ельников — драгун

Емельянов 30

Ермолев Леонид — ротмистр 83, 86

Есиков — драгун 61

Жданко Константин Владимирович — ротмистр 83

Жилинский Яков Григорьевич (1853–?) — генерал от кавалерии, выпускник Пиколаевского кавалерийского училища и Пиколаевской Академии Генерального штаба; участник русско-японской войны, с 1911 по 1914 гг. — начальник Генерального штаба, с августа 1914 г. — Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, после поражения в Восточной Пруссии отстранен от должности, 3 сентября 1914 г. назначен в распоряжение военного министра, направлен временно-уполномоченным во Францию 110

Жиронкин 194

Зайцов Арсений Алексеевич (1889–1954) — Генерального штаба полковник; окончил Николаевское инженерное училище и 2 курса Академии Генерального штаба; участник Первой мировой войны — в Лейб-гвардии Семеновском полку, затем на ряде штабных должностей. В Добровольческой армии — командир Семеновского батальона; в эмиграции — помощник генерала П.П.Головина, начальника Высших военно-научных курсов в Париже, известный военный историк. Автор книг: "Семеновцы в 1914 г." (Хельсинки, 1934), "1918 год" (Париж, 1934), "Служба Генерального штаба" (Нью-Йорк, 1961). Умер в Париже 2 апреля 1954 г., похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 227

Заморжицкий Константин — священник, полковник Добровольческой армии; в эмиграции во Франции — священник 204, 205, 217, 221

Зандер — профессор 210

Зеелер Владимир Феофилактович — кадет, градоначальник Ростова-на-Дону, в период гражданской войны — председатель Донского краевого комитета, министр внутренних дел Южнорусского правительства; в эмиграции — во Франции, один из основателей и редакторов газеты "Русская мысль" в Париже 203, 210

Зосима — священник 209, 221

Иванов Николай Иудович (1851–1919гг.) — генерал от инфантерии, выпускник Михайловского артиллерийского училища, участник русско-турецкой (1877–1878 гг.), русско-японской и Первой мировой войн, в 1914–1916 гг. — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. В 1918 г. — командующий Южной армии. Умер от сыпного тифа в Одессе 271, 336

Иванов Павел — ротмистр 83

Иванов Павел Васильевич — кадет. В августе–ноябре 1918 г. — председатель Совета Министров и министр торговли и промышленности Временного област-

ного правительства Урала, созданного в Екатеринбурге, позже — военный министр в Уфимском правительстве 292

Игнатьев Алексей Алексеевич (1877—1954) граф, Генерального штаба полковник, выпускник Владимирского-Киевского кадетского корпуса и Пажеского Его Величества корпуса, участник русско-японской войны, военный агент в ряде европейских государств; работал с 1927 г. — в советском торгпредстве в Париже. С 1937 г. — на службе в Красной Армии, в 1943 г. получил звание генерал-лейтенанта. Автор воспоминаний “Пятьдесят лет в строю” 223

Игнатьев Владимир Иванович — член ЦК партии народных социалистов, кандидат права, Управляющий особым совещанием по продовольственным делам, в 1917 г. Архангельский губернский комиссар. В период Гражданской войны — возглавлял Петроградскую военную организацию Союза Возрождения России, управляющий отделом внутренних дел Временного правительства Северной области; 1922 г. — выступил с призывом к эмиграции о прекращении борьбы с Советской властью как единственно возможной сильной государственной властью 328

Игнатьев Павел Алексеевич — граф, ротмистр, до Октябрьского переворота служил в Лейб-гвардии гусарском Его Величества полку 204, 205, 206, 208, 209

Игнатьева — графиня 221

Игулов Владимир Степанович — капитан, в эмиграции во Франции — в управлении 1-го отдела РОВСа 211, 214

Иедигаров Давид Сергеевич — поручик, в 1905 г. выпускник Пажеского корпуса, участник русско-японской войны 27, 53

Измаил Оглы Пури Эфенди — турецкий офицер

Ильин — полковник 115, 119

Ильинский Януш — корнет 16, 18, 19

Исаев Всеволод П. — корнет 20, 59, 82

Исаев (отец) — офицер, сослуживец А.А.Столыпина 18, 59

Каджар Пуси-Ага — принц, сослуживец А.А.Столыпина 17, 56

Казанович Борис Ильич (1871—?) — Генерального штаба генерал-майор, выпускник Московского пехотного юнкерского училища; участник русско-японской и Первой мировой войны; в 1917 г. — командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией. Участник гражданской войны, в Добровольческой армии командовал партизанским отрядом в ВСЮР — начальник 1-й пехотной дивизии и в чине генерал-лейтенанта командир 1-го армейского корпуса, в Русской армии — начальник Сводно-кубанской дивизии; эвакуировался в Галлиполи с армией Врангеля. В эмиграции активный деятель РОВСа 154, 165

Казим-Магомет (Махмат) Шамиль — один из сыновей имама Шамиля

Казем-Бек Л. — офицер русской армии, отец лидера “Союза младороссов” А.Л.Казем-Бека 210

Каледин Алексей Максимович (1861—1918) — генерал от кавалерии; выпускник Воронежской военной гимназии, 2-го военного Константиновского и Михайловского артиллерийского училища, Николаевской Академии Генерального штаба; участник Первой мировой войны; командующий 8-й армией во время Брусиловского прорыва в 1916 г.; с 17 июня 1917 г. — атаман Войска Донского, в декабре 1917 г. вместе с генералами Алексеевым и Корниловым вошел в состав Донского гражданского совета, развернувшего борьбу с большевиками на юге России, войсками под командованием Каледина 2 декабря 1917 г. после недельных боев был захвачен Ростов. Успехи советских войск заставили Каледина 29 января 1918 г. сложить с себя атаманские полномочия. В тот же день он застрелился 56, 65, 67, 69, 103, 334

Каменев — драгун 89

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936) — член РСДРП с 1901 г.; в 1917 г. член ЦК, член Исполнительного комитета Петросовета и ЦИК Советов,

27 октября — 8 ноября 1917 г. — первый председатель-большевик ВЦИК Советов, подал в отставку как сторонник "однородного социалистического правительства". В 1919—1925 гг. — член Политбюро партии большевиков, в 1918—1926 гг. — Председатель Моссовета, с 1922 г. — заместитель председателя СПК. Репрессирован 49

Каменев Сергей Сергеевич (1881—1936) — Генерального штаба полковник, выпускник Александровского военного училища, во время Первой мировой войны — на штабных должностях, начальник оперативного управления 1-й армии, с начала 1917 г. командовал 30-м пехотным Полтавским полком, осенью 1917 г. — начальник штаба 15-го корпуса. После Октябрьского переворота — начальник штаба 3-й армии в Красной Армии с сентября 1918 г. по июль 1919 г. — командующий Восточным фронтом, а затем Главнокомандующий Вооруженными силами Республики 157, 303

Каменщиков Василий Викторович (1879—1959) — подполковник, участник Первой мировой войны, большевик, товарищ председателя Западно-Фронтового совещания РСДРП(б), член ВРК и военный комиссар Западной области и Западного фронта в 1917 — нач. 1918 гг. В июле—октябре 1918 г. — начальник штаба войск ВЧК и член коллегии ВЧК. Затем в комиссариате Погранвойск 49

Канин Василий Александрович (1862—1927) — контр-адмирал (1913 г.), в годы Первой мировой войны — начальник отряда заграждения Балтийского моря, до 1916 г. — командующий Балтийским флотом, в 1917 г. — член Адмиралтейского совета. Умер во Франции 243, 250

Капанов М. — князь, офицер, сослуживец А.А.Столыпина 17

Каннист Ипполит Ипполитович (1872—?) — граф, камер-юнкер, член III и IV Государственных Дум (фракция октябристов), чиновник министерства финансов 126

Карницкий П. — генерал-майор; во время Первой мировой войны — командир 1-го Заамурского конно-пограничного полка, прорыв которого в мае 1916 г. под Лучком положил начало Брусиловскому наступлению, георгиевский кавалер; после революции 1917 г. — Инспектор кавалерии Польской Армии, в 1919 г. приезжал к Деникину представителем от Ю.Пилсудского

Картье — майор французской армии 227

Карцев — ротмистр 83

Кедров — генерал 217

Келлер Федор Артурович (1857—1918) — граф, генерал от кавалерии, выпускник Пиколаевского кавалерийского училища, выдержал офицерский экзамен при Тверском кавалерийском юнкерском училище и офицерской кавалерийской школе; участник русско-турецкой (1877—1878 гг.) войны, во время Первой мировой войны — командир 10-й кавалерийской дивизии, награжден Золотым Георгиевским оружием с бриллиантами, командир 3-го Конного корпуса, кавалер орденов Св. Георгия III и IV степени. В 1918 г. — Главнокомандующий гетманской армией на Украине, затем отстранен от должности, убит вошедшими в Киев петлюровцами 271, 336

Кельчевский (Кельчевский) Анатолий Киприанович (1869—1923) — Генерального штаба генерал-лейтенант, выпускник Псковского кадетского корпуса, 2-го Константиновского училища; профессор Императорской Пиколаевской военной Академии; участник Первой мировой войны, с сентября 1917 г. — командующий 9-й армией Румынского фронта. Во время гражданской войны — начальник штаба группы войск генерала К.К.Мамонтова, с 15 февраля 1919 г. до 27 марта 1920 г. — начальник штаба Донской армии, с конца марта 1920 г. — военный и морской министр Южнорусского правительства; снят Врангелем с должности, судом приговорен к каторге, но помилован. В эмиграции — редактор издаваемого с 1922 г. группой офицеров Генерального штаба журнала "сменовеховской" ориентации "Война и мир". Умер в Берлине 314

Керенский Александр Федорович (1881—1970) — адвокат, член IV Государственной Думы (фракции трудовиков), возглавлял масонскую ложу "Великий Восток народов России"; с марта 1917 г. — эсер, министр юстиции в первом составе Временного правительства и генерал-прокурор, в мае—сентябре 1917 г. — военный и морской министр, с 8 июля — министр-председатель, с 30 августа также Верховный Главнокомандующий; с 25 октября — в штабе Северного фронта в Пскове, после неудачного похода на Петроград 1-й Донской и Уссурийской казачьих дивизий под командованием генерала Краснова 26—30 октября — на нелегальном положении. С 1918 г. — в эмиграции, один из лидеров созданного в Париже "Внепартийного демократического объединения" (июль 1920 — апрель 1922 гг.). Умер в США, похоронен в Англии 17, 29, 30, 31, 43, 44, 47, 48, 53, 100, 102, 122, 184

Керножитский — полковник 143

Кесарев 15, 16

Кирилл Владимирович (1876—1938) — Великий Князь, внук Александра II. В феврале 1917 г. командовал Гвардейским морским экипажем. В эмиграции в сентябре 1924 г. объявил о принятии титула императора Всероссийского, что признавалось лишь частью русской эмиграции 210, 224

Киричев Николай Львович (1850—1919) — выпускник Полоцкого кадетского корпуса, Михайловского артиллерийского училища и Николаевской Академии Генерального штаба, генерал-лейтенант Главного инженерного управления; в ноябре—декабре 1918 г. — командир офицерской дружины по охране Киева, в ноябре—декабре 1919 г. — в Берлине, Лондоне; пароход, на котором он отправился с группой офицеров к Колчаку затонул у берегов Японии, погреб в тайфун 240

Кишинский Сергей Петрович — корнет 17-го Драгунского Нижегородского полка 28, 82, 83, 92

Клягин — инженер 210

Клячин — предприниматель 212

Ковальчук — денщик А.А.Столышина 16, 61

Козлов — вахмистр 82, 92

Колесникова Екатерина Ивановна — домовладелец в Ржеве 33, 34, 35

Колокольцев Владимир Николаевич — министр в правительстве Украины при гетмане. в 1919 г. — начальник управления земледелия Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР 133, 135

Колчак Александр Васильевич (1874—1920) — вице-адмирал императорского флота; выпускник Морского корпуса, участник русско-японской и Первой мировой войн, в 1916—1917 гг. командовал Черноморским флотом. После Февральской революции направлен Временным правительством в Великобританию и Северо-Американские Соединенные Штаты. В октябре 1918 г. в Омске получает пост военного и морского министра в Совете министров Уфимской Директории. После переворота 18 ноября 1918 г. — Верховный правитель и Верховный Главнокомандующий всеми русскими армиями. 15 января 1920 г. выдан чешскими войсками эсеро-меньшевистскому "Политическому центру", передавшему его Иркутскому ВРК, по приговору которого 7 февраля 1920 г. расстрелян 125, 139, 156, 157, 158, 233

Коненович — Горбатский Петр Аркадьевич — генерал от инфантерии

Копачев Николай Николаевич — полковник 18-го Драгунского Северского полка; во время гражданской войны командовал Кавказской кавалерийской дивизией 12, 13, 52

Кондратьев Иван Михайлович — подполковник, участник 1-го Кубанского (ледяного) похода 163, 195

Кондзеровский — сын Генерального штаба генерал-майора П.К.Кондзеровского 203

Коновалов Александр Иванович (1875—1948) — крупный промышленник, товарищ председателя Государственной думы, лидер фракции прогрессистов (с августа 1917 г. — кадет), в 1915—1917 гг. — заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета; в Москве — инициатор “экономических бесед”; политический масон; в дни Февральской революции — член Временного Комитета Государственной думы, в I, II составе Временного правительства — министр торговли и промышленности, заместитель премьер-министра А.Ф. Керенского с 25 сентября 1917 г. Умер в эмиграции

Корвяк Де (Охрименко) 207, 208, 214, 215, 217, 218, 219, 221, 222

Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал от инфантерии, выпускник Михайловского артиллерийского училища и Николаевской Академии Генерального штаба, участник русско-японской и Первой мировой войн, Георгиевский кавалер (в апреле 1915 г., командя 48-й пехотной дивизией, был взят в плен, откуда бежал в конце 1916 г.). В 1917 г. командовал 25-м армейским корпусом, войсками Петроградского военного округа, 8-й армией, Юго-Западным фронтом, а с 19 июля по 27 августа — Верховный Главнокомандующий. Отрешен от должности Керенским по обвинению в подготовке государственного переворота, арестован. 19 ноября 1917 г. бежал из Быховской тюрьмы, тайно прибыл в Новочеркасск, где принял участие в создании Добровольческой армии. Командовал Добровольческой армией в Первом Кубанском (Ледяном) походе, погиб при штурме Екатеринодара 31 марта 1918 г. 22, 29, 30, 31, 43, 50, 58, 100, 101, 102, 103, 139, 149, 154, 184, 203, 232, 282, 334

Коростовец В. — украинский посланник в Румынии 239

Костицын — профессор 210

Краснов Петр Николаевич (1869—1947) — генерал-лейтенант; выпускник Павловского военного училища, участник Первой мировой войны, в 1917 г. командовал 3-м конным корпусом. В мае 1918 г. избран атаманом Всевеликого Войска Донского, при помощи Германии сформировал Донскую армию, в конце 1918 г. согласился на подчинение Донской армии Деникину — Главнокомандующему Вооруженных Сил Юга России, выехал в Германию. Автор воспоминаний “На внутреннем фронте” (Архив Русской Революции, 1922, №1), многочисленных исторических романов. С ноября 1943 г. начальник Главного управления казачьих войск в Германии, в мае 1945 г. вместе с несколькими десятками тысяч казаков, советских граждан и эмигрантов, был выдан англичанами советским оккупационным властям, а 16 января 1947 г. казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 125, 191, 259, 260, 271, 284, 331

Красс Марк Лициний (ок. 115—53 г. до н.э.) — римский полководец и политический деятель 293

Крастилевский — писарь 17

Кроч Л.А. — видимо имеется в виду: Кроч Лев Афанасьевич (1871—1931) — член ЦК партии кадетов, инженер и предприниматель, политический масон; после Октябрьского переворота — деятель Союза Возрождения России, с августа по ноябрь 1918 г. — заместитель председателя и министр финансов Временного областного правительства Урала в Екатеринбурге. Автор воспоминаний “За три года” (Владивосток, 1922) 346

Кривошеин Александр Васильевич (1858—1923) — юрист, один из ближайших соратников Столыпина, член Государственного Совета, 1908—1915 гг. — главноуправляющий землеустройством и земледелием. После Октябрьского переворота — один из руководителей Правого центра, товарищ Председателя Совета Государственного объединения России. В апреле 1920 г. в Крыму назначен “помощником правителя и главокома ВСЮР” Врангеля, затем возглавлял Правительство Юга России. Умер во Франции 116, 122, 125, 126, 130, 132, 133, 134, 135, 138,

139, 231, 232, 235, 239, 247, 249, 254, 258, 260, 263, 268, 274, 286, 288, 289, 293, 301, 302, 303, 304, 306, 308, 311, 312, 313, 314, 317, 321, 322, 323, 324, 343

Кривошеин Игорь Александрович (1899–1987) — инженер, сын А.В.Кривошеина, участвовал в движении “Сопrotивления” во Франции, получил советское гражданство и вернулся в 1948 г. в СССР, где был арестован. С 1974 г. проживал во Франции 212

Кротовусов Константин Романович — член Союза Возрождения России 235, 239, 246, 247, 249, 254, 257, 258, 260, 263, 319, 320, 321, 343

Кроленко — драгун 52, 54, 55, 56, 61

Крыжановский Анатолий Ананьевич (1854–1919) — полковник; выпускник Елизаветградского юнкерского училища, командир отдельного корпуса жандармов до Февраля 1917 г. Во время гражданской войны — командир бригады 1-й Кубанской дивизии Добровольческой армии; в чине генерал-майора временно исполнял обязанности начальника 1-й Кубанской дивизии; в 1919 г. — в чине генерал-лейтенанта командовал 1-м Кубанским корпусом, в феврале его штаб корпуса под станцией Белая Глина попал в окружение частей 1-го Конного корпуса Буденного и при попытке прорыва был настигнут и расстрелян 116, 212

Крыжановский Сергей Ефимович (1861–?) — тайный советник, с 1906 — товарищ министра внутренних дел, с 1907 г. — сенатор, с 1911 г. — государственный секретарь, с января 1917 г. — член Государственного совета; в декабре 1917 г. уехал из Петрограда в Киев, отказался вступить в правительство Скоропадского, перед падением правительства покинул город. Автор “воспоминаний”, (Петрополис, Берлин, 1950) 116

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) — большевик, выпускник Петербургского и Харьковского университетов, в апреле 1916 г. за противозаконную деятельность направлен в армию; в 1917 г. вел работу по разложению армии как председатель комитета 2-й армии, член Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б), член Петроградского ВРК; после Октябрьского переворота — член Комитета по военным и морским делам, в чине прапорщика 9 ноября 1917 г. назначен Верховным Главнокомандующим, с марта 1918 г. — нарком юстиции. Репрессирован 49, 50, 56

Крым Соломон Самойлович (1867–?) — кадет, помещик; учился на юридическом факультете Московского университета, окончил сельскохозяйственную академию, гласный феоdosийской городской думы, уездного и губернского земства, Председатель Таврического губернского земского собрания; инициатор создания и директор местной Публичной библиотеки; член I и IV Государственной Думы, член Государственного Совета по выборам от земств; 15 ноября 1918 г. совещанием земских и городских гласных избран премьер-министром Крымского Краевого Правительства, в апреле 1919 г. эвакуировался из Севастополя с Французской эскадрой 126, 128

Кувязев Константин Евгеньевич — штаб-офицер в Кавказской гренадерской Великого Князя Михаила Николаевича артиллерийской бригаде 75, 76

Кульгачев Николай — 1 сентября выпущен с VI-х офицерских курсов Пажеского корпуса по кавалерийскому отделению 42

Кунце — немецкий фельдфебель 212

Курлов — адвокат 203, 204

Кусов — Абубекир-Эль Мурзович — сослуживец А.А.Столыпина 59

Кусов Афако Заурбек-Эль Мурзович — поручик, в 1906 г. выпущен из Елизаветградского кавалерийского юнкерского училища 27, 30, 42, 59

Кусонский Павел Алексеевич (1880–?) — Генерального штаба полковник, выпускник Петровского-Полтавского кадетского корпуса, Михайловского артиллерийского училища, участник Первой мировой войны, начальник оперативного отдела Ставки Верховного Главнокомандующего. В 1919 г. — генерал-квартир-

мейстер в штабе армейской группы Врангеля, в 1920 г. в Крыму начальник штаба 2-й армии, генерал-лейтенант, в эмиграции — начальник канцелярии РОВСа (после 1934 г.) 148, 149, 150

Кутепов Александр Павлович (1882—1930) — выпускник Петербургского пехотного юнкерского училища, участник русско-японской и Первой мировой войны; в 1914—1917 гг. служил в лейб-гвардии Преображенском полку, был трижды ранен. С конца 1917 г. в чине полковника в Добровольческой армии, командовал офицерской ротой, батальоном, Корниловским ударным полком, Черноморский военный губернатор. В 1919 г. командовал 1-м армейским корпусом Добровольческой армии, в 1920 г. — 1-м корпусом и 1-й армией у Врангеля. Покинул Россию в ноябре 1920 г. в чине генерала от инфантерии; после смерти Врангеля стал во главе Русского Общевоинского союза. 26 января 1930 г. похищен в Париже советскими агентами, скончался на советском корабле на пути к Новороссийску 150, 154, 158, 165, 171, 202

Лабунский Виктор Викторович — полковник лейб-гвардии Московского полка 194

Лазарев — переводчик

Лауер — прапорщик запаса 51

Лебедев Дмитрий Антонович (1881—1921) — Генерального штаба полковник, выпускник Сибирского кадетского корпуса, Михайловского артиллерийского училища, участник русско-японской и Первой мировой войны, с мая 1917 г. член Главного Комитета “Союза офицеров армии и флота”, с декабря 1917 г. в Добровольческой армии, направлен в Сибирь; с 1918 г. — генерал-майор. В мае—августе 1919 г. — военный министр и начальник штаба Колчака. Убит на Дальнем Востоке

Лебедев — военный врач 17

Левданский — штаб-ротмистр 17-го Драгунского Нижегородского полка 14, 19, 52, 61, 83

Лельвер Борис Александрович — ротмистр 15-го Переяславского полка 83

Ленин (Ульянов) В.И. (1870—1924) 43, 49, 109, 115, 275

Леонов — поручик 83

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — русский поэт 73

Лифарь Сергей Михайлович (1905—1986) — русский танцовщик, в 1922 г. в эмиграции, с 1923 г. — в труппе С.П.Дягилева, позже — руководитель французского балета, коллекционер. Автор книги “Дягилев и с Дягилевым” (Париж, 1939) 208

Лобанов-Ростовский Пикита — князь, поручик 17-го драгунского Нижегородского полка 59, 82, 92

Логгинов (Логинов) — поручик Дубенского полка 100

Лозино-Лозинский — сослуживец А.А.Столыпина 14, 30, 44

Лопатин 70

Лукомский Александр Сергеевич (1868—1939) — Генерального штаба генерал-лейтенант, выпускник Петровского-Полтавского кадетского корпуса, 1-го Военного Павловского и Николаевского инженерного училищ, участник русско-японской и Первой мировой войны. В 1916 г. помощник председателя Особого совещания по обороне государства и генерал-квартирмейстер Ставки. В 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего, в сентябре 1917 г. арестован по “делу Корнилова”, бежал из Быхова, прибыл на Дон и участвовал в организации Добровольческой армии. В августе — октябре 1918 г. — заместитель председателя Особого совещания при Верховном руководителе Добровольческой армии, в октябре 1918 — сентябре 1919 г. — начальник военного управления и помощник Главнокомандующего Добровольческой армией. В сентябре — декабре 1919 г. — председатель Особого Совещания, с декабря 1919 — по март 1920 г. —

возглавлял "Правительство при Главнокомандующем ВМЮР". С марта 1920 г. — представитель при союзном командовании в Константинополе. Умер во Франции 103, 126, 127, 128, 129, 130, 139, 154, 160, 161, 162, 166, 270, 271, 329

Львов Иван — князь, командир драгунского Архангельского полка 99

Львов Сергей Александрович — князь, в 1919 г. в чине подполковника командовал в Крыму пешим Нижегородским эскадром 59, 61, 62, 63, 82, 83, 89, 92

Людендорф Эрих (1865—1937) — немецкий генерал, с августа 1916 по ноябрь 1918 гг. — генерал-квартирмейстер Верховного командования 113

Ляхов Владимир Платонович (1869—?) — Генерального штаба генерал-лейтенант; выпускник 1-го Московского кадетского корпуса, 3-го военного Алексеевского училища; один из известных военачальников ВСЮР 69

Магомед Шефи (Махмат Шаби) — сын Шамиля, впоследствии служил в русской армии 48

Мазепа Иван Степанович (1644—1709) — гетман Украины в 1687—1708 гг. 138

Маркин — драгун 50

Майборода — корнет 82, 92

Май-Маевский Владимир Зенонович (Зиновьевич) (1867—1920) — Генерального штаба генерал-майор; выпускник 1-го Кадетского корпуса, Николаевского инженерного училища; участник русско-японской и Первой мировой войн; в 1917 г. — командующий 1-м гвардейским корпусом. В Добровольческую армию вступил на Дону, в начале 1918 г. С декабря 1918 г. командовал 3-й пехотной дивизией, а затем группой войск, в мае-ноябре 1919 г. — командующий Добровольческой армией, главноначальствующий Харьковской области, 27 ноября отстранен от должности и заменен Врангелем. Умер в Севастополе 30 октября 1920 г. 158, 165

Макаев Александр Давыдович — князь, офицер 17-го Нижегородского драгунского полка 16, 50

Макалинский Алексей Александрович (1874—?) — капитан 2-го ранга, участник Первой мировой войны, командир эскадренного миноносца "Капитан Сакен" Черноморского флота 75

Маклаков Алексей — вольноопределяющийся 82, 83, 90, 92

Маклаков Василий Алексеевич (1870—1957) — адвокат, один из лидеров кадетской партии, руководитель созданной при ней школы адвокатов, с 1906 г. — член ЦК партии; избирался в II, III, IV Государственную Думу от Москвы, политический масон; с 28 февраля по 2 марта 1917 г. комиссар в Министерстве юстиции, с 22 апреля член Юридического совета при Временном правительстве, в июле 1917 г. назначен послом во Франции. После Октябрьского переворота в Россию не вернулся, во время германской оккупации Франции пять месяцев находился под арестом в тюрьме. До самой смерти возглавлял во Франции Бюро, ведавшее делами русских беженцев. Автор воспоминаний "Из прошлого" (печатались в 17-ти номерах "Современных записок. 1929—1936 гг.), многочисленных статей и книги "Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания)". Умер в Швейцарии 15 июня 1957 г., похоронен на кладбище Сен Женеьев де Буа 220, 221

Маклаков Леонид — вольноопределяющийся 82, 83

Мак-Шил Роберт Хэтч — американский историк, доктор философии, профессор русской истории Массачусетского университета в г. Амхерсте, автор работ по истории России XIX — начала XX вв. 229

Максимов Андрей Семенович (1866—1951) — контр-адмирал (с 1914 г.), окончил Морской корпус, Морские классы, служил на Балтийском флоте и на Дальнем Востоке; участник русско-японской и Первой мировой войн; 4 марта 1917 г. избран моряками командующим Балтийским флотом, Временным правительством назначен начальником морского штаба при Ставке. С 1918 г. на службе у Советской власти, с 1927 г. — в отставке 243

Малютин Борис Евгеньевич — чиновник канцелярии IV Государственной думы, секретарь русской делегации на Яском совещании 230, 234, 239, 246, 257, 260, 311, 323, 325, 334

Маниковский Алексей Алексеевич (1865—1920) — генерал от артиллерии, в 1915—1917 гг. — начальник Главного артиллерийского управления, с сентября 1917 г. — товарищ военного министра. С 1918 г. служил в Красной Армии 107

Мануильский Дмитрий Захарович (1883—1959) — большевик, в октябре 1917 — апреле 1918 гг. — член Коллегии Наркомата продовольствия, входил в состав советской делегации на переговорах с Украиной в Курске и Киеве, затем занимал различные посты на партийной и государственной работе

Маргулис Мануил Сергеевич (1868—1939) — адвокат, защитник по делу первого Петроградского Совета 1905 г., пытался организовать в 1905 г. “радикальную партию”, один из руководителей возникшего в годы Первой мировой войны Всероссийского союза городов и председатель Центрального Военно-промышленного комитета, гласный Петроградской городской думы. После октября 1917 г. — член Бюро Совета Государственного объединения России, в 1919 г. — министр торговли, снабжения и народного здравоохранения в Северо-Западном правительстве. Автор воспоминаний “Год Интервенции” (Кн. 1—3. Берлин, 1923). Умер в эмиграции 105, 122, 232, 235, 236, 239, 242, 243, 245, 247, 249, 254, 257, 258, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 268, 271, 274, 286, 294, 296, 300, 301, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 311, 313, 314, 317, 321, 322, 324, 343

Мария — см. Грей Мария Антоновна 198

Марков Сергей Леонидович (1878—1918) — Генерального штаба генерал-лейтенант; выпускник 1-го Михайловского кадетского корпуса, Константиновского артиллерийского училища; участник русско-японской и Первой мировой войны, Георгиевский кавалер, награжден Георгиевским оружием. В 1917 г. — 2-й генерал-квартирмейстер Ставки, исполняющий должность начальника штаба Западного и Юго-Западного фронтов, арестован по “делу Корнилова”. После бегства 19 ноября из Быховской тюрьмы прибыл на Дон, и участвовал в создании Добровольческой армии. В первом Кубанском (Ледяном) походе командовал 1-м Офицерским полком, затем 1-й бригадой и 1-й дивизией. Погиб в бою у станции Шаблевка 25 июня 1918 г. в начале Второго Кубанского похода 103, 149, 154, 165, 169, 171, 263

Маркодеев Павел Анисимович (1878—?) — Генерального штаба генерал-майор, выпускник Московского военного училища, участник первой мировой войны, георгиевский кавалер 152, 156, 157, 160

Масленников 21, 121

Маслов С.И. — октябрист, председатель Орловской губернской земской управы, начальник управления продовольствия Особого совещания при генерале Деникине 248, 274, 337

Масарик Томаш Гарриг (1850—1937) — чешский общественный и государственный деятель, в 1917—1918 гг. возглавлял Чехословацкий Национальный Совет в России; с ноября 1918 г. по декабрь 1935 г. — президент Чехословацкой республики 344

Махно Нестор Иванович (1889—1934) — анархист, в 1917 г. по возвращении из тюрьмы, где находился за проведение террористических актов, создал в Гуляй-Поле крестьянский отряд, участвовавший в установлении Советской власти; партизанские отряды Махно вели борьбу с немецкими войсками и петлюровцами, в феврале 1919 г. махновские отряды образуют бригаду в составе 2-й Украинской Красной Армии; Махно несколько раз объявлялся командованием Красной Армии вне закона, вел боевые действия как против большевиков, так и против частей Белой Гвардии; с 1921 — в Румынии. Умер во Франции, похоронен на кладбище Пер-Лашез рядом с парижскими коммунарами 91, 158

Махров Василий Семенович — полковник 144, 151, 152, 162

Махров Николай Семенович (1877—?) — Генерального штаба генерал-майор; выпускник Московского военного училища, участник русско-японской и Первой мировой войны. После Октябрьского переворота на службе в Красной Армии 157

Мацулев Сергей Александрович (1893—1954) — полковник, окончил Александровское военное училище, участник мировой войны, участник Белого движения, вел активную работу. В эмиграции — активный деятель РОВСа. Умер во Франции 203, 214

Медем Ф. — граф 62

Меллер-Закомельский Владимир Владимирович (1863—?) — барон, статский советник, член ЦК Союза 17 октября, член Государственного совета по выборам от Петроградского земства. В период гражданской войны — член бюро Совета Государственного объединения России, член бюро Совещания членов Государственной думы и Государственного Совета; председатель русской делегации на Ясской конференции 138, 231, 234, 235, 236, 237, 239, 244, 245, 246, 247, 248, 254, 257, 258, 260, 261, 263, 265, 268, 274, 286, 293, 298, 301, 303, 305, 306, 308, 310, 311, 312, 313, 314, 317, 321, 324, 325, 337, 343, 349

Миллер Евгений Карлович (1867—1937) — Генерального штаба генерал-лейтенант, выпускник Николаевского кадетского корпуса, Николаевского кавалерийского училища; во время Первой мировой войны — начальник штаба 5-й армии в Галиции, командир 26-го армейского корпуса, с осени 1917 г. — представитель Ставки Главковерха при итальянском главном командовании. С января 1919 г. как генерал-губернатор входил в Временное правительство Северной области, с мая — Главнокомандующий войсками Северной области, а с сентября — главный начальник края. Эмигрировал в феврале 1920 г. В эмиграции — начальник штаба русской армии генерала Врангеля, активный деятель РОВСа, а с 1930 г. — его председатель. Похищен советской разведкой, по приговору закрытого суда расстрелян 162, 202

Милуков Павел Николаевич (1859—1943) — историк, публицист, один из организаторов партии кадетов, член ЦК, редактор газеты "Речь", депутат III и IV Государственной Думы. В марте — апреле 1917 г. министр иностранных дел в Первом составе Временного правительства, товарищ председателя Национального центра и Совета Государственного объединения России. Участник Ясского совещания в 1918 г. 1 марта 1921 г. по 1940 г. издавал газету "Последние Новости". Автор ряда мемуарных и исторических книг. Умер во Франции в Экс-ле-Бене 31 марта 1943 г. 17, 111, 112, 116, 123, 138, 228, 229, 230, 231, 232, 235, 237, 240, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 252, 254, 256, 257, 259, 260, 261, 263, 264, 268, 270, 272, 275, 282, 284, 285, 286, 290, 293, 294, 295, 296, 298, 299, 301, 305, 306, 307, 308, 310, 311, 313, 314, 315, 316, 317, 322, 341

Милютина Елена Николаевна 70

Михайлов Иван Андрианович — сын известного народника А.Ф.Михайлова (1853—1929), эсер, экономист по образованию, приват-доцент Петербургского университета, после февральской революции служил в министерстве земледелия, продовольствия и финансов Временного правительства, с декабря 1917 г. — товарищ председателя Петроградского союза сибиряков-областников, министр финансов во Временном Сибирском правительстве и с 4 ноября 1918 г. в Омске в Совете министров при Уфимской директории 346, 347

Мозжухин 212

Молов 274

Морелий — первый командир 44-го (17-го) драгунского Нижегородского полка в начале XVIII в. 99

Муizenko 212

Мусин-Пушкин Алексей — граф, корнет 17-го драгунского Нижегородского полка, входил в состав Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии 31, 82, 86, 87, 88

Мустафин Владимир Андреевич (1867—?) — генерал-майор (1910 г.), выпускник военного Константиновского училища и военно-юридической академии; градоначальник Одессы в 1918 г., назначенный гетманом Скоропадским, в начале декабря 1918 г. удален в в отставку 311

Мятлев — поэт 63

Набоков Владимир Дмитриевич (1869—1922) — один из организаторов и лидеров партии кадетов, член ее ЦК, депутат I Государственной Думы; в 1917 г. — управляющий делами Временного правительства; в ноябре 1918 — апреле 1919 г. — министр юстиции в Крымском краевом правительстве; эвакуировался в апреле 1919 г. Автор воспоминаний “Временное правительство” (“Архив русской революции” Т. I). Убит 28 марта 1922 г. в Берлине террористом-монархистом 126, 129

Назаров Анатолий Михайлович (1876—1918) — Генерального штаба генерал-майор, выпускник Донского кадетского корпуса, Михайловского артиллерийского училища; участник русско-японской и Первой мировой войн. Принимал участие в антибольшевистском движении с ноября 1917 г. Был походным и войсковым атаманом Войска Донского. Расстрелян большевиками 3 марта 1918 г. 15

Палбандов — домовладелец в Симферополе 127

Нансен Фритьоф (1861—1930) — известный норвежский полярный исследователь и общественный деятель, в 1920—1925 возглавлял комиссию Лиги Наций по помощи беженцам и военнопленным 222

Натиев Зураб — полковник 17-го драгунского Нижегородского полка 16, 19, 20, 23, 24, 25, 27, 28, 29

Нацвалов — корнет запаса 19

Неводовский Николай Дмитриевич (1878—1939) — участник Первой мировой войны, грузинский кавалер, участник похода Дроздовского, во время гражданской войны произведен в чин генерал-майора; в эмиграции во Франции возглавлял Союз Добровольцев. Погиб в октябре 1939 г. под Парижем, в Кенси 181, 223

Неврузов Теймур-Бек — поручик, в 1905 г. переведен в 17-й Нижегородский драгунский полк 47, 63

Неженцев Митрофан Осипович (1886—1918) — Генерального штаба полковник; выпускник Александровского военного училища, участник Первой мировой войны; летом 1917 г. будучи капитаном, начальником разведывательного отделения штаба 8-й армии, приступил к формированию добровольческого ударного отряда; 1 августа сформированный им Корниловский ударный отряд был преобразован в 4-х батальонный полк, который позднее стал первым полком Добровольческой армии. Погиб при штурме Екатеринодара 12 апреля 1918 г. 165

Пейдгардт Борис — корнет 17-го драгунского Нижегородского полка 22, 63

Неменко — вахмистр 59

Пенюков Дмитрий Всеволодович (1869—1947) — вице-адмирал, окончил курс Военно-морских наук при Николаевской Морской Академии, за участие в русско-японской войне награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, в чине контр-адмирала принимал участие в Первой мировой войне; участник Белого движения, в 1920 г. — командующий Черноморским флотом, умер в эмиграции во Франции

Ператов Анатолий Анатольевич (1863—?) — гофмейстер, член Государственного Совета, товарищ министра иностранных дел в 1910—1917 гг.; с осени 1918 г. исполнял обязанности управляющего отделом иностранных дел Особого совещания при Главнокомандующем Добровольческой армии. Умер в эмиграции 329

Пидермиллер — баронесса 220

- Нидермиллер* — барон 214
Николаев — полковник 109
Николай II (1868—1918) — последний российский император (1884—1917 гг.) 106, 138, 169
Николай Николаевич младший (1856—1929) — Великий Князь, двоюродный дядя Николая II, генерал от инфантерии; выпускник Николаевского кавалерийского училища и Николаевской Академии Генерального штаба, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с 1905 г. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1914—1915 гг. — Верховный Главнокомандующий, с августа 1915 по 1 марта 1917 г. — наместник на Кавказе и Главнокомандующий Кавказской армией; до конца марта 1919 г. жил в Крыму, затем эмигрировал. Умер во Франции 5 января 1929 г. в Антибе, похоронен в критте русской православной церкви в Каннах 99, 117, 118, 121, 123, 232, 233, 301
Никольский 73
Новиков Александр Васильевич (1864—?) — Генерального штаба генерал-лейтенант; из дворян, выпускник Михайловского артиллерийского училища, участник Первой мировой войны, с октября 1914 г. — командир 1-го кавалерийского корпуса, с июня 1915 г. — командир 43-го армейского корпуса, в апреле 1917 г. уволен в отставку. В начале 1918 г. — начальник штаба Северо-Западного и Западного участка обороны. Затем на различных должностях в РККА 153
Новиков Иван Макарович (1883—?) — Генерального штаба полковник, выпускник Одесского пехотного юнкерского училища. В 1917 г. — начальник военно-политического отдела Ставки Верховного Главнокомандующего 235, 240, 244, 245, 247, 249, 254, 258, 260, 263, 268, 274, 286, 293, 301, 303, 305
Новосильцев Леонид Николаевич (1872—1934) — присяжный поверенный, выпускник Нижегородского кадетского корпуса, Михайловского артиллерийского училища и Военно-юридической академии; член I и IV Государственных дум (фракции кадетов); участник Первой мировой войны, полковник, командир 19-й запасной ополченской батареи. В 1917 г. — председатель Главного комитета "Союза офицеров армии и флота", член ЦК партии кадетов, арестован, по "делу Корнилова". Участник Белого движения. Умер в эмиграции 101
Покс Альфред (1870—1964) — английский генерал-майор, в 1911—1918 гг. — военный атташе английского посольства в Петербурге, в 1918—1920 гг. — помощник Главнокомандующего союзными войсками в Сибири, на британской военной миссии в Сибири; в 1924—1945 гг. — член Парламента от консервативной партии 193
Полькен Элли, баронесса 91
Оболенский, князь 61
Одинец Д.М. — киевский деятель профессор-историк, член Генерального секретариата Украинской Рады, народный социалист, секретарь по делам великорусской нации при Петлюре; в эмиграции связан с Савинковым, участвовал в формировании ударных отрядов для переброски в советскую Россию. В эмиграции — во Франции; вернулся в СССР в 1947 г. 203, 220
Октавий (Октавиан) Гай (63 г. до — 14 г. н.э.) — римский император 283
Ону Андрей Михайлович — камер-юнкер, коллежский секретарь, в 1917 г. российский посланник в Швейцарии
Орлов — корнет 83
Орлова — графиня 220
Осмолов 220
Офросимов Александр — двоюродный брат А.А.Столыпина 72, 74
Офросимова Мария — мать А.Офросимова 71
Охроменко — см. Корве Де

Павличенко И.Д. — участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер, участник Белого движения на Юге России, за боевые заслуги Деникиным произведен в генерал-майоры и затем в генерал-лейтенанты; в середине 20-х гг. — атаман Кубанской имени кошевого атамана Чепиги станицы в г. Новый Сад (Югославия)

Павлов — ефрейтор 12

Павлов Иосиф Семенович — заведующий автомобильным складом в Москве 61

Палибин Иван Владимирович — помощник председателя Батумского сельскохозяйственного общества 73

Панин — секретарь Движения Сергиевского Подворья 212

Пангулидзе Борис — корнет 17-го Драгунского Нижегородского полка 15

Пассек Николай Богданович — начальник работ батумского отделения Кавказского округа путей сообщения 71, 79, 80

Патушинский Григорий Борисович — эсер, юрист, служил мировым судьей в Челябинском судебном округе, следователь Иркутского окружного суда, занимался частной адвокатской практикой; в 1917 г. — один из организаторов союза сибиряков-областников; в 1918 г. — министр юстиции подпольного Временного Сибирского правительства, после падения колчаковского правительства — член "Совета народного управления" в Иркутске 347

Пепельев Виктор Николаевич (1884—1920) — кадет, член IV Государственной Думы, в 1917 г. комиссар Временного правительства в Кронштадте, после Октябрьского переворота — деятель Национального центра, один из организаторов переворота 18 ноября 1918 г. в Омске. В правительстве Колчака — директор департамента милиции, министр внутренних дел, с 23 ноября 1919 г. в Иркутске премьер-министр последнего правительства. Арестован вместе с Колчаком и расстрелян 7 февраля 1920 г. 111, 112

Петр I (1672—1725) — российский царь с 1682, император с 1721 г.

Петен Анри Филипп (1856—1951) — французский военный и политический деятель, участник Первой мировой войны в чине генерала, в ноябре 1918 г. получил звание маршала, во время Второй мировой войны — вице-премьер и премьер-министр. 22 июня 1940 г. заключил Компьенское перемирие. По окончании войны приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением 222

Петлюра Симон Васильевич (1879—1926) — украинский социал-демократ, после Февраля основал и возглавил Украинский фронтовой комитет Центральной рады в Киеве, секретарь (министр) по иностранным делам Генерального секретариата Центральной Рады и расширенного секретариата Украинской Народной республики. После ухода германских войск и падения гетмана с ноября 1918 г. — член Украинской Директории и головной атаман (командующий войсками). С февраля 1919 г. — председатель Директории. Убит в мае 1926 г. в Париже 109, 115, 229, 261, 318

Пильц Александр Иванович — товарищ министра внутренних дел, а затем иркутский генерал губернатор, гражданский губернатор Одессы в 1918 г.

Пиньоль 178

Пиралов Омар-Асхмет — ротмистр 15

Писарев Петр Константинович (1874—1967) — выпускник Повочеркасского казачьего юнкерского училища. Участник Первой мировой войны, в 1917 г. — полковник, командир 42-го Донского казачьего полка. С конца 1917 г. — в Белом движении, занимал различные командные должности в Добровольческой армии, ВСЮР, Русской армии Врангеля, произведен в генерал-лейтенанты. После эвакуации в Крым в марте 1920 г. — начальник гарнизона и командант крепости Севастополь, комендант Сводного корпуса в составе Русской армии, командир 1-го армейского корпуса. В эмиграции — активный деятель РОВСа, председатель

Союза 1-го Кубанского похода (первопроходников) во Франции. Умер 22 декабря 1967 в Париже, похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 172, 181, 189

Пишон Стефан Жан Марк (1857—1933) — французский политический деятель и дипломат, министр иностранных дел Франции с 1917 г. до падения кабинета Ж.Клемансо в январе 1920 г.

Плевицкая Надежда Васильевна (1884—1940) — известная русская певица, эмигрировавшая за границу, с 1921 г. замужем за Н.В.Скоблиным, вместе с которым работала на Иностраннный отдел ОГПУ СССР. В 1937 г. арестована по обвинению в участии в похищении Е.К.Миллера, приговорена к 20 годам каторжных работ. Умерла в 1940 г. в тюрьме города Ренн 202, 223

Плющик-Плющевский Юрий Николаевич (1877—1926) — Генерального штаба генерал-майор, выпускник Александровского кадетского корпуса, Константиновского артиллерийского училища; в 1917 г. — исполняющий должность 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего. В 1919 г. — генерал-квартирмейстер штаба ВСЮР. Умер в Париже, похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 150, 152, 155, 156

Повshedный 83

Поклевский — Козелл (Козелло) Станислав Альфредович — русский посланник в Румынии в годы войны и революции 120, 235, 236, 254, 237, 256, 258, 260, 262, 268, 273, 286, 293, 301, 303, 304, 308

Покровский Виктор Леонидович (1889—1922) — выпускник Павловского военного училища, военный летчик, участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер. В 1917 г. в чине штабс-капитана командовал 12-м армейским авиационным отрядом. В январе 1918 г. сформировал на Кубани 2-й Добровольческий отряд, действовавший против советских войск, командующий войсками Кубанской области, произведен Радой в полковники и генерал-майоры; вверенные ему войска соединились с Добровольческой армией в ходе Первого Кубанского похода. В дальнейшем командовал конной бригадой, дивизией, 1-м Кубанским конным корпусом, произведен в генерал-лейтенанты; с 2 ноября 1919 г. по февраль 1920 г. — Кавказской армией, не получив командной должности в Русской армии Врангеля, в мае 1920 г. эмигрировал. Убит террористами 9 ноября 1922 г. в Кюстендэле (Болгария) 155, 158, 164, 166, 233, 234

Покровский Михаил Николаевич (1868 —1932) — советский историк и государственный деятель, автор работ по истории России, революции и гражданской войны, глава марксистской школы в советской историографии 234

Поляков 210, 221

Помпей Гней (106 — 48 г. до н.э.) — римский полководец и политический деятель 293

Попов Владимир — полковник 18-го Северского драгунского полка 82, 83, 93

Потто Василий Александрович (1836—1911) — русский военный историк; выпускник Орловского военного училища, участник крымской войны 1853—1856 гг., начальник военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа, генерал-лейтенант (с 1909 г.) 99, 100, 103

Предвечный — рядовой 85

Престон — английский консул в Уфе 347

Пронин Василий Михайлович (1882—после 1941) — Генерального штаба полковник; окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище; участник русско-японской и Первой мировой войны, с августа 1916 г. — в отделе генерала квартирмейстера 3-й армии; штаб-офицер для поручений в Управлении генерал-квартирмейстерства Штаба Верховного Главнокомандующего; заместитель председателя "Союза офицеров армии и флота", арестован по "делу Корнилова". В период гражданской войны в Белом движении, участник 1-го Кубанского похода, с 1921 г. и до начала Второй мировой войны — вместе с Врангелем эвакуировался

в ноябре 1920 г. из Крыма. В эмиграции — редактор издаваемого в Белграде Обществом ревнителей военных знаний "Военного Сборника"

Прохоров Григорий 63

Пургасов Андрей Андреевич (?— 1917) — генерал-лейтенант, командир Дубненского полка, георгиевский кавалер, убит во время бунта в полку 30 июля 26

Пятницкий — полковник 185

Ракова Зинаида 48

Раковы 41, 48

Регир Петр Петрович — видимо имеется в виду Регир Петр Петрович—младший — председатель комитета судовладельцев Одессы, директор-распорядитель "Русского Общества Коммерческого Пароходства", главная контора которого находилась в Одессе, а Правление, возглавляемое его отцом, П. П. Региром, в Петербурге 320

Рейсс Игнатий (И. М. Порецкий, псевдоним "Людвиг) — один из резидентов Советской разведки на Западе, в июле 1937 г., послав в ЦК ВКП(б) письмо о своем нежелании работать на советскую контрразведку, стал невозвращенцем, убит 4 сентября 1937 г. около Лозанны сотрудниками оперативного центра ГУГБ НКВД СССР, которое было организовано при ближайшем участии советского агента С. Эфрона 195, 222

Ренненкампф фон Эдлер Павел Георг Карлович (1854—1919) — Генерального штаба генерал-адъютант, генерал от кавалерии; выпускник Гельсингфорского пехотного юнкерского училища, участвовал в кампании 1900 г. в Китае, где выдвинулся блестящими действиями и награжден двумя георгиевскими крестами; во время русско-японской войны — начальник Забайкальской кавалерийской дивизии и 7-го Сибирского корпуса. В 1913—1914 гг. — командующий войсками Виленского военного округа; в 1914 г. командовал 1-й армией Северо-Западного фронта, нанес поражение 8-й германской армии под Гумбиненом в Восточной Пруссии, но после выхода германского корпуса из окружения в ноябре 1914 г. во время Лодзинской операции отставлен от должности и 3 октября 1915 г. уволен со службы. После февральской революции по обвинению в подавлении беспорядков на Сибирской железнодорожной магистрали в 1905 г. арестован, содержался в Петропавловской крепости. После Октябрьского переворота уехал в Таганрог, 15 марта 1918 г. — арестован по приказу В. А. Антонова-Овсеенко, предложившего ему высокий пост в Красной Армии, после отказа — зверски убит в ночь на 12 апреля 1918 г. 163

Решетиловский — драгун 56

Родемажер — губернатор Парижа 221, 222

Родичев Федор Измайлович (1856—1933) — присяжный поверенный, статский советник, депутат I, II, III и IV Государственных Дум, один из основателей и видных деятелей кадетской партии, член ЦК. В дни Февральской революции — член Временного Комитета Государственной думы, позже входил в состав Временного правительства как министр по делам Финляндии. Арестован 28 ноября 1917 г. большевиками в числе других кадетов. Во время гражданской войны — член Национального Центра и Совета государственного объединения России. В эмиграции — в Швейцарии 21

Розенберг Альфред (1893—1946) один из идеологов и практиков национал-социализма 223

Романовский — вольноопределяющийся 12

Романовский Иван Павлович (1877—1920) — Генерального штаба генерал-майор (с 1918 г. — генерал-лейтенант); выпускник 2-го Московского кадетского корпуса, Константиновского артиллерийского училища; участник русско-японской войны, период Первой мировой войны — начальник штаба 25 пехотной дивизии, командир 206-го пехотного Сальянского полка, генерал-квартирмейстер штаба

10-й армии; в 1917 г. — начальник штаба 8-й армии, генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего, арестован по “делу Корнилова”, бежал на Дон и участвовал в создании Добровольческой армии. В 1918 г. — начальник штаба Добровольческой армии при Корнилове, участник первого и второго Кубанского похода; с января 1919 г. по март 1920 г. — начальник штаба Главкома ВСЮР (по мнению части высших и средних чинов армии оказывал пагубное влияние на генерала Деникина). Убит 5 апреля 1920 г. в Константинополе монархистом поручиком М.А.Храузиным 103, 142, 148, 149, 150, 154, 159, 203

Романовский-Красинский Владимир Андреевич (? — 1974) — сын балерины Матильды Кшесинской и Великого князя Андрея Владимировича; в эмиграции — во Франции; в 1940 г. взят заложником нацистами в Париже. Умер во Франции, похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 204, 205, 206

Руднев Вадим Викторович (1879—1940) — эсер, после революции 1905 г. — в ссылке в Сибири, затем в эмиграции, в качестве врача вернулся в Россию во время Первой мировой войны, в апреле 1917 г. — член президиума Московского Совета, позже — московский городской голова, председатель Комитета общественной безопасности, член Учредительного собрания. В период гражданской войны — член Союза Возрождения России, один из организаторов Совета земств и городов Юга России в Одессе; в апреле 1919 г. эвакуировался с французскими войсками, в эмиграции — один из редакторов журнала “Современные записки” (1920—1940). Умер во Франции 290, 333, 337

Русский Николай Николаевич — в эмиграции глава “Имперского Союза” 203, 205

Рябушинский Владимир Павлович (1873—1955) — октябрист, председатель Петербургского отдела Московского банка, в ноябре 1905 г. предпринимает попытку создать Торгово-промышленную партию, член правления Соединенной Всероссийской промышленной организации. Умер в Париже 7 октября 1953 г., похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 236 263, 267, 293, 301, 303, 305, 306, 308, 311, 313, 315, 321

Рябов (Рябуца) Константин Иванович, жер (1879—1919) — полковник, с июля 1917 г. — начальник штаба Московского военного округа, с сентября 1917 г. — командующий войсками округа, в 1919 г. арестован в Харькове по обвинению в недостаточной борьбе с большевиками; в октябре 1917 г. — убит 230, 337

Саблин — русский дипломат 193

Савинков Борис Викторович (1879—1925) — эсер (до сентября 1917 г.), писатель (псевдоним В.Ропшин), во время Первой мировой войны служил добровольцем во французской армии; в 1917 г. — комиссар Временного правительства при Ставке Главковерха, комиссар Юго-Западного фронта, товарищ военного министра, участник выступления Корнилова; активный противник большевизма в период гражданской войны, участвовал в создании Добровольческой армии, представитель Колчака в Париже. Автор воспоминаний “В борьбе с большевиками” (Варшава, 1920). Арестован 16 августа 1924 г. после перехода советской границы в результате операции чекистов, приговорен к расстрелу, замененному лишением свободы на 10 лет. 7 мая 1925 г. погиб в тюрьме (официальная версия — самоубийство, по некоторым сведениям — был убит чекистами) 100, 347

Савинов А. — российский консул в Яссах 235

Савич Иван Яковлевич (?—1949) — один из основателей Национального Трудового Союза Нового Поколения (позже—НТС) во Франции; член редакции “Свободного Голоса”, — первого послевоенного эмигрантского альманаха, выходявшего с 1946 г. под редакцией С.П.Мельгунова. Умер в Париже 11 марта 1949 г. 210, 214, 217, 343

Савич О.М. 221

Савченко — драгун 52

Заново Сергей Дмитриевич (1860–1927) — русский дипломат, 14 сентября 1910 — 7 июля 1916 г. — министр иностранных дел, в 1917 г. — посол Временного правительства в Лондоне; после Октябрьского переворота министр иностранных дел в правительстве Колчака, член Особого совещания при генерале Деникине, в качестве представителя Колчака и Деникина входил в состав “Русского политического совещания” и “Русскую заграничную делегацию” на Парижской мирной конференции. Автор “Воспоминаний” (Париж, 1927). Умер в Ницце 25 декабря 1927 г., похоронен на русском кладбище Кокад 270, 329

Самоваленко — поручик 83, 92

Сапожников Василий Васильевич (?–1924) — сибирский общественный деятель, профессор, заведующий кафедрой ботаники и позже ректор Томского университета, член административного совета Временного Сибирского правительства, заместитель П. Вологодского в Директории, на Уфимском Государственном совещании избран заместителем члена Директории П. В. Вологодского. После Омского переворота Колчака отошел от активной политической деятельности. Летом 1919 г. — руководитель ботанической экспедиции в рамках программы Обь-Тазовской экспедиции, разработанной и созданной по инициативе и под руководством Колчака. Умер в Томске 347

Саттерун Дмитрий Владимирович (1873–?) — Генерального штаба генерал-майор, выпускник 2-го Московского кадетского корпуса, 3-го Александровского военного училища, начальник 2-го отделения мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба, с 1919 г. в Красной Армии 163

Саттерун Константин Васильевич — полковник, в 1919 г. — помощник начальника Управления военных сообщений Кавказской армии Врангеля 163, 165

Сахаров — штабс-ротмистр 83

Сахновский Константин — поручик 17-го драгунского Нижегородского полка 16, 36, 44, 50, 51, 52, 56, 57, 61, 82

Сахионов — капитан 143

Святополк-Мирский Леонид Сергеевич — офицер русской армии 240

Сегателов — доктор 221

Семба 295

Сент-Олер де — граф, французский посол в Румынии в 1918 г. 227, 229, 230, 308, 310

Серафим — митрополит русской зарубежной церкви 187

Сергий (Старгородский Иван Николаевич) (1867–1944) — нижегородский митрополит (с 1917 г.), в 1922 примыкал к обновленцам, но вскоре отошел от них, покаявшись перед патриархом Тихоном, с декабря 1925 г. — заместитель патриаршего местоблюстителя. 27 июля 1927 г. выступил с декларацией, призывавшей к сотрудничеству и поддержке коммунистического режима; в 1943 г. стал Патриархом Всея Руси 209

Серебряков

Сибиряков 72, 73

Сидорин Владимир Ильич (1882–1943) — выпускник Донского кадетского корпуса, Николаевского инженерного училища и Николаевской Академии Генерального штаба; участник Первой мировой войны, начальник штаба 102-й пехотной дивизии, в 1917 г. полковник, заместитель председателя “Союза офицеров армии и флота”, с декабря 1917 г. участвовал в борьбе с большевиками на Дону. С 15 февраля 1919 г. до 27 марта 1920 г. командовал Донской армией, произведен в генерал-майоры и генерал-лейтенанты; после эвакуации из Новороссийска командовал остатками Донской армии, переформированной в Донской корпус. 18 апреля 1920 г. снят Врангелем с должности, судом приговорен к 4 годам каторжных работ, уволен в отставку, но помилован. С июня мая 1920 г. в эмиграции, жил в Болгарии и Сербии 158

Скоблин Николай Владимирович (1894–1938(?)) — участник Первой мировой войны, в 1914 г. — прапорщик 126-го пехотного Рыльского полка; в мае 1917 г. в чине штабс-капитана вступил в 1-ый Ударный (затем Корниловский Ударный) отряд; в Добровольческой армии с конца 1927 г., занимал различные командные должности в корниловских частях вплоть до начальника Корниловской дивизии, произведен в генерал-майоры. В эмиграции — активный деятель РОВСа. В сентябре 1930 г. завербован советской разведкой. Один из участников похищения генерала Миллера (1937 г.). Бежал в Испанию 185, 186, 202, 223,

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — генерал-лейтенант, выпускник Пажеского корпуса, ветеран русско-японской и Первой мировой войн, георгиевский кавалер. В 1917 г. командовал 34-м армейским корпусом Юго-Западного фронта, участвовал в формировании украинских национальных частей. С октября 1917 г. возглавлял воинские формирования Центральной рады, в апреле 1918 г. с согласия оккупационных австро-германских властей был избран гетманом "Украинской державы". 14 декабря 1918 г. эмигрировал. Погиб в Берлине при бомбежке 109, 116, 117, 118, 119, 138, 191, 284, 331

Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937) — Генерального штаба генерал-лейтенант; выпускник Московского университета и Академии Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, в 1917 г. командир 9-го армейского корпуса, с мая 1918 г. в Красной Армии, занимал ряд командных должностей. С июля 1919 г. на научной и преподавательской работе, известный ученый-востоковед 303

Станкевич В.В. — видимо имеется в виду: Станкевич Владимир Бенедиктович — приват-доцент уголовного права Петроградского университета, публицист, в 1914 г. член редакции журнала "Современник", трудовик (в июне 1917 г. после объединения трудовой группы с народно-социалистической партией — народный социалист), в 1917 г. — депутат Петроградского Совета, член Исполкома Совета, комиссар Временного правительства на Северном фронте, затем в Ставке Верховного главнокомандующего. После октябрьского переворота — в эмиграции с 1920 г. в Берлине издавал журнал "Жизнь". "Автор воспоминаний. 1914–1919 гг." (Берлин, 1920) 248

Старосельский Иван — корнет 17-го драгунского Нижегородского полка 82, 83, 87, 92, 93

Старосельский Николай — младший брат И.Старосельского, корнет 17-го драгунского Нижегородского полка 82, 87

Степанов Василий Александрович (1872–1920) — член ЦК партии кадетов, член III и IV Государственной думы, политический масон, управляющий министерством торговли и промышленности Временного правительства. Во время гражданской войны — член Национального центра, член денкинского Особого Сопещения, один из руководителей организации "Азбука". Умер в эмиграции 127, 323, 329

Стогов Николай Николаевич (1873–1959) — Генерального штаба генерал-лейтенант, выпускник Николаевского кадетского корпуса, Константиновского артиллерийского училища, участник русско-японской войны, в Первую мировую войну — начальник штаба 8-й Армии, георгиевский кавалер; в 1917 г. — начальник штаба Юго-Западного фронта. В мае — августе 1918 г. — начальник штаба Всероссийского главного штаба в Красной Армии; активный участник подпольной деятельности Национального центра в Москве, в сентябре 1919 г. арестован, после освобождения бежал к генералу Деникину, в ВСЮР — начальник штаба Кубанской армии генерала Шкуро, в Русской армии в 1920 г. — комендант Севастополя и командующий войсками тыла. В эмиграции — Начальник военной канцелярии РОВСа в 1928–1934 гг.; после Второй мировой войны — Председатель Союза георгиевских кавалеров и последний Председатель Общества офице-

ров Генерального штаба. Умер 17 декабря 1959 г., похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 140, 141, 172, 178, 181

Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) — министр внутренних дел, председатель Совета министров (1906—1911) 8

Сулькевич Матвей (Сулейман) Александрович (1865—?) — Генерального штаба генерал-майор; выпускник Михайловского-Воронежского кадетского корпуса, Михайловского артиллерийского училища; участник русско-японской и Первой мировой войны, командующий 3-й дивизии и мусульманского конного корпуса; в 1917 г. — командир 37-го армейского корпуса; с июня 1918 г. — премьер-министр, министр внутренних дел Крымского краевого правительства, созданного в Симферополе при поддержке германских вооруженных сил и Крымско-Татарской директории, смещен в ноябре 1918 г. 331

Сухомлинов Владимир Александрович (1849—1926) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии; выпускник 1-го кадетского корпуса, Николаевского кавалерийского училища, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., георгиевский кавалер; с 1909 г. — военный министр России; в связи с неудовлетворительной военно-технической подготовкой к войне, неразберихой в планировании военных операций 13 июня 1915 г. уволен с должности, в 1917 г. судом признан виновным в бездействии, приговорен к бессрочным каторжным работам. По амнистии 1 мая 1918 г. освобожден. Эмигрировал в Германию. Автор “Воспоминаний” (Берлин, 1924). Умер в Берлине 110

Сытин Павел Павлович (1870—1938) — Генерального штаба генерал-майор; выпускник Киевского конекерского пехотного училища; участник русско-японской и Первой мировой войны; в 1917 г. — командир 79-й артиллерийской бригады; с января 1918 г. в Красной Армии, в ноябре 1918 г. назначен командующим Южным фронтом, похоже занимал военно-административные должности на преподавательской работе 303

Танымбаев М. — 1-й председатель “Туркестанского автономного правительства” (ноябрь 1917—февраль 1918 гг.) 224

Телова Елена — мать будущего писателя А.Труайя 21

Телова Мария 21

Твердый Леонид Дормедонтович (1872—1968) — выпускник юридического факультета Московского университета, закончил годичный курс Алексеевского военного училища; в 1917 г. — генерал-лейтенант военно-морского судебного ведомства 177

Тер-Погосов — прапорщик 83

Титов А.А. (1978—1961) — народный социалист, заведующий санитарной частью Всероссийского союза городов, товарищ министра продовольствия во Временном правительстве; во время гражданской войны — член Союза Возрождения России, один из организаторов Совета земств и городов Юга России. Умер в Париже 26 декабря 1961 г., похоронен на кладбище в Сен-Женевьев де Буа 122, 221, 231, 235, 236, 240, 242, 244, 247, 249, 254, 258, 259, 261, 263, 268, 272, 273, 274, 276, 286, 290, 293, 294, 296, 297, 298, 301, 305, 306, 307, 308, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 321, 322, 343

Тихменев Николай Михайлович (1872—1954) — Генерального штаба генерал-майор, выпускник Московского пехотного юнкерского училища, участник русско-японской и Первой мировой войн, начальник военных сообщений в Ставке верховного Главнокомандующего. В годы гражданской войны — начальник военных сообщений Добровольческой армии и ВСЮР. В эмиграции — многолетний председатель союза Ревнителей памяти Императора Николая II. Умер в Париже 12 июня 1954 г., похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 146, 148

Тихменев Юрий Михайлович — брат Н.М.Тихменева 146, 159

Токарева 220

- Толстой Лев Николаевич* (1828–1910) — граф, русский писатель 181
- Толстой Павел Михайлович* — граф, член Союза Возрождения России, народный социалист 323
- Томак Иван Федорович* — адвокат 145
- Топорков Сергей Александрович* (1880–1931) — участник Первой мировой войны, в 1917 г. в чине полковника командовал Татарским конным полком “Дикой дивизии”. С 1918 г. на различных должностях в армиях Деникина и Врангеля, командовал 4-м Кубанским кавалерийским корпусом, сводным кавалерийским корпусом, произведен в генерал-лейтенанты. Умер в эмиграции 155
- Траутенберг Рауш фон* — барон 213
- Тренин* — советский летчик 212
- Трепов Александр Федорович* (1862–1928) — помещик, статс-секретарь, член Государственного Совета. В 1915–1916 гг. — министр путей сообщения, с 10 ноября по 27 декабря 1916 г. — председатель Совета Министров. В годы гражданской войны — в Финляндии, оказывал помощь армии Юденича. Активный участник монархического движения во Франции, один из главных инициаторов созыва “Российского Зарубежного Съезда” в Париже 4–11 апреля 1926 г. 108
- Третьяков* — подполковник 212, 214
- Третьяков Сергей Николаевич* (1882–1943) — торгово-промышленный деятель, член фракции прогрессистов IV Государственной Думы, председатель экономического совета в третьем коалиционном Временном правительстве, товарищ председателя Совета общественных деятелей. В последнем правительстве Колчака — министр торговли и товарищ председателя Совета министров. В эмиграции — активный участник Российского финансово-торгового промышленного союза (Торгпрома). В 1929 г. был завербован советской разведкой, на протяжении многих лет осуществлял прослушивание разговоров между руководителями РОВСа в Париже, участвовал в похищении Миллера. В 1942 г. он был арестован германскими оккупационными властями, казнен как советский шпион 235, 240, 247, 249, 254, 256, 258, 260, 263, 270, 272, 274, 282, 286, 293, 301, 303, 306, 308, 312, 313, 315, 316, 317, 343
- Троицкий* — прапорщик 44, 45, 46
- Троцкий Лев Давидович* (1879–1940) — социал-демократ, с 1917 г. большевик, в 1917–1925 — нарком иностранных дел в первом СІК, председатель РВСР. 43, 49, 275
- Труайя Анри (Лев Тарасов)* (род. в 1911 г.) — сын армянского купца, увезен во Францию в 1918 г., известный французский писатель русского происхождения, лауреат Гонкуровской премии, с 1959 г. член Французской Академии 21
- Трубецкой Никита Сергеевич* (1877–1963) — князь, полковник; выпускник Пажеского корпуса, состоял камер-пажем при Марии Федоровне, адъютантом великого князя Николая Михайловича, затем — в 17-м драгунском Нижегородском полке; участник Первой мировой войны; в эмиграции — во Франции, был председателем Общества ревнителей Русской Военной Старины 27, 32, 52
- Трухачев Сергей Михайлович* (1879–?) — Генерального штаба генерал-майор; выпускник Михайловского артиллерийского училища, участник Первой мировой войны, в Белом движении с конца 1917 г., занимал должность дежурного генерала штаба Главкома ВСЮР. В ноябре 1920 г. эмигрировал 147, 148, 163
- Тургенев Иван Сергеевич* (1818–1883) — русский писатель 223
- Тургиев Тох* — поручик 17-го Драгунского Нижегородского полка 41, 54
- Туркул Антон Васильевич* (1892–1957) — участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер, в 1917 г. — штабс-капитан. В период гражданской войны — в отряде Дроздовского, командир роты, в 1919 г. — командир 1-го и 2-го офицерского генерала Дроздовского полка, с лета 1920 г. — начальник Дроздовской стрелковой дивизии, генерал. После эвакуации из Крыма назначен Вран-

гелем командиром сводного Дроздовского стрелкового полка, в эмиграции — основатель и стал во главе с 1935 г. Русского Национального Союза Участников Войны. В годы Второй мировой войны участвовал в формировании Российской Освободительной Армии. Автор книги "Дроздовцы в огне". Умер в Мюнхене 14 сентября 1957 г., похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 185,

Тускаев Константин — ротмистр 82, 83, 87, 88, 89, 92

Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (1869—1962) — член ЦК кадетской партии в 1906—1917 гг., писательница, литературовед, с 1906 г. замужем за Гарольдом Вильямсом, английским журналистом в Петербурге, сестра Александра Тыркова, участника покушения 1 марта 1881 г. на Александра II. В апреле 1918 г. уехала с мужем в Англию, организовала "Комитет для общих действий в Русской политике", "Комитет освобождения России". Автор книг "От свободы к Брест-Литовску" (Лондон, 1918), "То, чего больше не будет" (Нью-Йорк, 1952) и др. Умерла в США 193

Улагай Сергей Георгиевич (1875—1944) — выпускник Николаевского кавалерийского училища, участник русско-японской и Первой мировой войн, георгиевский кавалер. В 1917 г. в чине полковника командовал 2-м Запорожским казачьим полком, арестован по "делу Корнилова". 19 ноября 1917 г. бежал на Кубань, где организовал партизанский отряд; с весны 1918 г. — в Добровольческой армии, командовал 2-й Кубанской казачьей дивизией, 2-м Кубанским казачьим корпусом, конной группой, произведен в генерал-лейтенанты; а августе 1920 г. осуществлял командование морским десантом из Крыма на Кубань, после неудачи которого уволен из армии. В эмиграции — на службе в Албанской армии. Умер в Париже, похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 155, 158, 162

Устинова Пяталья Николаевна — сестра матери А.А.Столыпина 62

Фальцвейн — помещица Таврической губернии 195

Федоренко — драгун 54, 61

Федоров Михаил Михайлович (1858—1946) — член ЦК партии кадетов, товарищ министра торговли и промышленности царского правительства, член Торгово-промышленного союза, во время Первой мировой войны возглавлял областной комитет Союза городов и Земско-Городского Союза, член Центрального Военно-промышленного Комитета. В ноябре 1917 г. как представитель московской организации кадетов направлен в Повочеркасск для оказания помощи Белому движению, вошел в состав Донского Гражданского совета, в апреле 1918 г. вернулся в Москву, где организовал Национальный центр, был председателем его правления; с осени 1918 г. — член денкинского Особого совещания. В начале 1920 г. эмигрировал, умер во Франции 122, 133, 136, 137, 229, 230, 235, 236, 240, 242, 245, 246, 247, 249, 252, 254, 255, 256, 258, 260, 263, 264, 268, 270, 272, 273, 274, 279, 281, 286, 289, 292, 293, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 311, 315, 317

Филоненко Максимилиан Максимилианович (1886—1950) — сын корабельного инженера, морской инженер, штабс-капитан броневого дивизиона, эсер; в 1917 г. комиссар 8-й армии, которой командовал Корнилов, с 19 июля — комиссар Ставки Верховного Главнокомандующего, помощник генерал-губернатора Петрограда по военной части; после провала выступления Корнилова снят с должности; после Октябрьского переворота — в Архангельске; в 1919 г. бежал за границу, взяв с собой французские субсидии, в 1938 г. выступил защитником на процессе Н.Плевничкой. 22 июня 1941 г. арестован германскими оккупационными властями, после окончания войны член общества советских патриотов. Умер в США 100, 211

Финисов — инженер 210

Финисова 220

Финкельштейн

Фиркс — барон, поручик 30, 41, 42, 47, 82, 83, 84, 92, 96, 97
Флоров Иван Олимпиевич — Генерального штаба полковник 142
Форумда Федор Семенович — капитан 187, 220

Франше д'Эспере Лук Феликс (1856—1942) — французский генерал, с начала 1917 г. командует Северной группой армий, с июня 1918 г. — командующий Восточной армией в Македонии, после победы над Болгарской армией и ее капитуляции с октября 1918 г. — Главнокомандующий всеми союзными войсками на Балканах и в Крыму; с 1921 г. — маршал 227, 264, 265, 319
Фрейман — корнет 82

Харитов — штабс-ротмистр 83

Хартулари 83

Харузин М.А. — поручик, убийца Романовского 222

Хесс — барон 214

Хлебников — сослуживец А.А.Столыпина 27

Хмельницкий 241

Хольман Герберт Кэмпбелл (1869—1949) — генерал-лейтенант; в 1919—1920 гг. начальник английской военной миссии на Юге России; в 1920 г. за заслуги перед Объединенным Королевством возведен в рыцарское достоинство; в 1940—1944 гг. — консультант при командовании британской внутренней гвардии 193, 194

Хомяков Николай Алексеевич (1850—1925) — юрист, октябрист, член Государственного Совета с 1906 г., член II и III Государственной Думы, ее председатель (до 4 марта 1910 г.) 235, 240, 247, 249, 254, 258, 260, 263, 268, 274, 286, 293, 301, 303, 304, 308, 311

Хорват Дмитрий Леонидович (1858—1934) — генерал-майор; выпускник Николаевского инженерного училища и Николаевской инженерной академии; участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с 1903 г. — управляющий КВЖД. В период гражданской войны — глава военной администрации в “зоне отчуждения”, с июля по сентябрь 1918 г. возглавлял “Деловой кабинет” в Харбине (с 4 августа во Владивостоке), объявил себя “Временным верховным правителем России”, с 31 октября 1918 г. — “Верховным уполномоченным” Временного Сибирского правительства по Дальнему Востоку, с 18 ноября 1918 г. по 24 июля 1919 г. — представитель Омского правительства в Манчжурии. Умер в Пекине 264

Хохловский 24

Целибеев — капитан 212, 214, 221

Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959) — один из лидеров партии меньшевиков, депутат II Государственной Думы от Кутаисской провинции, в 1907 г. был арестован. После возвращения из ссылки в апреле 1917 г. в Петроград избран членом Исполнительного Комитета Петросовета, занимал пост министра почт и телеграфа в первом коалиционном Временном правительстве, с 8 по 24 июля — министр внутренних дел; член Учредительного собрания. С 1918 г. входил в состав правительства Грузинской Демократической республики, в 1921 г. эмигрировал, жил до 1948 г. в Париже. (Автор “Воспоминаний о Февральской революции”) Кн. 1—2. Париж, 1963). Умер в США

Цинциннат (5 в. до н.э.) — древнеримский национальный герой 277, 282, 284, 285

Чавчавадзе Нико — офицер, сослуживец А.А.Столыпина 16

Чебышев Николай Николаевич (1865—1937) — сенатор (1917 г.), в годы гражданской войны — член Совета Государственного объединения России, член Национального центра, начальник управления внутренних дел Особого совещания,

один из главных сотрудников газеты "Великая Россия". Автор воспоминаний "Близкая даль" (Париж, 1933). Умер в эмиграции 136, 137

Чекунов — донской казак 202, 210

Чекунова 221

Челноков Михаил Васильевич (1863—1935) — член ЦК партии кадетов, владелец кирпичных заводов; потомственный почетный гражданин; член II—IV Государственных Дум от Московской губернии и Москвы, гласный Московской городской думы, Московского губернского и уездного собрания (1917 г.), городской голова Москвы (1914—1917 г.), с 1914 г. — главноуполномоченный Союза городов, деятель Торгово-промышленного союза. Умер в Сербии 330

Чемберлен Певилл (1869—1940) — английский политический деятель, консерватор; в 1931—1937 гг. — министр финансов, в 1937—1940 гг. — премьер-министр 176

Чемберс Александр Яковлевич — член правления Московского Промышленного банка 235, 240, 245, 247, 249, 254, 255, 258, 260, 263, 268, 274, 286, 293, 301, 303, 305, 306, 311, 315, 317, 343

Червинов Игорь — штабс-ротмистр 83, 85

Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — один из лидеров партии эсеров, публицист; в мае — августе 1917 г. — министр земледелия Временного правительства. 5 января 1918 г. избран председателем Учредительного собрания, в сентябре 1918 г. вошел в Комуч, участвовал в Уфимском государственном совещании. После Омского переворота отстранен от легальной политической деятельности. В эмиграции в Париже издавал журнал "Революционная Россия" (1920—1931 гг.). Умер 15 апреля 1952 г. в Нью-Йорке 346

Черновитов Кирилл Кириллович (1866—1919) — присяжный поверенный, член ЦК партии кадетов, член I—IV Государственной Думы, политический масон, товарищ прокурора, член окружного суда во Владимире. Расстрелян по приговору ВЧК в связи с делом Национального центра 111

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874—1965) — английский политический деятель, в 1918—1921 гг. — военный министр и министр авиации Великобритании 176, 178, 188, 225

Чижов — капитан 187

Чокаев Мустафа — 2-й председатель Туркестанского автономного правительства 210, 224

Чухновский — художник 212

Шалонский — поручик 83

Шамборант Борис Александрович (?—1935) — граф, корнет 42, 82, 83, 92, 95

Шамборант Лев — граф, штабс-ротмистр 15, 16, 82, 83

Шамиль (1796—1871) — руководитель национально-религиозного движения горцев Дагестана и Чечни против политики Российского государства, провозглашен имамом Дагестана. В 1859 г. с небольшим отрядом был осажден в ауле Гуньиб и капитулировал. Поселен в Калуге, в 1870 г. выехал в Мекку 48

Шатилов Павел Николаевич (1881—1962) — Генерального штаба генерал-майор; выпускник 1-го Московского кадетского корпуса, Пажеского Его Величества корпуса, участник русско-японской и Первой мировой войн, генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего Кавказского фронта. В Белом движении с лета 1918 г., занимал должности начальника 1-й конной дивизии, командира 4-го конного корпуса, начальника штаба Кавказской, Добровольческой и Русской армий (Врангеля). Произведен в генерал-лейтенанты и генералы от кавалерии за успешную эвакуацию Крыма в ноябре 1920 г. В эмиграции — сначала в Константинополе при Врангеле, затем во Франции, в 1924—1934 гг. — начальник 1-го отдела РОВСа. Умер 5 мая в Альере под Парижем, похоронен в Сен-Женевьев де Буа 157, 211, 214, 217, 220, 222

Шварц Алексей Владимирович (1874—1953) — генерал-лейтенант, выпускник Николаевского инженерного училища и Николаевской инженерной Академии, участник русско-японской войны, георгиевский кавалер; в 1914 г. — комендант крепости Ивангород, в 1916 г. — начальник Трапезундского укрепленного района. С марта 1917 г. — начальник Военно-технического управления Генерального штаба; после Октябрьского переворота до подписания Брестского мира командовал Северным и Петроградским участками обороны, бежал на Украину; 21 марта 1919 г. новым командующим союзными силами в Крыму полковником Рюлле назначен командующим русскими войсками в союзной зоне и генерал-губернатором Одессы, начал формирование Южно-русской армии при поддержке союзников. После эвакуации союзников в апреле 1919 г. уехал в Италию, затем — в Аргентину, профессор Академии Генерального штаба и Высшей Технической Академии. Автор трудов по фортификации и воспоминаний "Ивангород в 1914—1915" (Париж, 1969). Умер в Буэнос-Айресе 27 сентября 1953 г. 108

Швахгейм Любовь Николаевна — баронесса, дочь генерала П. Д. Певядовского, в эмиграции проживала в Англии 187

Шебеко Николай Николаевич (1863—1953) — бывший посол в Австро-Венгрии, член Государственного совета, в эмиграции — член "Русского Национального Комитета", один из лидеров Российского Центрального Объединения 119, 263, 268, 274, 286, 293, 301, 303, 306, 308, 311, 313, 315, 321, 343

Шевич — член Союза малороссов 210

Шевченко 239

Шереметьев Александр Александрович — штабс-капитан, в 1917 г. заведующий обмундированием Владикавказского кадетского корпуса 19, 73, 82, 92

Шереметьев Борис Николаевич — поручик 17-го драгунского Нижегородского полка 27, 61, 96

Шидловский Сергей Илиодорович (1861—1922) — октябрист, окончил курс в Императорском Александровском лицее, известный земский деятель Воронежской губернии, в 1905—1906 гг. — директор департамента земледелия; избирался товарищем председателя III и членом IV Государственных Дум, председатель Бюро Прогрессивного Блока; в 1917 г. — во время Февральской революции — член Временного Исполнительного комитета Государственной думы; в 1917 г. — член Главного земельного комитета Временного правительства, член бюро "Совета общественных деятелей" в 1917—1918 гг.; с 1920 г. — в эмиграции. Автор "Воспоминаний" (Ч. I-II, Берлин, 1923)

Шиллинг Николай Николаевич (1870—1945) — генерал-лейтенант; выпускник Николаевского кадетского корпуса, 1-го военного Павловского училища; участник Первой мировой войны, в 1917 г. — командир 17-го армейского корпуса. С лета 1918 г. — в Добровольческой армии, в ВСЮР, в начале 1919 г. — главномачальствующий Таврической губернией, затем командовал Киевскую группу войск, в начале 1920 г. — командующий войсками в Одессе, эвакуировался с ним в Крым, в Русской Армии. В эмиграции в Чехословакии. Умер в Праге 158

Шинкар

Ширяев 65

Шифнер-Маркеевич Антон Мейнгардович (1887—1921) — выпускник Кадетского корпуса Императора Александра II, Михайловского артиллерийского училища, Николаевской Академии Генерального штаба, участник Первой мировой войны, в 1917 г. в чине подполковника исполнял должность начальника штаба 7-го армейского корпуса. С 1918 г. на различных должностях в армиях Деникина и Врангеля, был начальником штаба 3-го Кубанского казачьего корпуса, начальником 2-й Кубанской кавалерийской дивизии, генерал-майор 158

Шкуро (до 1918 г. Шкура) Андрей Григорьевич (1886—1947) — выпускник 3-го Московского кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища,

участник Первой мировой войны в 1917 г. — полковник. Один из организаторов антибольшевистского движения на Северном Кавказе весной и летом 1918 г., у Дешикина командовал бригадой, дивизией, корпусом, Кубанской армией, произведен в войсках в генерал-лейтенанты. Эмиграции с 1920 г., работал наездником в цирке в Париже. В годы Второй мировой войны принимал участие в формировании антисоветских казачьих частей подчиненных германскому командованию. Автор "Записок белого партизана" (Буэнос-Айрес, 1961). В мае 1945 г. вместе с несколькими десятками тысяч казаков выдан англичанами советским оккупационным властям и 16 января 1947 г. казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 92, 155, 158, 165

Шомбург — командир 44-го (17-го) драгунского Нижегородского полка в первой половине XVIII в. 99

Шрамченко Владимир Николаевич (1878—1949) — капитан 1-го ранга Императорского флота; участник Первой мировой войны. Участник Белого движения, контр-адмирал 349

Шрейдер Григорий Ильич (1860—1940) — эсер, публицист; с 20 августа 1917 г. городской голова Петрограда, депутат Учредительного собрания; в дни Октябрьского переворота — председатель Комитета общественной безопасности; в 1918 г. возглавлял Екатеринодарский Комитет членов Учредительного собрания. 278

Штерн Макей 66

Шульгин Василий Витальевич (1878—1976) — член II, III, IV Государственных Дум, до августа 1915 г. — один из лидеров фракции националистов, член Прогрессивного блока (1915—1917 гг.). Во время гражданской войны руководил секретной разведывательно-информативной организацией "Азбука", входил в состав Особого совещания, занимался издательско-публицистической деятельностью. С 1920 г. в эмиграции, в декабре 1925 г. — феврале 1926 г. — посетил Россию. В 1944 г. арестован в Югославии и депортирован в СССР. Освобожден из заключения в 1956 г. Автор книг "Дни", "1920" неоднократно переиздававшихся, и др. Умер во Владимире 258, 329

Щастливец Всеволод Николаевич — подполковник 15-го Драгунского Переславского полка 83

Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857—1932) — Генерального штаба генерал от инфантерии, выпускник Орловской-Бахтинской военной гимназии, 3-го военного Алексеевского и Михайловского артиллерийского училища; в 1907—1912 гг. — начальник Академии Генерального штаба, участник мировой войны; с апреля 1917 г. — помощник Главнокомандующего войск Румынского фронта (главнокомандующим формально считался король Румынии Фердинанд). С апреля 1918 г. являлся представителем в Париже армий Колчака и Дешикина, входил в комиссию по подготовке созыва Ясского совещания. Умер в Инице 18 января 1932 г., похоронен на русском кладбище Кокад 226, 260, 261, 271, 274, 301, 303, 305

Щербицкий Николай Леонтьевич (1879—?) — Генерального штаба полковник; выпускник Одесского пехотного юнкерского училища, начальник общего отдела в штабе ВСЮР 145, 146, 155, 158, 159

Щетинина — сестра милосердия 87

Щербатова — графиня 220

Эллиот Чарльз — английский дипломат, в 1913—1917 гг. — сотрудник посольства в Петербурге, после Октябрьского переворота — чрезвычайный посол Англии, в 1918—1919 гг. высокий комиссар в Сибири 348

Эвер-Паша (1881—1922) — в годы Первой мировой войны военный министр Турции, Главнокомандующий всех сухопутных войск. После поражения Турции

заочно приговорен к смертной казни, участвовал в туркестанских басмаческих бацдах, убит в столкновении с Красной Армией 73

Энно Э. — управляющий французского вице-консульства в Киеве 235, 236, 238, 239, 244, 245, 254, 255, 256, 262, 263, 312, 317, 318, 319, 334, 335, 337, 343

Эрдели Иван Георгиевич (1870—1939) — Генерального штаба генерал-лейтенант; выпускник Николаевского кадетского корпуса, Николаевского артиллерийского училища; в 1910—1912 гг. — командир лейб-гвардии Драгунского полка; участник Первой мировой войны; в 1917 г. — командир XI-й (Особой армии), арестован по “Делу Корнилова”. Бежал из Быховской тюрьмы на Дон, принял участие в создании Добровольческой армии, командовал в ней полком и кавалерийской дивизией, главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края, главноначальствующий и командующий войсками Северного Кавказа. В 1920 г. эмигрировал во Францию, начальник 1-го отдела РОВСа с июня 1934 г. и Председатель Комиссии по расследованию предательства Скоблына в 1938 г. Умер в Париже 7 июля 1939 г., похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 158

Эрн Николай Францевич — полковник, командир 18-го драгунского Северского полка участник Белого движения, генерал-майор; умер в эмиграции. 11, 147, 148

Эссен Михаил Данилович — адъютант командира 17-го драгунского Нижегородского полка, поручик 20, 82, 92

Юзвинский — корнет 83

Юзефа — горничная 73

Юлий Цезарь Гай (100—44 г. до н.э.) — римский полководец, первый император 277, 282, 293

Ягмин Станислав Юлианович — полковник, командир 17-го Нижегородского полка в 1917 г., убит в Петрограде 14, 15, 16

Языков 212

Янушкевич Николай Николаевич (1868—1918) — Генерального штаба генерал-лейтенант, выпускник Николаевского кадетского корпуса, Мухомовского артиллерийского училища; с января 1914 г. — начальник Императорской Николаевской Военной Академии, профессор, с марта 1914 г. — начальник штаба Верховного Главнокомандующего, с августа 1915 г. — помощник по воннской части наместника на Кавказе — Великого князя Николая Николаевича а позже — главный начальник снабжения Кавказской армии. После Октябрьского переворота — арестован; по дороге в Петроград убит конвоирами 110

СВЕДЕНИЯ О ПУБЛИКАТОРАХ

Архипов Игорь Леонидович, 1971 г.р., студент исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Специализируется в области политической истории России 1917 г.

Бортневский Виктор Георгиевич, 1954 г.р., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета. Автор исследований по истории России XIX-XX вв., истории гражданской войны, истории русской эмиграции.

Карасев Иван Владимирович, 1960 г.р., кандидат исторических наук, ответственный секретарь историко-документального альманаха "Русское прошлое". Специализируются в области социально-экономической истории России 40-50-х гг. XX в.

Рутченко Николай Николаевич, (Н.Рутыч) 1916 г.р., выпускник исторического факультета Ленинградского университета. Автор монографии "КПСС у власти" и многочисленных работ по различным проблемам истории России XX в. Главный редактор Общества ревнителей русской истории (Париж).

CONTENTS

- A.A.Stolypin. Notes of the Dragoon Officer (1917 – 1920).
N.Y.Savich. From Red Petrograd to White South. (Memoirs of the Former Member of the State Duma).
P.S.Makhrov. At the Headquarter of General Denikin.
P.V.Koltyshev. On Guard of Russian Honour (France, 1940 – 1941).
The Conference in Jassy. The Journals of the Russian Delegation.

SOMMAIRE

- A.A.Stolypine. Souvenirs d'un officier des dragons (1917 – 1920).
N.V.Savitch. De Petrograd la rouge au Sud blanc. (Souvenirs d'un ancien membre de la Douma d'etat.)
P.S.Makhrov. Dans l'etat-major du general Denikine.
P.V.Koltyshev. A la defense de l'honneur russe (France, 1940 – 1941).
La conference de Jasi. Proces-verbaux des reunions de la delegation russe.

Технический редактор *И.П.Палкина*

Подписано в печать 24.06.92. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная №2
Гарнитура Школьная. Печать офсетная Усл.печ.л. 21,0
Усл.-кр.отт. 21,32 Тираж Зак.
Цена договорная

Совместное советско-американское предприятие "Свелен".

194156, С.-Петербург, Сердобольская, 1

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ РАНЕЕ ВЫПУСКОВ
ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНОГО АЛЬМАНАХА
"РУССКОЕ ПРОШЛОЕ"

К н и г а 1

Архив Гуверовского института войны, революции и мира (США): Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А.П.Балка

Коллекция бывшего Русского Заграничного исторического архива в Праге:

Э.Н.Гиацингов. Трагедия русской армии в 1917 году.

А.А.Борман. Москва — 1918 (из записок секретного агента в Кремле)

Из документов белогвардейской контрразведки. 1919 год.

Личные архивы:

В.А.Поссе. От Февраля до Бреста (воспоминания).

Из раскрытых материалов архивов КГБ СССР:

Ленинградские масоны и ОГПУ (протоколы допросов, вещественные доказательства)

Политическая мысль Русского зарубежья:

Н.П.Полторацкий. "За Россию и свободу": идейно-политическая платформа Белого движения.

К н и г а 2

Представлены материалы Архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США), Центрального Государственного архива литературы и искусства СССР, частных собраний:

В.И.Ковалевский. Воспоминания

Г.А.Князев. Из записной книжки русского интеллигента. 1915 — 1922 гг.

В.А.Поссе. В годы гражданской войны.

Н.В.Устрялов. Белый омск (Дневник колчаковца).

Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского Освага.

Кронштадт в 1921 году: новые документы

В четвертой книге историко-документального альманаха "Русское прошлое" представлены материалы бывших Ленинградского партийного архива и Центрального государственного архива литературы и искусства СССР, Архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета, Славянской библиотеки Хельсинского университета, а также частных коллекций.

Продолжение публикации дневников Г.А.Князева и Н.В.Устрялова, мемуары В.А.Поссе "Нэп и голод", документы об участии большевиков в Предпарламенте в 1917 г., материалы Русского зарубежного военного некрополя, письма Е.Д.Кусковой, неизвестные автографы генерала П.Н.Краснова и президента США Вудро Вильсона

НЕЗАВИСИМАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

Независимая Гуманитарная Академия — негосударственное высшее учебное заведение, объединяющее уникальный интеллектуальный потенциал вузов, академических учреждений, ресурсы музеев и научных библиотек Санкт-Петербурга, духовные и материальные ресурсы представителей зарубежных организаций в интересах развития гуманитарных знаний на благо человека и во имя процветания современного демократического общества.

Независимая Гуманитарная Академия обеспечивает подготовку высококвалифицированных специалистов гуманитарного профиля, владеющих несколькими языками, в более короткий срок, чем это принято в вузовской практике СССР, оперативно готовит специалистов в соответствии с текущими потребностями.

Наряду с обращением к наиболее передовым достижениям международной науки Независимая Гуманитарная Академия стремится к возрождению национальных традиций, к возвращению в общественнополезную практику культурно-исторических памятников Санкт-Петербурга.

Независимая Гуманитарная Академия предлагает иностранным гражданам обширный набор обучающих курсов различной продолжительности и интенсивности, составленных с учетом последних достижений педагогики, психологии и компьютерной техники. В их числе курсы по практическому русскому языку и филологическим специальностям для студентов, школьников, бизнесменов, специалистов и туристов. Программы курсов составлены с учетом уровня владения языком. Возможны занятия по индивидуальной программе. Проводятся курсы артикуляции произношения для вокалистов, курсы по истории Русского государства, по истории архитектуры, изобразительного, музыкального и театрального искусства, по истории православной церкви, по регенству. При этом Независимая Гуманитарная Академия

организует также быт, отдых и культурный досуг обучаемых: проживание в удобных условиях в гостиницах или семьях, экскурсии по Санкт-Петербургу и поездки в другие города страны, посещение театров, музеев, выставок.

Независимая Гуманитарная Академия осуществляет научную и производственную деятельность различных направлений, в том числе в рамках совместных предприятий, в частности, создание банков данных, проведение международных конференций, симпозиумов, выставок, создание и коммерческую реализацию компьютерных обучающих программ, издательскую деятельность.

Независимая Гуманитарная Академия оказывает населению страны и зарубежным заказчикам научно-консультационные, переводческие, издательские услуги, организует обучение советских граждан иностранным языкам, способствует развитию международных контактов самого различного уровня и характера.

В рамках Независимой Гуманитарной Академии работают Институт живых языков, Институт иудаистики и еврейской культуры, центр немецкой культуры, Исследовательский центр компьютерных технологий, Учебно-научно-производственный медико-технический центр, осуществляется ряд художественных программ.

Филиалы Независимой Гуманитарной Академии основаны в известных курортных центрах Сочи, и Пятигорске, в уникальном прикаспийском городе Астрахани и в столице Сибири — Новосибирске. Усилия Независимой Гуманитарной Академии, направленные на развитие отечественной культуры, на расширение культурных и научных контактов, на стимулирование мирового научного поиска для блага развития цивилизации, встречают поддержку просвещенных людей как в нашей стране, так и за рубежом.

Почтовый адрес Независимой Гуманитарной Академии:

СИГ, 197198, С.-Петербург Мытнинская наб. 5/2

Директор Академии руководитель научно-методического центра филологического факультета СПГУ, канд. филол. наук, доцент БОГДАНОВ СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ

Телефон: (812) 218-97-13

238-47-09

213-80-03

Телефакс: 314-78-59

233-06-72

НЕЗАВИСИМАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
И
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

п р е д с т а в л я ю т

Биографический словарь "Русские в Америке, американцы в России" — уникальное справочно-энциклопедическое научно-популярное издание, подготавливаемое учеными Санкт-Петербурга.

Словарь будет содержать биографии, либо материалы к биографиям деятелей России и Америки, посещавших соответственно Америку или Россию и оставивших сколько-нибудь заметный след в истории этих стран.

Два тома словаря (каждый объемом 25 п.л.) будут содержать около 1.000 биографических статей, написанных на материалах, обнаруженных в архивных и библиотечных фондах, в частных собраниях.

Концепция словаря предусматривает показ максимально широкого спектра русско-американских связей на протяжении всей истории взаимоотношений двух великих держав. Поэтому персональный ряд чрезвычайно разнообразен: дипломаты, общественные и политические деятели, журналисты, предприниматели, военные, ученые, миссионеры, деятели культуры...

Словарь рассчитан на самый широкий круг читателей, интересующихся прошлым и настоящим русско-американских отношений.

Срок издания: II квартал 1993 г.

Справки по телефонам: (812) 218-97-13
(812) 238-47-09
(812) 296-13-87

Санкт-Петербургский университет

Российский государственный педагогический университет им.
А.И.Герцена

Независимая Гуманитарная Академия

представляют книгу
кандидатов исторических наук
В.Б.Конасова и А.В.Терещука

"НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СССР: 1941-1955 гг."

Книга посвящена малоизвестным аспектам истории российско-германских отношений — проблемам, связанным с пребыванием военнослужащих Германии в советском плену в годы второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие.

Рисуя целостную картину жизни немецких военнопленных, авторы книги акцентируют внимание на наиболее дискуссионных, малонисследованных сюжетах. Особое внимание уделено установлению судеб конкретных людей — германских военнослужащих, погибших или умерших в плену. Во многих случаях авторам удалось выяснить время, причины и обстоятельства смерти, места захоронения военнопленных, о судьбе которых родственникам, вероятно, ничего не известно.

Книга является результатом многолетней поисковой и аналитической работы, выявления, интерпретации и введения в научный оборот недоступных ранее исследователям материалов, содержащихся в государственных и ведомственных архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Вологды.

Будучи строго документальной, книга рассчитана не только на специалистов, но и на массового читателя, интересующегося драматическими страницами истории советско-германских отношений.

Объем: 18 п.л.

План 1992 г.

Справки по телефону: (812) 296-13-87

ПРОГРАММА РУССКИЙ СЛОВАРЬ

ТОЛКОВО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ РУССКИЙ СЛОВАРЬ

Для всех, кто мечтает стать обладателем сокровищ русской языковой культуры, незаменимым помощником станет "Толково-энциклопедический Русский словарь" – КОМПАКТНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ в его связи с русской историей, этнографией и культурой.

Словарь содержит все необходимые сведения о написании, произношении, происхождении, значении и употреблении слов русского языка. Кроме общеупотребительных слов, в Словаре нашла отражение основная терминология современной политики, науки и техники.

Энциклопедическая информация увеличивает познавательную ценность издания.

Над словарем работал коллектив лексикографов, продолжающий непрерывную трехвековую традицию составления словарей русского языка.

Словарь объемом в 380 авт. л. содержит 100 тысяч слов и более 1000 иллюстраций.

"Толково-энциклопедический Русский словарь" будет полезен в работе и в досуге.

ГУМАНИТАРНЫЙ РУССКИЙ СЛОВАРЬ

Уникальное для отечественной словарной традиции издание — предназначен для всех тех кого интересует русская история, философия, этнография, искусство, литература, география, кто изучает русский язык.

В Словарь объемом 400 авт. л. включены сведения обо всех наиболее значимых событиях русской истории от древности до наших дней, реалиях русской материальной и духовной культуры, личностях и родах, оставивших заметный след в жизни Отечества.

“Гуманитарный Русский словарь” — незаменимый справочник для того, кто интересуется спецификой языкового мышления русского человека, его менталитетом. Толкование основных понятий области гуманитарных знаний, реалий русской жизни восстаеавливает традиционные гуманитарные ценности, соответствующие нравственным идеалам и философским устоям русского национального сознания. “Все о русском” — так можно охарактеризовать соержжанне уникального однотомника.

В отличие от “Толково-энциклопедического Русского словаря”, являющегося, главным образом, справочником по языку, “Гуманитарный Русский словарь” — это, в первую очередь, ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК, рассказывающий о российской истории через судьбы людей и их творений. В совокупности Словари, составленные ведущими учеными-гуманитариями страны, являются уникальным источником, позволяющим приобщиться к лучшим традициям и ценностям русского национального сознания и отечественной культуры.

ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВАЯ СИСТЕМА
"СЛОВАРЬ В.И.ДАЛЯ"

Информационно-поисковая система (ИПС) создается на базе третьего издания Словаря В.И.Даля.

* Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля. М., Общество Любителей Рус. слов., 1903—1909. III-е изд. Исправленное и значительно дополненное. Под редакцией И.А.Бодуэна де Куртене. (Общий объем 726 уч.—изд.л.).

Словарь В.И.Даля выходит далеко за пределы обычных филологических словарей: он описывает не только предметы и понятия русского языка, но и народные поверья и приметы, содержит множество этнографических сведений. По сравнению со 2-ым изданием (издававшимся много раз) 3-е издание, являясь образцовым научным изданием, содержит значительное количество дополнительных материалов (объемом 224 уч.—изд.л.), которые, по соображениям пури坦ски понимаемой морали, не приводились больше в словарях советского периода.

ИПС обеспечивает компьютерное представление Толкового словаря В.И.Даля, расширенного дополнительными словарными статьями и научно-популярным комментарием к статьям, являющимся результатом современных научных исследований ведущих специалистов в области истории, этнографии, фольклора, диалектологии, лингвистики.

«Словарь В.И.Даля» реализуется в двух исполнениях:

- ИПС, обеспечивающая доступ к статьям словаря по формальным признакам (Исполнение 1);
- электронная книга с конкордансом толкований (Исполнение 2).

ИПС должна реализовывать следующие основные функции: (1 Исполнение)

- доступ к словарным статьям по заголовочному слову;

— вход в словарь по комбинации индексов (частеречный индекс, стилистическая помета, принадлежность к определенному диалекту и т.д.);

(2 Исполнение)

— доступ к статьям по ссылкам через конкорданс лексем, употребленных в текстах толкваний и комментариев.

ИПС функционирует на персональном компьютере, совместимом с IBM PC/AT с объемом жесткого диска не менее 40 Мб и произвольным дисплейным адаптером. Разрабатываемое ПО реализуется в среде MS-DOS.

199053 Санкт-Петербург, В.О. 1-я Линия, д. 52

тсл. (812) 213-80-03

Сдано в набор 12.05.1992.
Подписано в печать 19.06.1992. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 12,5. Тираж 23.000. (1-й завод - 2000 экз.)
Заказ 002. Выпущено 0.0.0. Жилкапстрой.

